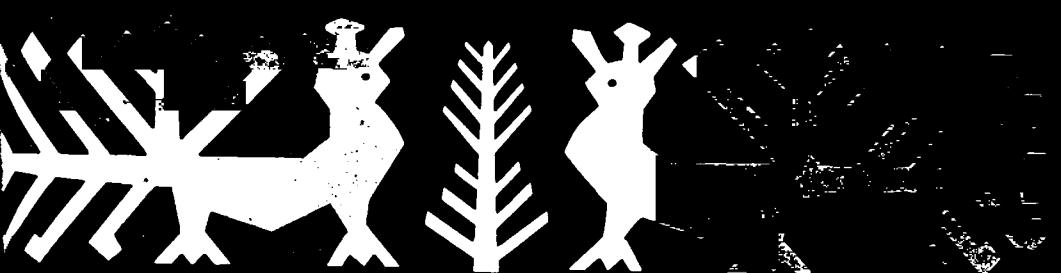

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь

1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- Ю. В. Бромлей (Москва). К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики © 3
Ч. М. Таксами (Ленинград). Гуманитарные проблемы Севера © 17
Гугу Вормсбехер (Москва). Как мы представляем себе восстановление Немецкой АССР © 29

Статьи

3. П. Соколова (Москва). Актуальные проблемы сибиреведения © 36
 Л. Ф. Артюх, Т. В. Космина (Киев). Этнические символы в материальной культуре украинцев © 46
 А. Б. Островский (Ленинград). Семантика медвежьих онгнов © 54
 А. А. Митюшин (Москва). Принципы этнической психологии в трактовке Г. Г. Шпета © 67

Дискуссии и обсуждения

- Н. А. Дубова (Москва). Антропологические аспекты урбанизации (к постановке проблемы) 76

Из истории науки

- Л. П. Кузьмина (Москва). Из истории русско-американского сотрудничества (Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция 1900—1902 гг.) 90
 А. И. Пика (Москва). Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал (1928—1929 гг.) 100

Обращения

- А. Топчишили (Тбилиси). Посемейные списки Тифлисской губернии 1886 г. как этнографический источник. С
 Ф. Рогалев (Гомель). Этноним *гуды* на географической карте: поиски исторической мотивации. С
 В. Рябчиков (Краснодар). Новые данные по старорапануйскому языку. С

Наши юбиляры

Список основных трудов по фольклористике и этнографии чл.-корр. АН СССР К. В. Чистова. 1979—1989 гг. (к 70-летию со дня рождения) ©

Список основных трудов по фольклористике и этнографии д. филолог. н. Б. Н. Путылова. Конец 1978—1988 гг. (к 70-летию со дня рождения) ©

Научная жизнь

И. И. Крупник (Москва). Годичная сессия секции социологии национально-политических отношений Советской социологической ассоциации АН СССР «Национальная политика: современное состояние и новые подходы» ©

О. Ю. Артемова (Москва). Международный коллоквиум «Советская антропология и традиционные общества» в Париже ©

М. С. Бутинова (Ленинград). XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании ©

Н. С. Воробьевая (Ленинград). Выставка Государственного музея этнографии народов СССР на Кубе ©

А. Н. Давыдов (Архангельск). Международная конференция в Греции «Музей и развитие» ©

Коротко об экспедициях ©

Критика и библиография

Общая этнография

М. Г. Рабинович (Москва). В. П. Даркевич. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. ©

А. Л. Топорков (Ленинград). Языки культуры и проблемы переводимости ©

Народы СССР

Н. А. Томилов (Омск). Этническое развитие народностей Севера в советский период ©

И. М. Колесницкая (Ленинград). К. В. Чистов. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк ©

Валентин Константинович Гарданов ©

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1989 году ©

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),

В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,

Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,

Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, Р. М. Мунчев, А. И. Першиц,

Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,

В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболь

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшилман

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

Ю. В. Бромлей

К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ*

В современной ситуации в сфере межнациональных отношений главное внимание ученых, а тем более практиков, естественно оказалось сосредоточенным на решении накопившихся конкретных проблем: от развития республиканской экономики и совершенствования федеративного устройства до языковых вопросов и обеспечения специфических потребностей национальных групп, а также отдельных очагов межнациональных конфликтов. В то же время несколько в тени оказались общетеоретические аспекты самой национальной проблематики, а на их освещении, как известно, особенно сказался застой, и он до сих пор дает о себе знать.

Поэтому задача совершенствования национальных отношений требует предварительного рассмотрения некоторых теоретических вопросов, выработки новых подходов к национальной проблематике.

В данной связи нельзя не вспомнить предупреждение В. И. Ленина о том, что тот, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться“ на эти вопросы»¹.

А таким общим вопросом для любой отрасли знания является прежде всего определение ее объектно-предметной зоны. Это же в нашем случае, в свою очередь, во многом зависит от выделения основных субъектов национальных отношений². Специальное обращение к данному, казалось бы, достаточно очевидному вопросу приобретает ныне тем большее значение, что в последнее время наметился явно упрощенный подход к нему. Это, в частности, проявилось, на мой взгляд, особенно наглядно в нигилистическом отношении к терминам «нация» и «народность», а то и просто использовании слова «нация» на англоязычный яз. т. е. как «совокупность граждан одного государства». При этом для обозначения групповых субъектов национальных отношений предлагаются ограничиться обобщающими, как бы нейтральными терминами, к каковым относят данной связи слово «народ», а иногда и «национальность»³.

Термины обобщающего характера, охватывающие все разновидности субъектов национальных отношений, несомненно, нужны. И слово «народ» обыденного русского языка в том значении, которое оно (подобно английскому языку) имеет во множественном числе, как известно, широко употребляется для обозначения субъектов этих отношений. Не случайно первый декрет Советской власти по национальному вопросу именовался «Декларация прав народов России». Кстати сказать, в нем тем самым подразумевалось, что носителями национальных прав являются все народы, как большие, так и малочисленные, как компактные, так и дисперсно расселенные. И это непременно следует иметь в виду, обеспечивая равноправие всех субъектов национальных отношений в нашей стране.

Используя слово «народ» для обозначения субъектов национальных отношений, не приходится, однако, забывать, что это слово весьма многозначно. Чтобы не приводить расхожих примеров, отмечу лишь, что если бы от него произошло название рассматриваемых в данном случае отношений, то пришлось бы их именовать не «межнациональными», а «межнародными». А подобная

* В основу статьи положен доклад, прочитанный 27 июня 1989 г. на сессии Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при Секции общественных наук Президиума АН СССР по теме «Межнациональные отношения: политика и культура».

многозначность слова «народ» отнюдь не нейтральна. Так, встречаясь с формой «народ Латвии», мы не можем точно сказать, имеется ли в данном случае все население республики или только латыши. Многозначностью слова «народ» во многом объясняется тот факт, что для обозначения субъектов национальных отношений наряду со словом «народ» мы имеем целое, как говорят лингвисты, «семантическое гнездо» терминов: «нация», «национальность», «народность», «национальная группа», а в последнее время к этому перечню все настойчивее стала прибавляться и этническая терминология.

К сожалению, в отличие от естественных наук в обществоведении, в том числе и при обозначении субъектов национальных отношений, терминология складывалась (за исключением, пожалуй, ее этнического варианта) довольно стихийно и во многом (особенно в период становления), предопределялась тем или иным употреблением используемых слов в обыденном языке, в котором к тому же они толковались нередко довольно расплывчато. Характерно, что первоначально в русскоязычной литературе такие слова, как «нация», «национальность», «народность», употреблялись просто как синонимы, в чем легко убедиться, заглянув в толковые словари русского языка XIX—начала XX в.⁴ Это, кстати сказать, нашло отражение и в словаре произведений В. И. Ленина (особенно дореволюционных). Однако постепенно вся эта терминология стала приобретать более дифференцированный характер.

Определенная «специализация», в частности, закрепилась за словом «национальность», у которого имеются в интересующей нас связи определенные преимущества по сравнению со словом «народ»: оно не столь полисемантично, а во множественном числе вообще подразумевает только групповые субъекты национальных отношений. Не случайно этот термин получил широкое распространение в партийных документах первых лет Советской власти⁵. При этом под словом «национальность» подразумевается совокупность всех лиц одной национальности или, употребляя международную терминологию, одной этнической принадлежности, независимо от того, на какой территории они проживают. Например, все украинцы, где бы они ни жили: в СССР, в Чехословакии, в Канаде в США и т. д. Иначе говоря, перед нами общность, которую ныне в этнографической научной литературе обычно именуют собственно этнической, т. е. объединяющей людей, имеющих специфические этнические (национальные) черты культуры и психики, а также общее самосознание и самоназвание.

Правда, это определение национальности в известном смысле устарело. Оно имеет дескриптивный характер. Между тем современный уровень научных знаний уже давно требует системно-аналитического подхода, т. е. прежде всего раскрытия внутренних связей обозначаемого этим термином явления. При таком подходе «национальность» можно было бы определить примерно следующим образом: это исторически сложившаяся межпоколенная общность людей, объединяемых системой коммуникативных и сигнifikативных связей. При этом коммуникативные связи (как синхронные, так и диахронные) обеспечиваются в первую очередь языком⁶, сигнifikативные же — главным образом культурой, а также психикой⁷, характерные черты которых служат основанием для идентификации членов каждой такой общности (самосознания), что получает внешнее выражение в ее самоназвании (эндоэтнониме).

Впрочем, суть явления, обозначаемого термином «национальность», и в том и другом определении не меняется (территориальная общность не является обязательной), о чем свидетельствуют приведенные выше конкретные примеры. Между тем такое понимание сути данного термина имеет немалое практическое значение при его использовании для обозначения субъектов национальных отношений. В частности, учет данного обстоятельства предполагает, что в Совет Национальностей Верховного Совета СССР должны быть делегированы представители не 53 национально-территориальных образований (в этом случае перед нами фактически Совет республик), а представители всех народов, населяющие нашу страну. Налицо явный парадокс: народы численностью намного мень-

млн. человек непременно будут иметь (в соответствии с ротацией) своих представителей в Совете Национальностей, а представители таких народов, как, скажем, 2 млн. немцев или 1,100 тыс. поляков, вообще не могут оказаться в этой алате Верховного Совета.

Признание правомерности употребления термина «национальность» в указанном значении однако отнюдь не означает, что нет необходимости в других терминах для обозначения субъектов национальных отношений. В частности, это значит, что вообще следует изъять из обихода такие термины, как «нация» «народность», подвергающиеся наибольшим атакам.

Как известно, чем глубже наука проникает в объект своего исследования, тем в меньшей мере она может обойтись лишь «родовыми» понятиями, тем неизбежнее употребление «видовых», частных понятий; об этом убедительно свидетельствует развитие естественных наук, в которых открытие каждого нового явления в ходе проникновения в глубь материи сопровождается возникновением новых терминов. А нам в области изучения национальных явлений предлагаются всплыть — отказаться от таких уже вошедших в обиход «видовых» понятий, как «нация» и «народность».

Иное дело, как трактовать сами эти понятия, какое содержание вкладывать в соответствующие термины. Прежде всего это относится к термину «нация», основные вехи изучения которого весьма показательны⁸. Как известно⁹, этот термин восходит к латинскому *nasci*, что означает «рождаться»; первоначально латинское *natio* понималось как «род», «племя», «народ», т. е. оно имело преимущественно этническую окраску. В средневековой латыни слово «нация» в основном сохраняет этот характер, хотя подчас оно и употребляется для обозначения отдельных социальных групп (например, знати, купечества, студенческих корпораций).

Получив со временем распространение в других европейских языках, рассматриваемое слово постепенно приобретает также государственно-политический смысл (совокупность граждан). Это особенно наглядно проявилось во время Французской буржуазной революции, когда термин «нация» стал использоваться для обозначения всего населения Франции. Подобное эстетическое (от франц. *état* — государство) значение слова «нация» с тех пор становится преобладающим во французском, а затем и в английском языке. В немецком же в русском, как и в большинстве языков других восточноевропейских народов, преобладающим осталось первоначальное этническое значение этого слова¹⁰. Прочем, и в них, как и почти во всех других европейских языках, как исключение, проявляется двойственное (эстетическое и этническое) толкование «нации». Например, в русском языке в эстетическом смысле оно употребляется тогда, когда речь идет об ООН.).

В ходе включения термина «нация» в европейские языки многие исследователи (в соответствии с той или иной его трактовкой) уже давно отмечали различные черты, характерные, по их мнению, для обозначаемых им общностей. При том чаще всего акцентировалась наиболее очевидные культурно-психологические признаки таких общностей (дух, воля, самосознание, национальное чувство, психический склад и т. п.). Но наряду с таким односторонним подчеркиванием субъективных сторон нередко отмечались и объективные свойства наций. Например, еще в середине XIX в. итальянский социолог и правовед Паскуаль Манчини в числе признаков нации отмечал общность территории, происхождения, языка, законов и т. д.¹¹.

Территорию и язык как признаки нации в начале века называл К. Каутский¹². Примерно в то же время немецкий географ Кирхгоф указывал на экономические снования образования наций¹³. Не раз отмечалось, что еще в своих дореволюционных работах В. И. Ленин выделял ряд факторов, необходимых для возникновения наций и их функционирования: прежде всего территорию, экономику, язык¹⁴.

Подобные примеры легко можно было бы продолжить. Но и приведенных вполне достаточно, чтобы убедиться, что известное определение И. В. Сталина

нации, приведенное им в статье 1913 г.¹⁵, далеко не оригинально. Нетрудно заметить, что оно соединяет ряд, так сказать, объективных признаков нации (общности языка, территории, экономической жизни) с характерными для австро-марксизма того времени культурно-психологическими факторами (психическим складом, проявляющимся в общности культуры)¹⁶. Одним словом, не следует абсолютизировать оригинальность этого определения «нации».

Вместе с тем определение нации, данное в свое время И. В. Сталиным, давно устарело. Оно, как это было отмечено еще в дискуссии конца 60-х годов на страницах «Вопросов истории», недостаточно полно, ибо требует учета того, что непременным свойством подобных общностей является наличие у них определенной социальной структуры и самосознания (в том числе самоназвания)¹⁷.

Подобно характерному для прошлого определению термина «национальность» устарела рассматриваемая дефиниция «нация» и в том отношении, что она имеет дескриптивный характер. Кстати, подходя к проблеме с системно-аналитических позиций, представляется существенным подчеркнуть, что в нации присущие соответствующей национальности коммуникативные и сигнификативные связи усиливаются территориальными, экономическими, а нередко и политическими связями.

Необходимость подобных уточнений, однако, не дает оснований для того чтобы вообще отрицать сам факт существования совокупности людей, которые обладая характерными собственно этническими (национально-специфическими) коммуникативными и сигнификативными свойствами, функционируют в рамках определенной территориально-политической единицы, а стало быть имеют общие социально-экономические черты (хотя могут и не иметь «своего государства»). Подобные образования — реальность. Таковы, например, итальянцы в Италии, грузины в Грузии, латыши в Латвии, венгры в Венгрии, кубинцы на Кубе и т. д. Все это общности, которые в нашей научной литературе в последнее время все чаще именуют социально-этническими или этносоциальными. Наличие у таких общностей однотипной социальной структуры предопределяет их историко-стадиальный тип, формационную принадлежность: буржуазную или социалистическую. При этом, как подчеркивал В. И. Ленин, нация возникает лишь с развитием буржуазных связей¹⁸, и вряд ли это вошедшее в наш научный обиход представление следует пересматривать, распространяя термин «нация» на докапиталистические общества. Вряд ли следует игнорировать и введенное В. И. Лениным в марксизм понятие «социалистическая нация»¹⁹. Иное дело решение конкретного вопроса, является ли та или иная нация социалистической. Но это уже во многом зависит от трактовки самого понятия «социалистический».

Нетрудно заметить, что отрицание реальности существования такой особой разновидности субъектов национальных отношений, какую представляют собой нации в качестве этносоциальных образований, отнюдь не безразлично для самой практики этих отношений. В частности, вольно или невольно такой подход оставляет в тени особо тесную связь собственно этнических факторов с социально-экономическими в тех случаях, когда речь идет о компактном проживании основной части этноса в рамках одной территории (тем более, если последняя имеет национально-территориальный статус). А о том, сколь значима такая взаимосвязь, весьма наглядно, к примеру, свидетельствуют дискуссии последнего времени вокруг проблемы экономического суверенитета республик.

Наибольшим атакам в последнее время подвергается термин «народность». К тому же обращается внимание на то, что термин «народность» употребляется в слишком широком формационном диапазоне: от рабовладельческого до социалистического обществ. Но, во-первых, можно ввести новые термины для «формационного» разграничения народностей как этносоциальных общностей²⁰. Во-вторых, относительно разграничения наций и народностей в современном мире в нашей литературе уже не раз отмечалось, что в отличие от первых вторые не обладают собственной промышленностью и соответственно у них невелика доля рабочего класса²¹.

Есть у народностей еще одна отличительная черта — специфический характер их культурно-информационных связей. Обращено внимание на то, что народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: ульская народность — во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанный с ней нации²². К тому же современные народности, не имеющие собственной промышленности, как бы ассоциированы с крупными нациями в экономическом отношении²³.

Не случайно именно спецификой социоэкономических параметров народностей во многом предопределяется все настойчивее поднимаемое общественностью требование особо внимательного отношения к их социокультурным традиционным потребностям.

Вместе с тем, как уже говорилось, существенно иметь в виду, что термины «национация» и «народность» не охватывают всех людей одной национальной принадлежности. Ведь наряду с компактно расселенной основной массой лиц одной национальной принадлежности в рамках определенных территориально-политических образований обычно имеются их представители, проживающие за пределами этих образований, а также вообще не имеющие таковых. Иначе говоря, речь идет о национальных группах. В нашей стране, где все республики многонациональны, такие группы, как известно, составляют сейчас уже около 60 млн. человек, т. е. больше, чем население Франции или Англии. Соответственно, когда общая национальная структура страны характеризуется формулой «национации и народности», оказываются «забытыми» все национальные группы, т. е. примерно 1/5 часть населения страны. Между тем именно наличие этих групп в республиках прежде всего и определяет конкретные межнациональные отношения в стране. Не случайно в наших официальных документах все чаще для характеристики национальной структуры страны в целом начинает употребляться формула «национации, народности и национальные группы»²⁴.

При всей значимости для анализа национальных явлений триады «национации, народности и национальные группы» все же этой триады, да и в целом национальной терминологии оказывается недостаточно для раскрытия всей чрезвычайной сложности такого рода явлений. На современном уровне развития наших знаний, касающихся этой сферы жизни общества, представляется невозможным игнорировать этническую терминологию. Обо всем этом не раз уже приходилось писать, в том числе и на страницах «Советской этнографии». Однако до сих пор перестают высказываться (даже на ее страницах) в данной связи те или иные мнения. В частности, недавно было замечено, что над нашими теоретическими построениями в этнографической науке призывает задуматься такой «сигнал», как замечание редактора «Cultural Anthropology» А. Купера, что «...теория этноса по странной иронии сохраняется сегодня только в антропологических департаментах Москвы и Претории»²⁵. Не берусь судить относительно ситуации в Претории, но что касается Москвы, то здесь все достаточно ясно. А. Купер отождествил (что, впрочем, ему простительно, поскольку это случается и с нашими специалистами) «антропологию» в том значении этого термина, которое характерно для англоязычных стран, и «этнографию», которая в нашей отечественной традиции отнюдь не тождественна «антропологии». Ведь в отличие от антропологии во всех ее ипостасях (как социально-культурной, так и физической) основным объектом этнографии в нашей стране издавно принято считать народы, т. е. этносы, а не человека²⁶. И сожаления по поводу «сигнала» Купера представляются тем более странными, что они сочетаются с характеристикой этнографии как профилирующей науки в изучении этнической проблематики, разработке теории национального вопроса (см.: Тишков В. А. О новых подходах... 6–7).

Правда, до сих пор, как известно, среди наших этнографов в определении этноса имеются некоторые расхождения²⁷, однако все они, да и большинство обществоведов рассматривают этот феномен как одну из разновидностей социальных общностей, сочетающих определенные объективные и субъективные черты. Это, с одной стороны, существующие независимо от осознания людей характерные в своей совокупности для каждого данного этноса коммуникативные и сигнifikативные свойства культуры в широком значении слова (включая язык), а также психики, с другой — осознание его членами своеобразия этих свойств, их отличия от аналогичных свойств остальных подобных общностей и на данной основе — этническая самоидентификация такой группы людей²⁸.

Не случайно поэтому этнический понятийно-терминологический аппарат широко распространился за пределы этнографической науки, где он в основном и сформировался. Но при этом, к сожалению, не обходится без путаницы. Подчас все еще можно встретить представления об этническом как о чем-то весьма архаическом, относящемся к весьма небольшим группам людей. Более того, этническое противопоставляется национальному, что, несомненно, восходит к известному замечанию Сталина, согласно которому нация в отличие от племени — историческая общность.

Различные аспекты теории этноса в последнее время стали все шире обсуждаться на встречах советских этнографов с их зарубежными коллегами. Обычно такие обсуждения отличает взаимная корректность. Но, к сожалению, не всегда. В частности, во время конференции «Национальная идентичность в новое и новейшее время в России, Советском Союзе и Восточной Европе» (Лондон, март-апрель 1989 г.) представитель ЮАР П. Скальник попытался представить построение советских этнографов, в том числе автора данных строк, по теории этноса, как чуть ли не простое воспроизведение взглядов по этому вопросу С. М. Широкогорова. Между тем это не соответствует действительности. Во-первых, никто из советских этнографов в отличие от С. М. Широкогорова не рассматривает этнос как биологическую систему; во-вторых, если наши специалисты уже давно подчеркивают значимость этнического самосознания, то у С. М. Широкогорова этот непременный признак этноса вообще отсутствует (он ограничивается лишь указанием на такой компонент самосознания, как наличие у членов этноса общего представления о своем едином происхождении); в-третьих, культура, рассматриваемая большинством современных исследователей, занимающихся теорией этноса, в качестве важнейшего его признака, сводится С. М. Широкогоровым лишь к обычаям и укладу жизни; в-четвертых, особенности психического склада членов этноса как его признака у этого автора вообще отсутствуют; в-пятых, у него нет деления этноса на собственно этнические и этносоциальные общности; в-шестых, отсутствует выделение этнических общностей различного уровня и т. д.²⁹.

Близкая ко взгляду С. М. Широкогорова по своей основополагающей посылке точка зрения на этнос, как известно, развивается в нашей литературе Л. Н. Гумилевым. По его мнению, этнос — популяция, т. е. биологическая единица³⁰, «феномен природы»³¹. Впрочем, подчас Л. Н. Гумилев пытается занять «промежуточную позицию», заявляя, что этнос ни социальная, ни биологическая величина³². Однако ведь помимо этих двух форм движения материи, как известно, есть только неорганическая, но не к ней же причислять этносы-народы (?!). Иногда, правда, Л. Н. Гумилев все же признает роль социальных факторов для функционирования этнических общностей³³, однако такое признание имеет явно формальный характер. Весьма показательно в этом отношении утверждение Л. Н. Гумилева, что все попытки истолковать феномен этноса «через социальные законы развития общества приводят к абсурду»³⁴. Интересно в рассматриваемой связи признание автора предисловия к недавно вышедшей книге Л. Н. Гумилева «Этнос и биосфера земли» Р. Ф. Итса, подчеркнувшего, что в результате ознакомления с ней «мы так и не уяснили себе, что такое этнос по Л. Н. Гумилеву»³⁵.

Не может не вызвать возражений и развивающаяся Л. Н. Гумилевым концепция ассионариев, основанная на биологической трактовке сущности этноса. По его мнению, в жизни народов-этносов особую роль играют пассионарии — люди, владеющие повышенной способностью поглощать энергию из окружающей среды; в отличие от них субассионарии — лица, абсорбирующие «меньше энергии, чем это требуется для уравновешивания потребностей инстинкта»³⁶. При том пассионарность — результат мутаций, передаваемых генетически. Казалось бы, автор «перебросил мост» между социальными явлениями и природной средой. Однако вопрос не столь прост. Наиболее наглядно это проявилось в самом делении народов-этносов на тех, у которых преобладают пассионарии, и тех, у которых характерна субассионарность. К последним Л. Н. Гумилев относит так называемые отсталые народы, например андаманцев, обреченных, по его словам, на вымирание³⁷. В результате оказывается, что такая их обреченность условлена не социальными, а биологическими (генетическими) факторами, и это фатально. Иначе говоря, перед нами деление народов на избранных (пассионарных) и обреченных (субассионарных), полноценность или неполноценность которых предопределена их врожденными биологическими свойствами³⁸. При том, что подобное деление этносов для Л. Н. Гумилева не случайно, убеждает недавнее его утверждение, что в результате подлинного (?) этногенеза возникает «новый полноценный этнос»³⁹.

Особо следует отметить, что, претендую на междисциплинарный подход проблеме этноса, Л. Н. Гумилев широко аппелирует к авторитету выдающихся естествоиспытателей. Как известно, соответствующие ссылки в научных работах необычные. Но вместе с тем не следует забывать, что когда речь идет о статьях, ориентированных на широкий круг читателей, такого рода обращения к авторитетам оказывают особенно сильное воздействие на неспециалистов, немногие из которых, разумеется, обратятся к первоисточнику. Между тем это крайне необходимо. Так, в конце недавней публикации в «Вопросах философии» Л. Н. Гумилев утверждает, будто «связь этногенных процессов, идущих на популяционном уровне, установлена В. И. Вернадским как первый биохимический принцип»⁴⁰. Однако в действительности, характеризуя этот принцип, согласно которому «биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению»⁴¹, В. И. Вернадский даже не поминает ни об этногенезе, ни вообще об этносах или каких-либо этнических проблемах⁴². Подобным же образом отсутствует у В. И. Вернадского, несмотря на намеки Л. Н. Гумилева⁴³, и понятие «пассионарность».

К чему в конечном счете ведет подобная, мягко говоря, упрощенная экстраполяция на человеческое общество законов естествознания наглядно свидетельствует предложение Л. Н. Гумилева считать положительным импульсом сознания «только безудержный эгоизм»⁴⁴.

В последнее время, впрочем, появилась еще одна опасность в трактовке термина «этнос» и производных от него терминов — настолько «вольная», а главное — неопределенная их интерпретация, что утрачивается вообще всякий смысл их использования. Таково, на мой взгляд, определение «этничности», считающее, что она «функционально есть установка на поиск такой референтной группы, отождествление с которой не составило бы труда и помогло бы избавиться от опыта поражения»⁴⁵. Но ведь в роли такой референтной группы может оказаться и партия, и религиозная группа, и мафия и т. д.

«Родовой» характер этнической терминологии по сравнению с национальной является не только в том, что она охватывает все типы этносов от первобытности до современности (как собственно этнические, так и этносоциальные)⁴⁶, но и в том, что она имеет в виду иерархическую систему, которая наряду с этническими подразделениями основного уровня (племенами, народностями, а также национальными или этническими группами) включает еще, как известно, два уровня в этнической структуре человечества: субэтнический и метаэтнический.

И это, казалось бы, абстрактное деление далеко не безразлично для современной практики в сфере национальных отношений. Оно важно не только для идеологии, но может послужить также основанием для принятия решений по ряду вопросов административно-территориального устройства страны, о создании национальных районных и сельских Советов, для оценки требований национальных движений. Ведь, в частности, представление об иерархичности этнических общностей весьма существенно для определения числа национальностей, населяющих нашу страну. Дело в том, что в прошлом (нередко под давлением местных руководителей) имела место тенденция некоторые этносы-народы представить как субэтнические (этнографические) группы или просто игнорировать их существование. Так, например, еще совсем недавно талыши включались в состав азербайджанцев, крымские татары — в состав татар, энцы — в состав неенцев, ливы — в состав латышей и т. д. Учитывая необходимость соответствующих поправок, нами предложено считать, что народов в СССР сейчас насчитывается свыше 120, а общее число самостоятельных этнических образований (включая национальные группы, представляющие части народов, основной массив которых находится за рубежом) составит около 140.⁴⁷

Следует вместе с тем отметить, что в вопросе об этнонациональной структуре страны в последнее время обнаружилась и другая крайность. А именно: стремление рассматривать некоторые субэтносы в качестве этносов-народов. Скажем, такие субэтносы татар, как татяри и мишари, пытаются представить в качестве отдельных этносов-народов; другой пример — попытка рассматривать латгальцев не как субэтнос латышей, а в качестве самостоятельного этноса-народа. Более того, даже ставится вопрос о том, чтобы чуть ли не каждое групповое самоназвание этнического характера рассматривать в качестве свидетельства существования самостоятельного этноса. Между тем при таком подходе число самостоятельных народов страны может дойти до нескольких сотен. Представляется достаточно очевидным, что в данном случае явно игнорируются этноконсолидационные процессы, не только происходящие в наше время, но и имевшие место еще в дореволюционные годы. (Напомним, что перепись 1926 г. предусматривала фиксацию 194 народностей, а на самом деле оказалось на два-три десятка меньше.)

Совершенно очевидно, что взаимодействие всех этих многообразных субъектов национальных (этнических) отношений и составляет суть этих отношений, причем имеется в виду, что такое взаимодействие протекает не только на групповом, в том числе институциональном, но и личностном уровне. Кстати, изучение последнего представляется весьма существенным, ибо этот уровень, имеющий важнейшее значение для национальной жизни, долгое время оставался в тени. Особое значение приобретает вместе с тем изучение такой получившей в условиях перестройки широкое распространение формы проявления массовой национальной активности, как национальные движения.

Вообще следует заметить, что национальные явления, национальная жизнь далеко не сводятся к различным формам проявления национальных отношений. Ведь при таком подходе акцент невольно делается на синхронных, нередко ситуационных межнациональных (межэтнических) связях. В силу этого получившая у нас широкое распространение тенденция фактической подмены понятием «национальные отношения» всего комплекса национальных (этнических) явлений отнюдь не способствует рассмотрению этих явлений с позиций историзма т. е. не как чего-то навечно застывшего, а развивающегося. И хотя национальным (этническим) явлениям присуща большая устойчивость, чем многим другим компонентам жизни общества, однако они тоже изменяются. Поэтому в данной связи предпочтительнее понятие «национальные (этнические) процессы». Оно более емко, а главное подразумевает динамику национальных общностей, включая не только их взаимодействие, но и внутреннее развитие каждой из них. И на верное, не случайно сейчас, когда мы стремимся придать больший динамизму нашему обществу, понятие «национальные (этнические) процессы» стало все более входить в научный обиход.

Главное в национальных процессах, конечно, — изменение их основных параметров. При этом если имеется в виду динамика национальностей, то речь идет почти исключительно об изменении собственно этнических свойств, если же нации, то и социально-экономических.

Вместе с тем необходимо учитывать как демографическую, так и территориально-пространственную динамику национальных общностей. Последнее особенно важно для наций. Дело в том, что в современных условиях в результате роста этнонациональной мозаичности усиливается этническая дискретность наций, их пространственная прерывистость. А это не может не сказаться и на характере экономических связей нации, объединяющих теперь не только ее членов, но и представителей других этносов, проживающих на соответствующей территории. Последнее обстоятельство наряду с некоторыми другими факторами (выравнивание социальной структуры соседних общностей, развитие межрегиональных экономических связей)⁴⁸ ведет к превращению наций в национальности. Между тем на этом основании подчас делается заключение, что такие признаки нации, как территориальная и экономическая общность, не имеют к ней отношения. Но в том-то и суть, что в подобных случаях, строго говоря, имеется в виду уже нации, превращающиеся в национальности. Другое дело, что это нередко порождает стремление затормозить данный процесс, что может проявляться в разных формах, в том числе в форме массовых национальных движений.

Наряду со всеми разновидностями национальных (этнических) общностей нашей стране существенная роль в национальных процессах, как и в национальных отношениях, принадлежит различным национально-политическим образованиям. Именно такого рода образования и являются основными субъектами федеративных отношений, правда, роль в них разных категорий этих образований (союзная республика, автономная республика, автономная область, автономный округ) далеко не одинакова.

В данной связи представляется небезынтересным вернуться к истории возникновения в нашей стране федеративной системы. Особое значение при этом, естественно, приобретает обращение к ленинскому наследию, ибо роль В. И. Ленина в создании многонационального государства была исключительно велика.

Как известно, первоначально В. И. Ленин был сторонником унитарного государства. Так, в период первой мировой войны он писал: «...Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентрализации»⁴⁹. Вместе с тем он допускал, что конкретно-историческая обстановка может вызвать необходимость реализации федеративного принципа государственного устройства⁵⁰. В 1917 г., когда все более очевидным становилась значимость соединения революционной борьбы пролетариата с национально-освободительным движением, партия изменяет свое отношение к федерации. И уже написанная В. И. Лениным и принятая III Всёроссийским съездом Советов в январе 1918 г. «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» провозглашала, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»⁵¹. При этом на основе решений съезда было разработано положение о советской автономии, а весной 1918 г. была уже создана первая национальная автономия — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. Нельзя при этом не заметить, что первая автономия была создана не «внутри» России (как, например, впоследствии Башкирия и Татария), а на ее окраине. Это построение Федерации на основе принципов автономии получило отражение в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. В этом документе, в подготовке которого на завершающем этапе активное участие принял В. И. Ленин, говорилось: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы», которые «входят на началах Федерации в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику»⁵². Одним словом, первоначальная модель создания советской федерации предусматривала в качестве основной ее единицы — «автономные областные союзы».

Однако постепенно становилась все более очевидной опасность распада России в результате немецкой оккупации, контрреволюции и иностранной интервенции. В частности, существенно изменилась ситуация в результате создания командованием германских оккупационных войск марионеточных «правительств» на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии. В конце 1918 и начале 1919 г. наряду с РСФСР и при ее помощи была восстановлена Украинская и вновь образовались Эстонская, Литовская, Белорусская и Латвийская советские республики, а в 1920 — начале 1921 г. такие республики были созданы в Азербайджане, Армении, Грузии. В этих условиях у Ленина зарождается весной 1919 г. мысль о создании федеративного объединения государств, организованных по советскому типу⁵³, а в середине этого же года он говорит уже о Союзе Советских Республик⁵⁴. Более четкое выражение эта идея получила в его письме к Л. Б. Каиневу для членов Политбюро ЦК РКП(б) в конце сентября 1922 г., т. е. за несколько месяцев до так называемого грузинского инцидента, с которым обычно связываются ленинские указания о создании Союзного государства. В этом письме Ленин отметил, что Сталин уже согласился сделать одну поправку в резолюции по данному вопросу: «...сказать вместо „вступления в РСФСР“ — „формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии“». Оценивая данный шаг, В. И. Ленин тут же заметил: «Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др.» и, разъясняя далее смысл этой уступки, он писал: «Важно, чтобы мы не давали пищи „независимцам“, не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»⁵⁵. Эти положения получили дальнейшее развитие в хорошо известных ленинских записках «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», написанных в самом конце 1922 г. В них Владимир Ильич, касаясь возможного возникновения необходимости дальнейших уступок «независимцам», писал, что не зарекается от того, чтобы «вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить Союз Советских Социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом»⁵⁶ (курсив мой. — Ю. Б.). Но, разумеется, не в подобных уступках Ленин усматривал главную перспективу развития советской федерации. Характеризуя в упомянутых записках практические меры, которые следует предпринять в создавшемся положении, он прежде всего подчеркнул необходимость «оставить и укрепить союз социалистических республик», заметив в данной связи, что «об этом мере не может быть сомнения»⁵⁷. В рассматриваемом контексте невольно обращает на себя внимание тот факт, что в обильном потоке опубликованных в последнее время статей, касающихся ленинских планов федерации, почему-то ни разу не упоминается общая позиция Владимира Ильича относительно перспектив ее развития. Между тем она выражена в его послереволюционных работах достаточно отчетливо. Еще в черновом наброске программы партии, опубликованном в 1918 г. к VII съезду РКП(б), Ленин охарактеризовал советскую федерацию как «переход к сознательному и более тесному единству трудящихся»⁵⁸. В самой же программе партии, принятой в 1919 г., было сказано в соответствии с ленинским предложением, что «федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»⁵⁹.

Останавливаясь на всем этом, может быть, излишне подробно не только и не столько для того, чтобы еще раз отметить достаточно тривиальное (правда в данной связи довольно редко реализуемое) требование конкретно-исторического подхода к ленинскому наследию, недопустимость абсолютизации тех или иных его положений, но и дабы подчеркнуть наметившуюся в последнее время определенную односторонность в трактовке послереволюционных ленинских работ по вопросу о создании федеративного государства. К тому же все сказанное выше достаточно наглядно свидетельствует, сколь рискованно механически переносить отдельные, притом вырванные из контекста положения этих работ, написанных в начале 20-х годов, на время, когда страна Советов прошла уже более чем 65-летний путь и когда коренным образом изменилась и внутренняя ситуация в ней и ее международное положение. Исторические процессы необратимы

И вряд ли сегодня правомерно ссылками на Ленина пытаться обосновать представление, будто бы федерацию надо заново создавать, вновь заключать союзный договор. Уже десятилетия существует целостное союзное государство, и создание его ныне как бы заново — просто нонсенс.

Другое дело, выяснение того, насколько последовательно были реализованы при создании федерации и в ходе последующего национально-государственного строительства ленинские принципы национальной политики. В частности, представляется существенным обратить внимание на то, как реализовывалось основополагающее ленинское требование в национальном вопросе о том, что здесь «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»⁶¹. В этой связи нельзя не отметить, что в Конституции СССР 1924 г., решавшая роль в оформлении которой на заключительном этапе принадлежала Сталину, фактически остался неопределенным статус автономных образований. Будучи до этого основной национально-территориальной ячейкой в РСФСР, они с принятием Конституции 1924 г. фактически были превращены в единицы «второго уровня». Правда, Конституция 1924 г. предусматривала равное представительство союзных и автономных республик РСФСР в Совете Национальностей ЦИК СССР (на другие автономные республики это не распространялось), однако впоследствии и это равенство было упразднено. Не была реализована в Конституции 1924 г. и специальная рекомендация XII съезда партии о том, чтобы представительство национально-территориальных образований учитывало бы по возможности все национальности, входящие в состав этих образований.

Хотя в годы сталинизма и нации союзно-республиканского ранга немало пострадали, все же в целом их статусу в эти годы придавалась особая значимость по сравнению с другими категориями национальных общностей. В частности, выступая на словах противником ассимиляции, Сталин на деле проявлял явное стремление к «упрощению» национальной структуры страны, сопровождающееся негативным отношением к самому факту существования национальных групп. Весьма показательно в этой связи его утверждение в докладе о проекте Конституции СССР 1936 г., будто в стране существуют лишь 60 национальных общностей⁶² (между тем их и ныне по крайней мере в два раза больше). Не случайно именно к этому времени были ликвидированы такие формы национально-административного деления, как национальные районы и национальные сельские Советы. Проводилась линия на ликвидацию организаций, практически занимавшихся национальным вопросом. Эта тенденция стала проявляться сразу же после образования СССР, когда был ликвидирован Наркомнац. Правда, его функции отчасти перешли к Совету Национальностей ВЦИК, но после создания в 1936 г. Верховного Совета СССР этот орган, несмотря на сохранение в его составе Совета Национальностей, фактически перестал заниматься конкретными национальными проблемами.

Аналогичные явления происходили и в сфере науки: в 30-е годы было закрыто большинство учреждений, занимавшихся национальными (этнографическими) проблемами. В то же время введение паспортной системы с графой «национальность», применение многочисленных официальных анкет с этой графой облегчили осуществление национального неравенства, придавая в общественной практике неоправданную значимость фактору этнического происхождения граждан страны.

Многие проблемы современных межнациональных отношений порождены сложившимися еще в довоенные годы командно-административными, панцентристскими методами управления, сопровождающимися стремлением к унификации всего и вся, практически негативным отношениям к любым проявлениям роста национального самосознания, особого внимания к национальной культуре. При этом такого рода тенденция нередко многократно усиливалась местной бюрократией, пытающейся превзойти в данном отношении центр, широко используя жупел «национализма».

До сих пор дают о себе знать последствия депортации как целых народов, так и их значительных частей в годы сталинизма, кампаний по борьбе с космополитизмом и т. п.

Идеология и психология застоя сопровождалась абсолютизацией достигнутых результатов в решении национального вопроса, утверждением представления о беспроблемности национальных отношений. Многие острые вопросы, встававшие в ходе национальных процессов, фактически игнорировались, не получая должного разрешения.

Процесс демократизации обострил все эти и многие другие деформации и проблемы в области национальной жизни, на которые в свою очередь проецируются трудности экономического характера, запущенность многих социокультурных вопросов, перекосы в кадровой политике и т. д. В то же время перестройка, устранив былые «сдерживающие факторы», преимущественно антидемократического характера, открыла клапаны для накопившейся напряженности в межнациональных отношениях, не успев, однако, создать механизмы, необходимые для гармоничного сочетания в новых условиях двух основных начал в сфере национальных процессов: как развития всех национальностей страны, обеспечения их подлинного равноправия, так и поступательного движения интегрирующей тенденции.

Поскольку первая из этих тенденций долгое время ущемлялась, данным обстоятельством незамедлили воспользоваться особо заинтересованные в ее развитии представители национальной общественности (писатели, научные работники и преподаватели историко-филологического профиля, а с другой стороны, местная бюрократия различных уровней и т. п.). При этом выступления со справедливыми лозунгами защиты национальной культуры и языка нередко сочетаются, а то и просто заслоняются требованиями получения или даже расширения привилегированного положения одних национальных групп в ущерб другим чуть ли не во всех сферах общественной жизни (от экономики до правовых вопросов). Все это оказывает соответствующее воздействие на наиболее эмоциональные и недостаточно устойчивые в своих социальных ориентациях группы (прежде всего молодежь). В результате происходит эскалация одного из наиболее опасных видов группового эгоизма — национального, паразитирующего на национальных чувствах людей, которые затрагивают самые глубинные слои социальной психологии и прежде всего ее эмоциональную сферу. Всем этим во многом и объясняются вспыхивающие то тут, то там в последние годы острые конфликты на национальной почве, нередко сопровождающиеся кровопролитием. Весьма актуально поэтому обращение М. С. Горбачева к лицам всех национальностей о необходимости осознать огромную опасность подобных явлений, его предупреждение о нарастающей опасности обострения межнациональных отношений⁶³.

В этих условиях особое значение приобретает задача снятия напряженности в сфере национальных отношений. Здесь важно, на мой взгляд, прежде всего последовательно обеспечить равноправие всех национальностей, в первую очередь тех, чьи права в прошлом были наиболее ущемлены. При этом, как подчеркнул М. С. Горбачев, следует искать ответы не в разрушении единства страны, а на путях решительного обновления федерации⁶⁴.

Ныне в условиях создания правового государства, думается, приобретает особое значение поиск путей, обеспечивающих реализацию всеми национальностями права на суверенитет, что немало способствовало бы превращению Союза ССР действительно в Союз национальностей (это шире, чем Союз народов), а не национальных государственных образований⁶⁵. Представляется, что одним из важных шагов в этом направлении могло бы стать возвращение к практике образования национальных районов и национальных сельских Советов, а в ряде случаев и национальных областей (не меняя, разумеется, при этом границ союзных республик). Нельзя не упомянуть в рассматриваемом контексте не раз выдвигавшиеся на Съезде народных депутатов Союза ССР предложения

о повышении статуса республиканских и областных автономий, по крайней мере подчинение их прямо союзным органам власти, т. е. непосредственное включение в Союз ССР⁶⁶. Нетрудно заметить, что речь пока шла о национальностях или их отдельных частях, расселенных компактно. С дисперсно расселенными национальностями, включая национальные группы, дело обстоит гораздо сложнее. В данном случае для реализации их суверенных прав, национального самоопределения, очевидно, следует использовать различные национально-культурные организации. Видимо, было бы прежде временно полностью сбрасывать со счетов и остро дискутируемый вопрос об использовании (по примеру некоторых социалистических стран) института культурно-национальной автономии, рассмотрев его не только в конкретно-историческом контексте, но и в прогностическом плане, имея в виду национально-этнические последствия.

Представляется вместе с тем очевидным, что многое в совершенствовании национальных отношений в стране будет зависеть, с одной стороны, от того, как решится вопрос о местном самоуправлении, с другой — от того, какая роль в экономической жизни будет отведена региональной межреспубликанской интеграции. К сожалению, в этих вопросах пока нет достаточной ясности.

В рассматриваемой связи неизбежно встает вопрос о выравнивании прав (прежде всего финансово-экономических) у отдельных краев и областей, входящих в состав союзных республик (например, Горьковской области, которая по численности населения и по своим производственным показателям не уступает не только большинству автономий, но и ряду союзных республик) и национальных образований.

Разумеется, подобное обновление федеративного устройства страны требует весьма тщательной подготовки и предварительной проработки учеными совместно с органами Советской власти соответствующего уровня различных вариантов преобразований, что особенно важно при создании новых национально-территориальных единиц (сельских, поселковых, районных, областных) внутри уже существующих образований союзного, республиканского и областного значения. Во всем этом недопустимы поспешность, необходим максимально взвешенный подход, архитектура.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. (далее — ПСС). Т. 15. С. 368.

² Имеется в виду, естественно, прежде всего групповой, а не личностный уровень этих отношений, хотя бы уже потому, что человек выделяется своими национальными свойствами лишь постельно, поскольку он принадлежит к определенной, обладающей аналогичными свойствами, группе, т. е. в данном случае первично групповое начало, а не личностное.

³ См.: Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография (далее — СЭ). 1986. № 3. С. 63—65; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1. С. 49—50.

⁴ См.: например: «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный». СПб. 1814. Ч. III. С. 1175, 1257; Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Сост. Н. Абрамов. Пг. 1915. С. 80—81. Впрочем, в обыденном русском языке слова «нация», «народ», «национальность» нередко до сих пор употребляются в качестве синонимов. См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969. С. 251.

⁵ См.: Калтахчян С. Т. Лейтнанз о сущности нации и путях образования интернациональной общности людей. М., 1969. С. 89; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58—62.

⁶ Подробнее см.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Роды и народы. 2. М., 1972.

⁷ См.: Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 124.

⁸ К сожалению, ко всем этим достаточно большинству наших специалистов деталям приходится вновь возвращаться, поскольку до сих пор, как уже говорилось, одинаковая транскрипция (и общее происхождение) данного термина подчас делает весьма соблазнительным (особенно для специалистов, свободно владеющих английским языком) механически переносить значение этого термина из английского языка в русскоязычную обществоведческую литературу.

⁹ Об этом см. подробно, например: Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1986. С. 36—66; Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И. Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. Киев, 1985. С. 7—29.

- 10 Это ни в коем случае не следует забывать, предлагая и в русскоязычной литературе использовать термин «нация» на англоязычный лад.
- 11 *Манчини П.* О нации как основе права народа. 1851.
- 12 *Каутский К.* Кишиневская резня и еврейский вопрос. 1903.
- 13 *Kirchhoff A.* Zur Verständigung über die Begriffe Nation und Nationalität. Halle a. S., 1905.
- S. 51.
- 14 См.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 1. С. 153—154; Т. 2. С. 207; Т. 8. С. 73; Т. 24. С. 129.
- 15 См.: *Сталин И. В.* Национальный вопрос и социал-демократия // Просвещение. 1913. № 3—5.
- 16 Показательно в этой связи замечание В. И. Ленина, что *Сталин*, подготавливая эту статью, собрал «все австрийские и прочие материалы» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 162)..
- 17 См.: например, Вопросы истории. 1966. № 4, 6, 12; 1967. № 1, 6, 7; 1970. № 8.
- 18 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 1. С. 153—154.
- 19 Там же. Т. 30. С. 36.
- 20 Кстати, было предложено разграничивать народности древнего мира и средневековья, обозначив первые термином «пaleос», вторые «кезос» (см.: *Бромлей Ю. В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 29—30).
- 21 См.: например: *Сатыбалов А. А.* Исторические типы общности людей. Л., 1959. С. 36. См. также: *Бромлей Ю. В.* Этносоциальные процессы... С. 23—30; *его же.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. С. 49—53. Народности следует отличать от сравнительно малочисленных ЭСО, обладающих характерными для наций параметрами, которые предложено именовать «микронациями» (см.: *Бромлей Ю. В.*, *Пучков П. И.* Этнические общности: их историко-типологическая и этнолингвистическая классификация // Природа. 1983. № 9)..
- 22 См.: *Арутюнов С. А.*, *Чебоксаров Н. Н.* Указ. раб. С. 26.
- 23 См.: *Бромлей Ю. В.* Этнические общности — сложные, многомерные системы // *Расы и народы*. М., 1988. С. 18, 33.
- 24 См.: *Горбачев М. С.* Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР // *Известия*. 1989. 31 мая; Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС. Проект) // Правда. 1989. 17 августа.
- 25 См.: *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5. С. 7.
- 26 Видимо, автор рассматриваемого тезиса весьма односторонне знаком с историей той области научных знаний, ведущий журнал по которой он возглавляет. Хотя, действительно, термины «этнография» («этнология») и «антропология» изначально были синонимами, однако со временем сложились далеко не идентичные традиции их трактовки в различных регионах мира. Поскольку подобная односторонность встречается и у отдельных отечественных специалистов, автор этих строк счел недавно необходимым специально проанализировать основные исторические вехи на пути такого рода дивергенции (См.: *Бромлей Ю. В.* К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // СЭ. 1988. № 4).
- 27 Одну из последних дискуссий по этой проблеме см.: СЭ. 1986. № 3, 4, 5.
- 28 Соответственно первичными являются объективные свойства этноса, а их осознание вторичным. Не случайно, например, литовец никогда не назовет себя китайцем, грузин — мексиканцем (и наоборот). Ведь никто из этих пар не обладает объективными свойствами для того, чтобы отнести себя к иному этносу, чем тот, к которому они себя традиционно причисляют, учитывая те или иные его характерные черты. Поэтому представляется излишней тревога по поводу того, что самосознание среди признаков этноса обычно стоит на последнем месте (См.: *Тишков В. А.* О новых подходах... С. 8). Вместе с тем даже приведенных примеров достаточно для того, чтобы не считать объективную реальность этнических общностей неким мифом (см. там же), что отнюдь не исключает огромную будирующую роль в функционировании этноса (особенно в переломные периоды истории) этнического самосознания, его «обратного» воздействия на всю активность этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 22. и др.
- 29 *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 22. и др.
- 30 *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос» // Докл. Географического о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 14—15.
- 31 *Его же.* Биография научной теории или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 212.
- 32 *Его же.* Человечность превыше всего // Известия. 1989. 23 июня.
- 33 См., например: *Его же.* Корни нашего ростства // Известия. 1988. 12 апр.
- 34 *Его же.* Биография научной теории... С. 212.
- 35 *Итс Р. Ф.* Несколько слов о книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» // *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 7.
- 36 *Гумилев Л. Н.* Биография научной теории... С. 214.
- 37 Там же.
- 38 Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* По поводу одного «Автонекролога» // Знамя. 1988. № 12. С. 229—230.
- 39 См.: Вопросы философии. 1988. № 5. С. 159.
- 40 Там же. С. 160.
- 41 *Вернадский В. И.* Химическое строение земли и ее окружения. М., 1965. С. 267.
- 42 Подобного рода ссылки на В. И. Вернадского особенно обильны в книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли», где их насчитывается до 20 (на втором месте после ссылок на собственные работы, которых свыше 50).
- 43 Вопросы философии. 1989. № 5. С. 158, прим. 5.

⁴⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. С. 317.

⁴⁵ Гусейнов Г. Ч., Драгунский Д. В. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопр. философии. 1986. № 6. С. 46.

⁴⁶ О различии между собственно этническими общностями (этникосами) и этносоциальными (ЭСО) см., например: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1982. С. 57—81. Такое ограничение этнических общностей (соответственно национальностей) от этносоциальных (соответственно наций) не дает оснований полагать, что, «скажем, деятели армянской или грузинской культуры, живущие в Москве..., согласно логике наших дефиниций, не принадлежат к собственным этническим общностям» (Тишков В. А. О новых подходах... С. 8).

⁴⁷ См.: Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1987. № 6. С. 83 (выступление С. И. Брука).

⁴⁸ См.: Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М., 1987. С. 62—63.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 144 (см. также Т. 26. С. 109; Т. 48. С. 147).

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Азизян А. К. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972: С. 195—197.

⁵¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 221.

⁵² Первая Советская конституция: Сборник документов (Конституция РСФСР 1918 г.). 1938. С. 425—426.

⁵³ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 159.

⁵⁴ См.: Там же. Т. 40. С. 100.

⁵⁵ Там же. Т. 45. С. 211—212.

⁵⁶ Там же. Т. 45. С. 361—362.

⁵⁷ Там же. Т. 45. С. 360.

⁵⁸ Там же. Т. 36. С. 73.

⁵⁹ Там же. Т. 41. С. 164.

⁶⁰ Например, предположение о том, что возможно «вернуться на следующем съезде Советов иззад», т. е. лишь к военному и дипломатическому союзу советских республик.

⁶¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 360.

⁶² См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1945. С. 513.

⁶³ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР А. С. Горбачева по ЦТ // Правда, 1989. 2 июля.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Нельзя не согласиться в этой связи с мнением, что «выдвижение в качестве приоритета расширения прав союзных республик... не гармонизирует межнациональные отношения». — Народ, нация, государственность... Беседа с В. А. Тишковым // Советская культура. 1989. 1 июля.

⁶⁶ См. Калтахчян С. Размышления о некоторых проблемах теории национальных отношений // Политическое образование. 1989. № 9. С. 26.

Ч. М. Таксами

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРА

В нашей стране районы Севера занимают площадь около 11 млн. км², что является половине территории страны. На 1 января 1983 г. здесь проживало 4 млн. человек¹. Лишь около 158 тыс. из них являются коренными жителями Севера. Численность старожильческого населения также незначительна. Абсолютное большинство на Севере составляет нестабильное население, формирующееся в основном вместе с развитием добывающей промышленности. В такой ситуации проблема сохранений и развития коренных народов и их культуры приобретает особенную остроту. По-прежнему актуальным как в научном, так в практическом отношении остается изучение этнических традиций народов Севера, игравших важную роль в их жизнедеятельности в суровых природно-климатических условиях. Правильная оценка их может способствовать прежде всего сохранению ценных элементов традиционной культуры и их использованию в практической деятельности. Проблема совмещения старого и прогрессивного нового чрезвычайно актуальна. Важно, приобщаясь к новому, не утерять народные традиции и гуманистические черты, свойственные коренному населению.

Вся многообразная культура народов Севера, ее изменения в советский период стали объектом изучения русских и советских ученых многих поколений. Ими созданы многие фундаментальные труды, посвященные этнической истории, общественному строю, материальной культуре, народно-прикладному искусству, мировоззрению, фольклору, вопросам социалистического строительства и др. По мере развития этнографической науки возникают новые задачи и новые проблемы, ждущие своего освещения и решения. Среди современных проблем особое значение имеют культурные традиции народов Севера. Важнейшие вопросы — формирование и функционирование традиционных форм культуры, взаимовлияние и взаимообогащение культур, традиции и преемственность культуры, вклад аборигенов Севера в общесоветскую и мировую культуру.

Изучение этих вопросов поможет сохранить многие ценные элементы культуры и использовать их в практической деятельности.

В наши дни интенсивное промышленное и транспортное освоение северных районов страны оказывает всестороннее влияние на направление хозяйственной деятельности коренных жителей, на их традиционную культуру, на социальный состав населения. Но этот процесс происходит неравномерно. У нанайцев, ульчей, нивхов и некоторых других народов уже большой процент составляют рабочие и интеллигенция. И все же около 43% трудоспособного населения занято в оленеводстве, рыболовном и охотничьем промыслах², и большая часть коренного населения проживает в сельской местности. Вот именно эти группы в значительной степени сохраняют свою культуру, свои национальные традиции. В хозяйственной и трудовой деятельности они продолжают широко использовать многовековой практический опыт, накопленный в условиях Севера.

Особо обращает на себя внимание традиционная практика природопользования и природоохранных мер. Северные народы, несмотря на свою малочисленность, мобильно осваивали новые земли, и это позволило им накопить богатейшие знания о ресурсах местной природы, о ее животном и растительном мире. Можно сказать, что они сконцентрировали разнообразные и глубокие познания об окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Конечно, люди прежде всего знали свои территории, на которых пасли оленей, занимались охотой, промыслом рыбы и морского зверя. В прошлом права на промысловые угодья и пастбища, принадлежащие общинно-родовому и племенному сообществу, строго соблюдались. Позднее, вплоть до 1950-х годов, на этих территориях, переданных колхозам, могли трудиться колхозные бригады, за которыми они были закреплены. К сожалению, в последние годы сознание коллективной ответственности за промысловые угодья во многих районах Севера в значительной мере утеряно. Как же так получилось, что люди, испокон веков коллективно отвечавшие за промысловые угодья, практически отстранены от деятельности по охране природы, что постепенно сформировало атмосферу безразличия к экологии? Здесь, видимо, большая вина работников многих ведомств, в том числе и различных государственных природоохранных учреждений, которые игнорировали многовековой опыт природопользования северных народов, считая лишь себя компетентными и ответственными.

Исконные оленеводы и промысловики всей своей жизнью и трудом были связаны с природной средой. Их нравственные установки исключали бесцельное уничтожение живого, исконная хозяйственная деятельность выработала гуманистические нормы рационального использования природных богатств. В охотничьем промысле, например, строго соблюдались сроки охоты и сезонность промыслов. Не допускалась охота на стельных самок и молодняк. Моральные установки исключали бесцельное уничтожение промысловых животных. Как правило, во время охоты забивали их ровно столько, сколько было необходимо для удовлетворения скромных потребностей.

На сбор ягод, чтобы они достались всем, люди выходили одновременно и только тогда, когда ягоды созревали. Если угодья соседнего селения не уродили — приглашали соседей к себе. У нивхов селения Кальма и коряков селения

Парень мы слышали, как бабушки говорили своим внукам, что нельзя обирать всю ягоду на кустах, надо оставлять ее и для птиц. Ненцы, например, оставляли оленям грибы, которым это яство давало силу, хорошую шкуру и вкусное мясо³. Те же ненцы не рвали цветов, чтобы не нарушить первозданную красоту природы.

Природоохранительные традиции северных народностей фактически привели к созданию микрозаповедников в местах их расселения. Морально-психологические и поведенческие установки выработали у них такие ценные качества, как взаимное доверие и уважение друг к другу, соблюдение неприкосновенности промысловых угодий. На промысловых территориях стояли охотничьи избушки и амбары, которые в прошлом никто никогда не разорял.

Природа для народов Севера — это большой дом, средоточие всего, что для человека, это конкретнейшее воплощение Родины. Такой взгляд лежал в самой основе самобытных северных культур, органично вписанных в экосистемы. Коренным северным народам было присуще умение взять у природы, не разоряя ее, и использовать все по-хозяйски. В последние годы, по наблюдениям этнографов-сибиреведов, традиционные моральные установки природопользования, направленные на сохранение природного равновесия, нередко вступают в противоречие с некоторыми современными методами ведения хозяйства на местах. Необдуманное освоение северных районов привело в негодность огромные территории оленевых пастбищ и промысловых угодий площадью в десятки млн. га. Только в Ямало-Ненецком автономном округе за годы нефте-газового освоения выведено из оборота 6 млн. га оленевых пастбищ, а 28 рек потеряли свое промысловое значение⁴.

В зоне строительства железной дороги Обская-Бованенково и газопровода Урал-Бованенково пять ямальских совхозов, лишившись 594 699 га пастбищных земель, потеряли 24 тыс. оленей. Некоторые совхозы, например, «Пурровский», остались вообще без пастбищ. Площадь лесов, изъятых из гослесфонда для нужд нефтяной и газовой промышленности с 1969 г. по 1985 г., составила более 580 тыс. га, причем 160 тыс. захвачено самовольно. Проект строительства магистрального газопровода на п-ове Ямал предусматривал изъятие еще 36 тыс. га оленевых пастбищ.

По сведениям, собранным мною в 1988 г. на Сахалине, только в одном Ногликском р-не Сахалинской обл. ежегодно отводится для промышленного развития до 1000. га оленевых пастбищ, причем эти угодья отторгаются у оленеводов практически бесплатно; 1 га стоит от 5 руб. с копейками до 26 руб. Цены чисто имвомические. По всей стране исключаются из оборота традиционного природопользования десятки млн. га уникальной земли — оленевых пастбищ, охотничьи-рыболовецких угодий, нерестовых рек и т. д. В районах Дальнего Востока бывших местах охотничьих уроцищ удэгейцев, нанайцев, негидальцев, ульчей, нивхов и др. теперь видишь лишь одни пни, «красующиеся» на огромных площадях.

Многие промысловые угодья и оленеводческие пастбища оказались заброшенными в результате необоснованной концентрации населения в 1950—1960-х годах в укрупненных населенных пунктах, объединения колхозов без учета хозяйственной специфики олениводства и промыслового хозяйства. В связи с этим были заброшены и многие земли, плодородие которых с таким трудом сохранялось и умножалось в течение многих десятилетий с помощью русского населения. Многим покажется, что сложившаяся ситуация с природной средой безразлична для народностей Севера. Нет, это не так! Все они хорошо понимают, что является с окружающей их природой, промысловыми угодьями и оленевыми пастбищами. Даже в долгие застойные годы они высказывали свое негативное отношение к массовой вырубке леса, к уничтожению нерестовых рек, озер и тундры. Именно в те годы появились выражения: «Тундра похожа на покрышку старого ума», «Мы последнее поколение таежников». Ездивший со мной в экспедицию З. Д. Косарев записал характерные рассуждения по экологическим проблемам

бывших оленеводов-нивхов из г. Поронайска Сахалинской обл. М. Ямакава и В. Анафа: «Пойменный лес рубить никак нельзя на Сахалине. На его месте сейчас же образуется болото, а на болоте новый лес не вырастет. А леспромхозы и лесхозы рассуждают: вырубим и посадим. Но так не получается. Вот и выходит, что леса все меньше и меньше, все большие земли покрываются болотом, где ничего не растет, все гниет, ветры туда-сюда дуют, климат хуже становится, исчезает дичь, губятся ягодники».

В 1988 г. коренные жители Ямalo-Ненецкого автономного округа обратились с письмом к XIX партконференции с просьбой вмешаться в бездумное освоение Ямала. Тогда же жители поселка Катравож на берегу реки Соби — левого притока Оби — всем селом выступили с протестом против строителей, которые, добывая песчано-гравийную смесь, мощной техникой черпали грунт из русла Соби, и уничтожили сиговые и лососевые породы рыбы, служившие естественной базой существования местного населения⁵.

Революционная перестройка всколыхнула всегда спокойных и терпеливых северян. С высоких гражданских позиций они восстали против многих безобразий, творимых на северных землях, против варварского отношения к природе.

В настоящее время в дело сохранения природы Севера должны активно включиться и все североведы. В начале 1988 г. сотрудники Сектора этнографии народов Сибири Института этнографии АН СССР высказали свое отрицательное отношение к строительству Туруханской ГЭС. Основное содержание писем, направленных в Восточно-Сибирский филиал СО АН СССР, в Красноярский крайисполком, Госкомприроды СССР, в Эвенкийский окриском — защита коренных народов. Подобная позиция характерна не для одних сибиреведов. Нам известно, что против строительства ГЭС выступают трудящиеся Эвенкского автономного округа⁶, сами коренные жители и национальная интеллигенция.

Ширятся протесты многих народов Севера против деятельности ряда хозяйственников. Так, оленеводы по-прежнему широко применяют олени и собаки упряжки, которые в отличие от гусеничной техники не наносят ущерб легко раннему тундровому покрову. Многие предпочитают на охоте, рыбном и морском промыслах применять традиционные орудия промысла, изготовление и использование которых требуют экологических знаний и опыта, приобретенных веками, и воздерживаются от широкого применения ружей и капканов, предпочитая охоту гоном, ловушкой, сетями и обметами. Для охотников легкая добыча не всегда была желаемой, к тому же они хорошо знали, что отстрел всех видов промысловых животных без учета биологического равновесия приводит в последние годы к оскудению охотничьих угодий. Потомственный промысловик не стремится добыть как можно больше зверя ради заработка и выполнения плана. Во время поездки на Сахалин в 1985 г. я был свидетелем того, как нивхи из рыболовецкого колхоза «Красная заря» отказывались участвовать в зверобойном промысле на нерп в составе бригады наемных рабочих. Нивхи-рыбаки, хорошо знающие промысловые места, утверждали, что в данном районе можно добывать не более 300—400 нерп, притом только сетями и ловушками. Руководство же колхоза наметило ежегодно отстреливать 4—5 тыс. нерп и этим полагало улучшить экономическое положение своего хозяйства. Рыбаки-нивхи, несмотря на то, что им сулили большие заработки, отказались заниматься массовым отстрелом нерп, считая его варварским.

Многочисленные примеры говорят о том, что «примитивное», но проверенно опытом отношение к природе было неотделимо от хозяйственной практики. Благодаря преемственности многие прогрессивные народные знания, связанные с природопользованием, сохранились до наших дней. Однако этому богатому и уникальному духовному наследию, накопленному веками в общении с окружающей природой, грозит исчезновение.

Я глубоко убежден, что пора положить конец фактическому бесправию коренных народностей в отношении территорий, на которых они исконно вели х

зяйство. Здесь они должны получить приоритетные права. Только тогда прекратится прогрессирующее оскудение природы. Право разрешения или запрета на разработку природных ресурсов должно быть в компетенции местных органов советской власти, которые призваны в полной мере учитывать интересы как общегосударственные, так и региональные, в том числе коренного местного населения. Ни одна новая промышленная стройка не должна начинаться без его согласия, без гарантированного технико-экономического и экологического обоснования, без учета интересов коренного населения.

Эффективные результаты, видимо, можно получить только в том случае, если в регионах Севера будет достигнуто размежевание природно-хозяйственных территорий: отделение зон промышленного освоения и хозяйствования, в том числе изыскательских работ, от зон традиционного природопользования коренных жителей. Сохранение экологической среды тесно связано с проблемой сохранения коренного населения, с экологией его культуры. Эта двуединая задача будет решена только в комплексе и одновременно.

Современная практика безответственного освоения Севера требует, чтобы все промышленные предприятия, включая артели золотоискателей, действующие в районах расселения народов Севера, впредь отчисляли определенные средства для развития региона, для восстановления природной среды и обустройства сельских жителей. Вместе с тем надо изыскать возможности для возмещения гигантского ущерба, наносимого природной среде и аборигенным культурам. Эти средства могут быть использованы на расширение и техническое усовершенствование традиционных отраслей хозяйства, что наряду со строительством социально-бытовых объектов должно решить проблему трудоустройства нескольких тысяч коренных жителей. В решении этого вопроса должны принять участие экономисты и социологи, которые помогут использовать и зарубежный опыт.

Согласно данным 1984 г., в районах Севера в коллективных хозяйствах и в частном владении у колхозников и рабочих совхозов поголовье оленей составляло около 2 млн. 200 тыс. голов. В 1965 г. их было 2 млн. 400 тыс., а в 1988 г. лишь 1,8 млн. голов⁷. Здесь добывали более 60% всей промысловой (таежной) и получали 15% «клеточной» пушнины, заготавливавшейся в РСФСР⁸. Но в последние годы в результате интенсивного освоения промысловых угодий наблюдается тенденция к снижению объема промысловой продукции.

В традиционных отраслях хозяйства народов Севера еще широко применяется их многовековой опыт. Оленеводы, например, и сейчас используют старые маршруты кочевок. В таежной зоне Западной Сибири практически сохраняется традиционная система содержания оленей. Оленеводы Дальнего Востока выпасают оленей в тех же районах, где кочевали их предки. Да и потомственные рыболовы, морские зверобои и охотники продолжают промысловую деятельность в основном в исконных своих местах. В этих отраслях коренные народы сохраняют традиционные трудовые навыки, рациональные приемы ведения хозяйства, соответствующие орудия промысла и труда. Конечно, накопленные веками трудовые навыки применяются лишь там, где существует преемственность традиций промысловой культуры. Во многих местах, особенно после ликвидации небольших населенных пунктов, усилился процесс утери традиционных навыков труда и орудий промыслов. Жизнь показывает, что в процессе дальнейшего развития и совершенствования характерных для этих регионов отраслей хозяйства необходимо сберечь информацию о старинной производственной культуре.

Сегодня традиционные отрасли повсеместно сокращаются, и это нередко происходит от недобоянки важности промысловых занятий северных народов, на которых базируются их экономика и культура. Это относится как к оленеводству, так и к охоте, рыболовству, морскому зверобойному промыслу. Пришли руководители зачастую больше заботятся о развитии молочных ферм, птицеводства, свиноводства, парникового хозяйства, приносящих лишь убытки.

Сегодня в экономических планах северных областей и округов на первом ме-

сте стоит производство молока, затем продуктов птицеводства, свиноводства, парникового хозяйства. Это одно из многочисленных свидетельств того, что именно категориями «центральных губерний» мыслят многие специалисты и руководители, приехавшие на Север, но не удосужившиеся вникнуть в его специфику. Необходимо положить конец насильному внедрению здесь народно-хозяйственных комплексов, мало чем отличающихся от соответствующих структур среднерусских областей, Украины, южных районов страны.

Практика показывает, что северянам близки коллективные формы труда, такие как колхозы, и их нужно восстанавливать. При этом следует всемерно развивать семейный подряд и индивидуальные формы труда, повсеместно разрешать содержание оленей в личном хозяйстве, поощрять содержание собак и оленей (традиционные виды транспорта) без ограничения. Все эти мероприятия должны привлечь в традиционные отрасли молодёжь и способствовать труду-устройству многих сотен людей.

Надо признать, что в прошлом культурное своеобразие малых народов Севера недооценивалось и далеко не всегда принималось во внимание. К сожалению, эта тенденция жива и поныне. Когда современная хозяйственная деятельность вступает в противоречие с традиционным укладом жизни, многие его элементы нередко спешат объявить устаревшими, патриархальными, подлежащими реконструкции или «сносу».

Социалистическая культура народов Севера способна плодотворно развиваться на основе того лучшего в их традиционной культуре, что выдержало испытание временем. Всякие попытки игнорировать это обстоятельство ни к чему хорошему не приводят, что особенно ярко проявилось при необдуманном решении социально-бытовых проблем. Мы знаем печальный пример, когда повсеместно на Севере создавались укрупненные совхозные и колхозные поселки. Забочаясь о «прочном быте», местные органы недостаточно учитывали хозяйственную специфику оленеводства, как, впрочем, и северного рыболовства, пушного промысла и других занятий северян. Есть немало примеров, когда концентрация населения в крупных поселках и отказ от мелких неперспективных обернулись ударом по оленеводству, ликвидацией личных стад, а вслед за тем — искусственным созданием продовольственной, транспортной, квартирной проблем, всяческих дефицитов. В связи с этим наблюдаются нехватка кадров оленеводов, охотников, неполная занятость населения, прерыв преемственности трудовых традиций. Сегодня процесс ликвидации населенных пунктов не прекратился. Повсеместно есть горячие головы, которые принимают решения о ликвидации того или иного населенного пункта, как, например, корякского села Парень, за сохранение которого вместе с местными жителями выступали ученые, журналисты, работники кино и т. д. На Нижнем Амуре есть укрупненный колхоз «Ленинец», расположенный в селении Иннокентьевка, где нивхи раньше никогда не жили. Центральная усадьба, находящаяся вдали от промысловых угодий, благоустраивается, там возводятся жилые дома для колхозников, и в колхоз в первую очередь принимают тех, кто проживает в Иннокентьевке. Рыболовецкой бригаде, сформированной там, дается приоритетное право на лов лососевой рыбы в промысловых угодьях, вблизи от небольших нивхских сел. В то же время, например, в отделение колхоза, расположенное в с. Алеевка, новых членов не принимают, из-за чего здесь, естественно, возникает нехватка рабочей силы и распадается рыболовецкая бригада. Сюда присылают бригаду рыбаков из Иннокентьевки, а местные жители не могут добывать рыбу рядом со своим селением.

Думается, настала пора запретить ликвидацию любого северного поселения, к которому тяготеют люди, ведь их здесь и так мало. Время показало, что для решения как экологических, так и хозяйственных проблем надо реанимировать многие старые населенные пункты, которые в свое время были объявлены неперспективными и где сегодня охотно селятся люди. Постепенное восстановление традиционных мест жительства оправдано, ибо их выбор был исторически и экологически обоснован. Ежегодно многие семьи исконных северян выезжают

порой за десятки километров в родные места, где они живут по несколько месяцев, занимаясь потребительским ловом и собирательством. Надо создать в этих селах такие условия существования, чтобы люди могли нормально жить и трудиться. Возрождение к жизни заброшенных селений актуально не только (и не столько) с чисто хозяйственной точки зрения, но и в свете новейших рекомендаций социально-культурной экологии.

Особенно остро стоит проблема разумного сочетания оседлости и кочевок. Многие семьи оленеводов сегодня живут далеко от пастбищ. В результате пастухи месяцами не видятся с родителями, женами, братьями, детьми. Подрастающее поколение воспитывается в отрыве от занятий отцов. Рассчитывать на преемственность традиций в таких условиях не приходится. Труд оленевода очень тяжел и требует полной самоотдачи. Прежде, когда кочевали семьями, пастухам помогали жены, старики, подростки. Оленевод был ухожен, чувствовал себя комфортно. Теперь во многих местах, где семьи остались в поселках, появилась проблема, которую можно выразить типичным вопросом оленевода: «Кто согреет ярангу?»

К проблеме современного быта народов Севера надо подходить с пониманием всей его сложности. Нельзя однозначно ускорять процесс «оседания» оленеводов, как это делается сейчас постановлениями без учета специфики оленеводства, сложившегося уклада жизни. Правильнее было бы обеспечить на современной технической и социальной основах сочетание производственно-бытового кочевания с капитальным устройством промежуточных баз на маршрутах кочевания, которые могут стать центрами первичной обработки сырья и традиционных ремесел. Вместе с тем на центральных усадьбах каждая семья должна иметь благоустроенное жилище. Оно также необходимо рыболовам и охотникам, живущим оседло. Благоустроенные селения не должны быть большими и многонаселенными.

Многие культурные формы, выработанные коренными северянами, представляют особый интерес. Они уникальны, и поэтому их утрата недопустима. Но они еще и весьма целесообразны, рациональны и могут успешно функционировать и сегодня, и завтра, и послезавтра. Согласно нашим подсчетам, народам Севера было известно до 24 типов жилых и хозяйственных построек. Такие жилища, как чум и яранга, не превзойдены и в настоящее время и остаются основным видом жилища оленеводов. К сожалению, в наши дни традиционное жилище оленеводов вытесняется как «устаревшее». Между тем в брезентовой палатке, которой хотят его заменить, жить и летом, и зимой плохо. Насильно внедряемые палатки разных форм во многих местах используются оленеводами лишь как складские помещения.

Созданные на Севере типы меховой одежды — образцы совершенства. Они позволяют человеку чувствовать себя комфортно в самые сильные морозы, удобны и в промысловой деятельности, и в оленеводстве. Но кое-где такой национальной одежды уже вообще нет, так как люди испытывают острую нехватку в материалах для нее. Постепенно забывается мастерство шитья. Утрачиваются и навыки изготовления одежды. Фабричное же производство ее не налажено и неизвестно, будет ли когда-нибудь организовано.

Быстрое исчезновение традиционных элементов материальной культуры из быта связано с рядом причин. Прежде всего с тем, что многое прежде временно рассматривалось как устаревшее и отсталое. Люди начинали его стесняться и игнорировать. Это совпало с интенсивной ломкой старого быта в период объединения колхозов и населенных пунктов. Сегодня в этих местах уже нет ни сырья, ни мастеров, умеющих изготавливать красивую и практическую меховую одежду. Мало где сохранились мастера, способные соорудить традиционные жилища. Наступила пора, когда и малые народы должны думать о своей культуре, о сохранении ценных ее элементов, столь необходимых для обогащения общечеловеческой культуры.

Национальная специфика северных народов ярко прослеживается и в пищевом рационе. Способ потребления мяса и рыбы, характерный для народов Севера, усвоен и некоторыми группами старожильческого населения. Сегодня в районах Севера остро стоит проблема обеспечения населения рыбой и мясом. Это вызвано так называемыми «природоохранными мерами», предусматривающими ограничение добычи рыбы, морского зверя для так называемых личных нужд. Настало время решать эти вопросы не в Москве в Министерстве рыбного хозяйства, а на местах при участии аборигенов. Семьи, занятые непосредственно в традиционном производстве, должны получить приоритетное право заниматься потребительским ловом для себя. Думаю, что такое решение проблемы снимет многие вопросы, возникающие на местах.

Исследователей давно привлекает духовная культура народов Севера, включающая широкий круг народных знаний, а также народное прикладное искусство. В литературе довольно подробно исследована эта тема. Здесь я считаю нужным отметить, что утрачены многие ценные элементы традиционной художественной культуры, которые широко бытовали в прошлом. Это произошло из-за того, что из общественной жизни ушли многие народные праздники и обряды. Например, с отменой медвежьего праздника нивхи перестали изготавливать уникальные резные ковши, ложки, чашки; практически исчезли песни, танцы, игры и спортивные состязания, сопутствовавшие только этому празднику.

К духовной культуре народов Севера необходимо также относиться с пониманием ее специфики. На Севере много историко-культурных памятников народной культуры, представляющих огромную ценность. Между тем в наши дни они повсеместно разоряются, как и культовые места и кладбища; изымаются вещи оленеводов с их зимних и летних стоянок, разоряются охотничьи избушки. По свидетельству местных жителей и работников учреждений культуры, ежегодно в летний период наблюдается нашествие собирателей коллекций как для различных музеев, так и по личной инициативе. Надо запретить сбор культурных ценностей и вывоз их за пределы района, области без согласия местных органов власти.

Сохранение и развитие каждого народа Севера как этноса в целом, а также его своеобразной культуры прямо зависят от исторической преемственности между поколениями. Обобщая материал о традиционном воспитании детей в этом регионе, мы убеждаемся, что в прошлом у них существовала своя система, сложившаяся в процессе исторического развития народов. Приоритет в ней отдавался подготовке ребенка с раннего возраста к будущей самостоятельной трудовой жизни, к продолжению традиций своего народа. Необходимыми элементами при этом были забота о физическом воспитании детей, привитие им всей суммы нравственных и этических норм, выработанных веками, передача накопленных обществом знаний об окружающей природной среде, ее богатствах и способах существования в ней, обучение необходимым трудовым навыкам. Благодаря такой системе воспитания человек с детства сознавал себя причастным к взрослой жизни, чувствовал себя хозяином на родной земле, и труд для него был не тягостью и наказанием, а повседневной потребностью. В советское время было сделано многое для воспитания детей, для развития школьного образования и подготовки специалистов. Так, благодаря созданию широкой сети школ большинство населения получило среднее и неполное среднее образование. Многие специалисты имеют высшее и среднее специальное образование. В последние годы до 4,5 тыс. человек из числа народов Севера обучались в 63 учебных заведениях страны.

Для ускорения развития культуры народов Севера в стране создана целая система общественного воспитания и образования молодого поколения. В наши дни в нее входят круглосуточные ясли и детские сады, школы-интернаты, специальные отделения в техникумах и вузах. Практически со дня рождения и до получения среднего образования ребенок находится на полном государственном обеспечении, под повседневной опекой нянь, медсестер, врачей, воспитателей и педагогов.

При создании нынешней системы общественного воспитания детей народов Севера была фактически разрушена традиционная система народного воспитания. В настоящее время многие родители практически отстранены от повседневного участия в жизни своих детей и отвыкают нести ответственность за них. Таким образом развиваются иждивенческие настроения. В отдельные годы в школах-интернатах Севера обучалось до 25,5 тыс. детей. Родители повсеместно обеспокоены общественным воспитанием детей. Создание крупных школ-интернатов в окружных и районных центрах, а также в укрупненных поселках сопровождалось закрытием так называемых неперспективных школ. Поэтому даже малолетних детей родители вынуждены отправлять далеко от родных мест, что у многих из них вызывает протест. Да и дети в отрыве от родителей чувствуют себя неуютно: они становятся неуверенными, замкнутыми, настороженными. Вопрос о нецелесообразности дальнейшего сохранения школ-интернатов уже не один год повсеместно поднимается самими северянами. Мы солидарны с ними. Необходимы лишь интернаты при школах для особо нуждающихся семей и детей оленеводов и промысловиков, живущих вне поселков.

На Северё нужно воспитать поколение, которое восприняло бы накопленный веками национальный опыт хозяйствования в сложных природных условиях, сохранило бы любовь к своему краю и культуре своего народа, приобрело традиционные трудовые навыки. Это позволит им быть истинными хозяевами Севера, заботящимися о его научно-обоснованном развитии.

Достижение указанных целей в первую очередь связано с восстановлением или строительством новых восьмилетних или средних школ во всех населенных пунктах, где живут и трудятся семьи оленеводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев, даже если это будут малокомплектные школы. Следует подумать и об открытии начальных школ на промежуточных базах и в оленеводческих бригадах. В школах должны работать учителя высокой квалификации, владеющие смежными предметами. При этом следует всячески поощрять творческую инициативу и новаторский подход к педагогическому процессу в сложных условиях Севера.

Решение проблемы экологии культуры народов Севера надо начать с воспитания детей. От того, какое поколение мы воспитаем, будет зависеть развитие культуры малых народов, их будущность.

Решение многих проблем Севера связано также с наличием квалифицированных специалистов и правильным их использованием. К сожалению, по-прежнему кадры готовятся без учета потребности в них на местах. Обучение специалистов гуманитарного профиля не сопровождается подготовкой специалистов для традиционных отраслей хозяйства (всего 0,9% специалистов, занятых в них, имеет высшее образование). Вместе с тем известно, что люди Севера становятся сегодня дипломированными инженерами, учителями, врачами, директорами школ, работниками учреждений культуры и т. д.— кем угодно, только не руководителями традиционных для местных жителей отраслей. Сейчас на всем Севере лишь несколько директоров оленеводческих совхозов и председателей рыболовецких колхозов из числа аборигенов. С одной стороны, это результат плохой профессиональной ориентации молодежи. Но, видимо, имеет место и негативное отношение к местным кадрам. Мне лично известны случаи, когда молодым специалистам, окончившим институты, не была предоставлена работа в родных селах на Камчатке, в Хабаровском крае и других местах.

Анализируя социальный состав народов Севера в ряде районов, мы убеждаемся, что среди них мало интеллигенции, работающей в традиционных отраслях народного хозяйства. Молодежь зачастую выбирает престижные вузы и идет на учебу по внеконкурсному направлению. Среди них, естественно, многие выросли уже в городах, рабочих поселках и районных центрах, в семьях рабочих и служащих. Как правило, они едут на учебу в вузы, имеющие самое отдаленное отношение к Северу. Здесь налицо неверная профориентация молодежи.

Народы Севера располагают ограниченными трудовыми ресурсами, и ими

следует распоряжаться разумно. Целевая подготовка специалистов должна вестись с точным учетом потребности в них, в первую очередь в традиционных отраслях хозяйства. Было бы в корне ошибочно навязывать молодежи выбор учебного заведения и специальности. Но свободный выбор не следует связывать с правом внеконкурсного приема.

В систему подготовки кадров для Севера надо внести серьезные поправки с учетом специфики хозяйственной деятельности народов и уклада их жизни. Например, надо предусмотреть совмещение специальностей для тех, кто будет работать в оленеводческих бригадах. Работницы чума могли бы выполнять работу медсестры-фельдшера, воспитателя-культработника, радиста и т. д. Расширение круга их деятельности должно способствовать более широкому вовлечению девушек в оленеводческие бригады. Это помогло бы решению не только вопроса об их трудоустройстве, но и демографической проблемы: сегодня юноши, работающие в оленеводческих бригадах, в основном холостые, а в селах многие девушки не могут создать семью.

Очень остро стоит вопрос о роли интеллигенции в социально-экономической и культурной жизни народов Севера. Зачастую интеллигенция живет в городах, рабочих поселках, в районных и окружных центрах в иноэтнической среде. Эта ситуация сложилась из-за того, что современная кадровая политика среди народов Севера построена не на деловой основе, а больше на эмоциональной и показной стороне.

Желательно было бы увеличить вклад национальной интеллигенции в решение острых социально-экономических и культурных проблем своих народов, в пропаганду культуры межнационального общения. Надо восстановить теснейшую связь интеллигенции с народом.

Народности Севера сегодня, как правило, проживают в интернациональной среде в одних поселках с представителями других народов. Многие из так называемого некоренного населения давно обитают на Севере, стали старожилами и вместе с коренным населением трудятся на промыслах и в оленеводстве. Но в наши дни Север буквально наводнен временными жителями. Миграционный процесс нарастает и создает обстановку, в которой людям жить неуютно. Знакомясь с составом этого временного населения, не раз убеждаешься в том, что на Север едет не лучшая часть нашего общества, без которой этот регион вполне мог бы обойтись. Однако здесь получил развитие протекционизм. Сюда стали съезжаться кланами, связанными родственными узами. Эти люди, далекие от культуры межнационального общения, берутся управлять бытом и культурой северных народов. Думаю, что именно неграмотные хозяйственно-административные действия временных руководителей активно выхолащивают структуру традиционной культуры коренных народов, складывавшуюся в течение длительного исторического периода. Это в свою очередь создает много сложных проблем, в том числе и в социальной сфере. Необходимо максимально ограничить приток временного населения, тем более социально вредных элементов. Кроме того, нельзя забывать, что таежно-тундровую зону нельзя заселять до плотности европейских, западных и южных районов страны. Это пагубно сказывается на экологии региона.

Советское государство и Коммунистическая партия практически со дня провозглашения Советского государства проявляют огромное внимание к народам Севера. Ряд постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР направлены на дальнейшее социально-экономическое и культурное развитие этих народов. К сожалению, реализация постановлений осуществлялась нередко без необходимой компетентности. Например, много вреда общественному развитию северных народов, их самостоятельности и трудовой деятельности приносит продолжающаяся, как и в предыдущие десятилетия, неумелая опека над ними. В последние годы особенно заметно, что такое «внимание» к народам Севера, проявляемое без учета изменившихся условий и возросшего уровня их общественного развития, приводит к недооценке способностей людей, недоверию к их творче-

ским возможностям, и как результат — к лишению их самостоятельности. Специалистам-северянам редко поручается ответственная работа в традиционных отраслях хозяйства, несмотря на то, что многие из них имеют высшее образование и практический опыт. А в некоторых местах проживания народов Севера в аппаратах районных партийных и советских органов нет ни одного представителя коренного населения. Во многих районах Севера мне не раз приходилось говорить на эту тему. Руководители на местах обычно ссылаются на то, что якобы нет подходящих кандидатов. В результате народами Севера пытаются управлять все, кроме них самих. Здесь невольно приходится обратиться к опыту развития Севера в 1930—50-х гг. В эти годы практически во главе всех национальных колхозов стояли представители коренных народов, которые коллективными усилиями развивали свое хозяйство, заботились о сохранении природной среды.

Сложившаяся ситуация требует по-новому взглянуть на культуру межнационального общения. Необходимо внимательнее относиться к малочисленным народам Севера, предоставляя им возможность активнее участвовать в решении проблем, прямо их касающихся. Здесь важно соблюдение принципов национального равенства. Следует помнить, что малые народы, в силу своих исторических судеб, весьма чутки к любому нарушению равенства.

Этнографическая наука должна обратить особое внимание на процесс утраты народами Севера своих традиций, ценных форм народной культуры. Утрачивается родной язык, есть угроза полного его исчезновения. Все это ведет к разрушению национальной психологии и культуры. Экология культуры народов Севера, создающая условия для нормального функционирования общества, нуждается сегодня в глубоком изучении и заботе.

Этнографическая наука обязана принять участие в кардинальном улучшении положения коренного населения Севера. Этнографы-североведы, исходя из опыта национального строительства в районах Севера, должны предложить ряд практических решений, направленных на сохранение культур северных народов. Современный подход к национальным отношениям требует прежде всего продолжения углубленного изучения культуры каждого из народов Севера, его самобытности, тенденций его развития в многонациональной среде. Нельзя допустить, чтобы малые этносы превратились «просто в население Севера». Надо содействовать сохранению и развитию устойчивых первооснов их культуры, традиций, продолжающих функционировать и воспроизводиться. Процесс разрушения этнических культур должен быть приостановлен путем создания условий для развития межпоколенных связей.

Сегодня социально-экономическая политика на Севере должна строиться с учетом социального состава народов, их расселения.

Особо следует остановиться на распространении этнографических знаний среди жителей северных районов. Нам известно, что на Севере проживают представители многих народов, приехавших из разных районов страны. Большинство из них, в том числе и руководители на местах, имеют самое смутное представление о культуре коренных жителей. Им нужна помочь в овладении элементарными знаниями по истории, языку, культуре народов, среди которых они трудятся. С этой целью целесообразно было бы создать серию научно-популярных книг и фильмов, посвященных отдельным народам, их фольклору и искусству. Надо выработать общественное мнение, согласно которому от специалистов, советских и партийных работников требуется знание местного языка хотя бы на бытовом уровне. Кстати, опыт работы первых этнографов на Севере в 1920-е годы со знанием языка говорит о важности этой проблемы и для сегодняшних этнографов.

Здесь уместно сказать, что опыт национального строительства на Севере в 1930-е годы имеет практическое значение и в наши дни.

В 1930-е годы в стране широко обсуждались вопросы о принципах управления народами Севера на местах. Именно в те годы В. Г. Богораз при поддержке В. К. Арсеньева и Д. Е. Лапо предложил радикальную меру по охране культуры

северян — создание резервации социалистического типа с выделением в пользование народов Севера освоенных ими земель с запретом доступа туда переселенцам⁹.

Предложение В. Г. Богораза было отклонено комиссией Наркомнаца по разработке проекта управления народами Севера. Было высказано мнение о необходимости государственной защиты прав народов Севера и оказания им разнообразной помощи¹⁰. Но, как показала жизнь, предложение В. Г. Богораза имели серьезную объективную основу. Об этом говорит печальное состояние культуры на Севере сегодня.

Большую роль в приобщении народов Севера к культуре сыграл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), созданный в 1924 г. при Президиуме ВЦИК для содействия планомерному обустройству малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административном, судебном и культурно-санитарном отношениях¹¹. Комитет Севера и соответствующие местные комитеты смогли реализовать политику партии лишь благодаря учету в те годы рекомендаций ученых-североведов.

В самый разгар социалистических преобразований на Севере было принято весьма странное решение о прекращении деятельности Комитета Севера¹². К сожалению, это отрицательно сказалось на всем последующем ходе социального и культурного строительства народов Севера. Осмысливая их реальное положение сегодня с позиций революционной перестройки, надо признать, что в наши дни коренные народы Севера испытывают много трудностей, а некоторые их группы по сути близки к полной культурной, хозяйственно-бытовой и демографической деградации.

Думаю, что сегодня настало время реально усовершенствовать деятельность органов советской власти на Севере с тем, чтобы обеспечить подлинное саморазвитие коренных народов региона. С целью вовлечения коренного населения в самоуправление на местах расселения малых этнических групп надо восстановить национальные районы и национальные сельские советы, которые успешно функционировали многие годы и были упразднены по неизвестной причине. Думаю, что каждый северный народ, не имеющий своего автономного округа, должен иметь национальный район с одноименным названием. В то же время следует поставить вопрос о создании новых автономных округов там, где это необходимо. Например, вполне возможно создать Нижне-Амурский автономный округ на территории проживания негидальцев, нивхов, эвенков, орочей, ульчей и др. в Хабаровском крае. Появление такой автономии помогло бы оживить национальное строительство в этом многонациональном крае.

С целью полной реализации прав северных автономных округов необходимо законодательно обеспечить правовую и экономическую самостоятельность органов советской власти на их территории. Восстановление в полном объеме советской власти на местах позволит местному населению активно участвовать в управлении своей жизнью и вместе с тем ограничить чрезмерное вмешательство в нее центральных органов и различных ведомств без учета специфики народов того или иного северного региона.

На мой взгляд, этнографическая наука должна обратить серьезное внимание на специфику этнической психологии народов Севера, на их морально-этические нормы. Это вопрос сложный, требующий тонкого подхода с учетом уклада жизни, сформировавшегося в условиях первобытнообщинного строя. Многие сегодняшние сложные проблемы возникли из-за столкновения на Севере людей разного общественного уровня, разных социальных интересов.

Многие затронутые выше проблемы, связанные с развитием народов Севера, являются общими для всех населяющих его народов, и их можно решить лишь в комплексе всех других проблем, с заботой о всех постоянных жителях региона, с интернационалистических позиций. Для реализации этих сложных проблем необходимо создать Государственный Комитет по делам развития народов Севера с привлечением ведущих ученых-североведов, наделенных высокими полномо-

иями. Он должен в новых условиях продолжить работу Комитета Севера, необоснованно ликвидированного в печально знаменитые 1930-е годы. Убежден также, что назрело создание Всесоюзного научного центра комплексного исследования культуры народов Севера на базе научных учреждений Москвы и Ленинграда. Этнографическая наука должна занять в нем ведущее место как фундаментальная наука о традиционной и современной культуре народов нашей страны.

Примечания

- ¹ Увачан В. Н. Годы, равные векам. М., 1984. С. 13.
- ² Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 77.
- ³ Сусой Е. Г. Обычаи и традиции ненцев // Культура народностей Севера: Традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 116.
- ⁴ Красный Север. 23 июля 1988 г.
- ⁵ См. об этом: Северные просторы. 1988. № 6. С. 5.
- ⁶ Там же. № 6. С. 6—7.
- ⁷ Пика А., Прохоров Б. Указ. раб. С. 78.
- ⁸ Увачан В. Н. Указ. раб. С. 213, 215—216, 283.
- ⁹ Богораз В. Г. О первобытных племенах: Наброски к проекту организации управления первобытными туземными племенами // Жизнь национальностей. 1923. № 3—4; Предложение к вопросу Об изучении и охране окраинных народов // Там же; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 15; Гурвич И. С., Таксами Ч. М. Вклад советских этнографов в осуществление ленинской национальной политики на Севере // Денинизм и проблемы этнографии. 1, 1987. С. 182—183.
- ¹⁰ Керцелли С. В. К истории одного большого вопроса (О положении охотничьих племен Сибири) // Северный охотник. 1923. № 5.
- ¹¹ Местные органы власти и хозяйствственные организации на Красном Севере. М.; Л., 1934. 22—23.
- ¹² Резолюция X расширенного пленума Комитета Севера при ВЦИК. М., 1934.

Г у г о В о р м с б е х е р

КАК МЫ ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕБЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ АССР*

Хотя за четыре года перестройки еще не решена практически ни одна проблема в сфере межнациональных отношений, однако годы эти не пропали даром. Выработаны совершенно новые подходы к национальному вопросу, и мы, насколько можно судить, стоим на пороге больших решений. Одно из них — восстановление государственности (автономии — ред.) советских немцев. О том, что то решение может быть очень близко, говорит ряд обстоятельств.

Во-первых, процесс развития национальных движений в СССР подвел нас вплотную к необходимости самым серьезным образом пересмотреть в целом национальный вопрос в нашей стране.

Во-вторых, необходимость восстановления автономии советских немцев диктуется не только чисто политическими или правовыми, но и экономическими интересами нашей страны. Не имея в течение 48 лет своей государственности, не имея национальных школ, утратив в массе родной язык, национальную культуру, — советские немцы все больше приходят к выводу, что возможность сохраняться как народу в этих условиях для них практически исключена. Отсюда — все растущий их

* Учитывая, огромный общественный интерес к теме современных национальных процессов, мы решили публиковать в этом разделе не только научные статьи и дискуссии, но и другие материалы: выступления деятелей национальных движений, документы, прямые свидетельства, связанные национальными конфликтами и др.— сопровождая их при необходимости комментариями специалистов. Публикуемый текст был представлен в качестве доклада на сессии «Национальная политика: современное состояние и новые подходы» 25 мая 1989 г. (см. хронику И. И. Крупника в настоящем номере журнала). Автор — сопредседатель Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение».

выезд за рубеж. Если в 1988 г. из СССР выехало в ФРГ 52 тысячи советских немцев (это небывало высокая цифра), то динамика выезда в 1989 году позволяет к концу года ожидать цифру 100 тысяч. Если учитывать, сколько стоит вырастить человека, дать ему образование и специальность сколько вообще стоит квалифицированный специалист, то выезд советских немцев превращается для нашей страны в перманентный национальный Чернобыль.

В-третьих, новые функции власти, принятые Верховным Советом после Съезда народных депутатов СССР, не позволяют, надо полагать, оставлять нерешенными национальные чаяния советских народов, в том числе и немцев. Тем более, что уже много сделано для подготовки этого вопроса и принятия решения по нему (в том числе и работниками аппарата ЦК КПСС).

В-четвертых, решение вопроса о восстановлении немецкой автономии на Волге практически ничем не отягощается: здесь не возникает ни острых экономических, ни подлинных межнациональных конфликтов, так что решать судьбу немецкой автономии можно вне комплекса всех других национальных проблем, то есть хоть завтра.

В-пятых, вопрос о советских немцах, хотя он и является сугубо внутренним, постоянно возникает при встречах на разных уровнях представителей ФРГ и нашей страны. Восстановление государственности советских немцев могло бы стать существенным моментом в развитии разносторонних отношений между двумя странами.

Все эти факты позволяют говорить о возможности в ближайшем будущем решения о восстановлении Немецкой АССР. Во всяком случае, объективных препятствий этому мы не видим. Однако, оставаясь реалистами, следует помнить о том, что так называемые «субъективные причины» у нас всегда играли большую роль.

Так, определенное беспокойство вызывает развитие событий в Поволжье на территории бывшей АССР. Если раньше, в начале открытого обсуждения вопроса о восстановлении Немецкой автономной республики на Волге, оттуда шли сообщения о положительном отношении местного населения, то сейчас там наблюдаются иные тенденции — на многочисленных собраниях принимаются решения, направленные против восстановления автономии, собираются подписи и направляются письма в ЦК КПСС. Дело в том, что лишь небольшая часть нынешнего населения этой территории (а именно старшее поколение) знает, какой благоприятной была в АССР НП обстановка для иногородних немцев. Не знают люди и о том, какова сегодняшняя позиция советских немцев. Ибо «Обращение» учредительной конференции Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», содержащее конкретное заявление по этому поводу, до сих пор не опубликовано в газетах Волгоградской и Саратовской областей*. Не получая достоверной информации и читая о межнациональных конфликтах, возникающих тут и там в стране, люди неизбежно приходят к опасениям, что такой конфликт может произойти и в данном случае.

Есть также и аппаратные работники на местах, которые с восстановлением республики боятся лишиться своих мест. Выступление Первого секретаря Волгоградского обкома партии В. И. Каляшникова на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, его «забоченный» вопрос о том, что если восстановить немцам республику на Волге и они уедут в нее из Сибири и Казахстана, то кто же там работать будет? — это лишь умелый камуфляж все той же отрицательной позиции. Мы видим, что и в Поволжье определенные силы стремятся защитить свои интересы, обостряя проблемы в сфере национальных отношений.

Однако будем надеяться, что решение о восстановлении автономной республики на Волге все же будет принято, будет подведена, наконец, черта под почти полувековым отрезком истории двухмиллионного советского немецкого народа, прошедшего за эти полвека трагический путь незаслуженных обвинений, репрессий, дискриминации и неравноправия. И тогда перед нами вместо одной проблемы, стоявшей в течение 48 лет, — добиться решения о восстановлении государственности — встанут сотни, тысячи проблем, связанных уже с самим процессом восстановления автономной республики. Как же это восстановление должно, на наш взгляд, проходить?

1. Мы думаем, что еще до публикации Указа о восстановлении на Волге НАССР и, возможно, ряда немецких национальных районов или одновременно с этим должна быть образована Правительственная комиссия по восстановлению государственности советских немцев. Комиссия должна обладать большими полномочиями и правами, в нее должны входить выдвинутые самим народом представители советских немцев, а также представители Верховного Совета СССР и ЦК КПСС.

* См.: Обращение Учредительной конференции Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» к населению, проживающему на территории бывшей АССР немцев Поволжья / Материалы I Всесоюзной (учредительной) конференции советских немцев: М., 1989. С. 20—22.

Задачей такой комиссии должна быть проработка всех вопросов, связанных с восстановлением автономии, и координация их решения в масштабах страны. Комиссия должна привлекать научные учреждения и отдельных специалистов для консультаций, исследований, разработки возникающих проблем, собирать мнения и предложения, она станет центральным органом, помогающим руководству автономной республики решать вопросы за пределами его возможностей на местах.

2. Хотя общественное мнение уже в определенной мере подготовлено к принятию указа о восстановлении автономии советских немцев как необходимого и справедливого, работа по его формированию не только необходима, но и должна быть активизирована. Целесообразно создать специальную пресс-группу при Правительственной комиссии, которая оперативно готовила бы необходимую информацию, сообщения, интервью с членами комиссии, работниками Верховного Совета, ЦК ПСС, различных министерств. Поскольку для судьбы советских немцев и нашей национальной политики это будут события поистине исторические, необходимо зафиксировать их средствами кино и телевидения, для чего следует создать специальную группу операторов.

3. Особое внимание нужно будет уделить районам будущей АССР, работе с проживающими там сегодня русскими и представителями других народов. Надо снять существующие у них и возможные в будущем опасения, а также нейтрализовать антинемецкие настроения и выступления. Люди должны видеть: все делается открыто, с учетом интересов всех, и восстановление автономии советских немцев никому ничем не угрожает.

С той же целью создания максимально уважительной атмосферы по отношению к представителям всех национальностей должна быть предусмотрена и работа среди немецкого населения, проживающего на территорию НАССР. Люди должны проходить обязательное собеседование с предупреждением, что оскорбление национального достоинства или ущемление в правах представителей местного населения будет пресекаться самым строгим образом, в том числе и отказом в прописке. Думается, эти меры должны быть обобудны, ибо никакие межнациональные эксцессы недопустимы вообще, а на начальном этапе особенно.

Такими представляются самые первые шаги, которые по возможности нужно сделать до или одновременно с принятием решения о восстановлении автономии.

С чего следует начать непосредственно восстановление автономной республики? Видимо, подбора руководства. Сформировать сначала временное правительство автономной республики, включив в него советских, партийных, хозяйственных работников-немцев из мест сегодняшнего проживания. Желательно избирать их как делегатов советских немцев от районов, областей, гаев. Учитывая широкий спектр проблем, которые придется решать, в правительство должны войти и ученые, и творческая интеллигенция, и педагоги. В правительстве АССР должны быть представлены все национальности, которые будут проживать на территории республики, чтобы с первых шагов вырабатывался опыт совместной работы и учета интересов всего населения. По мере восстановления республики временное руководство должно быть заменено выборным органом власти.

Одним из первых шагов должно быть, видимо, изучение экологической обстановки, составление кемельного и водного кадастров, чтобы избежать ошибок при строительстве населенных пунктов и промышленных предприятий и по возможности сохранить пригодные для сельского хозяйства земли, строя по преимуществу на непригодных, которых после миллиардных вкладов в мелиорацию Поволжья сейчас предостаточно.

При разработке проекта генерального плана развития республики следует, видимо, иметь в виду, что стремление советских немцев собраться, наконец, вместе может в будущем привести к перезду большинства из них на Волгу и, таким образом, со временем речь может идти о довольно крупной автономной республике.

Как было заявлено недавно на I Всесоюзной конференции советских немцев (март 1989 г.), читая интересы проживающего сегодня в Поволжье населения, чтобы не нарушать сложившийсяклад городов и сел, обеспечить их дальнейшее развитие и предупредить любое ущемление в употреблении и изучении родного языка, сохранении национальной культуры и т. д., советские немцы предлагают строить для прибывающих в республику людей новые населенные пункты.

Мы стоим на пороге третьего тысячелетия. Думается, это должно найти отражение и в архитектуре будущих городов и сел республики. При их проектировании нужно исходить не из прошлых требований и норм, а из будущих. Республике предстоит конкурировать в притягательности для советских немцев с одной из самых развитых стран мира. Поэтому все должно делаться по крайней мере не хуже, а по возможности и лучше, чем там.

Вообще жилищное строительство в республике можно превратить в полигон освоения новейшей

строительной технологии, для чего разумно привлечь, например, фирмы ФРГ, чтобы в кратчайшие сроки возвести несколько комбинатов стройматериалов и с помощью специалистов этих фирм, включая и архитекторов, начать строить. Этот опыт и потенциал могли бы быть потом использованы для решения жилищной проблемы соседних регионов.

Было бы по меньшей мере неэтично, чтобы в условиях всеобщей нехватки жилья строительство домов для советских немцев вели люди других национальностей. Видимо, целесообразно привлечь в республику в первую очередь советских немцев со строительными профессиями.

На своей конференции советские немцы заявили, что, пережив вместе со всем советским народом трагедию войны с ее неисчислимими жертвами, они считают невозможным для себя требовать возвращения им их домов и имущества, незаконно конфискованных в 1941 г. при выселении. Ибо не советский народ виноват в этом и не те люди, которые сегодня живут в этих домах. Думается, однако, что восстановление автономии советских немцев не должно превратиться для них в очередное выселение. Они оставили государству при выселении в 1941 г. развитую для того времени инфраструктуру; в течение 48 лет немцы своим трудом вносили в общесоюзную копилку вклад больший, чем у иных союзных республик, получая совсем не адекватно вклад и не наравне с другими народами. Переселяясь в новую автономную республику, они будут вновь оставлять свои квартиры свою долю в социальной сфере, свой полувековой вклад в экономику различных регионов страны. Все это может быть использовано для улучшения условий жизни населения в этих регионах. Таким образом, логично считать, что восстановление республики, строительство всей ее инфраструктуры должно происходить полностью за счет государства, которое вправе будет изымать из бюджета республик, краев и областей, откуда будут выезжать советские немцы, соответствующие суммы. Эти суммы должны быть просто переадресованы в автономную республику.

Переезд советских немцев в республику должен четко регулироваться. Стихийность может создать серьезные проблемы. Переселение должно производиться, как правило, в готовые квартиры. Переезд должен быть осуществлен за счет государства, ибо люди не по своей воле попали в Сибирь. Переезжающим в сельскую местность будут выделяться ссуды и оказываться помощь материалами для строительства домов, если люди захотят строить сами.

Будут ли выезжать советские немцы в ФРГ после провозглашения НАССР? Думаю, будут. До тех пор, пока не смогут переехать уже в полностью восстановленную республику. Поэтому и нужно все решать быстро, однако не наспех, а основательно.

Структура экономики, исходя из бедности сырьевой базы в Поволжье, должна, видимо, ориентироваться на развитие трудоемких отраслей, требующих высокого интеллектуального и профессионального потенциала: электронная промышленность, точная механика. Возможно, стоит разрабатывать легкую промышленность: пошив качественной одежды, обуви. Можно было бы поставить эксперимент с созданием в республике специальной экономической зоны.

С первых шагов надо позаботиться о возрождении национальной культуры, языка, так как именно это явится главным притягательным фактором для советских немцев. Введение обучения родному языку с детских садов и ряду предметов на нем с первого класса в школе потребует срочно подготовки педагогических кадров. Наряду с соответствующими маломощными отделениями ряд вузов, где готовятся учителя немецкого языка, можно поручить это и вузам Саратова, Москвы, Ленинграда. Эффективным может быть направление большой группы немецкой молодежи для обучения в ГДР и ФРГ для подготовки специалистов по разным отраслям знаний, а также приглашение учителей и специалистов из ГДР и ФРГ в автономную республику. Но нужно будет построить и свой педагогический институт. В дальнейшем, возможно, встанет вопрос о создании университета и отделения АН СССР.

Наряду с театрами и другими культурными учреждениями надо безотлагательно построить краеведческий и художественный музей, чтобы уберечь от гибели то, что еще сохранилось. Думается, надо обязательно помочь верующим в строительстве церквей, молельных домов, подготовке квалифицированных служителей церкви, ибо отсутствие нормальных условий для верующих — одна из причин выезда в ФРГ.

Когда будет создана необходимая инфраструктура автономной республики и советские немцы таким образом, окажутся в равных с другими народами условиях, республика сможет перейти на полный хозрасчет.

И, наконец, есть еще один аспект восстановления автономной республики советских немцев. И ГДР, и ФРГ уже сейчас высказывают готовность помочь в этом деле. Вряд ли стоит отказываться от такой помощи, ведь она будет помочью не только советским немцам, но и вообще нашей стране.

И новый опыт, и высокая культура труда, и прогрессивные технологии, если они будут внедрены в автономной республике немцев, окажутся полезными для всего советского народа.

Однако встает вопрос: как будут воспринимать такую помощь советским немцам другие советские люди. Мы не можем не учитывать наследия войны. Отношение к немцам как к бывшим и потенциальным врагам по-прежнему распространено в обыденном сознании, да и не только в обыденном. Нужно будет создавать совершенно новую атмосферу для возрождения межнационального сотрудничества. Нам надо видеть друг в друге не бывших врагов, а давних и будущих друзей. Тут большую роль могут сыграть средства массовой информации.

Может ли не быть восстановлена автономная республика? Проблема советских немцев — это лишь одна из многих проблем в национальной сфере. Не решать их невозможно, если мы хотим сохранить наше государство, наш Союз.

Можно ли решить проблему советских немцев, не восстанавливая государственность? Жизнь показала, что нет. Без своей государственности народ не может сохранить свой язык, свою национальную культуру, тем более не сможет возродить их. Без государственности народ не сможет сохраниться как народ.

Можно ли начать восстановление государственности советских немцев не с автономной республики, а допустим, с национального района, округа или автономной области? Тем более, что некоторые местные руководители на Волге аргументируют свою позицию и тем, что сейчас в Поволжье проживает всего около 50 тысяч советских немцев и что надо исходить именно из этого соотношения в национальном составе региона. Мол, когда приедет больше немцев, можно будет постепенно и до республики дойти. Такой подход, на мой взгляд, неприемлем: во-первых, немцев мало на Волге потому, что им не разрешалось туда возвращаться; во-вторых, они не могут и сегодня туда ехать, так как им негде там жить; в-третьих, их приезду туда сегодня всячески противодействуют и нет оснований полагать, что не будут противодействовать и в будущем; в-четвертых, советские немцы достаточно натерпелись несправедливостей и наслушались обещаний и постановлений. Для них восстановление справедливости — это восстановление того, что у них было незаконно отнято: была автономная республика — и должна быть автономная республика. Меньшее будет воспринято как нежелание восстановить справедливость полностью. Меньшее не обеспечит возрождение народа, значит, вызовет еще одно, последнее разочарование. И тогда в автономную область мало кто пойдет, большинство будет рассматривать выезд в ФРГ как единственный выход.

Можно ли в другом месте восстановить автономную республику советских немцев? Но одно такое намерение может вызвать уже действительно обоснованные межнациональные трения, что показал пример Казахстана, где хотели создать в 1979 г. автономную немецкую область. Альтернативным вариантом предлагают иногда, в основном представители русской национальности, Калининградскую область. У этого варианта есть свои достоинства, в том числе в плане международных отношений. Однако пойдут ли на него советские немцы? Это могут решить только они сами, и такое предложение должно, по-моему, исходить от правительства, и условия там должны быть вначале хорошо изучены представителями советских немцев.

Таким образом, вывод можно сделать один. Государственность советских немцев должна быть восстановлена; исходя из сегодняшних наших знаний восстановлена на Волге, где она и была; восстановлена сразу в форме автономной республики; и восстановлена безотлагательно, если мы не хотим превратить стремительное расширение выездных настроений советских немцев в необратимый процесс.

Надеюсь, что все это и будет сделано. Хотелось бы только, чтобы наш вопрос решался, наконец, не только нескольких сотрудников ЦК КПСС и работников Института марксизма-ленинизма (которые, надо отдать им должное, сделали уже немало), а с широким привлечением самих советских немцев.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Прежде, чем комментировать статью Г. Г. Вормсбехера, представим читателям ее автора. Гу́ннар Вормсбехер (род. в 1938 г.) — член Союза писателей СССР, редактор выходящего в Москве журнала немецкой литературы «Хайматлихе вайтен» («Родные просторы»), писатель и публицист, многолетний участник движения советских немцев. С 1989 г. он является сопредседателем Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение» и председателем Московского немецкого общества. Автор большой статьи «Немцы в

СССР» (журнал «Знамя», 1988, № 11; по-немецки — альманах «Heimatliche Weiten», 1988, № 1), ряда публикаций в центральной прессе¹. Словом, человек, глубоко вовлеченный в проблему и отвечающий за свои идеи с полной ответственностью.

При этом автор излагает не просто свою точку зрения о путях восстановления автономии, а позицию и программные документы всесоюзного движения советских немцев (в формулировании которых он принимал самое активное участие). Эти документы были приняты I Всесоюзной (учредительной) конференцией советских немцев весной 1989 г., которая стала первым открытым форумом двухмиллионного народа за последние полвека. Работа конференции 28—31 марта в Москве в здании Политехнического музея освещалась советскими средствами массовой информации. Основные документы конференции: Обращение к населению, проживающему на территории бывшей АССР немцев Поволжья (на него ссылается в тексте Г. Г. Вормсбехер); Обращение к партийному и советскому руководству страны, предстоящему Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям; Устав и Программа Всесоюзного общества советских немцев и др.— были изданы отдельной брошюрой. Для нас это — первый открытый источник, отражающий позицию советских немцев. Так что слово «мы», вынесенное в заглавие статьи Г. Г. Вормсбехера («Как мы представляем себе восстановление автономии»), вполне понятно: «мы» — это организованное национальное движение.

Первое, что сразу же подкупает в логике Г. Г. Вормсбехера и в целом всего движения советских немцев — его глубоко нравственная позиция. Неслучайно оценки этики, нравственности того или иного решения неоднократно встречаются в тексте. Советские немцы с самого начала говорят: люди, которые сейчас живут в наших домах, сделали это не по своей воле и не виноваты в наших страданиях. Поэтому надо сделать все, чтобы не ущемить их интересы нашим возвращением. Такая позиция заботы обо всех, справедливости для всех вызывает самое искреннее уважение.

Добавлю, что в обращении к населению, живущему на территории бывшей АССР немцев Поволжья, советские немцы подчеркивают, что большинство сегодняшних крупных населенных пунктов на территории бывшей АССР должны по возможности получить автономность при восстановлении республики — чтобы не нарушать сложившийся уклад, сохранить обучение на родном языке, обеспечить на будущее свободное развитие национальной культуры². Значит, немцы с самого начала видят будущее своей республики как многонациональной автономии, где они будут жить совместно с русскими, украинцами, татарами, казахами — как это было в их республике до 1941 г.³

Сложнее оценить предполагаемую экономическую сторону возвращения советских немцев. Недавнее обсуждение близкой по сути проблемы возвращения крымских татар в Крым и восстановления там автономии показало, что в подобных проектах должны быть «заложены» не только определенные слова о материальных средствах (в виде компенсаций, целевых фондов и т. п.), но и механизмы принятия новых экономических инициатив⁴. А для этого необходимы кадастры и земельно-водные схемы, технико-экономические обоснования и программы территориальной планировки и многое другое, что очень далеко от этнографии (и даже от нашего понимания национальной политики), но без чего невозможно осуществление самых лучших административных решений. И даже помочь ФРГ или ГДР, на мой взгляд, не может решить все проблемы, поскольку любая помощь будет реализовываться в рамках определенной социальной культуры. А суть ее за исклю-
чением нескольких верхних «этажей» — Государственная комиссия, правительство будущей АССР и т. п., пока остается неизвестной.

Впрочем, детальная проработка экономических, правовых, инфраструктурных и других вопросов и не могла быть предложена в двадцатиминутном докладе. Для этого требуется специальная научная программа, большое комплексное исследование с участием многих специалистов, в том числе этнографов, этносоциологов, культурологов. От лица секции социологии национально-политических отношений Советской социологической ассоциации я могу выразить наше желание и готовность принять участие в такой научной программе по восстановлению Немецкой АССР, в частности, в разработке будущей структуры межнациональных отношений в новой АССР и ее основных элементов — административных, языковых, культурных и т. п.

И в заключение несколько слов о дальнейшем развитии событий после 25 мая 1989 г. В Постановлении Съезда народных депутатов СССР, как и в опубликованном проекте платформы КПСС по национальным отношениям, была осуждена сталинская депортация советских немцев (как других «репрессированных» народов) и призывалось принять все меры к решению проблемы немцев Поволжья (опять же — в перечне других подобных проблем). В начале июля Совет Национальностей Верховного Совета СССР создал специальную комиссию по проблемам советских немцев и

3 человек. Среди ее членов трое немцев: председатель Всесоюзного общества «Возрождение» Г. Г. Гроут, академик Б. В. Раушенбах и депутат Верховного Совета СССР Г. Г. Штойк. К концу августа члены комиссии дважды побывали в Поволжье, ознакомились с имеющейся документацией, позициями всех затронутых сторон. К октябрю они должны вынести на обсуждение Верховного Совета СССР свой пакет предложений о будущем советских немцев и восстановлении их автономии. Кочется верить, что к тому времени, когда подписчики получат этот номер журнала, в судьбе советских немцев наступят, наконец, долгожданные перемены.

И. И. Крупник

Примечания

¹ Советская культура, 17 июня 1989 г.; Комсомольская правда, 17 августа 1989 г.; Неделя, 988, № 23, и др.

² Материалы I Всесоюзной (учредительной) конференции советских немцев. М., 1989. С. 22.

³ Напомним, что в 1934 г. в АССР немцев Поволжья было три русских национальных района — Золотовский, Старо-Полтавский и Федоровский (Административно-территориальное деление СССР. Справочник. М. 1935). А в целом в составе населения республики в 1933 г. (576 тыс. чел.) немцы составляли 66,4%, русские — 20,4%, украинцы — 12%, другие национальные группы — 1,2% (БСЭ. I-е изд. Т. 41. М. 1939, С. 598).

⁴ См.: Крупник И. И., Мастюгина Т. М., Носенко Е. Э. Заседание секции социологии национально-политических отношений по проблеме будущего национального устройства Крыма // СЭ. 1989. № 3. С. 18—28.

СТАТЬИ

3. П. Соколова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИБИРЕВЕДЕНИЯ¹

Говоря об актуальных проблемах сибиреведения, необходимо хотя бы кратко подвести итоги исследований в области этнографии народов Сибири за истекшие 30 лет.

В 1950—1960 гг. завершился определенный этап в развитии советского сибиреведения и североведения. В 1956 г. в серии «Народы мира» вышел том «Народы Сибири» (М.; Л., 1956), который до сих пор не теряет своего фундаментального и обобщающего значения. К нему продолжают обращаться все сибиреведы, как начинающие, так и многоопытные. В 1960 г. вышла книга Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке», в 1961 г. — «Историко-этнографический атлас Сибири». Наконец, к этому же периоду относится выход книг М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (1955 г.) и «Малые народы советского Севера» (Магадан, 1957 г.). Эти труды представляют собой итог многолетней работы, которую вели советские этнографы на основе обобщения опубликованных ранее данных и тщательных полевых исследований. С тех пор прошло более 30 лет. За этот период вышло свыше 400 капитальных исследований — коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей, выпущенных Институтом этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, институтами СО АН СССР, Дальневосточного научного центра СО АН СССР, университетскими центрами, сложившимися за эти годы в Томске, Омске и других городах. Большая часть из них — монографии об отдельных народах, фундаментальные обобщающие труды, тематические коллективные и индивидуальные монографии, сборники статей, чаще всего объединенные общей темой².

С конца 50-х годов стали выходить труды по отдельным сибирским народам³ и их этническим группам⁴. Они явились в какой-то степени продолжением той работы, которая велась над томом «Народы Сибири» и сибирским атласом, оценивали методику исследования, собирания и осмысливания материалов. Позднее вышел ряд книг по культуре народов Сибири, посвященных анализу определенных комплексов культуры или этнической истории отдельных народов, а также культуре нескольких народов⁵. Таким образом, наметился переход от монографического исследования народов к более детальному изучению их культуры — в разрезе либо этнических групп, либо отдельных аспектов культуры. К сожалению, по не зависящим от сибиреведов причинам процесс подготовки монографических исследований по народам был приостановлен и ограничен. Стали считать, на наш взгляд необоснованно, что этот жанр этнографической литературы устарел. В результате по большинству народов Сибири мы не имеем обобщающих монографий, хотя за прошедшее тридцатилетие их можно было подготовить. Об этом приходится только сожалеть. Между тем работы такого типа имеют большое значение. Фиксация культуры каждого народа весьма важна как для понимания его истории, развития его самосознания, так и в целях для нашей этнографической науки. Исследования подобного рода позволяют выходить на более высокий уровень обобщения, играют важную роль в решении прикладных задач, в частности проблем межнациональных отношений. Д

мается, каждый этнограф, специализирующийся в области культуры какого-либо народа, должен ставить перед собой задачу в результате своих исследований написать подобную обобщающую монографию. Нам приходилось об этом говорить, но, к сожалению, мы поддержки не получили. Пока еще у нас есть время и имеются достаточно квалифицированные кадры, чтобы, хотя и с опозданием, выполнить эту работу. Через 10—20 лет это может быть уже поздно.

Большое значение для развития сибиреведения имели издания, специально приуроченные к сибирской тематике. Это, во-первых, пять выпусков Сибирских этнографических сборников новой серии Трудов Ин-та этнографии, во-вторых, местные периодические издания, из которых особо выделим более 20 выпусков Томского университета «Из истории Сибири», в-третьих, выпуски сборников научных сообщений, бюллетени и записки местных научных учреждений Якутске, Магадане, Улан-Удэ, Владивостоке, Благовещенске, Южно-Сахалинске.

В Сибирских этнографических сборниках публиковались как материалы по этнографии народов Сибири (статьи Е. А. Алексеенко, З. П. Соколовой, И. М. Таксами в выпуск III), так и работы обобщающего характера (статьи В. И. Васильева, В. А. Туголукова в V выпуске). В томской серии «Из истории Сибири» представлены ценные публикации по археологии и этнографии Западной Сибири, в основном местных ученых. К сожалению, оба эти периодические издания прекратили свое существование в 60—70-х годах, и теперь сибиреведы могут печатать свои, подчас уникальные материалы либо в сравнительно редких сборниках Музея антропологии и этнографии АН СССР, либо в выпусках «Полевые исследования Института этнографии» (1971—1989 гг.), либо в сборниках, объединенных одной темой или специально посвященных публикации материалов⁷. Несколько изданий посвящены вопросам методологии исторических, этнографических и археологических исследований⁸. Серия книг, изданных главным образом на местах, поднимает различные вопросы истории культуры народов Сибири⁹. В ряде монографий рассматриваются проблемы формирования и развития традиционной культуры народов Сибири¹⁰. В Томске 1978—83 гг. вышли четыре книги по этнокультурной истории народов Западной Сибири¹¹. В 1983—84 гг. в центре и на местах опубликованы несколько книг, анализирующих соотношение традиционных и современных элементов культуры народов Сибири¹². Изданы сборники статей, содержащие материалы междисциплинарных наук — этнографии, антропологии, археологии, фольклора¹³. Все эти работы содержат новые полевые материалы.

Результаты полевых исследований публиковались также в сборниках тезисов различных конференций, проходивших с 1960 по 1987 г. в сибирских городах (Томск, Омск, Новосибирск, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск). Крайне мало убликуются источники. За последние 30 лет изданы только материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. (Магадан, 1978), дневники В. Н. Чернецова (Томск, 1987 г.).

Различные стороны хозяйства, материальной и духовной культуры народов Сибири освещены также в научно-популярных изданиях, опубликованных 1968—85 гг. Ю. Б. Симченко (четыре книги), З. П. Соколовой (три книги), А. Туголуковым (две книги), И. С. Гурвичем, В. В. Чарнолусским, С. А. Арутюновым, В. В. Лебедевым и др. Говоря о развитии изучения отдельных проблем сибиреведения, следует отметить, что, пожалуй, больше всего повезло с участием в вопросов, связанных с этногенезом и этнической историей народов Сибири. Это не случайно и объясняется в первую очередь тем, что данное направление является одним из основных для Института этнографии АН СССР, головного учреждения в АН СССР, работающего по программе таких исследований. Институт выпустил серию коллективных монографий: «Этногенез народов Севера» — 1980 г., «Этническая история народов Севера» — 1982 г., «Этнокультурные процессы у народов Севера и Сибири» — 1982 г., «Этническое развитие народностей Севера и Сибири» — 1985 г. Проблемам этногенеза и этнической

истории отдельных народов Сибири и их групп посвящены индивидуальные монографии: Л. П. Потапова (алтайцы, хакасы, тувинцы); И. С. Вдовина (коряки и чукчи); Б. О. Долгих, В. И. Васильева, Л. В. Хомич (энцы и ненцы); И. С. Гурвича, С. А. Арутюнова, Д. А. Сергеева (народы Северо-Востока Азии); А. В. Смоляк (народы Нижнего Амура); Ю. Б. Симченко (народы циркумполярной зоны); Р. Г. Ляпуновой (алеуты); Г. Н. Румянцева (буряты); Н. А. Томилова (сибирские татары); Г. И. Пелих (селькупы) и др. Этой же теме посвящены несколько сборников¹⁴. В ряде коллективных трудов и сборников опубликованы исследования этнографов, археологов, лингвистов, антропологов, доложенные на различных конференциях по данной тематике, проходивших в Томске, Новосибирске, Омске, Петрозаводске, Улан-Удэ¹⁵.

Все эти работы значительно продвинули нас в понимании происхождения народов Сибири. В них обобщены опубликованные материалы по данной проблематике, в том числе новые археологические исследования, и представлены многообразные мнения сибиреведов о происхождении тех или иных народов или их групп. Проблема этногенеза не может быть решена на основе только этнографических материалов. Однако за истекшие 30 лет у нас не появилось исследователей, которые, овладев всеми имеющимися данными смежных наук (этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, фольклористики), подготовили бы фундаментальные труды с развернутой картиной этногенеза той или иной лингвистической группы или отдельного народа. Нужна установка и ориентация на такие работы и подготовка соответствующих кадров.

Проблемы этнической истории и этнических процессов у народов Сибири стали намного яснее благодаря введению в научный оборот многих новых архивных материалов, в результате чего представления исследователей по этому кругу проблем были расширены и детализированы. Но на очереди еще целый ряд вопросов о времени формирования этнических групп того или иного народа, путях вхождения отдельных народов в состав России, характере этнических взаимосвязей в XVII—XIX вв. и др.

Проблемы, связанные с формированием хозяйствственно-культурных типов, развитием хозяйства народов Сибири, разработаны в меньшей степени. Можно назвать лишь несколько книг на эту тему: «Охотники, собиратели, рыболовы» (Л., 1972), «Этнография народов Сибири» (Новосибирск, 1984), «Культурные традиции народов Сибири» (Л., 1986). Эта тематика освещалась и в уже упоминавшихся монографиях о тех или иных народах, а также в общих работах, ряде статей (особенно касающихся оленеводства). Изучение путей развития отдельных отраслей традиционного хозяйства народов Сибири (охота, рыболовство, оленеводство, морской зверобойный промысел, земледелие и скотоводство, собирательство) и связанных с ними орудий труда у отдельных народов Сибири и в целом по всему региону, и в виде обобщающих фундаментальных книг еще ждет своих исследователей.

Обширные сведения накоплены по материальной культуре народов Сибири: часть их вошла в коллективные работы¹⁶, индивидуальные монографии И. Е. Тугутова — по бурятам, Т. В. Лукьянченко — по саамам, Ю. А. Сема — по нанайцам, Н. К. Старковой — по ительменам, Н. В. Лукиной — по хантам. Ф. М. Зыкова — по якутам и др. Материальная культура народов Сибири освещена также в археолого-этнографических каталогах музеев Томского и Омского университетов.

Вместе с сибирским атласом это хорошая основа для обобщений. Однако и все еще сделано в этой области. Слабо изучены орудия труда, утварь и особенно вопросы, связанные с пищей народов Сибири — рацион питания, способы хранения продуктов и приготовления блюд. На очереди обобщающие исследования в одежде, жилище, средствам транспорта, которые можно выполнить на основе имеющихся работ Н. Ф. Прятковой, Г. М. Василевич, А. А. Попова, а также новых материалов.

С тех пор как вышла в свет книга «Общественный строй у народов Сибири

(М., 1970), подобных обобщающих работ не было. И хотя эта проблематика рассматривалась в ряде коллективных и индивидуальных трудов ¹⁷, а также в соответствующих разделах монографий Е. А. Алексеенко, В. В. Антроповой, М. Василевич, А. А. Попова, Л. В. Хомич, В. А. Туголукова, У. Г. Поповой, М. Кулемзина, Н. В. Лукиной, Н. А. Миненко, И. С. Вдовина, В. В. Карлова, Н. М. Таксами, в целом можно сказать, что таких исследований еще мало. Круг проблем социально-экономического развития народов Сибири, форм социальной организации, социальных связей еще нуждается в серьезном анализе. Недостаточно изучено формирование и развитие территориально-соседской общины, ее сибирская специфика, развитие имущественной дифференциации, процессы классообразования. Нередко для характеристики этих явлений и процессов мы пользуемся стереотипными фразами. Нужны конкретные исследования по разным народам Сибири. Остается невыясненным соотношение в обществах отдельных народов Сибири XIX — начала XX в. кровнородственных и территориально-соседских связей, пережитков первобытно-общинных отношений и имущественной дифференциации. Не до конца ясен институт патронимии у разных народов Сибири. Еще менее изучены семья, брачные и семейные отношения у них. По данной проблематике можно назвать лишь несколько книг: две работы по бурятам К. Г. Басаевой, книги по алтайцам Н. И. Шатиновой, по элькупам — И. Н. Гемуёва, по якутам — Б. Н. Попова. Правда, в монографиях на народах Сибири (ульчах, нивах, якутах, эвенках и эвенах, тувинцах-тоджинах) А. В. Смоляк, Ч. М. Таксами, И. С. Гурвича, С. И. Николаева, С. И. Вайнштейна есть разделы, посвященные семье и браку, но этого явно недостаточно. В этих и других монографиях об отдельных народах рассматриваются и вопросы семейной (родильная, свадебная, похоронная) обрядности. Специально и посвящена лишь одна монография — «Семейная обрядность народов Сибири» (М., 1980). Воспитание детей рассматривается также лишь в одной монографии ¹⁸. Конкретных исследований по воспитанию детей у отдельных народов проводится крайне мало, вследствие чего пока еще трудно планировать обобщающую работу по этой теме. Сибиреведы должны сделать все возможное, чтобы ликвидировать белое пятно в нашей науке, возникшее в связи с недостаточной разработкой упомянутой темы.

Зато исследование религиозных представлений и обрядов весьма популярно у сибиреведов. Здесь мы имеем довольно обширную литературу. Особо следует выделить серию книг, изданных ленинградскими сотрудниками Института этнографии АН СССР: «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера» (1976 г.), «Памятники культуры народов Сибири и Севера» (1977 г.), «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири» (1979 г.). Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири» (1981 г.). Эти работы значительно продвинули нас в осмыслении многих проблем религиозного мировоззрения, ранних форм религии. Бессспорно, большой заслугой авторов является нестандартный подход к изучению представлений сибирских народов — выше, к употреблению самого термина «душа», дифференцированный и конкретизированный подход к ранним формам религии, например тотемизму. Но, к сожалению, в силу нехватки специалистов народы Севера и Сибири представлены в этих монографиях лишь наполовину.

Отметим также ряд книг, посвященных шаманизму сибирских народов: работы Т. М. Михайлова (1962, 1980 и 1987 гг.), монографии Н. А. Алексеева, Г. Ц. Цыбикова, Е. С. Новик, М. Б. Кенин-Лопеана. Шаманские представления и культ рассмотриваются также в ряде исследований, посвященных религии в целом: Н. А. Алексеев (якуты), А. А. Попов и Г. Н. Грачева (нганасаны), И. Мизин (эвенки), Г. Р. Галданова (буряты) и т. п. По-видимому, скоро времени мы будем иметь исследования по шаманизму почти всех народов Сибири и появится редкая возможность, используя эти труды, написать обобщающую работу, показав особенности сибирского шаманизма, его универсальные черты и наметить некоторые линии его формирования.

Помимо перечисленных, упомянем также и другие работы о религиозных представлениях и культуре народов Сибири, принадлежащие А. Ф. Анисимову, Н. А. Алексееву (третья книга), В. М. Кулемзину (две работы), В. М. Дьяконовой, А. М. Сагалаеву, И. Н. Гемуеву и А. М. Сагалаеву и др., несколько сборников статей¹⁹, а кроме того — связанные с этой тематикой исследования С. В. Иванова²⁰. И тем не менее еще немало слабоизученных мировоззренческих проблем сибиреведения как по отдельным народам (селькупы, долганы, эвены и др.), так и обобщающего характера. Требуют обсуждения вопросы унификации терминологии, относящейся к ранним формам религии, системы и методики подхода к анализу религий и культов народов Сибири; многое неясно для ученых в формировании и развитии сибирского шаманства.

Изучение искусства народов Сибири идет заметно менее интенсивно. И хотя в целом список трудов по этой тематике не так уж и мал²¹, этнографических в нем немного: еще одна книга С. В. Иванова об орнаменте сибирских народов, работы А. В. Тумахани, И. И. Соктоевой и Р. Д. Бадмаевой по бурятскому искусству, И. С. Вайнштейна — об искусстве тувинцев, несколько сборников и альбомов.

То же самое можно сказать и об изучении и публикации фольклора сибирских народов²³, в том числе и музыкального²⁴. Эта работа ведется пока в основном искусствоведами, фольклористами и лингвистами. У нас мало этнографов специалистов в области фольклора, народной хореографии²⁵; по всей видимости, необходимо готовить такие кадры.

Еще менее изучаются другие аспекты духовной культуры народов Сибири — праздники, игры, народные знания и пр. Здесь можно назвать работы Г. Г. Л. А. Востриковых о медицине удэгейцев (1971 г.), Т. С. Тейна о празднике эскимосов (1980 г.).

В течение прошедшего тридцатилетия советские этнографы занимались изучением современной культуры народов Сибири, особенно народов Севера. Выпущено немало книг, посвященных социалистическим преобразованиям в их хозяйстве, образе жизни, быте, материальной и духовной культуре как Институтом этнографии АН СССР²⁶, так и на местах²⁷; часть их написана историками, экономистами, социологами²⁸. Эти труды дают довольно полное представление о процессах и изменениях, наблюдаемых в культуре народов Севера. Применительно к народам Восточной и Южной Сибири этой тематикой занимаются гораздо меньше. Общим недостатком почти всех работ, касающихся современной жизни, является их парадность, нередко доходящая до лакированных восхваления достигнутого при отсутствии анализа той сложности, которая характерна для современного развития хозяйства, культуры и языка — обход острых углов и проблем, замалчивание недостатков и ошибок в проведении национальной политики на местах.

В настоящее время уже начали появляться отдельные работы, объективно освещдающие сложные явления экономической, социальной и культурной политики на Севере²⁹. Однако это только начало. Предстоит исследование целого ряда негативных явлений в развитии национальной культуры народов Севера Сибири. Сейчас в некоторых этнических группах народов Севера идут порою необратимые процессы деэтничации — полной утраты национальной культуры и языка, особенно в районах ускоренного промышленного освоения территории Крайнего Севера, например в Западной Сибири. На очереди промышленное освоение Ямала, Таймыра и Чукотки. В связи с этим еще более актуальными становятся вопросы о перспективах развития традиционного хозяйства, преобразования типов расселения и образа жизни. От их решения в значительной мере зависят поселковое и жилищное строительство, развитие материальной и духовной культуры, в том числе школьного образования и родных языков в фоне все более распространяющегося русского языка.

В развитии промыслового хозяйства народов Севера наметились следующие важные проблемы: постоянное, из десятилетия в десятилетие сокращение

меньшеме занятое в нем коренного населения, нерентабельность хозяйств (колхозов, совхозов), слабая степень преобразования отраслей (особенно олениводства, охоты, в какой-то степени рыболовства) и в связи с этим сохранение изжелого физического труда и неблагоустроенности быта работников, наконец, изхватка квалифицированных кадров, особенно из молодежи, потеря преемственности в традиционном хозяйстве. Этнографы правильно полагали, что развитие национальной культуры народов Севера теснейшим образом связано с развитием их традиционного хозяйства. Но теперь не менее очевидной становится и связь национальной культуры с типом расселения и образом жизни народа. Ускорение процесса оседания кочевого населения, укрупнение колхозов совхозов и селение оленеводов в крупные поселки из мелких традиционных (которые затем были ликвидированы) со всей очевидностью показали связь этих процессов с утратой национальной культуры. Переехав на новые места, часть жителей потеряла связь с промысловой территорией и традиционными занятиями, а переселившись в новые дома и оставив на прежних местах предметы быта, утварь, орудия труда, утратив традицию обстановки дома и пр., тем самым отказалась от своей национальной культуры почти полностью. Так говорили нам манси: «Забыли все свое родное».

Остро стоят проблемы благоустройства поселков, жилищного строительства, сохранения и развития традиционной материальной культуры — орудий руда и промысла, средств транспорта, традиций усадебной планировки и застройки, интерьера жилища, утвари, одежды, обуви, головных уборов, украшений, способов обработки и хранения рыбы, мяса, ягод, орехов, баланса пищевого рациона, включения в него национальных блюд.

В развитии семьи, брачных и семейных отношений тоже немало проблем. Наиболее важные из них — нарушение воспроизводства населения, а кое-где необходимость реконструкции, возрождения традиционной семейной структуры, повышения уровня брачности и детности, снижения детской смертности. Развитием этих процессов связано само существование большинства народов Севера. Если в целом в последние два-три десятилетия³⁰ отмечена стабилизация их численности, то по отдельным народам заметна тенденция к уменьшению их числа, что может привести к депопуляции³¹. На фоне все более широко входящего в быт народов Севера и Сибири русского языка, а также распространения двуязычия тревогу внушает утрата родных языков. Особенно интенсивно эти процессы проходят в последние десятилетия, наиболее активно — у алеутов, ительменов, юкагиров, народов Амура и Сахалина, эвенков, замов, отдельных групп ненцев, манси, селькупов, хантов, эвенов. В связи с этим требуют специальной разработки вопросы дальнейшего развития школьного образования как в аспекте изучения родных языков, так и в плане приближения производственного обучения к традиционным отраслям производства и традиционной духовной культуре (фольклор, игры, искусство). Развитие как национального, так и профессионального искусства (декоративно-прикладного, музыкального, народной хореографии, профессиональных литературы, живописи,ulptury, графики, музыки, театра) должно найти важное место в духовной культуре народов Севера и Сибири.

В связи с поднятыми вопросами важен другой аспект преобразований жизни народов Севера: каковы должны быть темпы этих преобразований. Видимому, ускоренные темпы, которые до сих пор имели место, не способствуют сохранению национальной культуры.

Этнографам еще предстоит объективно и детально изучить все эти проблемы. Традиционно со временем деятельности Комитета Севера этнографы не только следили процессы развития культуры, но и выдвигали конструктивные предложения, направленные на улучшение социально-экономических и культурных условий жизни коренного населения Севера и Сибири. Такую работу биреведы должны проводить постоянно. Координацией исследования в этой части занимается Региональная межведомственная комиссия по координации

комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера (Новосибирск). Можно высказать пожелание, чтобы в ее работе более активно участвовали этнографы и чтобы их предложения были использованы. К сожалению, пока практика такого сотрудничества не удовлетворяет этнографов. Так, например Институту этнографии АН СССР Комиссией было поручено подготовить раздел о культуре для разработки общей концепции социального и экономического развития народов Севера на перспективу до 2005 г. Однако наши основные положения и идеи³² не вошли в общий документ³³. За послевоенные годы особенно за последние 30 лет, в центре и на местах сложились квалифицированные научные кадры сибиреведов, сформировались академические сибиреведческие научные и издательские центры: в Институте этнографии АН СССР (Ленинград, Москва), Сибирском отделении АН СССР (Новосибирск, Якутск, Улан-Удэ), Дальневосточном научном центре СО АН СССР (Владивосток, Магадан); университетские центры — кафедры и лаборатории (Москва, Ленинград, Томск, Омск, Новосибирск); музейные центры (Южно-Сахалинск, Петропавловск-на-Камчатке, Кемерово, Красноярск и др.). Из более чем 400 книг, рассмотренных нами, 45% принадлежит центральным научным учреждениям Москвы и Ленинграда, 15% — академическим и вузовским центрам Томска и Омска, около 12% — Новосибирска, 12% — Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Магадана, 6% — Якутска, 5% — Улан-Удэ (с учетом того, что часть книг, хотя и напечатана в Москве или Новосибирске, подготовлена в Якутске, Улан-Удэ, Кызыле, Магадане и др.), остальные 59% научной продукции по проблемам культуры народов Севера и Сибири выпущены в других городах страны, по большей части сибирских (Южно-Сахалинск, Горно-Алтайск, Красноярск, Кемерово, Петропавловск-на-Камчатке, Салехард, Петрозаводск, Казань, Уфа, Таллинн и Свердловск).

Имея в виду наличие научных центров, в которых активно работают 70—75 сибиреведов, и исходя из проделанного нами анализа сибиреведческой литературы, опубликованной за последние 30 лет, в целях координации дальнейших научных исследований можно было бы предложить ряд тем для будущих исследований (в ряде случаев соединенными усилиями). Подобное планирование осуществлялось руководством научных учреждений и раньше. Достаточно вспомнить серии исследований по современным этническим процессам народов Сибири, их этногенезу и этнической истории, этнокультурным процессам, связи традиционной и современной культур, преобразованиям в культурах народов Севера. Об этих общих подходах к исследованиям достаточно красноречиво свидетельствуют сходные заглавия книг и сборников, опубликованных разных научных центрах, но примерно в одно и то же время. Часть будущих исследований может быть выполнена в качестве диссертационных работ. Кто показывает практика, многие белые пятна в нашей сибиреведческой науке были ликвидированы подобным образом³⁴, а из диссертаций затем родили добротные монографии³⁵.

В будущем в Академии наук СССР темы «Этногенез и этническая история народов мира» и «История культуры» будут, по-видимому, приоритетными. В рамках этой проблематики можно было бы запланировать серию книг «Народы Сибири в XIX в.». Первый том серии — «Расселение, численность, этнические группы» — может быть выполнен по образцу ценнейшего труда Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке»: в статистических материалах ревизских переписей конца XVIII—XIX в. Эти данные уже вводятся в оборот отдельными исследователями. В такой книге можно было бы суммировать по всем возможным группам и сопоставлять материалы XVII в. с данными начала XX в. Такая работа уже включена в план Института этнографии АН СССР.

Второй том этой серии было бы целесообразно посвятить теме «Хозяйственно-культурные типы у народов Сибири (экологического-этнического-культурного-хозяйственного)

специфика», третий — теме «Календарь народов Сибири как явление культуры и исторический источник». В известном теоретическом осмыслении нуждаются и такие темы, как «Жилище», «Одежда», «Средства транспорта». Они могут быть разработаны в двух аспектах: как обобщение на новом этапе материалов, накопленных после выхода сибирского атласа, а также в аспекте выявления процессов формирования этнокультурных регионов в Сибири. Однако такой работе должен предшествовать сбор конкретных материалов.

В рамках этой же серии объединенными усилиями сибиреведов можно было бы провести исследования и по другим темам: «Территориально-соседская община и производственные объединения», «Семья, брачные и семейные отношения», «Праздничная культура», «Основные направления развития искусства», «Шаманизм у народов Сибири: общее и особенное», «Мировоззрение народов Сибири в свете ранних форм религии». Подготовкой к выпуску данной серии могла бы послужить серия монографий о народах. Некоторые учреждения Дальневосточный научный центр, Томский университет) уже ведут такие исследования, имеющие и большое самостоятельное значение.

Проблемы, касающиеся этнической истории народов Сибири и современных этнических процессов, в будущем не потеряют своей актуальности. Возможно их изучение в виде конкретных тем: «Культура народов Сибири в процессе взаимовлияний и контактов», «Современные этнические процессы у народов Севера и Сибири».

Институт этнографии АН СССР готов выступить головной организацией, координатором данных исследований. Хотелось бы, чтобы сибиреведы других научных центров откликнулись на эти предложения.

Примечания

¹ Доклад, прочитанный на Всесоюзном совещании «Актуальные гуманитарные проблемы сибиреведения» в Ленинграде (май 1988 г.).

² См. библиографические указатели: Советское финно-угроведение, 1975—1980. Материалы VI Международному финно-угорскому конгрессу. Турку, 1980. М., 1980; Советское финно-угроведение, 1980—1984. Материалы к VI Международному финно-угорскому конгрессу. Сыктывкар, 1985. М., 1985; Социально-экономическое и культурное развитие народностей Севера (Указатель литературы за 1970—1983 гг.). Новосибирск, 1983; Народности Севера (Указатель литературы за 1983—1986 гг.). Новосибирск, 1988.

³ Паркин В. Г. Удэгейцы. Владивосток, 1959; Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959; Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961; Паркин В. Г. Орочи. М., 1964; Смоляк А. В. Ульчи. 1966; Хомич Л. В. Ненцы. Л., 1966; Таксами Ч. М. Нивхи. Л., 1967; Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967; Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969; Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969; Чигропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971; Вайнштейн С. И. Историческая этнография юннцев. М., 1972; Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары. Казань, 1980; Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980; Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск, 1983; Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков. М., 1983; Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984; История и культура чукчей. Л., 1987.

⁴ Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964; Сатлаев Ф. Кумандины. Горно-Алтайск, 1974; Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов. М., 1977; Кулемин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977; Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981; История и культура удэгейцев. Л., 1983.

⁵ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М., Л., 1965; Потапов Л. П. Очерки родного быта тувинцев. Л., 1969; Юкатиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975; Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975; Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975; Гоголев А. И. Лекции по исторической этнографии якутов. Якутск, 1978; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980; Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. М., 1982; Гоголев А. И. Историческая этнография якутов: народныеания и обычное право (учебное пособие). Якутск, 1983; его же. Историческая этнография якутов (вопросы происхождения якутов). Учеб. пособие. Якутск, 1986.

⁶ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Соколяк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984; Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985; Народы Дальнего Востока СССР в XVIII—XIX вв. М., 1985.

⁷ Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1973; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней Новосибирск, 1974. См. также сборники: Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М., 1986; Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986; Субэтносы в СССР. Л., 1986; Древний и средневековый Восток. М., 1987.

⁸ Методология исследований и историография Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; Методология исследований по проблемам истории и культуры народов Дальнего Востока. Владивосток, 1978; Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

⁹ История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964; История и культура народов севера Дальнего Востока. Магадан, 1967; История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971; Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974; Вопросы истории и социологии народов Якутии. Якутск, 1975; История и культура народов Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976; Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975; История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1986, и др.

¹⁰ Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток, 1978; Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981; Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985; Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986; Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986; Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

¹¹ Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978; Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978; Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980; Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

¹² Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983; Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ, 1983; Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983; Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983; Культура народов Дальнего Востока. Традиции и современность. Владивосток, 1984.

¹³ Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968; Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972; Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978; Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978; История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979; Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981; Археология и этнография Приобья. Томск, 1982; Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1983; Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984; Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

¹⁴ Этническая история народов Азии. М., 1972; Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978; На стыке Чукотки и Алжасы. М., 1983.

¹⁵ Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969; Проблемы этногенеза народов Сибири Дальнего Востока. Новосибирск, 1973; Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979; К истории малых народностей Европейской Сибири СССР. Петрозаводск, 1979; Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980; Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983; Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984; Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. См. также издания Томского университета 1976, 1979, 1987 гг.

¹⁶ Одежда народов СССР. Л., 1970; Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976; Жилище и орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1987 (Деп. в ИИОН АН СССР № 29262).

¹⁷ Сем Ю. А. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959; Файберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966; Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX—XX в. (социально-экономический очерк). Новосибирск, 1970; Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1971; Башарин Г. П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начал XX в. Якутск, 1974; Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974; Социальная история народов Азии. М., 1975; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблема фратрии и рода. М., 1983, и др.

¹⁸ Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988.

¹⁹ Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. // Сб. МАД 27. Л., 1971; Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985; Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.

²⁰ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1971; его же. Маски народов Сибири. Л., 1975.

²¹ См. книги Т. Б. Митлянской, Н. И. Каплан, Л. Е. Тимашовой, К. П. Белобородовой, а также сборники трудов Научно-исследовательского института художественных промыслов; Сельскому чтили о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983; Проблемы народного прикладного искусства в Якутии. Якутск, 1984, и др.

²² Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980; Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984; Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа) / Сост. и вводная статья Лукиной Н. В. Томск, 1979.

²³ Мифологические сказки и исторические предания энцев / Записи, введение и комментарий

Долгих Б. О. // ТИЭ. Т. 66. М., 1961; *Бытовые рассказы энцев* / Записи, введение и комментарии. Долгих Б. О. // ТИЭ. Т. 75. М., 1962; *Мифологические сказки и исторические предания нганасан*. М., 1976; *Языки и фольклор Сибирского Севера*. М.; Л., 1966; *Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков* М.; Л., 1966; *Этническая история и фольклор* М., 1977; *Фольклор и этнография*. Л., 1977 и 1984. См. также: *Воскобойников М. Ф. Эвенкийский фольклор* Л., 1960; *Меновицков Г. А. Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник* М., 1964; *его же*; *Исследования по языку и фольклору наукаанских эскимосов* Л., 1987; *Аворин В. А. Орочские сказки и мифы*. Новосибирск, 1966; *Дульзон А. П. Кетские сказки*. Томск, 1966; *Романова А. В. Мищеева А. Н. Фольклор эвенков Якутии* Л., 1971; *Крейнович Е. А. Нивхги: Загадочные обитатели Сахалина и Амура* М., 1979; *Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: цикл ворона* М., 1979; *Лебедева Ж. К. Архангельский эпос эвенов*. Новосибирск, 1981; *Эпос охотских эвенов*. Якутск, 1986, и др.

²⁴ *Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири*. М., 1966; *Проблемы музыкального фольклора народов СССР*. Статьи и материалы / Сост. и ред. Земцовский И. И. М., 1973; *Вертков К. Благодатов Г. Язовщкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР*. М., 1975; *Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномузыкальные связи с другими народами*: Тез. докл. Таллинн, 1976; *Музыкальное наследие финно-угорских народов* / Сост. и ред. Рюнитель И. Таллинн, 1977 (о публикациях и исследованиях музыкального фольклора финно-угорских и саамийских народов в СССР за 1978—1984 гг. см. в указателях литературы: «Советское финно-угроведение»); *«Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока»*. Новосибирск, 1986, и др.

²⁵ Можно назвать лишь три книги в этой области — две М. Я. Жорницкой и одну С. Ф. Карабановой.

²⁶ *Таксами Ч. М. Возрождение нивхской народности*. Южно-Сахалинск, 1959; *Гурвич И. С. Кузаков К. Г. Корякский национальный округ* М., 1960; *Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера* // ТИЭ (нов. сер.). Т. 56. М., 1960; *Таксами Ч. М. Переустройство культуры и быта народов Нижнего Амура и Сахалина*. М., 1964; *Стракач Ю. Б. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров*. Новосибирск, 1966; *Новая жизнь народов Севера*. М., 1967; *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера*. М., 1970; *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера*. М., 1971; *Этнографические аспекты изучения современности*. Л., 1970.

²⁷ *Леонтьев В. В. Школа и труд. Магадан, 1964; Гоголев З. В. Социально-экономическое развитие Якутской АССР (1917—1941 гг.)*. Новосибирск, 1972; *Леонтьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.)*. Новосибирск, 1973; *Время, события, люди. Магадан, 1973; Гасаева К. Г. Преобразования в семьяно-брачных отношениях бурят*; Улан-Удэ, 1974; *Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар*. Томск, 1978; *Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока*. Владивосток, 1981; *Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири, Томск, 1981; Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития*. Тез. докл. Новосибирск, 1983; *Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии*. Якутск, 1985; *Культура народностей Севера: традиции и современность*. Новосибирск, 1986; *Проблемы современного социального развития народностей Севера*. Новосибирск, 1987; *Попов Б. Н. Социалистические преобразования семьяно-брачных отношений у народов Якутии*. Новосибирск, 1987, и др.

²⁸ См., например: *Яковлева Е. В. Малые народности Приамурья после социалистической революции*. Хабаровск, 1957; *Кузаков К. Г. Национальные округа Крайнего Севера СССР*. Пособие для учителей. М., 1964; *Зибарев В. А. Советское законодательство у малых народностей Севера 1917—1932*. Томск, 1968; *Возрожденные народности*. Владивосток, 1968; *Балицкий В. Г. От ариархально-общинного строя — к социализму*. М., 1969; *Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму*. М., 1971; *Клеценок И. П. Исторический опыт по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера*. М., 1972; *Севильгаев Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока*. Л., 1972; *Кузаков К. Ожившая тундра*. Владивосток, 1973; *Переход к социализму народностей Севера (исторический очерк)*. Томск, 1974; *Россубу Б. М. Малые народности Приамурья в 1959—1965 гг.* Хабаровск, 1976; *Увачан В. Н. Народы Севера в условиях развитого социализма*. Красноярск, 1977; *Таежные зори: Большая судьба малых народов*. Хабаровск, 1978; *История социалистического строительства на Камчатке*. Владивосток, 1979; *БАМ и народы Севера*. Новосибирск, 1979; *Бубнис Г. К. Нефедова С. П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе*. М., 1981; *Кузаков К. Г. Социализм и судьбы малых народностей Северо-Востока СССР*. Магадан, 1981; *Гарусов И. С. Социалистическое преобразование сельского и промышленного хозяйства Чукотки (1917—1952)*. Магадан, 1981; *Кузаков К. Г. Социализм и судьбы малых народностей Северо-Востока СССР*. Магадан, 1981; *Зибарев В. А. Чистякова Н. А. С помощью победившего пролетариата*. Магадан, 1982; *Лашов Б. В. Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера*. Л., 1982; *Увачан В. Н. Годы, иные века*. М., 1984; *Клоков К. Б. Пика А. И. Равкин Е. С. Охрана и рациональное использование территории Крайнего Севера*. М., 1983; *Бойко В. И. Попков Ю. В. Развитие отношений труда у народностей Севера при социализме*. Новосибирск, 1987, и др.

²⁹ *Региональные проблемы социально-демографического развития*. М., 1987; *Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 концепция развития*. М., 1988 (2-е изд. — 1989 г.).

³⁰ *Этническое развитие народов Севера*. С. 101. Табл. 1; *Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса*. С. 7—4 — Табл. 1; см. также С. 8, 11—12.

³¹ Региональные проблемы социально-демографического развития. С. 44—45.

³² Этнокультурное развитие народностей в условиях научно-технического прогресса.

³³ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.

Новосибирск, 1989.

³⁴ Кривоногов В. П. Современные этнические процессы среди хакасов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники у бурят: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Головин А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

³⁵ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1964; Грачева Г. Н. Ранние представления инганаан о человеке. Л., 1974; Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. М., 1978; Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. М., 1981, и др.

Л. Ф. Артюх, Т. В. Космина

ЭТНИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЦЕВ

Разделение народной культуры на два пласта — материальную и духовную в этнографической, археологической, философской литературе издавна признано условным. Поэтому, исследуя культуру жизнеобеспечения как подсистему культуры в широком значении этого слова, этнографы стремятся рассматривать ее во всех аспектах — как материальные предметы, так и ту духовную деятельность человека, которая с ними связана: «весь набор своих биологических, социальных и интеллектуальных характеристик, в том числе комплекс социально унаследованных, закрепленных в механизме этнокультурной традиции идей, представлений, стандартов поведения, нормативных критериев, предпочтений и т. п.»¹.

Одним из важных аспектов социальных функций мира вещей является их знаковость, символичность. В данной статье мы остановимся на предметной сфере и отдельных аспектах человеческой деятельности, связанной с ее производством или потреблением, которые приобрели статус этнических символов. На примере украинской культуры, привлекая этнографический материал по другим славянским народам, мы попытаемся также затронуть проблему территориально-пространственных связей, соотношения суперэтнического, этнического и субэтнического в культурной традиции, общего и особенного в системе традиционных знаковых стереотипов.

Нас интересует символ (греч. σύμβολον — знак, примета) не просто как «знак тех или иных предметов», но как структура, заключающая в себе «обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания»². Смысловое же значение знака — это «его свойство представлять, фиксировать определенные стороны, черты, характеристики обозначаемого объекта, определяющие область приложения знака; это то, что понимает человек, воспринимающий или воспроизводящий данный знак»³. Таким образом, взяв за основу данные дефиниции и опираясь на тезис — коммуникативность является одной из главных функций традиции, присоединимся к мысли, что употребление знаков и знаковых систем дает возможность упростить процессы накопления, сохранения и передачи человеческого знания⁴.

В этнографической науке проявляется особый интерес к той информации, которая закодирована в экстраutiлитарных элементах, имеющих не практический, а символический смысл⁵, т. е., говоря словами С. А. Токарева, «материальный предмет интересует этнографа не сам по себе, а в его отношении к человеку или в отношении человека к этому предмету. Но еще важнее для этнографа другое: отношения между людьми в связи с данным предметом, т. е. говоря шире, социальные отношения, опосредствованные материальными предметами»⁶.

Чтобы конкретизировать понимание механизма превращения предмета в символ, рассмотрим следующую условную иерархическую схему этого процесса: формирование этнических *предпочтений* в производстве и потреблении бытовых предметов; оформление представлений об этих предметах и восприятие их этносами-носителями и другими этносами; *стереотипизация* определенных явлений в культуре этноса; наделение знаковой *символической* сущностью элементов этнической материальной культуры.

Таким образом, мы выделяем три уровня по степени возрастания символичности предметов (предпочтения — стереотипы — символы). Естественно, предложенная нами схема не является универсальной *. Она избрана исключительно для решения поставленной в статье задачи: определить пространственно-территориальную прикрепленность материальной символики и ее историческую долговечность (продолжительность бытования) в украинской культуре, коснувшись при этом некоторых вопросов формирования этнических символов.

В общей системе традиционной материальной культуры достаточно различны области большей и меньшей степени устойчивости и выразительности этнической специфики. Так, к примеру, в пище эта специфика проявляется более определенно, многообразно и длительно, чем в одежде и жилище ⁷. Однако при этом в каждой из областей материальной культуры есть явления, особо значимые для процессов формирования, сохранения и передачи этноспецифических характеристик предметов и для процессов превращения предмета в символ. Как одно из наиболее важных в них можно выделить *предпочтение*. Предпочтительный выбор определенных видов культурных форм, санкционированных традицией той или иной этнической общности, способствует закреплению за ними статуса этнических символов разного таксономического уровня, от субдо суперэтнического.

В области народной пищи, например, среди других явлений, сохраняющих этническую (локальную, региональную) специфику, предпочтения занимают одно из первых мест ⁸. Для украинской традиции (как и славянской и европейской земледельческой традиции в целом) характерно предпочтение пищи из зерновых продуктов. Веками выработанное уважение к тяжелому, но престижному труду земледельца сформировало определенный идеал и в системе производимых им материальных ценностей, в данном случае — хлеб. Сложился даже стереотип восприятия хлеба как воплощения надежд на благополучное и безбедное существование. В пословицах и поговорках можно найти бесчисленное множество этому примеров: «хліб всьому голова»; «хліб та вода — та ѹ нема голоду»; «хліб та капуста — в животі не пусто»; «клади перед людей хліб на столі — будеш є людям на чолі» (укр.); «хлеба край — так и под елью рай»; «хлеб и вода — крестьянская еда» (рус.) и т. п. Соответствия этим примерам имеются в фольклоре и других славянских народов.

Именно хлеб в украинской традиционной культуре (и не только сельской, но и городской) стал олицетворением высших нравственных устоев: уважение к труду, человеку труда. В иерархии пищевых предпочтений хлеб занял одно из ведущих мест, превратился в символ гостеприимства и благосостояния, труда и мира, и вполне закономерно колосья вошли в символику Государственного герба СССР и гербов союзных республик, в частности Советской Украины.

Имея знаковый статус общетнического символа в украинской культуре, хлеб обладает значительно более широкой, чем территория украинского этноса, пространственной прикрепленностью. Хлеб-соль как символ гостеприимства, к примеру, характерен для всех славянских и многих других народов мира. Суперэтническая сущность хлеба-символа свидетельствует как о давних общих

* В частности подавляющее большинство этнических предпочтений не стереотипизируется и не ановится этническими символами, однако этнические символы рождаются только на основе выработки этнически стереотипных форм или элементов культуры. Стереотип в данном случае отличается от предпочтения тем, что его наиболее характерной чертой является эмоциональная искренность и тяготение к у становившимся, упрочившимся нормам в национальном сознании.

генетических корнях культуры, так и об общности экологических условий, направлении хозяйственной деятельности, а также о взаимодействии и взаимовлиянии культур и пр.

Однако и при избрании тождественного предмета-символа разноэтническими культурами ему всегда придается этническое своеобразие. К примеру, хлеб-соль подается гостям на рушнике, декор и форма которого у каждого этноса имеют свои особенности: различны также традиционный или стилизованный костюм девушек, вручающих хлеб, приветственная фраза, произносимая ими, «добро пожаловать» (рус.), «ласкаво просимо» (укр.), «*witamy*» (польск.). Даже форма хлеба может дать информацию об этнической традиции: для восточных славян более характерен каравай, для западных — калач.

Выработанные на протяжении веков на основании предпочтений стереотипы могут стать символами не только этнического, но и другого, скажем, конфессионального характера. Известно, например, что одним из пунктов расхождения внутри христианской церкви был вопрос о выборе способа изготовления хлеба для евхаристии: православная церковь в конце концов избрала хлеб из кислого теста, католическая — из пресного⁹.

Ритуальный хлеб в украинской обрядности, на протяжении ряда столетий олицетворяющий высшие ценности земледельческой культуры народа, до наших дней продолжает оставаться этническим определителем. Каравай как непременный атрибут современной свадебной и календарной обрядности украинцев сохранил и даже упрочил свое значение этнического символа: В обрядности других славянских народов также не обходилось без аналогичного ритуального хлеба: кумови краваи (бол.)¹⁰, *věpес*, *velký koláč*, *radosník*, *calta* (чешск., словацк.)¹¹, *kogowaj*, *kogowal*, *kołacz* (польск.)¹², каравай, курник (рус.)¹³, каравай (белорус.)¹⁴. Однако при единстве предмета и его функциональной характеристики в обрядовой символике разных народов каждая из этнических традиций имеет свои отличительные элементы (проявляются в форме предмета или частоте его бытования, преобладании одних функций над другими и проч.).

К предметам-символам, носителям этнической характеристики, общей для большинства славянских народов, можно отнести и свадебное деревце: «гільце», «вільце», «різка» (укр.), «дев'яя красота», «елка» (рус.), «*stromek*» (чешск.), «*družka*», «*lipka*», «*věpес*» (словацк.), «*gózga*», «*jablonka*», «*wianek*» (польск.), «кумовото дръвце», «сватбеното знаме» (болгарск.) и т. д.¹⁵ Будучи обязательным и ярчайшим атрибутом славянской обрядности, деревце одновременно служит знаком-отличителем, в какой-то мере противопоставляющим эту традицию восточнороманской. Обрядовое дерево у восточных романцев функционирует в похоронной обрядности. Это яркий пример семантической оппозиции ряда *свой / чужой, веселый / грустный, свадебный / траурный*, где сопоставляются две традиции соседствующих, но не родственных этносов.

Система вертикального развития жилого дома в восточнославянской традиции представлена двумя реализациями: возведением наземного жилого дома и сооружения дома на подклети (северорусская традиция). Это противопоставление (*наличие / отсутствие* вертикального развития жилого дома) стало своеобразным этноопредителем, этническим стереотипом русского жилища в сознании украинцев и белорусов. И хотя ареал дома на подклети охватывает лишь северные районы этнической территории русских, представления о русском жилище как на уровне типологически-сравнительных исследований общего и особенного в жилище восточнославянских народов, так и в сознании белорусов и украинцев на традиционно-бытовом уровне, связываются с жилищем на подклети, которое выступает в данном случае как этнический маркер¹⁶.

Аналогичны противопоставления, связанные с материалом стен жилого дома. Предпочтительное использование дерева (*сруб*) в русской и белорусской традиции сформировало стереотип представлений, получивший символическое значение общеэтнического типа русского и белорусского жилища как срубного в отличие от каркасного (*хата-мазанка*) украинского.

Наиболее типичные и выразительные формы компонентов культуры жизнеобеспечения этноса или субэтноса постепенно стереотипизируются, а затем закрепляются в сознании носителей этой культуры как этнические символы. Достаточно показательными в этом плане могут быть получившие высокий этнический статус этнографически конкретные реалии живописной трактовки такого обобщающего эпического образа — символа народного героя, как Казак Мамай с его неизменными материальными атрибутами (казацкая одежда, прическа, трубка, бандура, конь со сбруей под седлом и т. п.)¹⁷. Следует отметить, что и перечисленные выше атрибуты со временем также становятся символами. Исторические перемены, влекущие за собой изменения традиционно-бытовой сферы, вытесняют из живого бытования ряд элементов материальной культуры, функционирование которых предопределено различными факторами: историческими и экологическими, социально-экономическими и престижными. Исчезновение из повседневного обихода какой-либо вещи не означает вытеснения из сознания установившегося стереотипа представлений, образа, который бытует зачастую значительно дольше самого предмета.

Рассматривая закономерности формирования национальных стереотипов в области национальной психологии, армянские ученые приходят к выводу, что некоторые стереотипы формируются в результате интерпретации каких-либо исторических событий¹⁸.

Каковы же причины столь стойкого закрепления в восприятии как изнутри, т. е. самим этносом, так и извне (другими этносами) некоторых компонентов культуры, обладающих высоким знаковым статусом? Здесь мы можем предложить некоторые гипотезы, объясняющие в какой-то мере причины их закрепления в коллективной памяти в качестве этнических индикаторов.

К. В. Чистов, рассматривая вопросы этнического сознания и духовной культуры, высказал мысль об относительности границы между явлениями духовной и материальной культуры, о том, что всякое осознание элементов материальной культуры как знаковых или символических может придать им идеологический характер, т. е. превратить их в явления духовной культуры¹⁹. Действительно, благодаря устойчивости функционального назначения ритуальный хлеб в украинской обрядности становится тем необходимейшим атрибутом, без которого невозможен полноценный обряд. Значение каравая в украинской свадьбе было астолько большим, что молодоженов, у которых по бедности ли, по сиротству ли по какой-либо другой причине отсутствовал каравай, награждали затем ровищем (фамилией) — «Безкоровайный». Со временем некоторые магические функции каравая утрачиваются, но в то же время усиливаются его эстетическая нагрузка, престижность. Хлеб (каравай) как высший нравственный ориентир не занял бы столь прочное место в обряде, если бы он оставался склонительно утилитарным предметом. Более того, со временем отношение к араваю (как и к другим аналогичным предметам-символам) становится в какой-то мере косвенным проявлением этнического самосознания.

Можно также предположить, что в определенные периоды истории развития гической культуры происходили события, на которые позднее была ориентирована историческая память потомков. Для Украины это период Запорожского казачества и освободительных войн XVII в., завершившихся воссоединением с оссией. Именно тогда в системе ценностей закрепился этнический и эстетический стереотип, реализованный в представлении о казаке-запорожце («Козак Мамай») и закрепленный в фольклоре, литературе и изобразительном искусстве. В определенный исторический период этот стереотип существовал как зление, синхронное самой реалии. Затем образ казака из сферы реального бытования перешел в сферу представлений, закрепившись в народной памяти. Стереотип восприятия традиционного украинского костюма очень показателен в разработках одежды современных художников-костюмеров. Весьма симптоматично, что у большинства современных профессиональных ансамблей народного танца и народных хоров мужские костюмы чаще всего не полностью,

то в деталях повторяют отнюдь не крестьянскую одежду, а наряд запорожского казака из народных картин «Козак Мамай, душа правдива...». До последнего времени почти все самодеятельные фольклорные ансамбли и театры одевали своих актеров в усредненные, т. е. несколько стилизованные, казацкие костюмы. В изделиях сувенирной промышленности и художественных промыслов образ казака также постоянен в различных воплощениях.

Несмотря на то что период Запорожской Сечи в украинской истории был сурвым временем, а казаки — далеко не ангелами, а воинами, ведущими тяжелые кровопролитные войны, народная память сохранила оценку этих войн как освободительных, и запорожцы в сознании народа становятся воплощением свободы, символом борьбы за высшие нравственные идеалы, национальную независимость.

Аналогичные примеры закрепления в памяти народа наиболее ярких исторических пластов и отражения их в культуре более поздних периодов имеют место в традициях других славянских народов. Для русских, например, — это период Древней Руси, память о котором в определенной степени воплотилась в былинах Киевского цикла. Для поляков — XVIII в., когда народная культура начала выполнять функции этнической идентификации²⁰.

В настоящее время с расширением сети массовой коммуникации усиливается возможность обмена культурной, в том числе этнокультурной информацией, не только на личностном, но и на общественном уровне. Естественное желание представителя каждого народа при межэтнических контактах продемонстрировать лучшие образцы своей национальной культуры находит выход в широком использовании предметов, которые таким образом приобретают этническую символическую направленность (на Украине это, к примеру, — рушник, хлеб, стилизованные формы одежды, монументализированные предметы традиционного декорирования предметно-вещной среды, традиционные национальные блюда и т. п.).

Этнически-символическая направленность в использовании элементов традиционной материальной культуры обнаруживается в утрате большинством из них чисто утилитарных функций и соответственном увеличении обрядовых, вплоть до приобретения статуса этнической марки. К примеру, такой предмет, как полотенце («рушник») в настоящее время значительно расширил сферу своего ритуального назначения, превратился в необходимый атрибут при оформлении не только семейных, но также общественных праздников и обрядов восточнославянских народов. Одновременно он стал темой многих литературно-поэтических, декоративно-пластических, сценографических и монументально-архитектурных реализаций, выступая как этнический символ украинцев, russких и белорусов. Таким образом, предмет (утилитарно-бытовой, либо обрядово-бытовой в прошлом), включенный в ткань современного художественного произведения и подчеркивающий принадлежность к культуре какого-либо народа (группы родственных народов), начинает выполнять функцию этнического знака. Разнообразной этнической знаковой выразительностью характеризуются современные сценические костюмы и коллекционные образцы выставочных моделей одежды, выполняемые современными художниками-модельерами на основе творческого развития и варьирования традиционно-бытовых элементов и комплексов народной одежды (крой, силуэт, комплектование составных частей, колористика, орнаментальность, украшения и т. п.). Исторические формы традиционно-бытовых типов и элементов жилища украинцев (белые хаты-мазанки, орнаментированные стены жилища и хозяйственных построек, силуэт и формы крыши и т. п.) также воспринимаются как символ и интерпретируются и воспроизводятся в литературных и изобразительных сферах современного художественного творчества украинских писателей, художников, сценографов. И не случайно в известной песне поэт поставил в одно

«Можеш вибирати друзив і дружину,
Вибрати не можеш тільки Батьківщину.
Можна вибрати друга і по духу брата,
Та не можна рідну матір вибирати.
За тобою завше будуть мандрувати
Очі материнські і білява хата»²¹.

В формировании современной этнической символики украинцев заметная роль принадлежит также многим предметам традиционно-бытовой утвари: изделиям из керамики, стекла, дерева. Многие из этих изделий, сохранив свое утилитарно-практическое значение (в них приготавливают пищу, хранят продукты питания и другие предметы домашнего обихода), приобрели статус этнических символов. В качестве таковых они выступают в сувенирной продукции, активизируя знания о локальной, региональной и общенациональной специфике форм, колорите, цветоорнаментальных приемах декорирования. Наиболее интенсивно их знаковая сущность обнаруживается при использовании аналогов этих предметов в монументальных формах декорирования общественных и жилых зданий. Благодаря использованию предметов народного декоративно-прикладного искусства и традиционных цветоколористических сочетаний и принципов декорирования современные сооружения, зачастую грешающие однообразием и внерегиональностью форм, «заявляют» о своей принадлежности к украинской культуре. Аранжируя локальные либо зональные варианты традиционно стереотипизированных форм художественного опыта украинского народа, творческая практика архитекторов и художников-монументалистов придает архитектуре современных зданий национальный колорит, обогащая тем самым и социалистическую многонациональную культуру. В систему средств архитектурной выразительности как жилых, так и общественных зданий Украинской ССР органично вошли многие традиционные приемы отделки росписью, бытовой и архитектурной керамикой, мозаикой, плоскостной и рельефной резьбой, декоративными тканями и ковровыми изделиями²².

Внутри каждой этнической традиции доныне продолжают бытовать субэтнические варианты с довольно устойчивыми зональными признаками. При диахронном сопоставлении традиционных зональных вариантов некоторых элементов народной материальной и духовной культуры Украины была обнаружена тенденция к их территориальной преемственности, территориально-пространственной прикрепленности²³. Заметим также, что в субэтнической среде восприятие предметов материальной культуры как этнических определителей, а также знание и умение отличить зональные формы от общеэтнических и иноэтнических говорит о достаточно высокой степени этнической осознанности материальной культуры самими носителями. Историческая память в материально-вещной сфере на субэтническом уровне оказалась значительно сильнее и устойчивее, чем на уровне общеэтническом.

На этническом уровне отмечается тенденция к перенесению на элементы культуры знаковых функций этноопределителя. Например, субэтнический зональный (карпатский, в частности, гуцульский) традиционно-бытовой культурный комплекс (обрядовая пища, одежда, народные танцы, песенно-фольклорные формы и т. п.) в настоящее время все более приобретает статус общеэтнического (общеукраинского) маркера в первую очередь извне — у представителей неславянских народов. В то же время внутриэтнические консолидационные процессы, постоянный обмен этнолокальной культурной информацией в рамках республиканских фестивальных программ, активное представление многообразных субэтнических, в том числе этнически-групповых (в данном примере гуцульских), видов народного творчества на всесоюзных и международных конкурсах и концертах постепенно формируют характер осознанности зональных (зональных, этнически-групповых и т. п.) форм как общеэтнических не только извне, но и изнутри, т. е. локальные субэтнические культурные

формы начинают осознаваться в общеэтническом контексте как разновидности традиционных форм украинской культуры в целом. Аналогично традиционно-бытовые комплексы материальной культуры буковинцев, подолян и других субэтнических общностей украинского народа воспринимаются гуцулами как варианты общеукраинской культуры.

Активное бытование в наше время ярких, самобытных традиционно-бытовых элементов и комплексов культуры Украинских Карпат (праздничный костюм, обрядовые атрибуты, изделия местных художественных промыслов и пр.) способствует росту их престижности. При этом как в восприятии представителей другой культуры, так и у украинцев, формируется ориентация именно на такой стереотип традиционно-бытовой вещной сферы в целом. И можно, по-видимому, ожидать, что в будущем многие из этих субэтнических элементов культуры могут превратиться в общеэтнические символы, что именно на них будут перенесены функции общеэтнических определителей.

Что касается активного восприятия выразительных, в том числе престижных элементов «чужой» культуры, то это столь же естественный процесс²⁴, как и процесс их последующей стереотипизации. Возникновение у предмета, имеющего весьма узкую территорию бытования, статуса символа вначале на уровне суперэтническом, а затем уже внедрение его как символа на территории этноса-носителя — явление отнюдь не исключительное. Имеются аналогии и в более широких категориях, связанных со стереотипизацией явлений. Как свидетельствуют исследования по этнопсихологии Г. В. Старовойтовой, наряду с другими факторами «на автостереотип влияет отраженная, опосредованная национальным сознанием характеристика своего народа другими народами»²⁵.

Аналогичная тенденция обнаруживается и в приобретении статуса общеэтнической марки за таким субэтническим в прошлом признаком сельского жилого дома украинцев, как полихромность (*мальовничість*) его внешней отделки. Как известно, украшение настенной росписью наружных стен дома имело на Украине в конце XIX — начале XX в. относительно локальный характер. Оно было характерно для Подолии и Юга Украины, а в районе Карпат свойственно только такой этнографической группе украинских горцев, как лемки²⁶.

Развитая система сигнальных, оберегающих, благопожелательных функций настенной живописи (сельского жилого дома, хозяйственных построек, ограды, ворот и т. п.), ее приуроченность к определенным праздникам календарного и семейно-бытового цикла начиная с конца XIX в. значительноней нейтрализовалась, уступив место эстетической функции. При этом система полихромного декорирования приобретает назначение сигнала-этноопределителя украинского типа жилища, отличающего его от жилища других восточнославянских народов. Что же касается общеславянского контекста, то настенная живопись, имея исторические корни и современное бытование и у западных (поляки, словаки) и у южных (болгары) славян, выступает в роли суперэтнического символа общеславянской культуры по отношению к традиции балтских, германских и других европейских народов²⁷.

Стереотипы представлений о колористически-цветовом оформлении жилого дома, цветосочетании составляющих элементов народного костюма и их отделки, орнаментально-колористическом украшении предметов интерьера и домашней утвари сформировали вариативное своеобразие зональных, этногрупповых либо узколокальных комплексов традиционной материальной культуры украинцев XIX в.

Эти стереотипы художественно-декоративного опыта (в прошлом разного таксономического уровня) продолжают оказывать заметное влияние на выбор населением различных историко-этнографических районов УССР предпочтительных видов художественного творчества (вышивка, ткачество, лозоплетение, резьба по дереву, роспись и т. п.). Система приемов декоративной отделки современных реалий материальной культуры в значительной мере опре-

ляется бытующими в каждом из районов УССР художественными ремеслами и промыслами.

Локальные формы декора наряду с творческим развитием исторически сложившихся типов планировки жилого дома и застройки усадьбы, традиционных для данной территории, сообщают современным сельским жилым комплексам Украинской ССР достаточно яркую зональную выразительность. Сами украинцы оценивают каждый из зональных комплексов как территориально-конкретный вариант украинской сельской архитектуры (карпатский, закарпатский, полесский, полтавский и т. д.). Таким образом, в сознании носителей культуры сохраняется восприятие данного локального варианта как части украинской культуры, ее субэтнического выразителя. Извне же каждый из зональных комплексов в отдельности и все вместе воспринимаются и оцениваются как общеэтнический, общенациональный («украинский») тип сельского жилого комплекса.

Творческая практика профессиональных мастеров, исходя из зональной выразительности бытовых форм материальной народной культуры, придает произведениям тот или иной характер национального символического звучания. Степень информированности о культурно-исторических традициях украинского народа определяет в свою очередь конкретность осознания этнической символики как самими носителями, так и извне.

В заключение следует сказать, что этническая символика как феномен традиционно-бытовой культуры может способствовать передаче лучшего, прогрессивного народного опыта, его осознанию и закреплению в современной системе духовных ценностей.

Примечания

¹ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 37.

² Философская энциклопедия. Т. V. М., 1970. С. 10.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 191.

⁴ Філософський словник. Київ, 1973. С. 162.

⁵ Байдурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 9.

⁶ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 5.

⁷ См.: Станюкович Т. В. при участии Шмелевой М. Н. Пища // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 239; Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981. С. 4—5 и др.

⁸ Артюх Л. Ф. Народные традиции и современное питание // Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986. С. 186.

⁹ См. подробнее: Артюх Л. Ф. Українська народна кулінарія. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1977. С. 48.

¹⁰ Иванова Р. Българската фолклорна сватба. София, 1984. С. 180—184.

¹¹ Komorovský J. Tradičná svadba u slovanov: Bratislava, 1976. S. 202.

¹² Kubíak J., Kubíak K. Chleb w tradycji ludowej. Warszawa, 1981. S. 71, 85, 89; Ambrožewicz T. Ozdobne pieczywo ludowe w zbiorach państwowego muzeum etnograficznego w Warszawie. Warszawa, 1976; Kwaśniewicz K. Zwyczaje i obrzędы rodzinne // Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej. T. 34. Cz. 2. 1981. S. 95.

¹³ Чижикова Л. Н. Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 166—167, 175—176; Гвоздикова Л. С. К типологии русского свадебного хлеба // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 204—214.

¹⁴ Пашкова Т. Г. Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся (на матеріалах весільної юрдовості). Київ, 1978; Нікольський Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной юрдности. Минск, 1956.

¹⁵ Артюх Л. Ф. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України. Київ, 1982. С. 56—64; Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 43—66; Komorovský J. Op. cit. S. 242—244; Иванова Р. Указ. раб. С. 184—197.

¹⁶ Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Основные комплексы русского крестьянского жилища //

Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 152—166; Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов // Сов. этнография. 1940. № 3. С. 21—32; Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов // Сов. этнография. 1954. № 2. С. 21—31; Косміна Т. В. Сільське житло Поділля. Кінець XIX—XX ст. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1980. С. 19.

¹⁷ Эварницкий Д. Запорожье в остатках старины и преданиях народных. СПб., 1881. С. 75.

¹⁸ Огарджанян Р. С. Некоторые черты национальной психологии // Население Еревана. Этно-социологические исследования. Ереван. 1986. С. 204.

¹⁹ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 21—22.

²⁰ Bursztyn J. Die Bedeutung der Volkskultur in der polnischen Gesellschaft einst und jetzt // Ethnologia slavica. 1978—1979. F. X—XI. Bratislava, 1980. S. 43—54.

²¹ Симоненко В. Лебеди материнства // Поэзії. Київ. 1966. С. 53.

²² См. подробнее: Косміна Т. В. Традиції та інновації в архітектурі народного житла Києва та Київщини // Етнографія Києва і Київщини. Традиції й сучасність. Київ, 1986. С. 157—201; Косміна Т. В. Этнические символы в современном жилище УССР // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986. С. 178—179.

²³ Gavriljuk N. K., Kosmina T. V. Ethno-Regional Changes in the Ukraine // Problems of the European Ethnography and Folklor. Moskow, 1982. S. 120—123; Косміна Т. В. Динамика зональной вариативности сельского жилища Украины (по материалам историко-этнографического картографирования) // Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Тезисы. Уфа, 1985. С. 89—90; Артиюх Л. Ф., Косміна Т. В. Опыт сравнительного ареального исследования отдельных видов материальной культуры украинцев конца XIX — начала XX в. // Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Языки и этнос. Л., 1983. С. 173—180.

²⁴ Кон И. С. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9. С. 189—190.

²⁵ Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей // Сов. этнография. 1976. № 3. С. 55.

²⁶ Шероцкий К. Художественное убранство украинского дома в прошлом и настоящем // Очерки по истории декоративного искусства Украины. Киев, 1914; Бломквист Е. Э. Роспись украинского жилища // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 388—400; Уманцев Ф. С. Народні розписи // Історія українського мистецтва. Київ, 1970. С. 297—310; Бутник-Сіверський Б. Українське народне мистецтво. Київ, 1966. С. 200—215; Косміна Т. В. Сільське житло Поділля. С. 159—170; Федоренко-Коляда В. Ф. Стінні розписи у Миколаївському та Харківському районах // Архітектура Радянської України. 1938. № 4—5. С. 52—56; Бабенко В. А. Этнографическое описание Екатеринославской губернии // Вестн. Екатеринославского земства. 1905. № 25—31. С. 636—637; Берченко Е. Про настінні розписи українських хат на Катеринославщині // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої кафедри історії української культури. Харків, 1927. Вип. 1. Ч. 7. С. 71—92; Добрянська І. О. Хатні розписи українців Західних Карпат // Матеріали з етнографії та художнього промислу. Київ, 1954. Вип. 1. С. 46—55.

²⁷ Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. М., 1970. С. 155—158; Grabowski J. Sztuka ludowa. Forma i regiony w Polsce. Warszawa, 1967; Tłoczek I. Chatupy polskie. Warszawa, 1958; Pokropka M. Budownictwo ludowe w Polsce. Warszawa, 1976; Tłoczek I. Polskie budownictwo, drew-niane. Wrocław — Warszawa — Krakow — Gdańsk, 1980; Czajkowski J. Wiejskie budownictwo mieszkalne w Beskidzie Niskim i na przyległym Pogórzu. Rzeszów, 1969; Langer J. Atlas l'udových staveb. Martin, 1955; Bednárik R. Malované ohništia v oblasti Malých Karpát. Martin, 1956; Mjartan J. Stavitel'stvo // Slovensko. L'ud. Č. 2, 1975. С. 897—947; З. Димитров, Б. Шаров. Стенописи орнаменти от юго-западна България. София, 1964; Колев Б. Живописната украса на Българската къща през Възраждането. Проблемы на българската архитектурно наследство. София, 1955; Станков Д. Парапештата украса в Костендилския край. Експедиция в Западна България. София, 1961; Георгиева Б., Иванчев И., Пенева Л. Народната къща. София, 1980.

А. Б. Островский

СЕМАНТИКА МЕДВЕЖЬИХ ОНГОНОВ

Среди амулетов народов Амура и Сахалина: нивхов, нанайцев, ульчей, ноги-дальцев, ороков — значительное место занимают предметы с изображением медведя. Это либо скульптурное изображение медведя, либо изображение человеческой фигурки с медвежьей головой, либо — фигурки, обернутой в кусочек медвежьей шкуры и др. Широкое использование изображения медведя в целях лечебной магии коррелирует с тем центральным положением, которое занимал в традиционной духовной культуре указанных народов культ медведя¹.

В конце XIX — начале XX в. кульп медведя не только сочетал в себе черты промыслового и тотемического кульп, но и был тесно связан с кульпом предков и кульпом стихий². Если принять во вниманье не только ритуал так называемого «медвежьего праздника», но также верований и мифы, относящиеся к образу медведя, то обнаруживается связь кульпа медведя с шаманством, кульпами близнецовых и хозяев зверей.

Лечебные амулеты с изображением медведя, как и все прочие лечебные амулеты, изготавливались в результате шаманского камлания. Однако дальнейшее — собственно «лечебное» — использование амулетов зачастую не требовало непосредственного участия шаманов, оно состояло в «кормлении», а также в ношении амулета на теле, в соприкосновении или возможно более близком соседстве с больным органом. Во всех таких случаях, полагаем, лечебно-магическое воздействие определялось не только авторитетом шамана, но и конструктивно-образными чертами самого амулета. Семантика лечебных амулетов не могла замыкаться исключительно рамками шаманского мировоззрения, она должна была соотноситься с гораздо более широким кругом мифологических представлений и верований.

Полагаем, что образ медведя в той или иной этнической культуре был до определенной степени единым, т. е. не состоял из таких альтернативных образов, как шаманский медведь, медведь в кульпах духов-хозяев, медведь в кульпах горных людей; медведь в кульпах близнецовых и т. д. При этом мы исходим, конечно же, не из отождествления семантического фонда этих различных социокультурных явлений, но из допущения о его целостности, так как он постоянно использовался в мышлении носителей культуры.

Наиболее разработанная трактовка семантики лечебных амулетов народов Сибири принадлежит Д. К. Зеленину³. Он обратил внимание на относительную автономию онгона — духа болезни от лекана — его вместилища, изготавляемого людьми. Такая автономия обусловлена, согласно взглядам Зеленина, тем, что в истории общественного сознания онгоны происходят от тотемов — животных. Приведенная трактовка позволяет понять переход от функций предметов, обусловленных тотемическим кульпом, к их функциям, связанным с лечебной, а также охотничьей магией. Однако относительная автономия онгонов и леканов истолковывается исключительно в историческом разрезе; при этом семантика онгонов предполагается неизменной, имеющей тотемическое содержание.

Лечебным амулетам народов Приамурья посвящены также работы С. В. Иванова, Г. Диосеги (у обоих — по нанайцам) и Е. П. Орловой (по нивхам)⁴, в которых дана классификация амулетов в соответствии с теми болезнями, против которых они применялись. Интересно, что авторы различно трактуют действенность амулетов. Е. П. Орлова исходит из анимистических воззрений нивхов на мир вообще и из их представлений о возможности перемещения духа болезни из тела больного человека в амулет. С. В. Иванов считает не менее важным компонентом излечения аниматизм, т. е. отношение к амулетам как к живым существам, «живым заменителям»⁵ животных. Г. Диосеги на основе анализа названий амулетов и их формы прослеживает два принципа: принцип аналогии — соответствие амулета больному органу или болезни по форме, по симптоматике; принцип симпатии — соответствие определенного вида животного (оно изображается в конструкции амулета либо то именем назван амулет) определенным видам болезней.

Предлагаемое ниже исследование охватывает только те лечебные амулеты, которые непосредственно связаны с образом медведя. В своей совокупности они представляют яркий пример своеобразия мыслительной деятельности людей традиционных обществ, опирающейся на специфические знаковые системы. Образ медведя, применяемый в той или иной ритуальной практике, мог использоваться также независимо от нее — как материал мышления людей о причинах болезни и способах излечения. Совокупность лечебных амулетов

с изображением медведя оказывается единой системой, семантика которой определяется преимущественно контекстом верований, мифов и ритуала медвежьего праздника, а прагматика — приписываемой им способностью избавлять от болезни тот или иной орган человеческого тела.

Ниже мы рассматриваем амулеты из амуро- сахалинских коллекций Гос. музея этнографии народов СССР, большая часть которых поступила в 1910—1920 гг. В состав нивхских коллекций входит значительная часть медвежьих онгонов. Поскольку в настоящее время практически невозможно получить достоверную и надежную информацию об этих предметах от носителей культуры, то, пытаясь «расшифровать» их семантику, мы в значительной степени опираемся на мифологию, в первую очередь на нивхские мифологические предания, собранные Л. Я. Штернбергом в 1890-х годах, и комплекс мифов и ритуалов медвежьего праздника, зафиксированных Е. А. Крёйновичем в 1920-х годах. При интерпретации амулетов других народов Приамурья мы избегаем прямой экстраполяции результатов, полученных на основе изучения нивхских предметов, но учитываем их логику и проверяем ее литературными данными по этим народам.

Начнем с уточнения той роли, которая приписывалась амулетам в излечении болезней. Их «кормили», носили на теле: они связывали заболевшего человека, его больной орган с миром духов. Существовало представление, что амулеты помогают возвратить украденную душу больного человека.

В мифологических преданиях нивхов упоминаются деревянные фигуры — изображения людей, которых герои преданий используют то в роли посредников, то в роли работников. Вот одно из них. Жену и сестру героя в его отсутствие забирают горные люди. Об этом сообщает деревянная фигура, находящаяся в доме. Герой просит ее пойти с ним («Тебя посредником сделаю!») и, поскольку у нее нет ног, несет ее с собой на спине. На пути ему встречается старуха, знающая, куда горные люди увезли его сестру. Старуху, поскольку у нее болит нога, герой также несет на спине⁶. Итак, посредник, которого нивх несет на своем теле, не только имеет функцию «оратора» (перевод Л. Я. Штернберга), способного от имени человека объясняться с горными людьми, но и может конкретно указать местонахождение того, что ими украдено. Л. Я. Штернберг сближает такие деревянные фигурки с теми деревянными «изображениями человека, животного либо отдельных органов человеческого тела, которые изготавливались нивхами в случае болезни и носились на теле больного в качестве верного средства от болезни»⁷.

Отметим, что амулетам и на уровне верований (а не только в мифах) приписывается функция поиска и возвращения украденного. Нивхи полагали, что амулет помогает шаману установить местонахождение злого духа, укравшего душу больного⁸. Нанайский шаман по свойствам болезни определял, к какому бурхану унесена душа больного, и затем с помощью своего главного помощника, бурхана *аями*, разыскивал жилище бурхана, причинившего болезнь.

Итак, конкретный амулет мог быть не изображением духа, вселившегося в тело больного, а духа, укравшего его душу или помогающего ее вернуть. Поскольку мы собираемся рассмотреть амулеты с изображением медведя, то этот второй тип представлений о причине болезни и ее излечении особенно важен. Ведь одна из основных функций медвежьего праздника — это осуществление отношений обмена между людьми и хозяином гор и тайги: он присыпает людям мясо медведя, в ответ ему передаются различные продукты, которых у него нет. Посредником в обменных отношениях оказывается душа медведя (горного человека)⁹. Наконец, собственно медвежий праздник у ряда народов (нивхов, ульчей, орочей, айнов) приурочен к поминкам¹⁰, а у нивхов он также проводится с целью снискать покровительство будущему ребенку со стороны горных людей¹¹.

Исходя из ритуала и верований, связанных с медвежьим праздником, а так-

Рис. 1. Амулет от болезни сердца. Нивхи. ГМЭ. № 6762—224

же из семантики деревянных фигур в нивхских мифах, рассмотрим амулеты с изображением медведя в качестве посредника между миром людей, и в частности больным человеком, и миром «горных людей». Методику анализа конкретных амулетов построим следующим образом: 1) объединение амулетов в группу по виду болезни; 2) рассмотрение отдельных амулетов в каждой группе в качестве мифологических персонажей-посредников; 3) соотнесение мифологической семантики амулетов данной группы с представлениями о краже—возвращении души больного человека либо его больного органа.

Среди 50 амулетов с изображением медведя (либо с медвежьей шерстью)¹², изготовленных в общей сложности при 17 различных заболеваниях, наиболее полно представлены амулеты от болезни конечностей (10 предметов) и сердца (7 предметов). Последняя группа интересна для анализа еще и тем, что в ней исключительно нивхские амулеты из коллекций, собранных в 1910-х годах на Амуре и Сахалине В. Н. Васильевым. Это небольшие фигурки, почти все длиной 5—8 см, предназначенные для ношения на шее. Приведем в сокращенном виде то, что сказано об их форме в коллекционных описях: 1) сердце с отходящими от него сосудами, оканчивающимися изображением медведя, который лапами охватил человека сзади; 2) два сердца; к одному из них, подобно звену цепи, подсоединенена голова человека, к другому — таким же способом голова медведя (рис. 1); 3) сердце, из верхушки которого выходят верхние половины тел двух медведей, охвативших друг друга лапами; 4) голова медведя с туловищем, выполненным в форме сердца; 5) фигурка медведя на барсе, стоящем на двух туловищах близнецов; 6) сердце с отходящими от него сосудами, которые оканчиваются изображениями головы медведя и нерпы; 7) сердце, на узкой стороне которого лицо человека, наверху сердца — фигурка медведя (рис. 2)¹³.

Отметим пластические характеристики, общие для нескольких амулетов. В шести предметах имеется изображение сердца — больного органа; в трех — прослеживается мотив удвоения-близнечества (два сердца, два медведя, два туловища), в трех — наряду с изображением медведя имеется изображение головы либо лица человека.

Воспроизведение больного органа — характерная черта в амулетах народов Приамурья. Что касается именно сердца, то его изображение, вероятно, может обладать еще одной семантической функцией. Л. Я. Штернберг отмечал, что представление о процессе кровообращения, как и вообще о сердце, сливаются у нивхов с представлениями о духе, душе¹⁴. О смерти говорили иногда иносказательно — «отнять кровь»¹⁵. К сердцу тех животных, в которых могла на время вселяться душа умершего: собаки, медведя, — отношение было особое.

Рис. 2. Амулет от болезни сердца. Нивхи.
ГМЭ. № 5602—51

Рис. 3. Амулет от болезни головы. Нивхи.
ГМЭ. № 5169—13

Сердце медведя, так же как и мясо головы, было табуировано для всех, кроме стариков. Сердце собаки, принесенной в жертву горному хозяину в случае болезни человека, должен был съесть больной с целью излечения¹⁶.

По представлениям нивхов, у человека две души: большая, разлитая по всему телу, и маленькая, находящаяся в голове; после смерти большой души маленькая становится ее дубликатом¹⁷. По-видимому, сердце означает не только больной орган, но и «большую душу» — представление, синонимичное понятию о жизни как таковой. В свете сказанного о семантике изображения сердца рассмотрим общую семантическую функцию первых двух амулетов данной группы.

Считалось, что человек, павший в борьбе с медведем, переходил в род горных людей и становился покровителем своих сородичей-нивхов как на охоте, так и в случае болезней¹⁸. Ношение первого амулета должно было, вероятно, обеспечить покровительство этого мифологического персонажа.

Два сердца во втором амулете — это сердца близнецов. Петельчатый, а не монолитный способ (см. рис. 1) соединения с головой означает, вероятно, относительную автономию головы от сердца. Для установления общей семантической функции амулета необходимо прояснить еще два момента: значение близнецства и семантику изображения головы.

Близнецы (оба или один) всегда считались детьми горного человека. Душа близнеца, как и душа человека, павшего в борьбе с медведем, после смерти шла не в мир мертвых, а в мир горных людей¹⁹.

Души умерших близнецов могли способствовать удаче в охоте и избавлению от болезней²⁰. Зафиксированы мифологические истории о превращении близнецов и их матери в медведей, а также о том, что близнецы, подобно горному хозяину, ездили на медведях, как на собаках, и даже верхом²¹.

В ритуале медвежьего праздника наибольшее почтение оказывалось именно голове медведя, как бы представлявшей его самого в качестве горного

человека. Один из последних дней праздника называли «день кормления головы»; после этого голову свежевали, варили на табуированном огне. Помещение черепа медведя в родовой амбарчик и длительное обрядовое «кормление» означали проводы его души к хозяину гор и тайги.²²

Медвежьи головы, черепа символически замещают медведя, горного человека и в мифологии. Так в ульчском мифе «Дорога таежных людей» в доме старика — хозяина зверей на палках и нарах помещены медвежьи черепа²³; в одном из негидальских мифов с разделкой головы медведя может справиться только человек (в противовес зверям)²⁴. В нивхском мифе «Горный человек, женившийся на гиляцкой женщине» встреча молодых намечается в развилке для медвежьего черепа, хранимой в медвежьем амбарчике; сюда приходит горный человек, и молодые исчезают²⁵.

В мифологии нивхов встречается аналогичное представление и о голове человека либо антропоморфного персонажа как о вместилище его души. Герой-человек чаще всего хватает своих противников: людоедов, чертей — за голову, ударяет по голове²⁶. Женщина, полностью (кроме головы) съеденная медведем, воскресает после того, как сестра колотит по ее голове²⁷.

В ритуале медвежьего праздника первая из табуированных частей, укладываемых непосредственно за головой медведя, внесенной в дом в качестве почетного гостя, — сердце²⁸. С сердца начинается извлечение внутренностей при разделке медвежьей туши и тем самым — их отделение от головы. Присоединением сердца к неосвежеванной голове составляется комплекс горного человека — гостя людей.

Следовательно, в рассматриваемом нами амулете (рис. 1) петельчатое соединение сердца с головой означает присоединение души больного человека («большой души») к душе близнеца — горного человека (к «маленькой душе»). Не означает ли это кражу души человека духами-близнецами? Вероятно, нет, так как близнецы считались покровителями нивхов. Интересно, что только одно изображение сердца — то, которое соединяется с человеческой головой, обернуто белой тряпцией, что означает большой орган. Подключение больного органа именно к человеческой голове можно трактовать, полагаем, как то, что душа человека движется не в сторону мира горных людей, а в сторону нивхов: близнецы возвращают назад душу человека, украденную злыми духами.

В свете изложенной трактовки можно представить также семантику третьего и четвертого амулетов нашей группы. Два медведя, обнявшиеся (или борющиеся?) на верхней части сердца, — это те же близнецы, и, вероятно, они вернут душу больному. Амулет, состоящий из головы медведя, соединенной коротким стержнем с сердцем (обшито белой тряпцией), пластически означающим тело медведя, также представляет душу горного человека, к которой присоединена «большая душа» человека. Однако в данном амулете ничто не свидетельствует, что душа больного будет ему возвращена горным духом, и семантика амулета предстает в виде весьма общего диагноза болезни: горный дух захватил душу больного.

Мотив духов-близнецов, способствующих излечению от болезни сердца, отчетливо прочитывается и в лечебной магии нанайцев. В одном из нанайских мифов, записанных П. П. Шимкевичем, говорится о паре бурханов *аджеха* — источнике болезни взрослого и смерти ребенка²⁹. Вместе с тем в ритуальной практике эти две небольшие антропоморфные фигурки при их присоединении к более крупной фигуре *аджеха* помогают от спазматических сердечных сокращений. Наконец, они являются необходимым дополнением к специальному амулету от болезни сердца — *миолдоко*, представляющему собой деревянное изображение сердца с вырезанным на нем лицом человека³⁰. Итак, близнецы *аджеха*, способные украсть душу, могут также обеспечить ее возвращение больному. По всей видимости, они выполняют транспортную функцию — перевозчиков души человека. Данная типологическая параллель к нивхским близнецам подтверждает их магическую лечебную функцию — возвращать украденную душу больному.

Еще в одном из амулетов от болезни сердца (№ 5) имеется мотив близнечества. Медведь на телах близнецов — это дух близнеца. Барс, который побеждает медведя, не имеет отношения к близнечеству — это скорее злой дух. Таким образом, здесь мы встречаемся с другой магической функцией близнеца — уничтожать вредоносные воздействия.

В амулете № 6 магическая функция обеспечивается симметрично расположенным головами медведя и нерпы. Медведь и нерпа здесь никак не взаимодействуют, их совместное изображение по форме напоминает развилику, по которой в обе стороны может передвигаться душа горного человека — медведя.

В культурах морских зверей многое сходного с культом медведя и ритуалами квалифицируемыми как мифоритуальный комплекс умирающего и воскресающего зверя³¹. По-видимому, головы медведя и нерпы соединяют сердце человека (его душу) сразу с двумя стихиями — точнее, с хозяином леса и гор и с хозяином моря — с целью снискать их покровительство. Уподобление фигуры, образуемой расположением голов, развилике имеет еще одну функцию. Нивхи считали, что болезнь насылает одного из этих духов-хозяев, привлекая злого духа из другой стихии³². Иначе говоря, если душа уходит (как в случае болезни сердца) по одной стороне развилики, то вернется она по другой стороне. Так пластика данного амулета позволяет закодировать две магические функции.

Более сложной представляется семантика последнего амулета рассматриваемой группы. Человеческое лицо, вырезанное на изображении больного органа, не характерно для пластики нивхских и вообще амуро- сахалинских амулетов (встречается в ряде случаев только у нанайцев — в амулетах от болезни конечностей, в сочетании с медвежьей лапой либо человеческой ступней, кистью³³, и в амулете миолдоко, использовавшемся при болезни сердца). Ни в первом, ни во втором из этих случаев вырезанное лицо не означает духа болезни, вселившегося в тело больного. При болезнях конечности изображение вырезается на отдельном звене: орган тела из дерева со свободным движением в суставе символизирует излечение³⁴. В амулете миолдоко человеческое лицо, вырезанное на сердце, в единстве с фигурками-близнецами аджеха, которые сами по себе могут иметь и вредоносное воздействие, способствует излечению³⁵.

Важно отметить, что очертания человеческого лица в нивхском амулете весьма сходны с очертаниями лица в миолдоко и в амулете *тереми*³⁶. У Л. Я. Шернберга имеется пояснение относительно тереми: «человекообразное существо без ног, живет под землей»³⁷, его делают при болезнях рук. В нанайско-русском словаре *тэрэм*, *тэрэмди* означает «ясно, отчетливо» (в применении к зрителюному впечатлению и к воспоминанию).

Следовательно, данный антропоморфный персонаж помогает ясно, отчетливо нечто увидеть. Что именно? Аналогичное изображение и с той же целью делалось у орочей, только шаман обращался не к подземному существу, а к небесному — божеству Эндури. В этом обряде использовалась палочка с изображением человеческого лица — бооко, соединенному с ней камню задавался вопрос, какое злое существо вселилось в тело больного³⁹. Вероятно, от аналогичных антропоморфных персонажей на нанайских амулетах ожидали ясного указания на то, где находится украденная этим духом душа больного. Того же, полагаем, ожидали и от антропоморфного существа, вырезанного на нивхском амулете.

На верхушке сердца — фигурка медведя. Его морда далеко от сердца, он стоит на вытянутых лапах, обозревая пространство.

В оркской коллекции, собранной также В. Н. Васильевым в 1910-х годах, горный хозяин изображен с двумя головами; верхняя — с медвежьими четырехугольными ушами на макушке (колл. № 2079-8). В описи, составленной самим собирателем, отмечается, что верхняя голова означает помощника горного хозяина. В нивхских коллекциях В. Н. Васильева имеется предмет (колл. № 5169-8)⁴⁰, изображающий шаманских духов на обрубке дерева: две

головы — хозяина гор (человеческая голова) и его помощника (голова медведя). Полагаем, что и рассматриваемый нами предмет также содержит изображение хозяина гор (лицо человека) и его помощника.

Функции медведя здесь состоят и в том, чтобы увидеть, где находится душа больного, а также доставить ее. Общее у данного амулета с другими амулетами группы — во всех этих вариантах «лечения» сердца покровительствуют и перевозят душу больного медведи — горные люди. Это персонажи, душа которых принадлежит миру горных людей, а сами они связаны с «низовскими людьми» — нивхами либо по факту особенного рождения (близнецы), либо по факту особенной смерти (человек, задранный медведем), либо как посланцы хозяина гор.

В группе амулетов от болезни живота и в группе амулетов от болезни головы — иная семантика онгонов, хотя и сформированная, как можно показать, на основании тех же источников. Рассмотрим два нивхских амулета, первый из которых избавляет от головной боли, а второй причиняет ее (оба из коллекции Васильева 1913 г. зарегистрированы позднее, уже не самим собирателем).

У сидящего женского изображения (рис. 3) на поясе — широкий шелковый пояс зеленоватого цвета, что не встречается на других амулетах нивхских коллекций 1910-х годов. Кусочками шелковой ткани обычно украшали деревянные фигуруки заместителей умерших⁴¹.

Бюст ребенка на животе женщины выглядит так же, как и изображения двух детских бюстов на голове фигурки-заместительницы, сделанной нивхом после смерти его жены и детей-близнецов (колл. № 5169-94). В амулете от головной боли бюст ребенка помещен не на голове женского изображения, а на животе. Это можно объяснить верованием, что души детей, которые должны родиться, вселяются в чрево будущей матери⁴².

Требует объяснения роль медведя, изображенного рядом с указанным женским персонажем: либо он грызет голову беременной женщины (и от этого болит голова), либо он пытается проникнуть в ее голову (и тогда это означало бы проникновение души горного человека). Для ответа на этот вопрос обратим внимание на позу женщины: в сидячей позе хоронили только тех, чья душа должна была уйти к горным людям, — человека, задранного медведем, близнецов и их мать⁴³. Если перед нами изображение умершей матери близнецов, то фигурка медведя означает душу близнеца-медведя. Но почему он когда проникает через голову женщины, а не вселяется в чрево как близнец-человек? Ответом на этот вопрос служит развилка, используемая для отправления души горного человека — медведя в финальной части медвежьего праздника: место ухода к горному хозяину является и местом прибытия души в мир людей.

Второй амулет — фигурка человека с большим опущенным животом, широко расставленными ногами, причем правая — короче; челюсть сильно выдается, лоб нависает над лицом, глаза отмечены бусинами; фигурка обернута кусочком медвежьей шерсти⁴⁴.

Кусочек медвежьей шерсти на деревянной фигурке вполне сопоставим с медвежьей шкурой в ритуальной практике и мифологии. После освежевания медведя, убитого на медвежьем празднике, один человек становится у головы, другой — у ног медведя, и они попеременно бросают друг другу медвежью шкуру, издавая при этом подобие медвежьего рычания⁴⁵. Вероятно, присоединение человеку медвежьей шкуры делает его медведем. Ведь именно так происходит в мире горных людей: тот, кого хозяин хочет послать в качестве медведя к нивхам, перед отправлением должен надеть на себя медвежью шкуру.

В той же коллекции имеются две фигурки домашних охранителей, мужа и жены, обернутые в медвежью шерсть (колл. № 5169-92). У одной из фигурок — острая коническая голова, что характерно для некоторых изображений горного человека. Человеческая фигурка с остроконечной головой,

обтянутая медвежьей шерстью (встречается и в коллекциях негидальцев), использовалась для успокоения плаксивого ребенка. Фигурка с остроконечной головой, обернутая в медвежью шерсть, — это образ горного человека, находящегося в доме обычных людей с охранительной целью.

Горные люди в качестве домашних охранителей изображаются с асимметричными ногами: в паре упомянутых нивхских охранителей у фигурки с конической головой укорочена левая нога, у фигурки с круглой головой — жены духа-охранителя — укорочена правая нога. Признак левый /правый для различения пола применялся в медвежьем празднике о-ва Сахалин. В черепе медведя-самца при надевании его на развилку протыкали палочкой левое глазное отверстие, в черепе самки — правое отверстие⁴⁶.

Вернемся к нивхскому изображению духа, причиняющего головную боль. Медвежья шерсть, в которую обернута фигурка, указывает, что это горный человек; круглая голова с тяжелой челюстью, — что это горная женщина; укорочение правой ноги характерно для горной женщины, находящейся в человеческом мире. Остались еще не проясненными такие признаки, как широко раздвинутые ноги и обвисший живот.

У обоих персонажей, связанных с болезнью головы, есть общий признак — это женщины с широко раздвинутыми ногами. Вместе с тем по общей семантической функции это противоположные персонажи: один из них излечивает от болезни, а другой ее причиняет. Исходя из свойств первобытного мышления, у этих персонажей должны быть и частные, семантически противоположные признаки⁴⁷. Действительно, одна из них обыкновенная женщина, другая — женщина горных людей, первая из них беременна близнецами, у второй обвисший живот. Напрашивается предположение: последнее означает, что горная женщина уже родила близнецов-медведей до того, как пришла в мир людей.

В нивхском мифе о происхождении медвежьего праздника центральные персонажи — охотник Мыкрфин и горная женщина. После трех лет совместной жизни в горах, когда охотник отправляется на время к своим товарищам, горная женщина сообщает, что забеременела от него, и предупреждает, что единственный для него способ вернуться к ней, так чтобы уже совсем не скучать о товарищах, — это быть убитым медведем. Спустя два года за охотником приходит его жена-медведица. После сражения оба умирают; их хоронят как медведей⁴⁸.

Итак, мифологический образ духа, причиняющего болезнь головы, — это жена Мыкрфина, пришедшая в мир людей для того, чтобы навсегда сделать его горным человеком. Каким же способом это может совершить дух болезни? — Путем кражи той души человека, которая ассоциируется в верованиях с головой, — «маленькой души». А каким же способом может этому противодействовать благодетельный персонаж? В нивхских мифах указывается способ спасения людей от захвата их горными духами. Лейтмотив многих из мифов, записанных Л. Я. Штернбергом, — сражение людей-нивхов с горными, морскими, небесными либо подземными людьми, чертями. Решающий способ избавиться от нападений «людей», людоедов или чертей одной из этих космических сфер — укрыться навсегда у «людей» другой сферы. Так, в мифе № 1 герой выражает желание жить у подземных людей, чтобы спастись от медведей небесных людей; в мифе № 7 герой, избавившись от горных чертей, переходя под землю; в мифе № 10 они, наоборот, воюют с подземными чертями и в финале становятся горными чертями⁴⁹.

В изображении благодетельного духа, излечивающего от головных болей имеется еще один признак, о котором мы пока не упоминали, — асимметрия глаз: правый расположен заметно ниже левого (см. рис. 3). Асимметрия глаз по мифологическим представлениям нивхов, — единственный отличительный признак подземных чертей-людоедов, которые в остальном имеют такую же внешность, как люди⁵⁰.

Принадлежность к подземным людоедам и горным людям — в качестве

Рис. 4. Амулет от болезни живота и шеи. Нивхи. ГМЭ. № 6762—221

Рис. 5. Амулет от болезни горла. Нанайцы. ГМЭ. № 4795—38

умершей матери близнецовых — эти черты, конечно, не интегрируются в одном персонаже. Полагаем, что асимметрия глаз, этот признак пластики, не коррелирующий с прочими, введен именно для указания того способа защиты, который может предпринять благодетельный персонаж, — сделать человека, на душу которого покушаются горные духи, обитателем подземного мира.

К группе предметов, связанных с болезнью живота, относятся: 1) нивхский амулет — изображение духа, причиняющего болезнь живота и шеи: двойная культурная фигура (каждая из ее половин состоит из туловища со вздутым животом, переходящим в горло со сквозной дырой, и медвежьей головы — рис. 4); 2) нивхский амулет — изображение духа, причиняющего болезнь живота и ног: обрубок дерева, верхний конец которого затесан в виде головы медведя (в целом фигура напоминает нанайские и орокские изображения хозяина медведей — в виде медведя, стоящего на задних лапах); 3) орокский амулет — *дотту*: хозяин медведя верхом на медведе; у седока-человека голова нависающим лбом. (помогает от вздутия живота); 4) нанайский амулет — *юнта эдэни* (хозяин тайги): фигурка медведя, стоящего на задних лапах помогает от болезни живота; помещается в доме или в амбаре).

В первом амулете выделяются следующие элементы: большой орган человека — живот, шея; медвежья голова; мотив близнечества. Проведенный выше

анализ семантики пластических характеристик позволяет утверждать, что соединение головы медведя-близнеца с телом (органом тела) больного человека означает в целом вселение души горного человека.

Вселение души медведя-человека в тело женщины может привести к рождению близнецов, чему предшествует также вздутие живота больше обычного. Во всех же остальных случаях, когда вселение души горного человека не ведет к беременности, оно приводит к болезненному вздутию живота.

В третьем и четвертом амулетах — один и тот же персонаж, хозяин медведя. От него зависят рождение медведей и вообще движение их душ из одного мира в другой. Изготовление дотту в случае заболевания означает, по-видимому, что он может отозвать назад душу горного человека и тем обеспечить излечение. То, что нанайский хозяин тайги постоянно находится у людей, означает, как думаем, что он может предотвратить вселение души медведя в тело человека.

Второй амулет — автономное изображение медвежьей головы (как отмечено регистратором), либо изображение хозяина медведей — можно истолковать в свете той же семантики как душу горного человека, которая вселяется в тело, не способное к беременности. Возможно, это хозяин медведей, ответственный за «неправильное» вселение души.

Вселение души горного человека, не ведущее к беременности, влечет за собой также и болезнь шеи — на это указывает конструкция первого амулета. Дырка в горле означает тенденцию к разделению головы и тела, т. е. к разделению «маленькой» и «большой» души человека. Это проистекает от того, что душа горного человека, проникнув в голову, не может оттуда перейти в живот.

Приведенное истолкование связи двух вредоносных действий с вселением души горного человека, можно подтвердить, обратившись к нанайскому амулету, излечивающему болезни горла. Это согнутый в виде стремени тальниковый прутик, на одном конце которого вырезано изображение медведя, а на другом — головы человека с нависающим лбом (рис. 5). Концы прутика соединяются так, что человеческая голова как бы оказывается верхом на медведе. Такое положение человеческой головы, а также сходство в изображении лица с орочским дотту — всадником на медведе позволяют считать, что здесь представлен тот же персонаж — хозяин медведя.

Итак, хозяин медведя, изображенный в виде всадника на медведе, избавляет не только от вздутия живота, но и от болезни горла. Соединению двух вредоносных действий в одном персонаже (№ 1) соответствует, оказывается, соединение двух альтернативных лечебно-магических функций в другом персонаже. Всадник на медведе в противоположность хаотическому движению медведей-близнецов регулирует порядок движения горных душ в человеческий мир.

Всадник на медведе встречается и в качестве предмета, изготовленного нанайским шаманом специально для себя; в этом случае у всадника вместо рук два крыла. Тем самым подчеркивается, что медведь — средство передвижения между двумя мирами. Именно с этой мифологической функцией медведя связаны, видимо, амулеты от болезней конечностей.

Среди амулетов, избавляющих от болезней ног, рук, от ревматизма, выделяются шесть предметов, в каждом из которых три части: голова медведя, туловище человека или цилиндрический обрублок, больной орган — человеческая рука, стопа. Большой орган соединен с туловищем петельчатым способом наподобие звеньев цепи. Сопоставим эти амулеты по следующим семантически значимым характеристикам: 1) медвежья голова соединена с туловищем петельчатым способом, или они представляют собой монолитную фигурку; 2) средняя часть амулета — цилиндр либо человеческое туловище; 3) наличие либо отсутствие змей, ящериц, лягушек на туловище; 4) способствует излечению либо причиняет болезнь. Объединим сведения об этих амулетах в таблицу, где знаком «+» обозначим выраженность первого из названных альтернативных вариантов, а знаком «—» соответственно второго.

Характеристика амулетов против болезней конечностей

Этническая принадлежность	Петельчатое либо сплошное присоединение головы	Цилиндр человеческое туловище	Змеи, ящерицы на туловище	Излечивает либо причиняет болезнь
Нивхи	—	—	—	—
»	—	—	—	—
Негидальцы	—	—	—	+
Нанайцы	+	+	+	+
»	+	+	—	+
»	+	+	+	+

По первым двум признакам амулеты этой группы сразу разбиваются на две части: первые три представляют собой человеческую фигурку с медвежьей головой, следующие три — трехчастные. Змеи, ящерицы, символизирующие боли, страдания⁵¹, вырезаны только на трехчастных нанайских амулетах, на туловище-цилиндре. Все трехчастные амулеты способствуют излечению.

Отчего антропоморфный персонаж с медвежьей головой в нивхских амулетах — это дух болезни, а в негидальском амулете — способствует излечению? Ответ находится, если учесть, что способы первоначального соотнесения мифологического героя-человека с миром медведей — после чего и появился медвежий праздник — различаются у нивхов, с одной стороны, ульчей, орочей, негидальцев, нанайцев — с другой. У нивхов персонажу, представленному в скульптуре как человек с головой медведя, соответствует в мифологии медведица, похитившая героя и затем убившая его в сражении; у других народов это человек-сородич, ставший медведем и добровольно позволяющий людям себя убить.

Однако почему собственно такой персонаж, как человеко-медведь, способствует излечению рук, ног либо повреждает их? Человеко-медведь амурских народов переходит из одного мира в другой, и значительную часть пути он проходит в облике зверя — медведя. Сильные медвежьи конечности — важное свойство этого персонажа.

Следует также учитывать, что медведь — единственный из таежных зверей, который подобно человеку может передвигаться на нижних конечностях, причем подолгу⁵². При добывании пищи, при лазании по дереву он активно ианипулирует передними лапами⁵³. Таким образом, магические свойства человеческого изображения с медвежьей головой в рассматриваемых предметах определены как фольклорными, так и реальными свойствами медведя.

В нанайских трехчастных амулетах верхняя часть — голова медведя — петельчатым способом соединена с туловищем-цилиндром с вырезанными на нем змеями, ящерицами, лягушками. Думается, что такой способ символизирует временное присоединение медведя-духа к туловищу, чтобы изгнать из него духов болезни. Показательно, что на человеческой стопе, выступающей третьим звеном трехчастной цепочки, не вырезаны духи болезни; она изображена как бы уже в здоровом состоянии. Изгнав духов болезни, медведь возвращает назад душу больного органа.

Проведенный анализ нескольких групп амулетов позволяет сделать некоторые общие выводы. Семантика многих медвежьих онгонов имеет сложный характер, восходит к этноспецифическим персонажам мифологии. Для становления магической прагматики, т. е. раскрытия тех мыслительных операций, которые обеспечивали веру в целительную силу амулета именно данной конструкции и от данного вида болезни, целесообразно обращение к фольклорному образу медведя, а также к ритуалам медвежьего праздника.

Наиболее разработана семантика медвежьих онгонов в лечебной магии нивхов, как и семантика ритуала медвежьего праздника и мифологии горных народов — медведей. К общему фонду семантики, используемой в амулетах народа

дов Приамурья, относится в первую очередь образ хозяина медведя — в виде медведя, стоящего на задних лапах, либо в виде антропоморфного всадника на медведе. Эти пластические образы выявляют ориентированность всей системы медвежьих онгонов на движение душ и вообще на обмен между двумя мирами.

Примечания

¹ См.: *Васильев Б. А. Медвежий праздник // Сов. этнография. 1948. № 4. С. 78—104; его же. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1. С. 18—19; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. С. 106—126; Крейнович Е. А. Нивху. М., 1973. С. 169—240; его же. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Вып. 2. М., 1969. С. 6—112; Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 145—160; ее же. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 189—190; Штернберг Л. Я. Гиляки, ороши, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.*

² Соколова З. П. Культ животных в религиях. Л., 1972. С. 82—83; *Таксами Ч. М. Система культов у нивхов // Сб. МАЭ. 1977. Т. 33. С. 106—107.*

³ См. Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936.

⁴ Иванов С. В. О детских амулетах нанайцев // Сб. МАЭ. 1977. Т. 33. С. 80—89; *Диосеги Г. Развитие одного вида делительных амулетов у гольцов // Folia Ethnographia. 1949. V. 1. Fasc. 1—4. С. 176—204; Dióssegí G. Le principe thérapeutique des golds // Ethnographia. 1947. VIII. 1—2. Р. 217—229; Орлова Е. П. Амулеты гиляков // Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964. С. 223—240.*

⁵ Иванов С. В. Указ. раб. С. 89.

⁶ Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908. С. 65, 110.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Крейнович Е. А. Нивху. С. 450—451.

⁹ Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов. С. 91; его же. Нивху. С. 176; Штернберг Л. Я. Гиляки, ороши... С. 59—71; его же. Материалы... С. 31.

¹⁰ Золотарев А. М. Родовой строй... С. 106; Крейнович Е. А. О культе медведя у нивхов // Страны и народы Востока. 1982. Вып. XXIV. С. 268; Пилсудский Б. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. Пг., 1914. № 1—2. С. 106, 143, 147; Штернберг Л. Я. Гиляки, ороши... С. 439.

¹¹ Крейнович Е. А. Нивху. С. 220.

¹² В это число мы не включили те связки амулетов, куда входит и амулет с медвежьим изображением.

¹³ Амулеты, перечисленные здесь под номерами 3—5 и 7, опубликованы в вышеуказанной статье Е. П. Орловой.

¹⁴ Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 15.

¹⁵ Крейнович Е. А. Нивху. С. 451.

¹⁶ Крейнович Е. А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии // Этнография. 1930. Вып. 4. С. 42.

¹⁷ Штернберг Л. Я. Гиляки, ороши... С. 78.

¹⁸ Штернберг Л. Я. Первобытная религия... С. 21; Крейнович Е. А. Нивху. С. 394—395.

¹⁹ Крейнович Е. А. Нивху. С. 428—433; Штернберг Л. Я. Первобытная религия... С. 92—93. 106—107. О связи представлений о близнецах с медведем на ульчском материале см.: Золотарев А. Указ. раб. С. 140—143; Кусали О. А. О некоторых религиозных представлениях ульче связанных с медвежьей клеткой // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 70—71.

²⁰ Крейнович Е. А. Нивху. С. 433, 435; Штернберг Л. Я. Первобытная религия... С. 91—92.

²¹ Крейнович Е. А. Нивху. С. 435—439.

²² Штернберг Л. Я. Первобытная религия... С. 40—42; Крейнович Е. А. Нивху. С. 233—234.

²³ Золотарев А. М. Указ. раб. С. 185.

²⁴ Цинциус В. И. Негидальский язык. Л., 1982. С. 142.

²⁵ Штернберг Л. Я. Материалы... С. 172—173, 180—182.

²⁶ Там же. С. 39, 49, 68, 72, 86, 95.

²⁷ Там же. С. 187—188.

²⁸ Крейнович Е. А. Нивху. С. 219.

²⁹ Шимкевич П. П. Материал для изучения шаманства у гольдов // Записки Приамурского отдела РГО. Т. 1. Вып. 2. Хабаровск, 1896. С. 117—118, 102.

³⁰ Там же. С. 58, 45, 50. Прил. 10.

³¹ Таксами Ч. М. Указ. раб. С. 105.

³² Штернберг Л. Я. Гиляки, ороши... С. 337.

³³ Там же. С. 514.

³⁴ Последнее отмечено Д. К. Зелениным: Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 342.

³⁵ Шимкевич П. П. Указ. раб. С. 50.

³⁶ Там же. Прил. 10.

- 37 *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи... С. 515.
- 38 *Оненко С. Н.* Нанайско-русский словарь. М., 1980. С. 421.
- 39 *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия... С. 28.
- 40 Этот предмет опубликован в кн.: *Орлова Е. П.* Указ. раб. С. 225.
- 41 *Крейнович Е. А.* Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков // Этнография. 1930. № 1—2. С. 109.
- 42 Там же. С. 90.
- 43 *Крейнович Е. А.* Нивхгу. С. 432.
- 44 Этот предмет опубликован в кн.: *Орлова Е. П.* Указ. раб. С. 232.
- 45 *Крейнович Е. А.* Нивхгу. С. 212.
- 46 *Пилсудский Б.* Указ. раб. С. 135.
- 47 См.: *Островский А. Б.* Анализ мифов Клода Леви-Строса: первобытное мышление в этнографический контекст // Сов. этнография. 1984. № 5. С. 54—56.
- 48 *Крейнович Е. А.* Нивхгу. С. 197—199.
- 49 *Штернберг Л. Я.* Материалы... С. 43—51, 84—90, 109—112.
- 50 Там же. С. 15—16.
- 51 *Шимкевич П. П.* Указ. раб. С. 42.
- 52 Жизнь животных. Т. В. М., 1941. С. 424; Экология, морфология и охрана медведей в СССР. 1981. С. 10.
- 53 *Верещагин Н. К.* Бурый медведь // Крупные хищники и копытные звери. М., 1978. С. 57.

А. А. Митюшин

ПРИНЦИПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ТРАКТОВКЕ Г. Г. ШПЕТА

В декабре 1920 г. при Московском университете был организован *Кабинет этнической и социальной психологии*, позднее ликвидированный и забытый. Инициатором его создания явился один из крупнейших русских философов — профессор историко-филологического факультета Г. Г. Шпет. Этому шагу соответствовали исторические и аналитические изыскания Шпета в области психологии народов¹, его острыя критика широко распространенной в то время онцепции В. Вундта. Теоретические принципы и основоположения, сформулированные Шпетом, сохраняют свое значение и по сей день.

На этот факт стоит обратить внимание хотя бы уже потому, что советская литература по данному вопросу, как признают специалисты, является скучной, положение этнической психологии среди других психологических дисциплин является весьма неопределенным². Что практически соответствует такой ситуации в сфере «национального вопроса», теперь хорошо всем известно. И это далеко не единственный факт, который мог бы засвидетельствовать значение трудов Г. Шпета для отечественной культуры.

А. Бачинский, рекомендуя Г. Шпета в качестве кандидата на замещение кафедры философии АН СССР (1928 г.), писал: «Особо должны быть упомянуты внутренне связанные, впрочем, с его принципами) работы Шпета по социальной и этнической психологии. Кроме их теоретической ценности (как критической, так и положительной); необходимо подчеркнуть их огромное практическое значение для современной науки в связи со столь развивающимся у нас краеведением и изучением населяющих Союз национальностей»³.

Несмотря на то что в первые десятилетия нашего века Шпет был одним из наиболее заметных деятелей культурной жизни России, сейчас он является в манитарных науках мало известной фигурой. Поэтому следует, вероятно, привести самые общие биографические сведения, касающиеся его научной деятельности.

Густав Густавович Шпет родился в Киеве 7 апреля (по новому стилю) 1879 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета (в 1905 г.). По приглашению Г. И. Челпанова в 1907 г. переехал в Москву, где был

прикомандирован к Московскому университету. Уже в 1910 г. он становится приват-доцентом, а в 1918 г. — профессором историко-филологического факультета. С 1922 г. Шпет — председатель философского отделения, а с 1924 по 1929 г. — вице-президент Российской Академии художественных наук (затем ГАХН).

В «Охранной грамоте» Б. Л. Пастернак пишет, насколько неудовлетворительной была постановка преподавания философии в университете, когда он приступил к изучению философских наук. Новые веяния он связывает с именами Г. Г. Шпета, Н. В. Самсонова и А. В. Кубицкого. Шпет стоит здесь на первом месте. Он вообще был замечательным лектором и преподавателем. Его лекции с восторгом вспоминают многие выдающиеся представители отечественной науки и культуры: В. А. Каверин, Н. В. Тимофеев-Ресовский и др.

Многообразие интересов и занятий Шпета отличается поразительной плодотворностью: он явился одним из руководителей Московского лингвистического кружка; был членом художественного совета при МХАТе; принимал активное участие в работе Академии наук и других научных учреждений Советской России. Как уже сказано, в 1920 г. по его инициативе был организован Кабинет этнической психологии при Московском университете.

Необходимо, наконец, чтобы научная общественность знала о трагическом конце жизни Г. Г. Шпета. Этого требует прежде всего общий долг совести: нельзя забыть о тяжкой вине людей, загнавших гениального мыслителя в сталинский лагерь. Такую вину вряд ли вообще можно искупить. Но сюда присоединяется еще мотив полноты исторической правды, — ее нужно знать, чтобы уберечь духовное наследство мировой культуры и ее будущих носителей от любых возможных рецидивов идеологической инквизиции, от преследования со стороны врагов демократии и свободной мысли.

Репрессии против Г. Г. Шпета начались еще в 1930 г., когда в ходе так называемой «чистки» советских учреждений была ликвидирована («реорганизована») Государственная академия художественных наук — уникальная исследовательская организация, философское и эстетическое наследие которой до сих пор не освоено гуманитарной культурой. Г. Шпет играл в ее деятельности руководящую роль и был душою многих научных начинаний. Его административная «чистка» на заседании специальной комиссии продолжалась более 10 часов.

Лишенный возможности принимать полноценное участие в культурном строительстве, чувствуя себя гражданином раздавленным, Г. Г. Шпет вынужден был сосредоточить свои силы на переводческой и комментаторской деятельности. Однако и в этой области он сделал настоящие чудеса. Достаточно упомянуть хотя бы целый том его комментариев к «Посмертным запискам Пиквикского клуба», выпущенный издательством «Academia» (1934).

В 1935 г., на волне массовых репрессий, Шпет был арестован и сослан в Енисейск, а затем отправлен в Томск. Именно здесь — в тяжелых условиях — он осуществил свой замечательный перевод гегелевской «Феноменологии Духа» (опубликован в 1959 г. в собрании сочинений Гегеля, т. IV). Кстати сказать, «дело» Шпета было связано с его участием в составлении «Большого немецко-русского словаря», что и было расценено в качестве «вещественного доказательства» его причастности к проискам немецкой разведки, — потрясающая деталь в истории отечественного мракобесия! В 1937 г. Шпет был вновь арестован в Томске и сослан в лагерь, из которого уже не вернулся.

У нас всегда находились люди, готовые на страданиях и даже смерти подвигников духа наживать себе политический капитал, которым они довольно успешно подменяли «капитал» теоретический. Именно подобные люди (как Я. Эльсберг и др.) клеветали на Шпета, навешивали на его труды осуждающие идеологические ярлыки. Нет смысла теперь опровергать все их вздорные обвинения, но об одном я хотел бы сказать.

Как правило, Шпета упрекали в недооценке русской философии и искажении результатов отечественной мысли. Трудно представить себе более лицемерно

удовицкое двоемыслие в науке. Ведь беда состоит в том, что именно в Советской России история русской философии находится в самом жалком состоянии. Между тем, именно Шпет до сих пор остается самым блестящим знатоком русской мысли и ее истории. Кроме известного «Очерка развития русской философии» ему принадлежат замечательные работы о философских взглядах И. Д. Юркевича, П. Л. Лаврова, А. И. Герцена и др. мыслителей, и везде он подчеркивает их незаменимое значение для мировой культуры. Поэтому с полным правом можно сказать, что возрождение русской философии неразрывно связано с изучением культурного наследия Г. Г. Шпета.

Философская концепция Шпета имеет своим отправным пунктом платоновский рационализм, полемически заостренный против кантианского агностицизма и субъективизма. Шпет понимал философию как науку о началах, как «первичное знание», которое выступает в качестве онтологического описания действительности в аспекте ее реального смысла. По его словам, это и есть «действительное познание вещей в себе». Общие задачи философии Шпет понимает в гегелевском духе, углубляя реалистическую трактовку диалектики. В его истолковании именно действительность (прежде всего, социально-культурная) составляет главный предмет философии с ее жизненным, конкретным и цельным смыслом. Характерно, что сам Шпет называл свою философскую позицию *реализмом*.

Для того чтобы получить цельное представление о философских взглядах Шпета, нужно взять его книгу «Внутренняя форма слова» (1927). Здесь он прямо говорит о своей солидарности с идеями Гегеля и развивает его диалектику контексте учения В. Гумбольдта о языке³. Для Г. Шпета философия языка выступает как основа философии культуры, он рассматривает «слово» как архетип и «прообраз» всякой социально-культурной вещи.

Не без учета гегелевских дефиниций и соответствующих философских построений Г. Г. Шпет развивает в книге «Внутренняя форма слова» критику субъективизма и психологизма в науках о культуре⁴. Он развенчивает всякую попытку вывести из эмпирического субъекта, психологического индивида какую-либо систему объективных форм культуры, а стало быть, и попытку «объяснить» продукты культурного творчества из психической активности субъекта. этой связи обнаруживается, что субъект, как социальный субъект, полностью выражается, «объективируется» в продуктах своего труда и творчества. Учитывая это обстоятельство, все виды психологии, по словам Шпета, должны стать «дами социальной психологии», для которой все «субъективное» объективируется в социально значимых формах.

С точки зрения Шпета, психология должна рассматривать субъекта в его социальных объективациях, где сообщаемое им объективное содержание субъектируется в самих же произведениях человеческой культуры. Другими словами, согласно Шпету, источник, из которого социальная психология может попрать знание субъективности как таковой «заключается ни в чем ином, как в самом продукте творчества»⁵.

Шпет видел большую заслугу В. Дильтея в разграничении объясняющей и писательной психологии, поскольку целью последней является не «объяснение», а *понимание*. Такое понимание, по мысли Шпета, связано не только не столько с анализом «внутреннего опыта», сколько с достижением смысла объективных культурных явлений, в которых и запечатлевается типически объективное.

Указанные положения имеют принципиальное значение для этнической психологии. Последняя, согласно Шпету, не может быть обычным продолжением индивидуальной психологии, как это имело место еще у М. Лацаруса, Г. Штейнля и В. Вундта. Ведь культурные предметы, социальные вещи, которые находятся в кругу духовных порождений народной жизни, сами по себе не являются психическими процессами. И тогда возникает вопрос: «как может психология зачать лук и стрелы таитянина, ожерелья таитянки, шаманский бубен якуза»⁶ и т. д.?

Ключ к пониманию психологии народа лежит в его истории, в конкретной структуре социальной действительности, образующей наличное бытие колективного духа нации. По словам Шпета, «именно история создает предметную ориентировку душевных переживаний человечества, она устанавливает вехи обозначающие путь „духа“»⁷.

К сожалению, долгие годы этническая психология, добывая порою интереснейшие данные, блуждала впопыхах, упираясь в тупики индивидуально-психологического подхода к своему предмету. Примером такого подхода может служить американская этнопсихологическая школа, которая пользовалась очень большим влиянием в 30-е и 40-е годы. Согласно мнению некоторых из ее представителей, культура народа — это «индивидуальная психология, отображеная на большом экране» (Р. Бенедикт). Тут узнаются старые идеи В. Вундта не потерявшие, впрочем, своей заразительности и до сей день.

Иллюзорность индивидуально-психологических «объяснений» особенно наглядно обнаруживается тогда, когда речь заходит об *этнических предубеждениях* и предрассудках. Факты и логика склоняют исследователей в пользу той вывода, что подобные предубеждения имеют своей основою не «роковые» психологические конфликты, а вполне конкретные социальные предпосылки. Ведь каждая этническая общность выступает в сознании другого народа, прежде всего сквозь призму его собственных культурно-исторических взаимоотношений с этой общностью⁸.

Отсюда следуют чрезвычайно важные выводы, касающиеся решения «национального вопроса» в том его аспекте, который связан с этническими предубеждениями и национальной рознью. А именно: необходимо раз и навсегда понять, что никакие политические нотации, никакие моральные призывы к «интернационализму» не окажут воздействия на коллективную психологию до тех пор, пока отдельные нации и народы не получат реальную возможность знакомства друг с другом, и прежде всего знакомства с *историей* каждого отдельного народа. Это знание, опирающееся на фундамент подлинной кооперации и сотрудничества, есть самый надежный путь к взаимопониманию. Совершенно ясно, что указанный путь должен закладываться уже в семье и школе. Более того, он предполагает *кардинальную перестройку системы общего образования*.

В творчестве Г. Г. Шпета проблема историзма всегда занимала центральное место. Ему принадлежат глубочайшие суждения о действительном жизненном значении истории и ее *культурно-образовательной ценности*. В письме Д. М. Петрушевскому он говорит: «Правильно понимаемые задачи народного образования необходимо требуют создания такой общеобразовательной системы, которая и в основе, и в методике школьного преподавания имела бы историю и исторический метод. Каково бы ни было вспомогательное, формальное практическое значение остальных школьных „предметов“, только история есть центр и основа образования культурного человека»⁹.

Необходимо признать, что гуманитарное образование играет в советских национальных школах исчезающе малую роль в деле устранения потенциальных и наличных этнических предубеждений. Между тем исторические знания и рост общей культуры являются одним из решающих условий для их преодоления¹⁰.

Современная западная герменевтика (начиная, в особенности, с Г. Гадара) прочно связывает проблему *предрассудка с проблемой понимания*. Наличной связи имплицитно содержится в концепции Г. Шпета. Его трактовка предмета этнической психологии намечает ее сферу как область «доступной например понимание некоторой системы знаков». Следовательно, «ее предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков»¹¹. Таким образом, чисто методологическая проблема интерпретации, истолкования культурных и социальных фактов — «знаков», несущих в себе значение и смысл, упирается в проблему понимания как центральную гносеологическую проблему гуманитарных наук.

Г. Шпет обстоятельно разработал философию истолкования и герменевтику, трактуя последнюю как теорию исторического познания, в которой главной логической проблемой является проблема понимания. В этом отношении он определил западноевропейскую науку на несколько десятилетий. Его сочинение «Герменевтика и ее проблемы» написано еще в 1918 г. Но проблема понимания широко рассматривается Г. Шпетом и в других работах. Прежде всего следует сказать на две его книги, вышедшие в 1927 г.: «Внутренняя форма слова» и «Введение в этническую психологию». Последняя книга основана на предварительной публикации в журнале «Психологическое обозрение» (1917—1918), и дает более полное и точное представление о взглядах Шпета на предмет и метод социальной психологии.

Двигаясь по «магистрали» Штейнталя и сохраняя его термин «дух народа», Шпет трактует сам термин «дух» в гегелевском смысле как *объективное содержание социально-культурного творчества*. При этом социальный коллектив выступает как «субъект совокупного действия», психологическая природа которого раскрывается в «общной субъективной реакции коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни истории»¹².

Разумеется, само историческое, как таковое, не может быть предметом генетической психологии,— полагает Шпет,— подобно тому, как оно не может быть предметом индивидуальной психологии. В духовном, *культурно-историческом содержании* народной жизни ничего «психологического» нет. Оно— совершенно объективно и по своей природе является «идеальным» началом. Именно поэтому так важно отличать от него — представленное в его собственных формах — отношение к нему «коллективной души» народа, класса, профессии и т. д.

Шпет нападает прежде всего на Вундта и его последователей, для которых каждый продукт культуры есть психологический продукт, и поэтому объяснение социальной жизни проводится ими по линии индивидуально-психологических икономерностей. Шпет отстаивает объективное, независимое от индивида значение осуществляемых в истории идей, указывая, однако, что именно в самом их осуществлении эмпирическими субъектами и дает о себе знать психологический контекст. Он пишет: «Культурное явление как выражение смысла объективно, но в нем же, в этом выражении, есть сознательное или бессознательное отношение к этому „смыслу“, оно именно — объект психологии. Не смысл, не значение, но-значение, *сопровождающие* осуществление исторического, субъективные реакции, переживания, отношение к нему — предмет психологии»¹³.

В этом повороте дела радикально переосмысливается сама тема психологических исследований. Ведь традиционная «общая психология» ставила перед своим взором не объективное «отпечатление» субъекта в продуктах его творчества, а лишь его природный психофизический организм. Выражение человеческих душевных переживаний *объективно* изучалось ею лишь по ограниченному материалу жизненной экспрессии того или иного индивида. Социальная и этническая психология необычайно расширили, обогатили материал науки бесконечным числом самих *продуктов творчества*, несущих на себе «субъективную петь времен, народов, стран, лиц». Но ведь это значит, по существу, что задача социальной психологии состоит в том, чтобы «прочитать» свою тему в продуктах результатов человеческого труда и творчества¹⁴.

Исходя из того, что язык является наиболее универсальным выражением культурного бытия людей, Шпет полагает, что именно в анализе языковой структуры можно с наибольшей ясностью раскрыть все наличные выразительные аспекты, как объективного, так и субъективного, психологического порядка¹⁵. частности, он пишет: «Если сообщение есть условие общения, то язык — условие всего социального, и наука о языке — „основа“ всех наук о социальном, в том числе этнологии, в том числе этнической психологии»¹⁶.

Универсальное значение языка в культурной жизни отдельных наций давно

осознано не только философами и лингвистами, как В. Гумбольдт, но и поэтами — творцами самой литературы, — поскольку они соприкасаются с творчеством иных народов и улавливают в языке своеобразие их духа и национального характера.

Б. Пастернак, с особенной любовью вникавший не только в грузинскую поэзию, но и во все реальности живого грузинского быта, писал: «Явления словесности, например, красоты иного изречения или тонкости какой-нибудь поговорки, больше, чем византизмы церковной мелодии или фрески, соответствуют впечатлительности и живости грузинского характера, склонности фантазировать, ораторской жилке, способности увлекаться»¹⁷.

Согласно Шпету, язык является «естественным и наиболее близким для нас прототипом и репрезентантом всякого выражения, прикрывающего собою значение». В этом своем качестве он выступает таким объектом, свойства которого оказываются прообразом для всех других форм и видов выражения. Отсюда проистекает и трактовка метода этнической психологии как метода *интерпретации социальных явлений* в качестве знаков, которые оказываются не только «приметами» вещей, но и сообщениями о них¹⁸. Интерпретация здесь выступает как метод, конституирующий гуманитарное мышление, способное рассматривать свой предмет в его типическом значении, т. е. в том смысле, в каком мы говорим о «типе» в художественном произведении. Ясно, что в качестве содержательной аналогии к художественному описанию тут выдвигается научное описание, схватывающее не внешние «признаки» вещей, а «знаки» их существа и смысла.

Особую ценность приобретает трактовка Шпетом метода этнической психологии, поскольку эта наука обращается к уразумению общественной, коллективной жизни. Анализируя возможные подходы к самому понятию «коллективности», Шпет отдает предпочтение такой интерпретации соответствующего предмета, при которой отдельный индивид уже *изначально* выступает в качестве *репрезентанта* конкретной социальной общности. «В чём же здесь метод?», — пишет он. — И отвечает: «В том, что на первого же взятого нами для обследования представителя данного коллектива мы уже смотрим, как на *репрезентанта*»¹⁹.

Теперь, в контексте всего развития психологии в XX столетии, мы можем *д* конца уяснить всю глубину и адекватность такого подхода к человеческой личности. А. Н. Леонтьев пишет: «Особенно следует предостеречь против понимания деятельности человека как отношения, существующего между человеком и противостоящим ему обществом. Это приходится подчеркивать, так как затопляющие сейчас психологию позитивистские концепции всячески навязывают идею противопоставленности человеческого индивида обществу»²⁰. Совершенно очевидно, что подобная идея имплицитно несет в себе положение об изначально непримиримости и вечном противостоянии этнических групп. Таким образом национальная рознь также, волей-неволей, получает квази-теоретическое «обоснование», а по сути — догматическое признание вопреки элементарным логическим требованиям.

Концепция Шпета, напротив, утверждает *исходную* социальную укорененность каждой человеческой личности; она является гуманитарной по своей *научной сути*. Гуманизм здесь не «присказка», не декларация, как это бывает сплошь и рядом в рассуждениях психологов, антропологов, медиков (для которых индивид — просто биологический атом) и т. д., а принципиальное основа положение, подкрепленное логическими и теоретическими выводами. Человеческий *тип* в трактовке Шпета сохраняет и свою уникальность, и свою причастность коллективной жизни. Такой тип «до крайности интенсивен и индивидуален» он не результат обобщения, обезличивающего индивидуальное, а *репрезентант* многих индивидов».

Таким образом, согласно Шпету, реальный человеческий коллектив должен выступить уже не как статистически фиксированное множество, и не как формально упорядоченная структура, а в качестве некоторого типа, являющегося

репрезентантом исторической общности («человек эпохи Возрождения», «мешаин», «китаец» и т. д.); в этом качестве он может быть описан и интерпретирован.

Социальные явления, например, язык, нравы, искусство, наука, всегда вызывают соответствующие переживания человека. Как бы ни различались между собою люди, есть «типовски общее в их переживаниях, как „откликах“ на происходящее перед их глазами, умами и сердцем». В свете такого понимания, этническая психология определяется как «описательная психология, изучающая типические коллективные переживания»²¹. Необходимо различать историю тех иных идей, как историю развития культуры, от психологического отношения к ней рассматриваемого коллектива, в среде которого эта история осуществляется. Именно в таком различении со всей определенностью усматривается духовный строй и «характер» национальной жизни. По словам Шпета, нигде так ярко не оказывается психология народа, как в его отношении к им же созданным духовным ценностям.

Здесь возникает исключительно важная и — в полном смысле этого слова — фундаментальная проблема *этнического самосознания*. Поскольку каждый индивид является «репрезентантом всей реагирующей группы», его личные переживания, согласно Шпету, как и на самом деле, «предопределяются всей массою интерпретации, составляющей коллективность переживаний его рода, т. е. как его современников, так и его предков»²². Таким образом, укорененность индивида в этнической общности оборачивается его укорененностью в истории своего народа. Но это единство определяется не односторонним, а *обоюдным актом* признания и действия. Другими словами, причастность каждого отдельного человека национальной истории измеряется не биологической наследственностью, а степенью сознательного приобщения к тем культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание этой истории. «Духовное богатство индивида, — пишет Г. Шпет, — есть прошлое народа, к которому он сам себя причисляет»²³.

Все сказанное можно выразить и так: *национальность* — это не просто дар природы, она *порождается актом выбора*, и только в порядке такого сознательного выбора обретается и принимается как дар. У Г. Шпета мы читаем: «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже „переменить“ народ, войти в состав и дух другого народа, а оно, опять — не „произвольно“, а путем долгого и упорного труда пересознания детерминирующего его духовного уклада. Духовный уклад индивида и дух его народа»²⁴.

Культурно-исторические критерии этнической общности осознавались очень ясно. Еще Истократ говорил: «Эллинами называются скорее те, которые присты нашей культуре, нежели те, которые имеют общее с нами происхождение». Аналогичная мысль переходит из иудаизма в христианское сознание. Апостол Павел пишет: «Ибо не все тё Израильяне, которые от Израиля, и не все тё Авраама, которые от семени его... То есть, не плотские дети суть дети Иакова; но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9, 6—8).

Новое звучание приобретают эти идеи в эпоху Возрождения. Изгнаник Данте находит свое отечество в родном языке и образованности Италии²⁵. В его стихах повторяется «приобретенное горькой ценой убеждение, что изгнаник может найти второе отечество в языке и литературе, которых у него никто не вправе отнять»²⁶. Итальянские гуманисты трактуют язык как подлинную родину языку для самосозидания человеческой личности.

Тот факт, что истинная этническая принадлежность подразумевает сознательный выбор и культурную работу, конечно, далеко не всегда находится «перед глазами» индивида. Однако социально-исторические факторы народной жизни постоянно прокладывают себе дорогу даже «за спиной сознания», если пользоваться выражение Гегеля.

Особенно ясно все это обнаруживается тогда, когда человеческая личность действительно с полным сознанием дела *находит и обретает вторую родину* благодаря литературному творчеству и живым культурным связям. Я попробую показать это на примере Б. Пастернака.

Как известно, Б. Пастернак с большим увлечением и страстью занимался переводами грузинских поэтов: Н. Бараташвили, В. Пшавела, С. Чиковани Г. Леонидзе, А. Церетели, П. Яшвили и др. Со многими его связывала живая переписка и незабвенные поездки в Грузию.

В одном из писем П. Яшвили (30.VII.32) он говорит: «Этот город (Тифлис) со всеми, кого я в нем видел... будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке,— одной из глав Охранной Грамоты, длящейся для меня всю жизнь»²⁷. Мало того, сама жизнь, литературное творчество уколосятся для Пастернака в Грузии. Он, далее, пишет: «На Урал, как мне теперь уясняется, я приехал ради него, во имя Тифлиса. Но обо всем этом трудно писать в письме, даже если оно пятое по счету. И не в письме, разумеется, скажетс это все. Что бы я ни задумал теперь, мне Грузии не обойти в ближайшей работе». И тут же следует знаменательное признание: «... об Урале буду писать мысленно из Окрохан и... это в вещи найдет свое выражение».

В письме С. И. Чиковани (3.VIII.45) у Б. Пастернака сказывается еще более интимный аспект его новой жизни: обретение Грузии есть окончательное обретение самого себя. Он пишет: «А поездка в Грузию равносильна для меня крайнему творческому освобождению, поездка к Вам есть для меня поездка внутрь себя, то есть эта заветная моя мечта художника, от осуществления которой я никогда не откажусь»²⁸.

Поздравляя своих друзей с торжеством 15-летия Советской Грузии (25 февраля 1936 г.), Б. Пастернак сделал, пожалуй, самое недвусмысленное признание: «Сожалею, что по нездоровью не могу присутствовать на торжестве среди людей, которых люблю как братьев, в kraю, ставшем мне второй родиной» (На рубеже Востока. 1936. № 5)²⁹. Пастернак был не из тех людей, которые бросают слова на ветер. Каждое его суждение предельно ответственно и столь же откровенно. Вторая родина здесь не метафора, а самая настоящая реальность.

И точно так же, как можно обрести родину благодаря культурному посвящению и сознательному деянию, ее можно утратить из-за варварского отношения к национальному прошлому, к народным корням культуры. Н. Воронин пишет: «Мы достаточно долго что-то перечеркивали в своей истории и культуре „мгновенно разбирали церкви“, как сказал поэт, боролись с чуждой нам реальной гиозной идеологией, а заодно и со всеми порожденными ею обрядами, обычаями, праздниками, литературными и материальными памятниками, в которых был запечатлен и воплощен гений народа... Короче говоря, разрушали старый мир»³⁰. Теперь, когда многие опомнились, стала очевидной простая истинка: бывает народа без истории и культа предков.

Наивно думать, что национальность может быть удостоверена только звучанием фамилии, презрением к «инородцам» и соответствующей отметкой в паспорте. Видимо, из такого «самосознания» проистекает существование «русских» людей, ненавидящих даже собственную культуру и ее лучших носителей. Я имею в виду шумных и агрессивных лиц с короткой, но избирательной «Памятью» отвергающих Вл. Соловьева за объективное рассмотрение национального вопроса, Л. Толстого за сочувствие к евреям, а Б. Пастернака и О. Мандельштама за их расовую неблагонадежность. Этническая принадлежность определяется не физиологическими приметами, не географической пропиской, а духовной общностью с родом и народом. По словам В. Каверина, «родина — не там, где родился человек, а там, где он *находит себя*»³¹. Надо потратить немало времени, чтобы обрести, наконец, подлинную национальную принадлежность. Это как семейный дом, «освященные окна» которого нужно уметь различать из лека.

- ¹ См., например, *Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке*. М., 3. С. 147. Более двадцати лет назад И. С. Кон указывал, что конкретные этнопсихологические исследования представляют собой «едва ли не самую отсталую область современного обществоведения» (Кон И. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9. С. 190). Хотя за истекшее время появились некоторые новые работы, отмеченная «пропорция», к сожалению, сохраняется, так что общая ситуация остается прежней.
- ² Из архива Н. И. Жинкина (курсив мой.— А. М.). В 1920 г. Н. И. Жинкин был избран редактором Кабинета этнической психологии.
- ³ См. *Шпет Г. Внутренняя форма слова*. М., 1927. С. 33, 116, 180 (примеч.) и др.
- ⁴ Более подробное изложение философских и психологических идей Г. Шпета см. в статье: *тюшин А. А. Г. Шпет и его место в истории отечественной психологии*. // Вестн. МГУ. Сер. 14, психология. 1988. № 2. С. 34—40.
- ⁵ См. *Шпет Г. Внутренняя форма слова*. С. 179—186.
- ⁶ См. *Шпет Г. Введение в этническую психологию*. М., 1927. С. 37—52.
- ⁷ Там же. С. 137.
- ⁸ См. об этом: *Кон И. Указ. раб.*
- ⁹ Архив Г. Шпета // ГБЛ. Отд. рукоп. ф. 718. К. 24. ед. хр. 5.
- ¹⁰ Ср. *Кон И. Указ. раб.* С. 197.
- ¹¹ *Шпет Г. Введение в этническую психологию*. С. 62.
- ¹² Там же. С. 10—11.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ См. Там же. С. 12—13. Ср. у Маркса: «Мы видим, что история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются *раскрытым* книгой человеческих сущностных сил, вственно представившей перед нами человеческой психологией.» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 594).
- ¹⁵ См. *Шпет Г. Введение в этническую психологию*. С. 14, 63.
- ¹⁶ Там же. С. 78.
- ¹⁷ *Пастернак Б. Несколько слов о новой грузинской поэзии* (замечания переводчика) // Вопр. лит. 1966. № 1. С. 170.
- ¹⁸ См. *Шпет Г. Введение в этническую психологию*. С. 62—63.
- ¹⁹ Там же. С. 121.
- ²⁰ *Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность*. М., 1977. С. 83 (Курсив мой.— А. М.).
- ²¹ *Шпет Г. Введение в этническую психологию*. С. 107—108.
- ²² Там же. С. 134.
- ²³ Там же. С. 126 (курсив мой.— А. М.).
- ²⁴ Там же. С. 146—147.
- ²⁵ Ср. *Данте А. Малые произведения*. М., 1968. С. 273—274.
- ²⁶ *Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения* / Пер. с нем. С. Брилианта. СПб., 34. Т. 1. С. 180.
- ²⁷ См. Письма Б. Пастернака грузинским писателям. // Вопр. лит. 1966. № 1. С. 173—174.
- ²⁸ Там же. С. 181.
- ²⁹ Там же. С. 168.
- ³⁰ *Воронов Н. Стиль детских грез*. // Декор. искусство СССР. М., 1981. № 1. С. 24.
- ³¹ *Каверин В. Литератор: Дневники и письма*. М., 1988. С. 11.

Н. А. Дубова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРБАНИЗАЦИИ (к постановке проблемы)

Мир, в котором живет современный человек, крайне динамичен. Возникают одни общности, разрушаются другие, в одних регионах мира происходит обособление этнических группировок друг от друга, в других этносы консолидируются и т. д. Но все части земного шара охвачены единым процессом урбанизации. Все большее число жителей Земли рождается, живет и умирает в городах¹. Главная цель статьи — постановка проблемы изучения антропологии городских жителей.

Урбанизация — процесс, имеющий длительную историю. При сравнении этнического состава, демографических процессов, территориальной подразделенности, санитарно-гигиенической обстановки и пр. таких городов, например, как Вавилон и современный Токио, средневековый Новгород и Париж XVII в., Калькутта и Амстердам прежде всего обращает на себя внимание именно их несходство. Анализу различных аспектов появления, развития городов и современных тенденций в процессе урбанизации посвящена огромная литература. Продемонстрированы качественные различия между демографическими и другими процессами в городах, находящихся на разных ступенях развития. В данной работе делается попытка отметить те общие для всех городов процессы, которые в одних областях ойкумены в сущности давно завершились, в других идут в современную эпоху, в третьих, будут иметь место в будущем. Следствием этих процессов, как предполагает автор, должна быть однонаправленность биологической изменчивости различных групп человечества, проживающих в городах. Важной закономерностью, которую следует подчеркнуть, является независимость направления этих изменений от географической зоны, где расположен город, и этапа урбанизации, на котором он находится. Последний фактор, по всей видимости, должен определять степень выраженности указанных изменений.

Антропология, как известно, изучает вариацию физического типа человека во времени и в пространстве. Она должна выявить пути и факторы внутривидовой дифференциации вида *Homo sapiens*. Основным результатом процесса формообразования на внутривидовом уровне следует признать человеческие расы.

Представление о локусах формообразования — очагах впервые выдвину Н. И. Вавилов². В. П. Алексеев применил его к виду *Homo sapiens*, всесторонне проанализировал проблему очаговости расогенетического процесса, обосновал иерархию, систему очагов³. В зависимости от того, насколько предлагаемая классификация вида удовлетворяет представлениям каждого исследователя, могут возникать частные возражения против его концепции, однако, думает общий подход, учитывающий дискретность и в то же время непрерывность расообразования, с одной стороны, его волнообразность и географическая асимметричность — с другой, хорошо согласуется с общими закономерностями формообразования, свойственными живой природе. Следует обратить внимание на следующий важный аспект. Первичный этап расообразования — конец нижнего, средний и начало верхнего палеолита — связан не только с простран-

венной дифференциацией физического типа, но и с действием центробежной тенденции — сложения единого комплекса видовых особенностей современного человечества. Причина пространственной дифференциации, по мнению В. П. Алексеева, на этом этапе, так же как и на всех последующих, заключается в увеличении численности человечества и его расселении по земной поверхности, что сопровождается освоением огромного разнообразия природных условий. Интегрирующим фактором явилось действие стабилизирующей формы отбора, направленной на формирование универсальных комплексов признаков, которые в наибольшей мере соответствовали бы социальной организации общества⁴.

На втором этапе (верхний палеолит и частично мезолит), при выделении вторичных очагов и формировании расовых ветвей внутри основных стволов, главную роль в формообразовании играет не только освоение новых экологических ниш в пределах Старого Света, но и проникновение первобытных людей на Американский континент и в Австралию, а также адаптивные процессы в новых условиях. На третьем этапе (конец мезолита — неолит, возможно, энеолит) в результате адаптивных процессов в экологических нишах, занятых отдельными группами человечества, формируются локальные расы. Значительную роль в процессах расообразования приобретает обмен генами не только между соседними популяциями, что имело место и раньше, но и группами, достаточно далеко расселенными одна от другой. И наконец, на четвертом этапе, выделенном В. П. Алексеевым⁵ в границах четвертичных очагов (эпоха бронзы, частично раннего железа), происходит формирование стабильных расовых сочетаний внутри локальных рас. Смешение генофондов в результате миграций на данном этапе имеет еще большее значение, чем на предыдущих.

В биологической и философской литературе широко распространено мнение, что за последние несколько столетий, т. е. в ту эпоху, которую можно назвать современной, не происходит сколько-нибудь существенных расогенетических, формообразовательных событий. Однако, если учитывать описанную выше периодизацию процесса расообразования, предложенную В. П. Алексеевым, обратим внимание на то, что образование четвертичных очагов заняло — 3—3,5 тыс. лет. Предположить отсутствие каких-либо изменений, имеющих таксономическое значение, внутри вида *Homo sapiens* за прошедшие уже почти 2 тыс. лет с периода, когда четвертый этап в целом можно считать завершенным, было бы, по-видимому, неверно. Прямыми указанием на наличие определенных изменений, внутри вида являются адаптационные изменения, формирование адаптивных комплексов признаков. Впервые целостная концепция адаптивных типов была представлена в работах Т. И. Алексеевой⁶.

Кроме того, процесс смешения генофондов различных групп человечества: течением времени становится фактором, постоянно действующим во всех (за крайне редкими исключениями) областях ойкумены. При этом особенностью, проявившейся в последние столетия, является не просто смешение удаленных друг от друга популяций, групп популяций, этносов, как это имело место ранее. В новое время, как правило, мигрируют представители разных популяций, которые оседают в определенном районе, вступая в брачные отношения как между собой, так и с местным населением. Такое смешение, безусловно, происходило и раньше, но в современную эпоху именно последний тип является все более распространенным.

Разложение родовой общины и возникновение товарного производства вели к миграции большого числа сельских жителей в населенные пункты, наиболее благоприятные для экономического развития. Именно здесь концентрировались ремесленники, духовенство, административная верхушка и т. д. Они были, как правило, представителями разных родовых общин. Все это явилось зачатками нового типа расселения — городов. Есть основания считать, что именно города можно считать теми очагами нового типа формообразования, где происходит интеграция генетической информации с определенной территорией.

На первый взгляд такой очаг является простой механической смесью разных

генотипов. Но рассмотрим внимательнее те факторы, которые действуют на данную группу людей. Прежде всего это фактор миграции. Если миграция отдельных представителей разнообразных генофондов продолжается достаточно долго, если получаемая «смесь» существует несколько поколений, логично предположить наличие в данной конкретной группе специфических процессов, ведущих к образованию нового смешанного антропологического типа. Современными генетическими исследованиями установлено, что города, постоянно интегрируя отдельных представителей разных генофондов с определенной территории, с течением времени все в большей мере воспроизводят все эти генофонды в целом. Так, например, для Москвы, население которой на протяжении многих веков генетически было связано с населением коренных русских губерний, показано, что до настоящего времени сохраняется сходство его с населением центрального района РСФСР. В то же время в XIX в. места рождения прибывших в Москву располагались в радиусе 230 км от нее, в 1955 г. — 560 км, а в 1980 г. — в 1100 км, т. е. с течением временем возрастает генетический вклад мигрантов из отдаленных (в первую очередь, восточных и южных) регионов страны. В результате происходит увеличение разнообразия состава горожан и в генетическом плане. Москва «все в большей мере воспроизводит генофонд страны в целом»⁷. Одно из следствий такого смешения — гетерозис, проявлением которого, в частности, является процесс акселерации⁸, который в городах протекает более интенсивно.

Многочисленные исследования демонстрируют также увеличение длины и массы тела, размеров головы и головного указателя (брахицефализация) у городского населения по сравнению с сельским⁹. Укрупнение же размеров отмечалось и на краниологическом материале, характеризующем население, в частности, средневековых русских городов¹⁰. Одно ли смешение играет здесь роль? По-видимому, нет. В литературе имеются данные, говорящие о том, что мигранты вообще занимают в популяции, из которой они вышли, крайнее положение по ряду морфологических характеристик, в частности им свойственны более крупные размеры тела и головы и они физически более развиты¹¹.

Однако если мигрируют не все, а какая-то, причем специфическая, часть популяции, то по всей видимости, и генофонд популяции будет воспроизводиться на новом месте расселения не полностью. Напомню еще раз, что в город мигрируют отдельные индивидуумы, небольшие группы их из различных местностей. Как же не предположить при этом наличия «эффекта основателя»?

Еще один важный биологический фактор, действующий в городе — плотность населения. Для различных видов животных уже давно установлено, что повышение плотности популяции ведет к снижению плодовитости. У человека более важную роль, чем биологические факторы, регулирующие рождаемость, играют различные социально обусловленные установки и потребности¹². Рождаемость (плодовитость) — одна из главных популяционных характеристик. Именно она вместе с показателем смертности является, пожалуй, основным показателем успешности адаптации группы к данным конкретным условиям существования. Проведенными демографическими исследованиями показано, в частности, что у городских женщин в СССР на 1979 г. она меньше, чем у сельских (брутто-коэффициент — соответственно 0,9 и 1,55¹³). Важно отметить, что в большинстве крупнейших городов СССР рождаемость стабилизировалась в течение 70-х годов на более низком уровне, чем по стране в целом¹⁴. В разных городах этот уровень примерно одинаков, что вполне можно трактовать как стабилизацию городских популяций в отношении данного показателя.

Базируясь только на брутто-коэффициенте можно было бы говорить об отсутствии естественного прироста населения в городах. Но такой вывод был бы преждевременным, потому что не учитывает тот факт, что как брутто-, так и нетто-коэффициенты рождаемости имеют ограниченное значение. Они рассчитываются не для реальной с ее пиками и провалами возрастной структуры, а для

так называемой стационарной, то есть модальной структуры. Поэтому для объективной оценки воспроизводства населения специалисты рекомендуют использовать ряд показателей, а не ограничиваться расчетами только этих коэффициентов¹⁵. Как показывают статистические данные, естественный прирост населения в городах, безусловно, имеется. Так, например, в целом по СССР естественный прирост городского населения в 1979 году составил 8,1%, в Ташкенте он был 11,3%, в Баку — 9,7%, а в Минске даже 13,2%¹⁶.

Кроме понижения рождаемости (плодовитости) еще одним следствием повышенной плотности населения, с одной стороны, и показателем экологического воздействия городской среды на человеческий коллектив — с другой, для крупнейших городов США и Западной Европы является установленный факт четкой положительной корреляции плотности населения и повышения смертности, увеличение числа больных туберкулезом и психическими заболеваниями¹⁷.

И, наконец, третий из ведущих факторов, действующих на человека в городе — городская среда — представляет собой соединение природной и созданной человеком среды при явно преобладающей роли последней в городе¹⁸. Конечно, воздействие на людей, проживающих в городах Средней Азии и Крайнего Севера, таких климатических факторов, как температура, атмосферное давление, влажность воздуха и пр., будет различно. Но в то же время, действие их на человека нивелируется созданием искусственных условий обитания: утепление жилища в одних случаях и кондиционирование воздуха в других, постройка капитальных домов и концентрация их на относительно небольшой территории, асфальтирование улиц и т. д.

Вода, потребляемая жителями городов, проходит специальную очистку. Это, с одной стороны, дезинфицирует ее, а с другой — в значительной мере изменяет «естественный» состав, вводя одни и исключая другие химические вещества. Так как технологии очистки вод во многих городах близки, то и вода, сохраняя в какой-то мере свою специфику для разных регионов, приобретает и определенные общие свойства, например, уровень содержания ионов Cl^- . Кроме того, в городах вода проделывает сложный путь по трубам различного диаметра, сделанным из разных материалов: металлическим, керамическим, резиновым, пластмассовым. Это также придает ей те или иные специфические свойства, которых нет в естественных условиях, но для многих городов они могут быть одинаковыми.

Еще один компонент, характеризующий экологическую нишу, — длительность светового дня. Хорошо известно ее влияние на рост и развитие биологических существ. Безусловно, в современную эпоху и сельская местность обеспечена электрическим светом. Тем не менее именно в городах освещение улиц, работа сферы услуг до глубокой ночи, территориальная разобщенность жительства от посещаемых театров, концертных, спортивных залов и пр., делают субъективно воспринимаемое удлинение светового дня значительно более существенным в городе, чем на селе.

Не менее важным, чем вышеперечисленные факторы, является, наконец, воздух, отличия которого в городе от такового в сельской местности и значение этих отличий многократно обсуждались и продолжают обсуждаться не только в научной, но и в юношеской литературе. Сильны загрязнения в городе не только пылью, но и вредными веществами промышленных предприятий.

Все перечисленные факторы воздействуют на человека не всегда прямо. Одним из важнейших посредников влияния условий окружающей среды на человека является пища. Говоря о специфике таковой в городе, надо прежде всего отметить, что в нем продаются сельскохозяйственные продукты и изделия, нередко привезенные из различных регионов. Но, кроме этого, в современную эпоху именно в урбанизированной среде пища становится все более и более искусственной по своему составу: это и введение добавок к натуральным продуктам, и синтезирование специфических составов, близких по своим биохимическим и вкусовым качествам к естественным.

Даже эти изложенные факты делают виолне логичной постановку вопроса не является ли город как таковой специфической экологической нишой¹⁹, где происходит сложение особого свойственного ей адаптивного типа. Не влияет ли соединение природной и созданной человеком среды определенным образом на биологию самого человека вне зависимости от того, в какой географической зоне расположены населенные пункты, какие исторические пути они прошли. Возможно, однако, что на человека в городе действует такое большое число разнородных факторов, что результат их взаимодействия в каждом конкретном случае непредсказуем. В данной ситуации односторонности изменения биологических характеристик быть не должно, никаких общих закономерностей даже для близкорасположенных, имеющих сходную историю городов прослеживаться не будет. Обратимся в такой связи к литературным данным.

В последние годы накоплено много фактов, демонстрирующих, что протекание онтогенеза, т. е. особенности роста и развития детей и подростков, в городской среде отличается от такового в сельской. Например, среди жителей городов физическое развитие детей выше, чем на селе²⁰, сельские дети характеризуются более широким телом, чем городские²¹, в свою очередь, длина тела и головной указатель больше у городских детей²². Установлено, что мальчики от родителей, являющихся уроженцами удаленных друг от друга областей, имеют повышенное по сравнению с другими группами детей жироотложение²³. Девочки, родившиеся в городе, достигают полового созревания раньше, чем родившиеся на селе, а затем уже переехавшие в город²⁴. При увеличенной длине и массе тела у городских детей снижается окружность грудной клетки²⁵.

Имеются литературные данные, рассматривающие и динамику физического развития городских детей в разные эпохи. Так, например, в Коста-Рике Финляндии, на Ямайке, в Польше, Румынии, Южно-Африканской Республике и в Литовской ССР современные городские дети выше сельских на 3 см, а тяжелее — на 2 кг. В то же время исследования, проведенные в 1889—1910 гг. в Восточной Германии и Англии, показали, что городские дети одинаковых возрастных подгрупп были ниже сельских на 1,5—2 см и легче на 0,6—0,8 кг²⁶. Х. Мередит делает вывод, что на более ранних этапах индустриализации городские условия были неблагоприятны для физического развития детей, но в результате улучшения жизненных условий в городе (очистка воды, развитие канализации, улучшение медицинского обслуживания, увеличение разнообразия в пище и пр.) ситуация изменилась на противоположную. Необходимо отметить некоторую неаккуратность постановки данного исследования. Это относится к неравнозначности перечисленных государств по степени развития городов в каждом из них. Кроме того, как в первом, так и во втором случае автором не проанализирована социальная принадлежность обследованных, хотя установлено, что различные социальные и профессиональные группы по характеристикам своего физического развития достаточно четко различаются²⁷. Тем не менее, учитывая мнения специалистов, о которых говорилось выше, следует считать, что городские условия существования в целом положительно влияют на физическое развитие детей.

С другой стороны, в результате той же индустриализации именно в городах окружающая среда загрязняется сильнее, чем в сельской местности. В воде, почве, воздухе накапливаются различные микроэлементы, которые в большинстве своем для живой природы нехарактерны. Как доказано Т. И. Алексеевой, в результате различий в составе вдыхаемого воздуха, микроэлементов, содержащихся в почве, и прочих факторов среды можно говорить об особенностях адаптационных изменений в популяциях человека в разных регионах земного шара.

Отмечу также, что именно в городах в связи с большим, чем в сельской местности, загрязнением окружающей среды отходами, имеющими мутагенный эффект, можно ожидать появления большего, чем на селе, числа мутаций. И действительно, например, в каждом поколении детей жителей г. Москвы, по

данным О. Л. Курбатовой²⁸, частота редких фенотипов возрастает по сравнению с родительским поколением. Группой исследователей в населении Москвы обнаружены крайне редкие фенотипы (варианты локуса $P_1 \alpha_1$ -антитрипсина)²⁹, один из которых идентифицирован лишь второй раз в мире. Другой вопрос, насколько единственным будет и к каким последствиям приведет давление отбора на эти фенотипы: сохранятся ли они в популяции в последующих поколениях, как широко распространятся или же пропадут. Так или иначе, думается, сам факт величения изменчивости биологических показателей у человека в городе этими данными демонстрируется довольно четко.

Городская среда в результате действия различных социальных факторов изменяет не только величину, но и направление отбора, связанного с различиями в плодовитости, причем дифференциальная плодовитость вносит больший вклад в параметры отбора, чем дифференциальная смертность в постнатальном периоде. В то же время ранние стадии онтогенеза в городе все еще представляют значительное поле для деятельности отбора³⁰.

Вернемся к вопросу о формировании специфического адаптивного городского антропологического типа. Приведенные данные свидетельствуют в пользу ашего предположения о том, что город однозначно изменяет биологию человека. Но при этом имеется и еще одна проблема. Во всех работах антропологов, посвященных экологии человека, рассматриваются адаптивные изменения, происходящие в популяциях. Насколько же оправданно мы можем говорить о городской популяции? С одной стороны, Ю. Г. Рычков, сопоставивший генетическую структуру таких, казалось бы, различных биологических общин, как «изолированная» (в качестве которой он использует генеральную совокупность сибирских популяций) и «урбанизированная» (г. Москва) популяции, продемонстрировал их сходство по числу одновременно существующих поколений, их общему современному диапазону и диапазонам отдельных поколений, по степени перекрывания поколений, по формам распределения генетических показателей и др.³¹. На основе этих выводов ученый полагает независимость структуры изолированной и урбанизированной популяции от глубоких экологических и исторических различий.

С другой стороны, как показано в уже упоминавшейся работе О. Л. Курбатовой³², «население Москвы, с точки зрения генетических процессов, в нем протекающих, представляет собой не популяцию в традиционном понимании этого термина, а центр панмиксии разнородного населения обширной территории при непрерывном росте урбанизации и расширении круга миграций во времени».

Что же такое *популяция*? При большом разнообразии определений, имеющихся в литературе, можно сказать, что большинство ученых под популяцией однозначно связывают «группу особей, связанных более тесным родством между собой, чем с особями, принадлежащими другим популяциям данного вида, занимающую определенную территорию»³³. Часто популяцию называют элементарной единицей эволюции, т. е. такой группировкой, которая способна поддерживать себя в ряду поколений без заметного притока иммигрантов. Но в то же время эволюция идет наиболее эффективно в том случае, если популяции изолированы не полностью и обмениваются через ограниченное, но все же существующее скрещивание³⁴. Как видим, приведенное определение довольно тягченнное. В современной литературе, посвященной проблемам эволюции, можно встретить выделение «ложной иерархии» внутривидовых группировок, специфичной для каждого вида. Так, например, для высших позвоночных животных Н. П. Наумов³⁵ в качестве наименьшей группировки выделяет «большую группу, связанную тесным родством организмов, — парцеллу, или эмью. Более широкими объединениями будут микропопуляции — группы паралл., связанные единством территории и тесным экологическим взаимодействием. К микропопуляциям возможно приравнять по рангу элементарные по-

пуляции, которые выделяются некоторыми авторами у рыб и насекомых и которые, как правило, неустойчивы во времени и по составу.

Более крупной группировкой является локальная (местная) популяция, основным признаком которой считают устойчивость территории, занимаемой данной группой. К локальной популяции приравнивается понятие «дема» (племя, род — в биологическом смысле), введенное еще в начале века С. П. Семеновым-Тян-Шанским. Сейчас понятие дема относят к группе, пространственно столь ограниченной, что число контактов между особями способно обеспечить панмиксию, которой реально может и не быть из-за наличия поведенческих (или иных) механизмов, ее нарушающих. Именно такими единицами, устойчивыми в ряду поколений, оперирует популяционная генетика, и С. С. Шварц в 1968 г. предложил именовать такие группы собственно популяциями.

Но выделяются и еще более крупные группировки. Группу, особи в которой связаны единством ритмов жизни, Н. П. Наумов называет экологической популяцией. Выше ее стоит географическая популяция, часто приравниваемая к морфогенетическому подвиду, выделяемому систематиками. Кроме того, выделяют целые системы популяций внутри одного вида, пишут о видовых популяциях. Так, К. М. Завадский (1968) крупными подразделениями вида считает, во-первых, полувид — систему популяций, почти обособившихся от исходного вида, и, во-вторых, подвид — систему популяций, занимающих часть видового ареала.

Нетрудно заметить, что все перечисленные популяции можно встретить и у человека. Но какое же из определений подходит к городской популяции? Совершенно понятно, что определение локальной или собственно популяции для города в целом неприемлемо. Действительно, одна из важнейших характеристик популяции — единство территории и тесное биологическое, да и социальное (поскольку мы говорим о человеке) взаимодействие — для жителей города характерна. Однако такой признак, как более тесная связь между членами популяции, чем между ними и членами других популяций, в городе не всегда выдерживается. Если в отношении социальных связей для жителей города это верно, то в биологическом смысле ситуация другая. Как и любая другая популяция человека, городское население состоит из семей, но демографическими исследованиями показано, что браки в городе заключаются преимущественно между уроженцами удаленных друг от друга регионов, что является, в частности, доказательством того, что в город попадают отдельные представители разных популяций. А значит, и биологическая связь данной конкретной семьи с соседней будет не сильнее, а слабее, чем с населением тех населенных пунктов, откуда приехали муж и жена. Но столь ярко выраженная картина характерна лишь для мигрантов первого поколения. Их дети уже стараются заключить брак внутри города или хотя бы области³⁶. Тем не менее миграция является хотя и не единственным, но весьма важным фактором, который в значительной мере определяет лицо города. Расчеты показывают, что население крупного города практически полностью обновляется за шесть—девять поколений. Это не означает полного отсутствия в городе «коренных горожан», так как выбывает в большинстве своем та часть мигрантов, которая в городе не прижилась. Кроме того, нельзя не сказать, что более 50% мигрантов являются уроженцами городов. Так, по данным ЦСУ СССР с 1968 по 1969 гг из 13,9 млн человек (из них 10,1 млн в трудоспособном возрасте), сменивших место жительства в СССР, из города в город переехало 38,45%, из города в село — 11,91%, из села в село 18,04% и из села в город — 31,65%³⁷. Косвенно об устойчивости урбанизированного населения свидетельствует следующий факт: интенсивность прибытий и выбытий наиболее низка для городов, формирующих городские агломерации, т. е. сложившиеся устойчивые скопления главным образом городских населенных пунктов, объединяемых в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями³⁸. Наибольшая же интенсивность миграций свойственна так называемым группам территориально сближенных поселений.

т. е. таким, где связи между населенными пунктами менее прочны, чем внутри агломерации⁴⁰. Исходя из этого, на современном этапе развития урбанизации популяцией, т. е. такой группой населения, которая имеет относительную устойчивость в ряду поколений, правильнее считать население не одного какого-либо города, а всей агломерации. Безусловно, здесь мы опять должны вспомнить об историчности категории города. Сальдо миграции в средневековом (к примеру) и в современном городах различно. Поэтому в отдельных древних городах популяцией можно считать население самого города. Автор статьи понимает, что рассматривает данный вопрос лишь в общей форме, не приводя и не анализируя конкретных примеров. Однако признавая важность и необходимость изучения тенденций исторического развития биологии городской общности, все же следует признать, что в одной статье уделить сколько-нибудь подробное внимание всем необходимым аспектам вопроса вряд ли возможно. Поэтому ограничимся здесь лишь предположением, что параллель между биологической популяцией и городской агломерацией возникает на определенном этапе урбанизации и, думается, в ближайшие десятилетия укрепится. Впрочем, считать это конечным этапом развития структуры вида *Homo sapiens* вряд ли было бы правильно.

Возвращаясь к выводу о том, что Москва представляет собой центр панмикции, позволю себе усомниться в том, что городская популяция (если мы пока, хотя бы условно, примем эту терминологию) является панмиксной. Основание для этого вывода — установленная рядом исследований ассортативность (т. е. преимущественное заключение браков) по национальному и социально-профессиональному признакам. Первый вывод получен при изучении структуры браков в Ангарске Иркутской обл. В городе проживает 86,37% русских, 5,35% краинцев, 1,91% бурят, 1,65% белорусов и 1,46% татар, а представители остальных 35 национальностей составляют менее 1%. Ассортативность обнаружена внутри всех национальностей и во всех возрастных подгруппах⁴¹. Исследование формирования семей мигрантов, учитывая социально-профессиональную принадлежность, проводилось в Москве⁴².

Если внутри городского населения существует ассортативность по тому или иному признаку, то необходимо признать, что городская общность разделена на подгруппы, границы между которыми не везде одинаково четкие. Это свою очередь свидетельствует о том, что город представляет собою систему не только в социально-экономическом, но и в биологическом смысле. Показательно в этом отношении сходство, отмеченное Ю. Г. Рычковым для популяций Москвы и Сибири. Обе эти общности имеют целостность, выступают как нечто единое. Сибирская популяция состоит из отдельных этнотERRиториальных убопуляций, имеющих свою историю. Все они в той или иной степени связаны между собой, но значительно сильнее, чем, например, с популяциями Восточной Европы, Кавказа и даже относительно близкой Средней Азии. Практически любая этнотERRиториальная сибирская группа имеет свою структуру, соподчиненность частей, сложившихся в результате исторических процессов, имевших место на данной территории. Население Москвы также можно разделить на различные территориальные группы, которые в той или иной степени связаны между собой, причем эти связи в силу профессиональной деятельности, родственных отношений и пр. значительно устойчивее внутри Москвы (или Московской агломерации, что точнее), чем у этих групп за ее пределами. Кроме территориальных групп (как и в Сибири) внутри Москвы можно выделить этнические, социально-профессиональные и другие группы, которые также взаимосвязаны между собой. В результате того, что один и тот же человек является членом нескольких подобных группировок, вся система внутренне связана и приобретает целостность. В свою очередь каждая из указанных группировок внутри города (агломерации) может быть подразделена на другие, которые также имеют свою структуру и систему связей. Думается, указанные социальные особенности имеют и прямые биологические следствия в плане преимущественного заключения браков.

Перечисленные характеристики города удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к сложным системам, объективно существующим в природе и обществе⁴³. Но самое главное свойство любой системы — возникновение новых качеств, в результате взаимодействия компонентов, составляющих систему. Возникает ли новое биологическое — антропологическое качество у населения города? Является ли город своеобразным фактором, влияющим на формообразование внутри вида *Homo sapiens*? Чтобы обоснованно ответить на данные вопросы, необходимо показать, что городская среда не только направлена на изменение антропологических особенностей всех прибывших этнических групп, формирует новый (независимо от величины, истории, социально-экономической характеристики города), своеобразный комплекс антропологических особенностей, но и отбирает более приспособленные для жизни в ней фенотипы. Подчеркну, что она не просто изменяет величину, частоту отдельных признаков, а создает новую функционально-морфологическую систему их, наиболее приспособленную именно к городской среде.

Отдельные данные, свидетельствующие в пользу высказанного предположения, приводились выше. Однако с сожалением приходится констатировать, что антропологического исследования по комплексу морфологических, генетических, физиологических особенностей до сих пор в городе проведено не было. Более того, все имеющиеся исследования, исходившие из рассмотрения города как локальной популяции, базируются на обычной в таких ситуациях случайной выборке. В то же время, как мы показали выше, город необходимо изучать как сложную систему. Для того, чтобы исследовать данную систему, понять процессы, происходящие в ней, надо выделить в ней главные составные части. Думается, что это — территориальное расчленение города, его административные районы, социально-профессиональные и половозрастные группы населения. Для оценки времени появления адаптивных изменений (если они имеются) необходимо сопоставить категории людей, разное время проживающих в городе, а также возрастные подгруппы. Неравнозначный генетический вклад в общий генофонд городской популяции вносят мигранты из различных регионов, причем сравнивая их с основным населением тех населенных пунктов, откуда они вышли, надо иметь в виду, что обнаруженные различия неизбежно будут связаны с влиянием именно городской среды. В город, ведь, могут мигрировать не все, а носители каких-то определенных генотипов — люди, которые могут легко психологически перестраиваться в переменившихся условиях социальной среды. Специальными исследованиями уже показано, например, что из сельской местности в город, как и вообще в места нового освоения, идут люди, отличающиеся не только более высоким физическим развитием, но и высокой умственной реактивностью⁴⁴. Вполне понятно, что для успешной адаптации в городе особенно крупном, необходим хотя бы определенный уровень выносливости к давлению информационных перегрузок, возникающих при высокой плотности в результате увеличения числа контактов между людьми. Можно предположить, что лица, не обладающие достаточной адаптабельностью, будут покидать город. Другими словами, городские условия жизни и в этом случае являются фактором отбора. Кроме того, как указывалось выше, фактором отбора также можно считать и само явление миграции, так как психологическую склонность к перемещениям имеет далеко не каждый человек.

Косвенным свидетельством правильности высказанного предположения является исследование, проведенное среди студентов г. Новосибирска группы под руководством В. П. и С. В. Казначеевых⁴⁵. Эта работа показала, что уроженцы города, попавшие в новые социальные условия (обучение в вузе по-разному реагировали на изменение образа жизни. И некоторые из них были вынуждены оставить учебу, причем именно в результате некомфортности психической сферы.

Население большинства городов представлено большим числом национальностей. Как было продемонстрировано на примере г. Ангарска Иркутской обл.

этнические барьеры и в городе продолжают оставаться достаточно устойчивыми. Положение в городе осложняется и лингвистической характеристикой, и различной религиозной принадлежностью представителей разных этнических групп. Конечно, язык — одна из важных характеристик этноса, но если в городе часть населения говорит, например, на тюркских языках, а часть — на иранских, то, по всей видимости, внутри этих подсистем контакты между этническими группами будут сильнее, чем между подсистемами, хотя это далеко не однозначно — конкретная ситуация зависит от конкретной истории народов.

Таким образом, чтобы охватить всю систему городской популяции, мы должны проанализировать изменчивость антропологических показателей во всех компонентах этой системы. Выборка, необходимая для такого рода исследования, должна быть структурирована в соответствии с социально-демографическими данными, о которых говорилось выше. Кроме того, для полноценного описания антропологических особенностей любой группы населения, в том числе и городского, нельзя забывать и о комплексности самой биологической программы исследования. Необходимо проанализировать, с одной стороны, признаки, имеющие простую наследственную основу, осознать генетические процессы и величину генетической изменчивости внутри данной системы популяций. С другой стороны, надо использовать характеристики, которые контролируются и определяются многими генами, так как именно по ним можно судить об устойчивости изменений генофонда, о расширении или сужении нормы реакции генотипов.

Действительно, организм человека представляет собою сложную сбалансированную систему, все характеристики которой, как установлено исследованиями В. П. Терентьева⁴⁶, Р. Л. Берг⁴⁷ и П. К. Анохина⁴⁸, сгруппированы в функциональные группы (корреляционные плеяды, системы). Поэтому изменения одного-двух признаков, быстро реагирующих на изменения окружающей среды (таких, например, как гормональные характеристики), не означают функционального изменения всего организма и тем более всей группы индивидуумов. Даже изменение группы признаков в ряду поколений еще не означает появления новых адаптивных особенностей. Только лишь сохранение этих изменений в ряду поколений даже при переменах места жительства (в нашем случае город — на сельскую местность) может свидетельствовать в пользу наличия генетической закрепленности таковых. Поэтому после установления наличия определенных морфофункциональных комплексов, характерных исключительно для городского населения, необходима будет проверка сохранения его у людей, переехавших жить из города в село.

Еще одно важное уточнение, касающееся общего подхода к изучению физических особенностей человека. Вся антропологическая классификация, которая разработана в настоящее время с достаточной полнотой⁴⁹, базировалась на физических особенностях лишь мужской части популяций. Определенным обоснованием этому служил эмпирически установленный факт большего антропологического разнообразия мужчин по сравнению с женщинами. Однако специальные исследования, проведенные не только на популяциях человека, но и на большом числе видов животных, показали, что половые различия в средней изменчивости признаков отсутствуют⁵⁰. Даже если по ряду признаков мужчины обладают большей, чем женщины, величиной изменчивости, это еще не означает, что изучая только мужскую часть популяции, мы получаем достоверные сведения об их сходстве или различиях. По всей видимости, было бы более правильно включать в исследование представителей обоих полов и всех возрастов, причем в том же процентном соотношении, которое имеет место в изучаемых популяциях. Представления и рекомендации о том, как формировать подобные взвешенные по разным показателям выборки, в литературе имеются⁵¹.

Прежде чем подвести краткие итоги, остановлюсь на двух вопросах, имеющих общетеоретическое значение. Первое — это взаимосвязь между общими тенденциями эволюции человека и процессами формообразования внутри вида

Homo sapiens. Как убедительно доказано А. А. Зубовым⁵², магистральная эволюция животного мира привела к раскрытию таксономической интеграции, выразившейся в уменьшении «ветвления» эволюционного древа и концентрации эволюционного потенциала в пределах одного таксона. Но на всех предыдущих страницах мы доказывали как раз наличие процесса дифференциации внутри вида. Думается, здесь нет никакого противоречия. Изменчивость свойственна любой форме движения материи. Биологические объекты принимают те или иные формы, адаптированные к определенным экологическим нишам. В результате исходные виды дифференцируются внутри себя на различные подвиды, расы и пр. Станет ли подвид новым видом, зависит от нескольких причин, прежде всего от того, связана ли адаптация к данным условиям с перестройкой важных, захватывающих многие признаки морфофункциональных систем. Если в результате приспособления должна возникнуть принципиально новая система признаков, имеющая своим следствием образование и репродуктивной изоляции, то образуется новый вид; в противном случае — нет⁵³. Но человек обладает «наиболее полным (для нашей планеты) „набором“ качеств, универсальных в масштабе всей планеты...»⁵⁴. Поэтому его приспособление к различным условиям существования не может привести к возникновению новых, надвидовых особенностей.

С другой стороны, как это было подчеркнуто в статье, город является «сборщиком» генетической информации с какой-либо территории, т. е. в нем (в городе) интеграция происходит наиболее интенсивно. Можно даже предположить, что здесь будут отбираться индивидуумы, несущие универсальные качества, так как именно урбанизированная среда отличается большой плотностью населения, большой подвижностью и наибольшим давлением информационных перегрузок.

Другими словами, процесс дифференциации биологических особенностей на разных территориях идет параллельно с интеграцией «эволюционного потенциала» вида, т. е. оба эти процесса взаимно дополняют друг друга. Тема эта достойна того, чтобы уделить ей особое внимание.

И наконец, последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. Это — практическое значение проведения такого рода исследований. Укажем лишь самое главное — тот факт, к которому, наконец-то, подошла медицина. Нельзя достаточно успешно бороться с недугами, одолевающими человека (тем более прогнозировать состояние здоровья населения, проводить и планировать в зависимости от этого профилактические мероприятия), не зная тенденций развития биологических особенностей человечества. Установив наличие (или что мало вероятно, отсутствие) односторонности изменения систем человеческого организма, формирование единой новой морфофункциональной системы в городах, принадлежащих к разным типам (с развитием той или иной про мышленности), расположенным в различных климатических зонах (например в тропиках или в умеренных широтах), исследователи смогут решить многие задачи, стоящие перед современной медициной.

Итак, подведем краткие итоги.

1. Начавшийся несколько тысяч лет назад процесс урбанизации, с точки зрения антропологии, можно считать новым, в рамках концепции, предложенной В. П. Алексеевым (1985), этапом формообразования внутри вида *Homo sapiens*. Ведущими факторами этого этапа следует считать: а) процесс смешения различных генотипов, особенностью которого по сравнению с предыдущими эпохами является смешение между собой не различных целых (или крупных частей) популяций, а только отдельных представителей таковых; б) формирование новой функциональной системы организма человека, наиболее приспособленной к городской среде обитания, в значительной степени созданной самим человеком.

2. Население города, а точнее — городской агломерации, на современном этапе представляет собой сложную систему популяций, находящихся между со

бой в тесном взаимодействии. Результатом этого взаимодействия являются появление и закрепление новых своеобразных, свойственных только городскому населению особенностей физического типа.

3. Для того чтобы подтвердить эти положения, необходимо конкретными исследованиями доказать, что городская, в целом искусственная среда, созданная самим человеком, целенаправленно воздействует на его биологию, изменяя антропологический тип и закрепляя особенности, наиболее адаптированные для жизни в городе.

4. Подобные работы необходимо проводить комплексно, с учетом демографической, социально-экономической, территориальной структуры города, характеризуя распределение признаков, имеющих как простую, так и сложную наследственную основу, входящих в различные функциональные системы организма человека.

Примечания

¹ В начале XIX в. в городах мира проживало 3% населения Земли. К середине 1970-х годов доля городского населения в странах Зарубежной Европы составляла уже 65%, в странах Северной Америки — свыше 75, в Австралии и Океании — около 85%, а в некоторых странах превышала 90% (ФРГ). Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 1981.

² Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений. Л., 1926; *его же*. Ботанико-географические основы селекции. Теоретические основы селекции растений. Т. I. М.; Л., 1935; *его же*. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Сов. наука. 1940. № 2.

³ Алексеев В. П. Очаги расообразования: антропология и история // Природа. 1973. № 5; *его же*. География человеческих рас. М., 1974; *его же*. Человек: таксономия и эволюция. М., 1985.

⁴ Алексеев В. П. Человек: таксономия и эволюция. С. 281—282.

⁵ Там же. С. 283—284.

⁶ Алексеева Т. И. Биологические аспекты изучения адаптации у человека // Антропология 70-х годов. М., 1972; *ее же*. Географическая среда и биология человека. М., 1977; *ее же*. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

⁷ Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю., Имашева А. Г. Роль миграционных процессов в формировании брачной структуры Московской популяции. Сообщ. I. Возраст, место рождения и национальности вступающих в брак // Генетика. 1984. Т. XX. № 3. С. 501—511.

⁸ Рядом исследований последних лет установлено, что в крупнейших городах мира акселерация развития детей выражена уже не столь значительно, как в предыдущие годы. См., например: Акселерация развития и состояние здоровья детей и подростков. Научный обзор / Ред. Громбах С. М. М., 1980. Обсуждение причин этого явления не ставилось задачей данной статьи.

⁹ Vlădescu M. Popovici — Bădărău I. Todorache M. Rechercher d'anthropologie urbaine dans la région de Bihor // Annuaire géogr. anthropologique. 1983. 20. Р. 45—53; Vlădescu M. Vulpe C. Aspekte anthropometrice ale starușe nutritie la unele populații din Muntentia // Stud. si cerc. anthropol. 1985. 22. Р. 41—48.

¹⁰ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян. М., 1973. С. 269.

¹¹ Beiguelman B. A. Somatic Study on Japanese Immigrants and Japanese Unmixed Descendants in Brasil // Zeitschrift für Morphol. und Anthropol. 1963. Bd 53. H. 3; Kaplan B. A. Environment and Human Plasticity // Amer. Anthropol. 1954. Vol. 56.

¹² Киселева Г. П., Родзинская И. Ю. Проблемы рождаемости населения крупнейших городов // Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 47—81; Антонов А. И., Медков В. М. Условия жизни семьи, с детёнышами и репродуктивная мотивация в крупнейшем городе (по данным исследования. Москва-78) // Там же. С. 82—115.

¹³ Вестник статистики. 1980. № 11. С. 75.

¹⁴ Голод С. И., Романенкова Г. М., Чистякова И. Е., Француз Ю. М. Демографическое развитие // Урбанизация и развитие крупных городов СССР. Л., 1985. С. 191—200.

¹⁵ Валентей Д. И., Кваша А. Я. Основы демографии. М., 1989, С. 166.

¹⁶ Вестник статистики. 1980. № 12. С. 67.

¹⁷ Лавров С. Б. Урбанизация в Западной Европе // Урбанизация и развитие крупных городов СССР. С. 43.

¹⁸ Яницкий О. Н. Некоторые проблемы экологии человека // Социальные аспекты экологических проблем. М. 1982. С. 195—211.

¹⁹ Автор вслед за Т. И. Алексеевой придерживается определения, данного Ю. Одумом (Основы экологии. М., 1975. С. 303): «Экологическая ниша — понятие, включающее в себя не только физическое пространство, занимаемое организмом, но и функциональную роль организма в сообществе (например, его трофический статус) и его положение относительно градиентов внешних факторов — температуры, влажности, рН почвы и других условий существования». Добавим, что для человеческой популяции не менее, а скорее даже более важную роль играет ее социальная среда.

Здесь же отмечу, что, когда данная статья уже была написана, вышла в свет книга Т. И. Алексеевой «Адаптивные процессы в популяциях человека», где специальная глава посвящена закономерностям экологической изменчивости в городских популяциях и обоснована важность и актуальность фундаментального изучения антропологии городских популяций. Поскольку некоторые подходы к изучению биологии человека в городе нами обсуждались совместно, пользуясь случаем выразить Т. И. Алексеевой искреннюю благодарность за советы и помошь. Считаю также необходимым отметить, что отдельные факты и в представляемой статье, и в книге Т. И. Алексеевой дублируются и получают однозначную интерпретацию в результате знакомства обоих авторов с близким кругом литературных источников. В то же время основная мысль данной работы отличается от главного вывода, сделанного в указанной книге.

²⁰ Kurniewicz-Witzczakowa R., Szilagyi-Pagowska, Remiszowa W. Tendencje rozwoju somatycznego i stan zdrowia dzieci plockich na podstawie długofałowych odświeracj / Zdrowie Publ. 1983. T. 94. № 3. P. 127—135.

²¹ Thibault H. W., La Palme L., Tanquay R., Demirjian A. Anthropometric Differences between Rural and Urban French-Canadian Schoolchildren // Human Biology. 1985. V. 57. № 1. P. 113—129.

²² Ghigea S., Min G., Tudosie A., Cantemir P. Variabilitatea creșterii si dezvoltării copiilor în etapa de vîrstă 1—3 ani // Stud. si Cerc. Anthropol. 1985. T. 22. P. 16—17.

²³ Филиппов В. И. Особенности телосложения городских и сельских детей Днепропетровской области // Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты. М., 1975. С. 254—256.

²⁴ Svob T. Influence of Migration on the Physical Development of the Population // Proc. 10th Intern. Congr. Anatomists and 8th Annual Meeting of Japanese Association of Anatomists Tokyo, 1975.

²⁵ Беренштейн Г. Ф., Медведев П. А., Нурбаева М. Н., Караваев А. Г. Некоторые особенности физического развития детей младшего школьного возраста г. Витебска и Витебской области (по данным обследования 1972—1979 гг.) // Изв. АН БССР. Сер. биол. Минск, 1980. 10 с.—Деп в ВИНИТИ 15.1.80, № 236-80 Деп.

²⁶ Meredith H. V. Comparative Findings on Body Size of Children and Youth Living at Urban Centers and in Rural Areas // Growth. 1979. V. 43. № 2. P. 95—104.

²⁷ Vlădescu M. Aspects culturels de la variabilité anthropologique // Ann. roum. anthropol. 1985. T. 22. P. 37—42; см. также. Аппи. roum. anthropol. 1982. Т. 19. Р. 33—46.

²⁸ Курбатова О. Л. Генетические процессы в городском населении (опыт генометрического исследования популяции г. Москвы): Автограф. дис. канд. биол. наук. М., 1977.

²⁹ Шурхал А. В., Подогас А. В., Алтухов Ю. П. Генетический полиморфизм и редкие варианты α_1 -антитрипсина в населении Москвы. Исследование с помощью изоэлектрофокусирования в сверхтонком геле // Генетика. 1984. Т. 20. № 12. С. 2066—2069.

³⁰ Кучер А. Н., Курбатова О. Л. Популяционно-генетическое исследование плодовитости в городском населении // Генетика. 1986. Т. 22. № 2. С. 304—311.

³¹ Рычков Ю. Г. Сравнительное изучение генетического процесса в урбанизированной и изолированной популяциях // Вопр. антропологии. 1979. Вып. 63. С. 3—21.

³² Курбатова О. Л. Генетические процессы в городском населении. С. 20.

³³ Северцов А. С. Введение в теорию эволюции. М., 1981. С. 67.

³⁴ Определение дано Э. Фишером в 1930. См.: Северцов А. С. Введение в теорию эволюции.

³⁵ Там же. С. 60—62.

³⁶ Бочков Н. П., Николаева И. В., Тихоной М. В., Лунга И. Н., Прусаков В. М. Брачная ассоциативность в населении современного города // Генетика. 1984. Т. 20. № 7. С. 1224—1229.

³⁷ Валентей Д. И., Кваша А. Я. Указ. раб.

³⁸ Термин «урбанизированное» вместо «городское» употреблен именно здесь сознательно, исходя из концепции урбанизации как определенного этапа в развитии территориального размещения населения. В данном контексте все население, находящееся в зоне влияния крупного городского центра, можно считать урбанизированным.

³⁹ Советский энциклопедический словарь. 1984. С. 19.

⁴⁰ Моисеенко В. М., Мукомель В. И. Интенсивность миграционных процессов // Урбанизация и демографические процессы. М., 1982. С. 129—145.

⁴¹ Бочков Н. П. и др. Указ. раб.

⁴² Например, Данилова И. А., Иванова Т. Д., Моисеенко В. М. Адаптация мигрантов в условиях крупнейшего города // Урбанизация и демографические процессы. С. 182—197.

⁴³ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 32—33.

⁴⁴ Benholdt-Thomsen C. Die Entwicklungsbeschleunigung der Jugend (Grundtatsachen, Theorien, Folgeeingen des Accelerationsproblems) // Ergebnisse der inneren Medizin und Kinderheilmunde B. 62. В., 1942.

⁴⁵ Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск, 1986; См. также: Аппи. roum. anthropol. 1986. Т. 23. Р. 43—48, 69—75.

⁴⁶ Терентьев П. В. Метод корреляционных плеяд // Вестн. ЛГУ. 1959. Т. 9. № 1. С. 137—141; его же. Дальнейшее развитие метода корреляционных плеяд // Применение математических методов в биологии. Л., 1960. С. 27—36.

⁴⁷ Берг Р. Л. Корреляционные плеяды и стабилизирующий отбор // Применение математических методов в биологии. М., 1964.

⁴⁸ Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.

⁴⁹ Имеется в виду классификация расовых типов современного человечества. Изучение

конституциональных габитусов ведется и на мужской, и на женской частях популяций. Однако и здесь примеры комплексного подхода ко всей популяции привести трудно.

⁵⁰ Черепанов В. В. Эволюционная изменчивость водных и наземных животных. Новосибирск, 1986. С. 43.

⁵¹ Васильева Э. К., Христолюбова Л. С. Опыт построения схемы выборки городского и сельского населения (для статистико-этнографических исследований) // Сельские поселения Удмуртии в XIX—XX вв. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1981. С. 107—120.

⁵² Зубов А. А. Тенденции эволюции человечества // Расы и народы. № 12. С. 70—89. М., 1982.

⁵³ См., например, Черепанов В. В. Указ. раб.

⁵⁴ Зубов А. А. Указ. раб. С. 75. Автор пользуется возможностью выскажать А. А. Зубову искреннюю благодарность за цennую помощь, оказанную в выборе предмета исследования и формировании общего подхода к проблеме.

Л. П. Кузьмина
ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АМЕРИКАНСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
(Джесуповская Северо-Тихоокеанская
экспедиция 1900—1902 гг.)

Русско-американское сотрудничество в исследовании и сравнительном изучении традиционных культур аборигенного населения Северо-Востока Сибири и Северо-Запада Северной Америки имеет давнюю традицию. Одним из примеров такого сотрудничества является Северо-Тихоокеанская экспедиция, организованная Американским музеем естественной истории, а точнее, его президентом — Моррисом Джесупом. Научное руководство экспедицией осуществляя антрополог, профессор Колумбийского университета Франц Боас. По его инициативе и при активном содействии Петербургской академии наук было осуществлено продолжительное по времени и значительное по научным результатам обследование Северо-Востока Азии и северо-западного побережья Северной Америки. В этом большом научном предприятии приняли участие представители русской этнографической науки В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон¹.

В результате работ экспедиции был собран обширный материал по этнографии, антропологии, археологии, лингвистике, фольклору и истории. Экспедиция доказала, что приполярный район по обе стороны Берингова пролива представляет собой единый этнокультурный регион. Этот вывод следует рассматривать как крупное научное открытие того времени².

Основные научные работы, выполненные В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном на основе экспедиционных материалов, опубликованы в серии «Memoir of the American Museum of Natural History»³. Лишь незначительная часть этих работ, вписавших новые страницы в историю изучения древних культур малозвестных народов, переведена на русский язык⁴.

Большой интерес в связи с этим представляет рукописное наследие В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза, работавших в составе экспедиции от Сибирского отдела Петербургской академии наук. Хранящиеся в архивах Советского Союза (Ленинградское отделение Архива АН СССР, Архив Института востоковедения АН СССР в Ленинграде) и Соединенных Штатов Америки (Архив Музея естественной истории — Нью-Йорк, Отдел рукописей библиотеки им. Бэнкрофта при Калифорнийском университете — г. Беркли) дневники, картотеки, корреспонденция, незавершенные научные статьи и обзоры могут быть использованы для широких обобщений по истории этнокультурных связей и этнологических исследований. В настоящей статье мы ограничимся небольшой группой источников: документами и письмами, относящимися к истории организации, маршрут и программе гижига-колымского и анадырского отрядов.

Подготовка экспедиции началась в 1897 г. Научная часть программы готовилась специалистами, имевшими большой опыт полевых исследований. Они разработали подробные инструкции по антропологии, зоологии, лингвистике, коллекционированию. По инициативе членов подготовительного комитета (Ф. Боас

Рис. 1. В. И. Иохельсон в Якутии, 1895 г. Американский музей естественной истории. Фотоархив, № 11016 (все фотографии, приведенные в статье, получены там же. Указываем только №)

А. Крёбер, Д. Аллен) было решено обследовать эскимосов, алеутов, индейцев Аляски и Британской Колумбии, а также коряков, чукчей и юкагиров. Основная цель экспедиции — выяснение истории заселения Северо-Американского материка и этнических связей народов Северо-Востока Азии и Северо-Запада Северной Америки.

Вопрос о древних связях между народами Северо-Восточной Азии и Северной Америки давно привлекал к себе внимание ученых и путешественников. Еще в первой половине XVIII в. участники Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) В. И. Беринг и С. П. Крашенинников высказали предположение о существовании в отдаленном прошлом тесных генетических и культурных связей народов обоих континентов. В XIX в. ученые вновь обратились к этой проблеме, обследуя Берингоморье и прилегающие области. Согласно одной из гипотез, коренное население Северной Америки развивалось самостоятельно; по другой версии, оно в основной своей массе могло прийти когда-то из Азии через Северо-Восточную Сибирь; были и другие точки зрения⁵.

Важное место в решении проблемы заселения Северной Америки отводилось обследованию малоизученных народов Северо-Востока Азии. В связи с этим Американский музей естественной истории обратился в Петербургскую академию наук с просьбой рекомендовать в состав экспедиции специалистов, имевших опыт этнографической работы на Крайнем Севере. В это время в русской этнографической науке начиналось изучение этнических групп Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Яркими его представителями были бывшие политические ссыльные В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг. Именно поэтому директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, академик В. В. Радлов рекомендовал в качестве возможных участников экспедиции членов Русского географического общества В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза.

Л. Я. Штернберг, ближайший друг Иохельсона и Богораза, специалист по этнографии Сибири и первобытной религии, не участвовал в экспедиции, но активно содействовал ее подготовке и успешному завершению. Впоследствии он высок оценил результаты экспедиции, на основании которых было уточнено место изучаемых им гиляков в этнической цепи народов Северной Евразии и Северной Америки. Присутствие американских элементов в их языке и культуре он объяснил древнейшими связями между народами Востока Азии и Крайнего Запада Америки⁶.

В начале 1898 г. В. И. Иохельсон находился в Швейцарии, в Бернском университете. Получив от Ф. Боаса приглашение принять участие в экспедиции для этнографического изучения коряков, он прервал работу в университете и выехал в Петербург, чтобы подготовить предложения о составе отряда и маршруте. В. И. Иохельсон настойчиво рекомендовал Ф. Боасу включить в экспедицию В. Г. Богораза: «Относительно моего друга Богораза еще раз прошу и уверяю Вас, что он один из лучших специалистов по чукчам и другим племенам Берингова пролива. Он свободно говорит по-чукотски и может быть хорошим руководителем этнологической работы. Он готов приступить к работе сейчас же, если это требуется»⁷.

Основные направления научных исследований, форма финансирования, состав отряда и обязанности каждого были сформулированы специальной комиссией к началу 1900 г. Ответственным за всю работу на Северо-Востоке Азии был назначен В. И. Иохельсон. М. Джесуп писал ему: «Назначаю Вас ответственным за работу Северо-Тихоокеанской экспедиции с целью обеспечения ее полного успеха. На Вас возлагается руководство и ответственность за имущество экспедиции, включая ее фонды, снаряжение и коллекции. Вам надлежит принять необходимые меры с тем, чтобы эта собственность была сохранена для музея при любых обстоятельствах». В письме было указано, что кроме В. И. Иохельсона в состав отряда включены В. Богораз, П. Бакстон, А. Аксельрод, а также г-жа Д. Иохельсон и г-жа Л. Богораз, решившие сопровождать экспедицию (24 марта 1900 г.).

Первоначально работа двух отрядов — гижига-колымского и анадырского — планировалась раздельно. Затем решили начать работу по обследованию коряков в Гижиге вместе, чтобы сократить сроки изучения корякского языка. В. Г. Богораз, знавший чукотский язык, мог быстро усвоить корякский и помочь в этом В. И. Иохельсону. Дальнейший маршрут экспедиции они представляли в письме к Джесупу так: «Через шесть месяцев, в конце зимы 1900 г., мы отправимся из Гижиги в Анадырь и проведем там три или четыре месяца. В конце весны 1901 г. мы разделимся. В. И. Иохельсон вернется в Гижигу для завершения изучения коряков и затем поедет к реке Колыме, к юкагирам. Отряд В. Г. Богораза отправится на побережье арктического моря к проливу Беринга» (30 октября 1899 г.).

Петербургская академия наук и Русское географическое общество помогали обеспечить работу экспедиции на местах, о чем писали М. Джесупу В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз: «Являясь членами Русского географического общества, мы обратились к нему за помощью и получили ее на тех же условиях, что и от Академии наук, т. е., желая содействовать нашему исследованию, Общество снабдит нас рекомендательными письмами и использует свое влияние, которым оно пользуется у властей всех тех районов, которые мы намереваемся посетить» (30 октября 1899 г.).

Важно отметить, что организаторы экспедиции уделяли большое внимание сабиранию предметов материальной культуры и культа. Профессора Д. Аллен, Ф. Боас, У. Бютенмюллер и Л. Гратакап подготовили специальные рекомендации по созданию тематических коллекций и их описанию.

Особое внимание уделялось вопросам технического оснащения экспедиции. М. Джесуп писал по этому поводу Иохельсону: «Вам предстоит получить необходимое медицинское и научное оборудование, включающее медикаменты, фото-

ппаратура и фотоматериалы, метеорологические приборы, геологические, астронометрические инструменты, огнестрельное оружие, боеприпасы...» (24 марта 1900 г.). Новейшее научное оборудование закупалось в Западной Европе и отправлялось во Владивосток. Снаряжение, приобретенное в Петербурге, шло миму назначения из Одессы. Операции по отправке и получению грузов и финансированию выполняла немецкая фирма «Кунст и Альберс», филиал которой находился во Владивостоке. Она также постоянно поддерживала связь с экспедицией и передавала информацию в Петербург и Нью-Йорк с помощью И. Громовой, находившейся в те годы в Иркутске⁸.

Экспедиция была назначена на весну 1900 г., место сбора всех участников — Владивосток. А. А. Аксельрод приехал из Германии в апреле, затем из Сан-Франциско прибыли В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз и П. Г. Бакстон. Жены Иохельсона и Богораза приехали неделей позже. Они выехали из Петербурга заезжали в Иркутск для встречи с А. И. Громовой.

Как отмечалось выше, на первом этапе маршрута намечалась работа в Гижиге совместными усилиями двух отрядов. Однако от этого плана пришлось отказаться, так как в 1900 г. навигация вдоль побережья Охотского моря началась раньше обычного и пароход, на который рассчитывали члены экспедиции, ушел 3 мая, когда отряд еще не был готов. Как выяснилось, следующий пароход на Гижигу отправлялся в июле, а в Анадырь можно было добраться пароходом, редназначенным для нужд золотодобывающей промышленности, на месяц раньше. Поэтому было решено, что В. Г. Богораз с женой отправятся в Анадырь, В. И. Иохельсон с остальными членами экспедиции останутся во Владивостоке и будут ждать пароход на Гижигу. Договорились, что спустя два-три месяца Г. Богораз отправится в район Гижиги и встретится с отрядом В. И. Иохельсона в с. Каменское.

В ожидании парохода члены экспедиции нанесли визит генерал-губернатору, резиденция которого находилась в Хабаровске, и заручились его поддержкой; от него они узнали, что в районе Гижиги и на Аляске будут работать две русско-американские экспедиции по разведке месторождений редких металлов. Руководители экспедиций обещали поддерживать с ними связь и в случае необходимости оказывать помощь. В канун отъезда были завершены работы по проверке яуз, поступающих во Владивосток, пополнены запасы продовольствия и теплой одежды, а главное, удалось найти охраняемое место для склада имущества коллекций. В. И. Иохельсон отправил в Музей естественной истории отчет за время пребывания во Владивостоке и сообщил, что последний пароход на Гижигу уходит 4 августа и всю почту необходимо отправлять во Владивосток с просьбой о пересылке ее через Гижигу руководителю Сибирского отделения Северо-Азиатской экспедиции.

13 июля пароход, на котором отплыли из Владивостока В. Г. Богораз с женой, после нескольких остановок и кратковременного пребывания в Петропавловске-Камчатском и в порту зал. Барона Корф, достиг Анадыря. Ученые остались в Ново-Марииинском посту, в специально отведенной для них рубленой избе. Начальник Анадырского округа Н. П. Сокольников, автор статей о пущах и судьбах русской культуры на Крайнем Севере Сибири⁹, проявил большой интерес к программе ученых и подарил для Американского музея естественной истории ценную коллекцию образцов чукотской одежды и украшений. Он дал помочь В. Г. Богоразу переводчика, рабочих и проводников (Иохельсон Боасу) мая 1900 г.).

Предстояла большая и длительная работа на огромной территории Анадырского округа, расположенного в центре Чукотского полуострова. В конце XIX века жили чукчи, эскимосы, ламуты (название эвенов, употребляемое до 1930 г.), юкагиры, чуванцы, русские. В общей сложности — около 6000 человек, то составляло менее 1 человека на 1 км². Оленные чукчи занимали большую часть территории, а русские чукчи и эскимосы жили в прибрежной части Чукотского полуострова, а русские старожилы и юкагиры — в с. Марково и в нескольких небольших селениях, разбросанных по среднему течению р. Анадырь¹⁰.

Это был трудный год. Многие северные поселения были охвачены эпидемией оспы, и проводники отказывались идти на север. В. Г. Богораз вынужден был отложить посещение северных районов до весны 1901 г. Эпидемия нарушила экономическую жизнь на всем Чукотском полуострове. Ежегодная летняя ярмарка в устье Колымы, собиравшая торговых людей из самых отдаленных уголков округа, не состоялась. Задуманная программа обследования и сбор коллекций были сорваны.

В. Г. Богораз сосредоточил внимание на береговых группах. За три с половиной месяца он много раз побывал в их поселениях и составил коллекцию, в которую вошли предметы из резной кости, амулеты, идолы, каменные наконечники. Экспонаты были получены в обмен на мануфактуру, чай, табак.

20 октября 1900 г., оставив жену в Ново-Мариинском посту, В. Г. Богораз отправился на Камчатку, в с. Каменское, на встречу с В. И. Иохельсоном и другими членами отряда. Около месяца Богораз и его спутники добирались до с. Каменское. Дожди и снежные бури мешали их передвижению на санях, и треть пути они прошли пешком. 20 ноября они, наконец, достигли с. Каменское, где их ждали Иохельсон с женой, Бакстон и Аксельрод.

Богораз и Иохельсон давно знали друг друга и довольно часто обсуждали волновавшие их научные проблемы. В условиях экспедиции, когда они работали по единой программе, необходимость общения значительно возросла. Встреча в с. Каменское была важным событием, она дала возможность руководителям гижигского и анадырского отрядов обменяться полученными сведениями, определить дальнейший маршрут и научную программу.

В. Г. Богораз узнал, что отряд В. И. Иохельсона выехал из Владивостока лишь в июле и прибыл в Гижигу 3 августа 1900 г., однако за три месяца его члены проделали большую работу по этнографическому и антропологическому обследованию коряков. Прибыв в устье Гижиги, участники экспедиции сначала работали в небольших поселках Кушка и Крестово, а затем — среди береговых коряков, в поселках Парень и Кюэл. Были получены статистические данные о расселении и численности коряков, сделаны превосходные зарисовки их быта и подробное антропологическое описание.

К этому периоду работы отряда относится уникальная коллекция, собранная среди коряков. Музей естественной истории учел незапланированные затраты на приобретение редких предметов культа и выделил дополнительно 800 долл. на покрытие непредвиденных расходов.

После четырех недель совместной работы в с. Каменское члены отряда начали разъезжаться для выполнения принятой программы. А. Аксельрод выехал в Анадырь и продолжил начатую В. Г. Богоразом работу по описанию флоры и фауны Чукотского полуострова. Вместе с женой Богораза — Л. Богораз, находившейся в Ново-Мариинском посту, они должны были собрать, описать и оценить этнографические предметы, предназначенные для коллекции.

В. И. Иохельсон с женой и П. Бакстон приступили к обследованию оленевых коряков. В это время года из-за снежных бурь оленеводы находились вблизи своих жилищ, что позволило ученым собрать большой материал для коллекций, а также статистические сведения и фольклорные тексты¹¹.

В январе 1901 г. отряд вернулся в с. Каменское и вскоре направился к устью р. Пенжина. Иохельсон писал Босасу: «Вначале зайдем в Гижигу за продуктами и необходимыми вещами, а затем отправимся на лыжах с двумя проводниками на север к устью реки Пенжина, где обычно в марте собирается большая ярмарка, и, возможно, будем присутствовать при встрече пенжинских тунгусов (устаревшее название эвенков. — Л. К.). Если время позволит, то я скажу в Олюторовск и в конце весны вернусь в Гижигу, подготовлю коллекцию к отправке первым пароходом и, после окончания ледохода на р. Гижиге, пойду на лодке к истокам реки Омолон, где в это время таежные оленеводы ловят рыбу. Вернусь в Гижигу в июле, отправлю коллекцию во Владивосток и двинусь на Колыму...» (1901 г.).

Рис. 2. Отряд В. И. Иохельсона в пос. Крестово, 1900 г. № 11025

После месяца работы в с. Каменское В. Г. Богораз отправился на север Камчатки по специально выбранному, очень сложному и ранее не известному маршруту. В посёлках Тигил и Седанка среди оседлых коряков и камчадалов он собрал много этнографических предметов и подготовил их к отправке во Владивосток.

После предварительного обследования некоторых северных поселений Камчатки В. Г. Богораз направился в Анадырь. Для возвращения он избрал крайне сложный путь, решив пройти по побережью и достичь наиболее отдаленных прибрежных поселков. Вспоминая свое путешествие, длившееся более пяти месяцев, В. Г. Богораз писал Боасу: «Мое путешествие от устья Анадыря через Гижигинский район до Камчатки и долгая дорога по побережью в Анадырь заняли пять месяцев. За это время я проделал 4000 миль на собаках. Значительная часть моего пути до сих пор не была пройдена ни одним цивилизованным человеком. Наш путь пролегал по столь малолюдным местам, что мы не могли найти проводника и ориентировались по солнцу и течению рек. Были дни, когда я думал, что не доберусь до Анадыря. До сих пор не могу понять, что за болезнь у меня, я потерял голос, страдаю изнуряющим кашлем...» (1901 г.).

После возвращения в Анадырь Богораз несколько недель отдохнул и приступил к работе — он составил отчет для Музея естественной истории в Нью-Йорке. Таряду с анализом проделанной работы и планами на будущее Богораз описал письме к Боасу трудную и необычную зиму 1900 г., принесшую голод и болезни населению Чукотского полуострова. «...Прошедшая зима была исключительной. По свидетельству старожилов, такая бывает один раз в пятьдесят лет. После октябрьских дождей земля покрылась коркой льда и олени остались без пищи. На пути в Анадырь повсюду валялись трупы оленей, а вчера я видел чукотского мальчика, умершего от голода. Зима сказалась на всей жизни людей. Именно поэтому из пяти ярмарок, обычно проводившихся в это время года, три не состоялись, а две другие были очень бедные (...) Однако, несмотря на тяжелое время, — сообщает Богораз в том же письме, — моя жена и А. Аксельрод, прибывший в с. Марково в декабре 1900 г., посетили две ярмарки и с помощью бруссевших аборигенов, живущих на всех реках северной Сибири от Оби до Камчатки, составили большую и ценную коллекцию» (апрель 1901 г.).

В апреле хлопоты по организации похода к Берингову проливу, предусмотренного программой, были закончены. Упакованные экспонаты перевезли в Ма-

Рис. 3. Археологические раскопки, 1901 г. № 1592

риинский пост и подготовили для отправки во Владивосток с началом навигации. Оставшееся снаряжение сосредоточили в одном месте под надзором казака.

По поводу предстоящего путешествия Богораз писал Боасу: «Я пишу это письмо в Мариинском посту, укладываем вещи и готовимся к поездке на север. Наш отряд в семь человек на семи собачьих упряжках будет продвигаться в северном направлении, возможно, вплоть до Индиан-Пойнт (мыс Чаплина)» (апрель 1901 г.). Этот район Берингова пролива учёный выбрал не случайно. Он считал его наиболее интересным для этнографических, антропологических, фольклорных и лингвистических наблюдений, предполагая, что там проходила зона самых интенсивных контактов между народами Северо-Востока Азии и Северной Америки.

Отряд два месяца (май-июнь 1901 г.) работал в эскимосских поселках на мысе Индиан-Пойнт и на о-ве Св. Лаврентия. Была составлена большая коллекция и записаны образцы эскимосского фольклора. Впоследствии многие из полученных текстов Богораз опубликовал в монографии «Эскимосы Сибири»¹². Самобытные памятники народного поэтического искусства даны на диалектах эскимосского языка с параллельным переводом на английский язык. Каждый текст снабжен комментариями этнографического и лингвистического характера. К сожалению, книга «Эскимосы Сибири» не переведена на русский язык. Богораз предполагал сделать работу на основе сравнительного изучения памятников песенного и повествовательного фольклора эскимосов Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки, Канадской Арктики и Гренландии, чтобы выявить более детально картину древних контактов создателей культуры морских охотников и определить закономерности формирования иноэтнических фольклорных связей народов приполярной зоны. Он успел сделать только часть задуманного¹³.

Еще до начала похода к северному побережью Берингова пролива Богораз был озабочен тем, что маршруты рейсовых пароходов проходят далеко от мыса Чаплина, а в летнее время не было никакого иного пути для возвращения в Анадырь. Он писал Боасу в Нью-Йорк, а также Петербург, Владивосток с просьбой изыскать возможность и оказать помощь экспедиции: «... Я сомневаюсь, удастся ли Вам направить какой-либо пароход, чтобы он забрал нас с северного побережья в Анадырь, поскольку я считаю обязательным мое личное наблюдение з

Рис. 4. Шаман. Фото В. Г. Богораза. № 1831

зертвованием экспедиционных дел. Я также послал письмо во Владивосток, котором прошу, чтобы почтовое судно зашло в интересах экспедиции на мыс аплина» (апрель 1901 г.).

Опасения Богораза по поводу возможных трудностей с возвращением отряда в Анадырь оправдались. Пароход «Beag», на который возлагалась надежда, задержался в районе Берингова пролива, оказывая помошь потерпевшему крушение у о-ва Святого Лаврентия китобойному судну, и подойти к северо-восточному побережью не смог. Этнографические коллекции, составленные в Индианойнт, были отправлены на американском китобойном судне «Wm. Beyliss», штат которого согласился доставить их в Нью-Йоркский музей естественной истории.

В конце июня 1901 г. стало ясно, что потеря времени на ожидание почтового судна приведет к тому, что дела в Анадыре не будут завершены и возникнет угроза опоздать на последний русский пароход из Владивостока. Богораз принимает решение: «Поскольку не удалось уговорить ни одного из капитанов, чтобы нас доставили в Анадырь, то пришлось соорудить каноэ из шкур и попытаться совершить это путешествие вместе с моими людьми. Вариант был не слишком удобен, потому что мне пришлось со значительным убытком продать 100 собак, однако я все же не могу отправиться, как Вы советуете, в Америку,— некому будет заботиться о коллекциях ни в Анадыре, ни во Владивостоке. Кроме всего прочего, мне еще необходимо урегулировать мои счета с государственным складом Анадыре. К тому же со мной находятся четверо из Анадыря и, если их взять в Америку через остров Святого Михаила (St. Mickels), то их возвращение в Россию повлечет за собой значительные расходы...» (письмо к Боасу от 18 июня 1901 г.).

Добравшись до Анадыря, Богораз предпринял еще две поездки в чукотские селения для проверки полученных им ранее данных. Кроме того, он завершил финансовые дела и около месяца находился во Владивостоке, занимаясь подготовкой коллекций к отправке. Более ста ящиков с экспонатами и материалами были отправлены пароходами по маршрутам: Владивосток — Шанхай — Нью-Йорк, Владивосток — Ванкувер — Нью-Йорк, Владивосток — Нагасаки — Сан-Франциско — Нью-Йорк.

Предполагалось, что после короткого отдыха в Петербурге Богораз приедет в Нью-Йорк для работы в музее в качестве редактора готовившихся к печати материалов Северо-Тихоокеанской экспедиции. Однако начавшееся еще во время путешествия по Камчатке тяжелое заболевание на долгие месяцы вывело его из рабочего состояния.

9 января 1902 г. Боас сообщил Иохельсону в Иркутск, где тот находился после окончания работы на Колыме, что Богораз болен и находится в Петербурге. Только спустя полгода В. Г. Богораз смог выехать в США и приступить к работе. В письме, направленном Боасу из Парижа, он писал: «Получил вчера Ваше письмо и очень рад, что все коллекции получены в Нью-Йорке в хорошем состоянии. Я отплываю, вероятно, в следующую среду (9 апреля) из Ливерпуля или же в субботу (12 апреля) из Шербурга. До сих пор не могу похвастаться хорошим здоровьем. Доктора настаивают, чтобы я поехал на месяц-другой в Карлсбад, но я считаю, что прежде всего необходимо попасть в Америку. Самое плохое, что я не могу много ходить и в целом не выдерживаю большой физической нагрузки. Надеюсь, что скоро мне станет лучше» (2 апреля 1902 г.).

В июне 1902 г. Богораз активно включился в работу в качестве эксперта готовившейся в Музее естественной истории стационарной экспозиции по чукчам и другим народам Севера. С помощью музеевых работников он подготовил макет и прекрасно решил пространственно-декоративные вопросы всего комплекса. Возвращение в Нью-Йорк Иохельсона значительно ускорило начатые Богоразом работы, активизировалась подготовка издания 12 томов исследований по результатам Северо-Тихоокеанской экспедиции.

В 1907 г. Иохельсон выступил на заседании Отделения этнографии Русского географического общества с докладом «Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана»¹⁴. Предварительные выводы сводились в основном к следующему: антропологический типaborигенов северных берегов Тихого океана — смешанный. Северо-западные индейцы Северной Америки имеют большое сходство с азиатами, а северо-восточные народы Азии наделены многими индейскими чертами. В материальной культуре этих народов наблюдается присутствие чукотских, эскимосских и индейских элементов. Мифы представляют основной интерес. У коряков и отчасти чукчей, с одной стороны, и индейцев-тлинкитов и других американских племен — с другой, один круг сказаний об устроителе мира — Вороне. У палеоазиатов и индейцев был обнаружен цикл эскимосских мифов о божестве-женщине по имени Седна. Было замечено, что в религиозном культе — обрядах и жертвоприношениях встречаются элементы, имеющие место у всех народов этого региона.

Важно отметить, что некоторые из выводов, сделанных Иохельсоном в предварительном порядке, были им пересмотрены и в значительной мере обоснованы дополнительными материалами, полученными во время Камчатской экспедиции 1908—1910 гг., участником которой он был.

Таким образом, экспедиция, организованная Американским музеем естественной истории при содействии Петербургской академии наук, известная богатством собранных материалов, дала возможность описать традиционные культуры народов Северо-Тихоокеанского ареала и доказать, что приполярные районы по обе стороны Берингова пролива представляют собой особый этнокультурный регион. Вывод, основанный на фактическом материале, явился крупным научным открытием, и ученыe России внесли большой вклад в решении этой проблемы. Впервые были обоснованы важные положения о культурной и

возможно, этнической близости народов, расселенных в северной части Тихоокеанского бассейна. Основываясь на лингвистических, этнографических и антропологических данных, В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз реализовали свои выводы и гипотезы в статьях и книгах, вошедших в золотой фонд мировой этнографической литературы.

За прошедшее с тех пор время накопились новые ценные археологические, антропологические и этнографические материалы, позволяющие в некоторых случаях по-новому подойти к вопросу о роли Берингоморья в истории аборигенного населения Северо-Востока Сибири и Северной Америки и древних культурных связей народов Старого и Нового Света. Однако и на современном уровне науки результаты Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции являются основой и стимулом для дальнейших исследований в этом направлении.

Примечания

¹ См. Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографию // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXX. Вып. 1); Зеленин Д. К. В. Г. Богораз-Тан — этнограф и фольклорист // Памяти В. Г. Богораза. М., 1937; Gurov I. S., Kuzmina L. P. W. Bogoras et W. Iochelson: Deux éminents représentants de l'ethnographie Russe // Inter-Nord. 1985. № 17. Р. 145—151. Маршрутную карту экспедиционных отрядов см.: Кузьмина Л. П. Фольклор эскимосов (по материалам В. Г. Богораза) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 201.

² См.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки.

³ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Jesup North Pacific Expedition // Memoir of the American Museum of the Natural History (далее — МАМН). Leiden; New York, 1904. Vol. VII. Pt 1; 1907. Vol. VII. Pt. 2; 1907. Vol. VII. Pt. 3; 1910. Vol. VII. Pt. 1; *idem*. The Folklore of Northeastern Asia as compared with that of Northwestern // American Anthropologist, 1902. Vol. 4. *idem*. The Eskimo of Siberia // МАМН. 1913. Vol. VIII. Pt. 3; Yochelson W. The Koryak // МАМН. 1905. Vol. IV. Pt 1; 1908, Pt 2; *idem*. The Yukaghirs and Yukaghirsied Tungus // МАМН. 1926. Vol. IX.

⁴ Богораз В. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сб. фольклор. 1936. № 4, 5; Иохельсон В. И. Об азиатских и американских элементах в мифах коряков // Землеведение. 1904. Т. XI. Кн. III. С. 33—41; Богораз В. Г. Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936. *его же*. Чукчи Л., 1934. Ч. 1.

⁵ См.: Богораз В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VI. Л., 1926. С. 40—46.

⁶ См.: Сб. Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927. Л., 1930. С. 96.

⁷ W. Iochelson to F. Boas, November 1898. The Jesup North Pacific Expedition. American Museum of Natural History. Dept. 26/01. В статье вся переписка В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона с М. Джессупом и Ф. Баасом цитируется по этому архивному фонду. Далее ссылки даются в тексте с указанием числа, месяца и года, если они есть в первоисточнике.

⁸ Громова Анина Ивановна содействовала научным исследованиям, организованным Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОГГО). Фундаментальный труд З. Л. Серошевского «Якуты» издан на средства, пожертвованные Громовой. К сожалению, других ведений о ней не обнаружено.

⁹ Сокольников Н. П. Болезни и рождение человека в с. Марково на Анадыре // Этнографическое обозрение. Кн. ХС—ХСI. 1913.

¹⁰ Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 1; 2.

¹¹ Работа отряда в корякских стойбищах день за днем прослеживается в полевых записях Иохельсона, обнаруженных И. С. Гурвичем в архиве Института народов Азии (Ленинград). См.: Гурвич И. С. Полевые дневники В. И. Иохельсона и Д. Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории якуской этнографии, фольклористики и антропологии. ТИЭ. 1963. Т. 85. Вып. 2. С. 248—258.

¹² Bogoras W. The Eskimo of Siberia // МАМН. 1913. Vol. VIII. Pt III.

¹³ Богораз В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сб. фольклор. 1936. № 4—5.

¹⁴ Иохельсон В. И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Живая тарина. 1907. Вып. III. С. 33—35.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА П-ОВ ЯМАЛ (1928—1929 гг.)**

В 1989 году минуло ровно 60 лет со времени первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал. Желая отметить это, а также почтить память трагически погибшей в августе 1929 г. Натальи Александровны Котовщиковой (начальника Североямальской экспедиции Ленинградского университета), мы публикуем обнаруженные нами архивные материалы.

В последние годы заметно возрос интерес к п-ову Ямал, его географии, природе, населению, истории освоения. Появились новые, весьма интересные книги и статьи по истории научных исследований и экспедиций в 1920—30-е гг.¹ Мы надеемся, что наша скромная публикация малоизвестных архивных документов продолжит это дело.

Публикуемые ниже выдержки из полевых дневников В. П. Евладова, где он пишет о своих встречах с Н. А. Котовщиковой и В. Н. Чернецовыми в 1926 и 1928 годах, редкие фотографии, а также письма и последние записки Н. А. Котовщиковой почти не известны даже специалистам-североведам. В этих документах, как нам кажется, ярко отразились условия жизни и работы на Ямале в 1920-е годы, раскрылись некоторые, на наш взгляд, достойные самого глубокого уважения черты личности и характеры этнографов того времени, содержатся сведения, проливающие новый свет на обстоятельства гибели Н. А. Котовщиковой, дополнительно к тому, что было сообщено об этом В. Н. Чернецовыми в статьях-некрологах, помещенных в журналах «Этнография» (1930, № 1-2) и «Советский Север» (1931, № 7, 8).

Несколько слов о ямальских экспедициях 1928—29 гг. Экспедиция В. П. Евладова была организована по решению Уралоблисполкома и субсидировалась в основном, Уральским областным земельным управлением (Уралоблзу). В ее задачи входило всестороннее изучение политico-экономического состояния жизни, быта, обычного права ямальских кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-меновых отношений, производства и потребления, работы торго-заготовительных организаций и др. Экспедиции в составе В. П. Евладова (начальник экспедиции), товароведа И. В. Каргопольцева, охотоведа Н. Н. Спицина выехала из Свердловска в начале марта 1928 г. а 17 апреля отряд численностью 16 человек со стадом оленей (374 головы) и обозом из 58 нарт выступил на Ямал. В августе В. П. Евладов, Н. Н. Спицин переведчик М. Ф. Ядопчев с группой ненцев-охотников высадились на о. Белы. Ими было сделано первое в истории географических исследований на Ямале географическое и топографическое описание южной части острова. Предшественники В. П. Евладова (Б. М. Житков, морские офицеры Иванов и Рагозин) находились на Белом только в зимнее время, когда увидеть что-либо кроме очертаний береговой линии было невозможно. От пролива Малыгина группе Евладова двинулась к оз. Ней-то для встречи с основной базой своей экспедиции. В лагере на озере В. П. Евладов встретился с Н. А. Котовщиковой.

Североямальская экспедиция научно-исследовательской секции Комитета Севера при Президиуме ВЦИК — студенты Ленинградского университета этнограф Н. А. Котовщикова (начальник экспедиции), археолог и этнограф В. Н. Чернецов и зоолог К. Я. Ратнер были доставлены на Ямал гидрографическим судном «Полярный» и высажены в районе мыса Марресалé. Основная задача этой экспедиции — археолого-этнографические изыскания. Попутно предполагалось вести естественно-научные наблюдения, собрать информацию по практическим хозяйственным и социальным вопросам жизни оленеводов.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ТОБОЛЬСКОГО ОКРУГА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

С ДОПОЛНЕНИЯМИ Я-МАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1929 г.

МАСШТАБ 1:9000000

Рис. 1. Схема маршрутов ямальских экспедиций 1928—29 гг.: сплошная линия — Маршрут экспедиции Н. А. Котовщиковой; прерывистая — Маршрут экспедиции В. П. Евладова

Ямала. Намеченный район работ Североямальской экспедиции — побережье прол. Малыгина, южная часть о. Белого. По неизвестным обстоятельствам «Полярный» не смог доставить экспедицию прямо к месту работ, как это предполагалось. У нее возникли трудности с переездом и доставкой грузов на крайний север Ямала. В это время к месту высадки экспедиции прибыла группа товарищей экспедиции Уралоблзу И. В. Карагольцева. По его совету, Н. А. Котовщикова решила выехать в лагерь экспедиции Уралоблзу на Нейтиńskие озера для встречи с В. П. Евладовым, с которым она познакомилась еще в 1926 г. во время своей первой поездки на север. Встреча на оз. Ней-то состоялась, В. П. Евладов окказал Н. А. Котовщиковой посильную помощь, снабдив ее материалами, рекомендательными письмами, одеждой, оборудованием, а также передал из своей экспедиции «охотника-практиканта» Васю Терентьеву. В начале октября Н. А. Котовщикова вместе с Васей Терентьевым возвратилась в свой лагерь на Марресале, затем Североямальская экспедиция двинулась на крайний северо-восток п-ова Ямал, к р. Тамбей. Отряд В. П. Евладова в это время начал движение на юг, к Обдорску...

Первая заметка В. П. Евладова — о встрече и знакомстве с Н. А. Котовщиковой и В. Н. Чернецовым в марте 1926 г. в Тобольске — взята нами из его более поздних записей (предположительно, сделанных в 1960-е годы), когда В. П. Евладов работал над своими воспоминаниями об экспедициях на п-ов Ямал. В полевом дневнике 1926 г. об этой встрече есть только краткая запись.

Вторая — о встрече двух экспедиций: Ямальской экспедиции Уралоблзу и Североямальской экспедиции ЛГУ и Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в районе оз. Ней-то — взята непосредственно из полевого дневника В. П. Евладова того времени.

Два письма Н. А. Котовщиковой адресованы В. П. Евладову. Подлинники писем, а также фотоархив и полевые дневники экспедиции Уралоблзу 1928—1929 гг. сохранились в семье Евладовых и были любезно предоставлены для публикации². Тексты кратких записок Н. А. Котовщиковой к своим товарищам по экспедиции, написанные ею незадолго до гибели в августе 1929 г. на мысе Хаен-сале вблизи прол. Малыгина, были обнаружены нами в архиве В. Н. Чернецова³. Это были не подлинные записки Н. А. Котовщиковой, а их копии, сделанные рукой В. Н. Чернецова. Подлинников записок нам обнаружить не удалось. Мы предполагаем, что эти копии были сделаны В. Н. Чернецовыми в время работы над какой-то статьей или заметкой⁴ о Н. А. Котовщиковой, которая им так и не была опубликована. Не оказалось в архиве и ямальских дневников Н. А. Котовщиковой, о существовании которых Чернецов упоминает «... всех подробностей ее трагической гибели выяснить не удалось, и лишь в общих чертах ее можно восстановить из дневников Н. А. и слов самоедов, бывших с нею до последнего времени».

Вот, пожалуй, и все, чем нам хотелось предварить публикацию этих документов. Остальное в них самих.

Причечания

¹ Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск, 1982; Источники по этнографии Западной Сибири / публикацию подготовили Лукина Н. В. и Рындина О. М. Томск, 1987; Хомич Л. В. Из истории советской этнографии. Изучение этнографии самодийских народов // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983; Евладов П. В. Север дальний — север близкий // Уральский следопыт, 1981. № 3. См. также статьи: Пика А. И. Ямал-Харютти // Вокруг света. 1987. № 10; его же. Ямальские экспедиции 1920—30-х гг. // Полярный круг. 1989.

² Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность семье Евладовых (Свердловска) за любезно предоставленные для исследовательской работы и публикации материалы.

³ Музей археологии и этнографии Сибири при Томском университете им. Куйбышева. Архив В. Н. Чернецова. Д. 56. Л. 46.

Из воспоминаний В. П. Евладова. Датировано 13 марта 1926 г. Тобольск

«... в этом музее [Тобольский губернский краеведческий музей] в 1926 году, когда я проезжал в первую мою экспедицию, я встретился в этнографическом отделе с двумя младыми студентами географического факультета Ленинградского университета — Чернецовыми Валерием Николаевичем (Валей) и Котовщиковой Натальей Александровной (Наташой). Оба они ехали на Север с географическими, этнографическими и иными общими исследованиями, первый — вогульского народа, второй — самоедского, по изучению которых они специализировались.

В городе Березове им предстояло разъехаться. Валерию свернуть с р. Оби к Уралу по Северной Сосьве, а Наташе следовать дальше на Север. Чернецов уже был среди вогульского населения и ему путь и обстановка работы были известны, а Наташа еще не была на Севере и не знает, где найдет наиболее интересные для изучения объекты.

Я ехал на Север тоже впервые и тоже не знал, куда направиться. Моя ближайшая задача — была найти лечебно-обследовательский отряд из двух женщин¹, в чем мне несомненно поможет Обдорский райисполком.

Валерий сказал Наташе.

— Тебе, Наташа, очень повезло, ты неожиданно находишь хорошего спутника, Владимира Павловича, который, надо полагать, не откажет тебе в своей помощи?

Рис. 2. 1926 г. Тобольск — на пути к Ямалу. Н. А. Котовщикова, В. Н. Чернецов, В. П. Евладов

— Ну, какой может быть разговор,— ответил я,— конечно, поедем до нашего отряда вместе, ~~и~~ ^и две культурные женщины, которые будут работать среди ~~северных~~ народов. Быть может, ~~и~~ ^и работу с самоедами можно будет проводить, следя вместе с отрядом. Наташа была восторг от такой удачи».

Примечания

¹ В 1926 г. В. П. Евладов принимал участие в экспедиции на п-ов Ямал в составе лечебно-исследовательского отряда Уралоблздравотдела. Начальник лечебно-обследовательского отряда — ~~и~~ ^и Львовна Шапиро-Аронштам и фельдшер-акушерка Анна Костромина.

Их полевого дневника В. П. Евладова. 1 октября 1928 г. п-ов Ямал у оз. Ней-то

«Только едва-едва засинела ночь и восток побледнел, как мы распрошались с хозяевами иехали. Проводник Лаптандер гнал оленей не жалея... Попрыск за попрыском ¹ оставляли мы и. Сколько проехали — неизвестно, но, вероятно, не менее 60—70 верст, делая в среднем 2—15 верст в час. Не было еще и полдня, когда мы, вскочив на пригорок, буквально ворвались в стан. Собаки кинулись кучей с громким внезапным лаем из-за чума и палатки Вет.-бак. итута ² (наша не была поставлена), выскочили люди и изумленно смотрели на 11 нарт, влетающим полным махом в стан. Я поднял руку и приветственно махнул. Вася бросился к нам и кричал: ши, наша! В толпе я увидел Наталью Александровну Котовщиковой — значит дождалась ³. Трогательная встреча, радущие, смех, общая радость по поводу благополучного свидания, ~~и~~ разговоры ото всех сразу и всем сразу:

- Были ли на Белом острове?
- Десять дней прожили.
- Как олени?
- Ничего. Была чесотка, теперь уж почти ликвидирована.
- Где Иван Васильевич? [Каргопольцев]
- Он ждет на зимних нартах, туда одно каслание.
- Как вы здесь, Наталья Александровна?

Рис. 3. 1928 г. п-ов Ямал близ оз. Ней-то. В. П. Евладов, Н. А. Котовщикова, Н. Н. Спинин, Вася Терентьев, П. П. Королев (?)

— Пороход не дошел до Белого, высадил нас на рации Маррессалия.

— Вот несчастье!

По распорядку, установленному до нас, сегодня должны были каслать к зимним нартам так как нет продовольствия, но по слуху нашего приезда каслание отложили. Приятно было попить чаю в кругу друзей, за настоящим столом, с горячими лепешками (рис. 2). После чая я осмотрел все хозяйство, инвентарь, оленей... Начались более подробные разговоры...

У новых исследователей — Котовщиковой, начало экспедиции совсем не благополучное. Вместо того чтобы оказаться сразу в районе исследований, на Ямале, они высадились от него в расстоянии 700 верст с грузом в 150 пудов и без оленей. Самоеды теперь отходят от берега и если в ближайшее время они не продвинутся на север, им придется зимовать в случайному месте и без людей. Снабдились они легкомысленно, при самой зиме они без одежды и обуви. Палатка без печки. В таких-то условиях даже при обилии продовольствия гибла не одна экспедиция. У Пахтусова, у Литке⁴ вряд ли было меньше продовольствия, но цинга их не миновала. Я зорко слежу за предотвращением ее появления, а они просто как-то по-детски глядят ей в глаза...

Я дам им Васю Терентьева⁵, который хотя и моложе их, но хорошо приспособлен к тундре, знает языки и способен на подвиги. Он их может выручить в тяжелую минуту с опытом Чернековым.

Чем я могу им помочь? Если бы я стоял ближе, то запряг бы оленей и продвинул их верст на 200, а теперь, сохранив свой инвентарь, я снабдил их брезентами и еще кое-чем и Ив. Вас. (Каргопольцев. — А. П.) — теплой одеждой на один комплект.

Не нравится мне, что им в'сумме четверым едва минуло 80 лет. Не видал еще полярный круг таких юнцов, одиноко заброшенных в ледяную пустыню со свирепыми морозами, жестокими ветрами и стужами. Если они погибнут, то в этом будут повинны пославшие их. Что нужно было им делать, раз пароход не дошел к Белому? Ясно, нужно было вернуться в Архангельск и пытаться зимовать на своих обычных местах, чтобы в следующем году начать путешествие. Но для этого надо было иметь выдержку. Что делать теперь? Я им советовал — всемерно стараться продвинуться в устье Харасовой, где будет зимовать чум Хаулы⁶ и куда доходят легкие нарты с Ямала. Затем моим именем взять Хаулы на помощь. Организовать в его чуме продуктовую базу, упросить его двигаться на север, хорошо платить, если возьмется за это дело, возможно, время от времени погибнуть, может быть, кормить его семью и, опираясь на его чум, легкими нартами вести исследования. Если не удастся продвинуться к Харасовой, то дело плохо и судьба экспедиции, а тем более ее результаты под вопросом. Я дал им все материалы своих исследований, которые когда-либо чем-то им пригодятся...

Примечания

¹ Попрыск (н'эдалава — ненецк.) — перегон, расстояние, которое олени в упряжке могут пройти без отдыха. Зимой 10—15 км, а летом менее 10 км.

² Обдорское отделение Ленинградского ветеринарно-бактериологического института, его полевой отряд под руководством врача Д. В. Колмакова летом 1928 г. вел работы совместно с отрядом П. Евладова.

³ В ненецких чумах Евладову рассказали о том, что проезжала русская женщина, искавшая ачальника Ладымара». Евладов догадался, что это Котовщикова, и опасался, что она, не дождавшись его, покинет лагерь на Ней-то.

⁴ Пахтусов Петр Кузьмич (1800—1835), Литке Федор Петрович (1797—1882) — русские мореплаватели, исследователи Севера.

⁵ Вася Терентьев — 15-летний «охотник-практиканта» в экспедиции Евладова, уроженец Обдоры. С октября 1928 г. работал в экспедиции Н. А. Котовщиковой.

⁶ Хаулы Окатэтта — морской охотник, оленевод. Его «вотчина» была на месте нынешнего селка геологов Харасавэй. Оказывал помощь обеим экспедициям.

Из писем Н. А. Котовщиковой

10 ноября 1928 г.
Верховье р. Таню-яга

Многоуважаемый Владимир Петрович!

Наша экспедиция выбралась наконец на главный водораздел¹ со всем своим грузом, и теперь двигаемся на север по хребту. На Парнэ-сале² к моему приезду туда груз доставлен не был за штормовой погоды, так что мы вывезли все на оленях. Здесь мы чрезвычайно обязаны дей-ниям, очень большой энергии, находчивости и такту, который проявил Вася.

Я считаю, что можно сказать без преувеличений, что без него мне не удалось бы вывезти сюда все продовольствие и снаряжение. Правда, за первый перегон до Морды мы заплатили по своему бюджету бешено много, но зато теперь нас везут от чума к чуму бесплатно, и это совершенно не буждает неудовольствия самоедов. Правда, сейчас здесь много чумов, которые все подкочевали одоразделу и везут нас, как говорят, «народом», то есть много чумов дает по нескольку нарт, что для отдельного хозяйства мы необременительны. С продовольствием придется экономить, до июня нам хватит, а тогда мы рассчитываем получить с самоедами еще продукты.

Вообще все складывается будто бы вполне благополучно. Лодка будет доставлена в устье Ясовой ранней весной, так что летом мы ее будем иметь у Белого. Настроение у всех повышенное, увлечены своей палаткой, в которой поставили довольно удачно печку фабрикации Вале-Николаевича и Васи³. Вчера в ней вполне возможно работать. Относительно норвежского охода удалось получить еще дополнительные сведения. Песимо Окатэтта⁴ жил в нашей палатке и чрезвычайно охотно рассказывал о своей поездке к норвежцам. В этом году было 2 паро-а, команды на обоих около 30 человек. Норвежцы пытались вступить в торговые взаимоотношения с самоедами, просили песцов (единственное слово, которое они знали, по словам Песимо, было «ного»). Песцов у морских промышленников, разумеется, не оказалось с собой, и сделка состоялась.

Капитан парохода показывал Песиме морские карты и пытался расспросить, по-видимому, идти к реке Тиутей и Пясадай. Договориться они не смогли из-за отсутствия переводчика. Сады предлагают нам всем в будущем году приехать на Карское побережье в августе и съездить ими вместе на пароход. Один из норвежцев здесь постоянный гость. Это было бы чрезвычайно здорово, и, возможно, кто-нибудь из нас постарается приехать для этого на Харасовой. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Вы несколько преувеличиваете опасность этого предприятия. Я, конечно, что это не удастся просто из-за невозможности уехать так далеко от пролива и острова Белого мое горячее время работы, когда надо будет вести и гидрологические работы там, и съемку острова. Вообще нас убивает, что пароход Убеко Сибири⁵ приходит так рано, возможно, что мы останемся там до половины сентября, отправим весь груз с пароходом, а сами выедем на легковых в Новый Т⁶, откуда последний пароход уходит сравнительно поздно. Все это, разумеется, очень гадательно и сейчас об этом трудно писать и говорить.

Вопросом первостепенной важности я считаю сейчас положение с Васей. Он узнал от самоеда что его отец и дядя оба арестованы и высланы в Тобольск. Мы послали телеграмму в Обдорск извещением о его зимовке и получили ответ, где сообщалось, что все здоровы и об его отъезде снятии с работы не было ни слова. Вероятно, просто дома не хотят портить ему зимовки. Сейчас спешно отсылаю его заявление в Ленинград, то есть важно, чтобы оно было получено там зимой, а весной в начале учебного года, и я боялась, что мое письмо не застанет Вас на фактории и в Обдорске. Для Васи — крайне ценно было бы получить кроме простой справки о том, что он работал добровольно с мая по октябрь в Вашей экспедиции, еще и отзыв о работе. Может быть, Вы помните ту бумажку, которую Вы написали Лебедеву⁷ перед его отъездом в Ленинград еще в Свердловске. Вы писали ее как член партии с 1916 года, и она имела для него определенную ценность. Было бы хорошо, если бы подобную характеристику Вы написали и Васе. С такой же просьбой я обращаюсь к П. П. Королеву, как представителю Зоотехнического пункта⁸, который тоже пользовался услугами Васи во время работы. Большой минус конечно, что Вася не комсомолец и не член Союза, ему всего 15 лет, и я надеюсь, что его примут. Важно подчеркнуть, что он жил самостоятельно и работал по найму. Фактически это в значительной степени так и было, судя по его словам. Он был, конечно, способный мальчишка с повышенными запросами, и я уверена, что из него может выйти красный работник на Севере. Во всяком случае ехать учиться ему необходимо, и мы этого добьемсelves. Ваше содействие здесь очень облегчило бы и упростило все это дело. К работе нашей экспедиции он относится чрезвычайно горячо, и у него прекрасные отношения с В. Чернецовыми и К. Раннером.

За все полученное от Вас: сведения, снаряжение научное, брезенты и пр. и пр. примите еще раз самую искреннюю благодарность от всей нашей экспедиции. «Трубка мира» и коробка «Сафо», которую пожертвовал П. П.⁹ (самое ценное тут то, что и то и другое было последнее) доставлено много отрадных минут. Для метеорологической будки мы приспособили ящики от зоологического снаряжения, затем... (?) флюгер и наблюдаем. Часы поставили по солнцу и буссоли. Они у нас остановились у всех троих, как хронометры у Нансена (да простят мне боги это сравнение). Пожалуйста, передайте мой большой привет всей Вашей экспедиции, д-ру Колмакову, И. А. Тихонову, Абросиму Никандровичу¹⁰.

Ваша Н. Котовщикова

Примечания

¹ Малозаметная возвышенность, проходящая через весь п-ов Ямал в меридиональном направлении. Ненцы называют ее Ямал-хой (хребет). С водораздела реки стекают в Карское море и Оби-губу.²

² Мыс в устье р. Морды-яха.

³ Рисунок интерьера палатки с печкой, сделанный рукой Чернецова, помещен в книге: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 109.

⁴ Песимо Окатэтта — старожил «Тиутейско-харасовского края», жил в семье Хаулы Отэтта.

⁵ Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в морях и устьях сибирских рек.

⁶ На легких нартах, без груза. Новый Порт — место перегрузки караванов карских тюряк экспедиций, оттуда можно было отплыть вниз и вверх по Оби.

⁷ Ф. П. Лебедев принимал участие в переписи населения на Ямале в 1926 г.

⁸ Обдорский зоотехнический пункт, зав. В. Ф. Вашкевич. Зимой 1929 г. зоотехник из экспедиции Евладова П. П. Королев перешел на работу в Обдорский зоотехнический пункт.

⁹ П. П. Королев — зоотехник экспедиции В. П. Евладова.

¹⁰ А. Н. Абросимов — переводчик из отряда Вет.-бак. ин-та, И. А. Тихонов — ветфельдфельдмаршал из того же отряда.

27 ноября 1929

Дорогой Владимир Петрович!

Стоим у реки Тамбей. По-видимому, это уж действительно мое последнее письмо Вам. Случаю во время каслания встретили сегодня чум Тусида, который едет на Щучью. Зимующих чумов в этом году осталось порядочно. Я знаю 8, вероятно, есть еще. У нас все пока очень благополучно, до весны р. Яхады-яга осталось 5 касланий, там мы останемся зимовать. У меня к Вам следующая просьба. Пожалуйста, весной, когда будете уезжать, пришлите расценки на все взятое у Вашей экспедиции.

и снаряжение (т. е. анероид, 2 термометра, рулетку, буссоли). Когда я брала у Вас все это снаряжение, книга была где-то далеко спрятана, и в моих расписях стоимость всего этого не указана. Вчера я разбил нам нормальный термометр, так что мы составим акт и заплатим за него. Возможно, мы вернемся через Архангельск, я думаю, что придет шхуна (вернее промысловый бот), который снабжает острова. Он должен был прийти в этом году, но из-за льдов вернулся с Новой Земли. Было этих шхун две, одна разбилась у Вайгача. Шхуна «Б. Житков» потерпела аварию у скона, если узнаете что-нибудь об ее судьбе, то, пожалуйста, напишите. Это судно Комитета морских путей (Омск), и на ней поехал один московский зоолог, с которым я состояла в Архангельске в дружеских взаимоотношениях. Кроме этого капитан «Житкова» Каминский оказал несколько услуг нашей экспедиции, и мне интересно, как и что и где он теперь *. Вообще будем знать от Вас письма. Всего хорошего. Надеюсь, что в сентябре 1929 года встретимся в Питере.

Ваша Н. Котовщикова

Приписка: Вася просил передать привет особо. Привет большой всей Вашей экспедиции от Сев. Ямальской!

* Нам ничего не известно о шхуне «Б. Житков» и ее капитане Каминском. Будем очень благодарны тому, кто может предоставить сведения по этому вопросу (А. П.)

Записки Н. А. Котовщиковой, июль-август 1929 г.

Заяля и Котя!*

Это письмо рассчитано на то, что мы не увидимся. Я оставляю здесь и иду к Коте на Яхады. Хаен-сале.

Береговой знак, восстановленный Евладовым в августе 1928 г. В. Н. В случае моей смерти тебе придется воспользоваться частью собранных мною материалов для отчета. Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги. 30 июня 1929 г.

Ииль Валя. Пишу в чуме Тероку ** рано утром, когда еще все спят. Должны прийти еще три шамана. Мне очень сильно нездоровится, кажется у меня началась цинга. Очень сильная слабость и припухли десны. Вероятно, от хронического недоедания.

6 1929

Береговой знак Хаен-сале.

Костя

За Вами приедут завтра и привезут сюда. Мне страшно нездоровится и лежу здесь без палатки. Захвати (ла?) все имущество.

11.

* В. Н. Чернецов и К. Я. Ратнер.

** Тероку Вэненга — оленевод, у которого подолгу гостили Евладов и Чернецов.

* * *

Эти записки, возможно, не последнее из того, чтобы было записано рукой А. Котовщиковой в те дни. В некрологе, посвященном ей, В. Н. Чернецов минает о ее письмах-прощаниях к родным, о письменном наказе завершить затеянные работы на Ямале и использовать ее материалы. К сожалению, этими ументами мы не располагаем. Объяснение сложному сплетению обстоятельств, приведших к трагедии (и тут мы не можем не признать обоснованности вождных предчувствий В. П. Евладова!), мы находим в дневниках и публикациях В. Н. Чернецова. Он пишет, что еще 10 мая 1929 г. участники Ямальской экспедиции после совещания в чуме Някоче Вэненга разъехались в разные

стороны: В. Н. Чернецов далеко на юго-запад к мысу Тиутей-Сале, К. Я. Ратнер к прол. Малыгина, Н. А. Котовщикова осталась в чуме Някоче вместе с Ва сей Терентьевым. 4 июня Вася тоже уехал для ведения статистических рабо в других чумах. Более месяца Котовщикова жила в чуме Вэненга одна, без свои товарищей, и уже в это время в ее дневниках появились первые записи о болезни — озноб, напухание дёсен, судороги. Ненцы мало знакомы с цингой Наталье Александровне пробовали помочь шаманы, но скорее всего, без успеха

15 июня, как видно из ее дневника (так пишет Чернецов), братья Тёрок и Тэл Вэненга вывезли Котовщикову, по ее просьбе, к проливу Малыгина Туда, по их ожиданиям, должен был прийти клипер Убеко Сибири «Прибой». Они оставили Наталью Александровну одну на пустынном берегу, пообещав привезти на следующий день находящегося недалеко К. Ратнера. Но сделать эт им помешал неожиданный буран. «Прибой» не пришел, по-видимому, из-з шторма. Когда Ратнер прибыл к месту стоянки Натальи Александровны Котов щиковой, ее уже не было в живых...

Сейчас, когда трагическая острота этой давней полярной истории уже смяна временем и нет нужды выискивать чью-то вину или просчеты в организации экспедиции, публикуя эти материалы, мы желали только одного — почтить память Натальи Александровны Котовщиковой, смелой и романтичной женщины советского этнографа-исследователя в трудных условиях исполнившего сво человеческий и профессиональный долг до конца.

Р. А. Топчишили

ПОСЕМЕЙНЫЕ СПИСКИ ТИФЛИССКОЙ ГУБЕРНИИ 1886 г. КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Общеизвестно, что основным источником этнографических исследований являются полевые материалы. Однако не меньшее значение имеют и другие виды источников и прежде всего документальные материалы различных архивохранилищ. Для этнографического изучения Грузии большую ценность представляют сведения постоянно проводившихся в XIX в. камеральных описаний и посемейные списки 1886 г. (далее — ПС)¹. Посемейные списки составлялись по всем административным единицам (уездам, губерниям, округам), селам и городам Закавказского края и некоторым регионам Северного Кавказа. Основной целью составления ПС было: учет военнообязанных; уточнение социальной, национальной и конфессиональной структуры населения; определение подымной налоговой платежеспособности. Работа по составлению ПС началась в мае 1886 г. и завершилась к концу того же года.

В материалах ПС охватывался широкий круг вопросов: национальный и половозрастной состав, сословная и конфессиональная принадлежности, численный и поколенный состав семей, «домашний» (родной) язык, языки образования, миграции населения. ПС содержат важные данные по исторической демографии, этническим процессам и этнической ономастике. Сводные данные ПС в 1893 г. были изданы отдельной книгой². Однако основная масса материалов, представляющих бесценный историко-этнографический источник, до сих пор не опубликована.

В предлагаемой статье рассматриваются отдельные этнические аспекты ПС — в основном антропонимия и некоторые отраженные в ней этнические процессы.

При определении этнической принадлежности населения Грузии по данным ПС нельзя слепо следовать показателю соответствующей графы. Особого внимания в этом отношении заслуживают грузины-григориане (монофизиты)³, грузины-мусульмане и грузины-католики. Грузины-григориане в указанной графе нередко причислены к армянской национальности, т. е. в данном случае вероисповедание считалось определятелем их национальности. Такое положение в Грузии (да и не только в ней) было исторически традиционно. Если грузин исповедовал веру, отличную от православия, он уже не считался грузином. Приняв григорянство, арменизировалась часть грузинского населения Восточной и Южной Грузии, стали «франгами» и армянами грузины-католики в Самцхе-Джавахети, ингилойцами-мусульманами — грузины, жившие в исторической Эрети; грузин-мусульман в Юго-Западной Грузии (месхов) стали именовать турками. Как было сказано, иногда грузины-католики по данным ПС считались армянами, что, видимо, было связано со следующим обстоятельством. Типики монастырей грузин-католиков были армяноязычными и утверждались Папой Римским⁴. Грузины-католики относи-

лись к церковной юрисдикции армянской католической церкви. В некоторых случаях именно поэтому фамилии грузин-католиков («франгов») принимали армянскую форму.

По данным ПС грузины-григориане (естественно наряду с армянами-григорианами) зафиксированы во многих селениях Восточной Грузии — в Картли и Кахети. По каким данным удается выделить лиц грузинской национальности из населения григорианского вероисповедания? В первую очередь следует обратить внимание на графу — «домашний» язык. Правда, для многих проживающих в Грузии армян-григориан разговорным языком был грузинский, который они считали своим «домашним» языком. Однако указанный момент не мог играть решающей роли, поскольку для многих армян в этот период родным языком являлся грузинский. Следует также принять во внимание, что лица с ярко выраженным грузинскими фамилиями в ПС нередко причислены к армянскому этносу.

Известны также случаи, когда лица григорианского вероисповедания помимо армянских фамилий являются носителями и грузинских фамилий. Последнее обстоятельство дает нам возможность проследить ход этнических процессов, изучить историю конкретных фамилий. Рассмотрение этнографических материалов свидетельствует, что именно грузинские фамилии первичны и указывают на реальное национальное происхождение того или иного лица. Отмеченная выше замена фамилий не составляла исключения и была обусловлена определенными причинами формационного (феодального, а также капиталистического) характера.

В с. Ахалдаба Варианского общества Горийского уезда среди грузин обитали представители фамилий *Папуашвили, Татишивили, Нацвлишвили, Тандиашвили, Гиоргашвили, Кутишивили, Джавахишвили*⁵. Несмотря на явно грузинское происхождение перечисленных фамилий, все они в ПС причислены к армянской национальности, вероятно, по их религиозной принадлежности — григориане. Однако по данным тех же ПС в других регионах Грузии носители перечисленных фамилий являются грузинами. В конкретном случае, если допустить, что, например, *Гиоргашвили* — армяне по происхождению, то они именовались бы Геуркашвили. В с. Ахалдаба таких дымов 29. Анализируя данные ПС, можно сосчитать и установить число искусственно отнесенных к армянскому этносу грузинских дымов (фамилий).

По данным ПС явно этнически неточная картина вырисовывается также в карталинском с. Ахалкалаки (Горийский уезд). Объясняется это тем, что Ахалкалаки являлся торгово-ремесленным центром определенного региона. В Ахалкалаки армяне компактно поселялись еще при царе Ростоме (1632—1658)⁶. Здесь мы воздержимся от перечня армянских фамилий данного селения и ограничимся лишь упоминанием некоторых явно грузинских фамилий, отнесенных в ПС к армянам: *Мамасахлисиишвили, Квривишвили, Хуцишивили, Мезурнишвили, Гогиашвили, Окромчедлишвили, Чалашвили, Абуашвили, Габриелидзе, Цверианашвили, Мчедлишвили, Наскидашвили, Цверианов, Пиралашвили, Годердзишвили, Мамацашвили* (254—3—1653). Вышеперечисленные фамилии имеют грузинскую основу и представляют грузин, некогда принявших григорианскую веру, что явствует из анализа различных этнографических материалов. Доказательством тому являются прежде всего материалы камерального описания 1818 г., где большинство вышеперечисленных фамилий обозначены как грузины (254—1—542). В реестрах камерального описания 1830 г. ахалкалакские *Гозалишвили* упоминаются под второй фамилией — *Церетели* (254—1—1244. Л. 24—32). И все-таки следует учесть наличие в с. Ахалкалаки довольно значительной прослойки армянского населения, использующего под влиянием грузинской среды в домашнем быту грузинский язык.

В с. Бербуки Горийского уезда жили *Гигаури* (254—3—1655). Согласно ПС, Гигаури исповедовали григорианскую веру и именно по конфессиональному

признаку были причислены к армянам. Удается, однако, проследить их принадлежность к грузинскому этносу, что подтверждается также этнографическими данными. Они пришли в Бербуки из с. Дзеглеви Ксанского ущелья, куда в свою очередь переселились с гор Арагвского ущелья. В с. Берисакдари (Боржомское ущелье) в 1886 г. большинство жителей составляли армяне (254—3—1160). Проживавшие же здесь грузины (*Сандадзе, Мосиашвили, Верхвиашвили* и т. д.) были в ПС причислены к армянам⁷. В связи с этим знаменателен тот факт, что один дым фамилии *Верхвиашвили*, по вероисповеданию григориан, причислен к армянам, другой дым этой же фамилии, члены которого исповедовали православие, был причислен к грузинам.

В с. Вака (Горийский уезд) (254—3—1662) к армянскому этносу причислены *Имедашвили, Мамулашвили, Мекаришвили* и другие грузинские фамилии, исповедовавшие армяно-григорианство. Во многих других селах в ПС отмечена такая же этническая ситуация. В с. Гракали — *Папиашвили, Гогинашвили, Дурглишвили, Татиашвили* (254—3—1663); в с. Большое Гареджвари — *Тушишвили, Мунджашвили*; в с. Дири — *Кулумбегашвили* (они по происхождению осетины), *Долиашвили, Модзманашвили, Тетруашвили, Кошуашвили, Берианашвили, Пааташвили* и др. (254—3—1667); в с. Земо Рехи — *Какиташвили, Мамукелашвили, Карелишвили, Кабулашвили* (фамилия осетинского происхождения) — (254—3—1674); в с. Тквиави — *Карели* (первоначальная фамилия — *Пачури*), *Мерабашвили, Гигуашвили, Хабазишвили* (254—3—1706) т. д.

Исключение составляют данные по с. Цхинвали, в которых ряд лиц армяно-григорианского вероисповедания, например *Ходжабаевы, Налбандишвили, Бутаури* (254—3—1717), в некоторых случаях причислены к грузинам. Ничего определенного относительно происхождения первых двух фамилий сказать нельзя, третья же фамилия Бутаури бесспорно грузинская; их предки — горцы, переселившиеся из Шида Картли на равнину.

В с. Кавтисхеви по конфессиональному признаку к армянам причислены *Наникашвили, Ксоврели*. Но по данным камерального описания за 1830 г. часть Ксоврели была отнесена к православным, часть — к григорианам (254—1—1246. Л. 76—93); еще ранее в 1818 г. все Ксоврели отнесены к грузинскому этносу (254—1—544. Л. 158—164). В с. Квахврели к армянам отнесены *Берикашвили, Папиашвили, Гоголашвили, Маташвили, Хуцишвили, Гиголашвили* (254—3—1724).

Армяне жили также в с. Ахалгори Ксанского ущелья (современный г. Ленингори). По нашим наблюдениям, их появление в Ахалгори следует отнести к XV в.⁸. Наряду с коренными армянами в Ахалгори проживали фамилии, причисленные к армянам по конфессиональному признаку. Таковыми являются: *Мзареулов, Бурдинов, Месарков, Какилов, Киколашвили, Хубашвили* (осетинская по происхождению), *Хоцуелишвили, Бериашвили, Лосеурашвили, Гатенашвили, Гелиашвили, Датиашвили, Гремелашвили, Цагарели*. Следуя этнографическим данным, это грузинские по происхождению фамилии и лишь вследствие определенных причин, приняв армяно-григорианскую веру, они были причислены к армянской национальности; примером тому служит фамилия *Гатенашвили*, изначальной же для них была фамилия *Гигаури*. Фамилия Гатенадзе в форме *Гатеноти* (в ее основе древнее грузинское имя Гатена) была известна в XIII в. в Южной Грузии (Чорохское ущелье)⁹.

По материалам ПС 1886 г. перечень грузинских фамилий, исповедовавших григорианство, можно было бы умножить. Их наличие засвидетельствовано, например, в Тифлисском, Телавском, Сигнахском уездах¹⁰. Сейчас же нам хотелось бы заострить внимание на имеющихся в описях двойных фамилиях, отнесенных к армянскому этносу. Как уже было отмечено, именно эти поставленные в скобки фамилии и являются изначальными. Следует также подчеркнуть, что употребление второй фамилии в отношении данного лица — вообще довольно характерная черта для камеральных описаний XIX в. Нередко подобные случаи совпадают с данными этнографии и сведениями в такого рода документах.

так. Например, к обитавшей в Ахалсопели фамилии *Казаровых* (254—3—1606) в документе приписано — «он же *Матиашвили*», или же «он же *Мартиашвили*». Эти обе фамилии в графе «народность» обозначены, как «грузины»; соответственно и вероисповедание — «православные». В с. Кумиси жил «Кекелов, он же *Алавердашвили*» (254—3—1616). Большая часть населения Кумиси — это грузины, но в ПС они отнесены к армянам по конфессиональному признаку. Сказанное подтверждается самим грузинским звучанием фамилий, их грузинским содержанием: *Бабалашвили*, *Гураспашвили* (ср. — *Гураспаули*), *Сакварелашвили*, *Матурадзе* (ср. ойконим *Матура* в Пшави, с фамилией *Матурели*), *Татарашивили*, *Заалишвили*, *Гзиришвили*, *Гарсеванов*, *Хоситов*, *Гурамов*, *Дзамиев*, *Жужиашвили*, *Тетиашвили*, *Кахелашвили*, *Кобулашвили*, *Олкиашвили*, *Дедалашвили*, *Ниниашвили*, *Созиашвили*, *Майсурадзе*, *Сакеваров*, *Кахуров*, *Ростиашвили* и т. д.

В с. Патара Энагети (254—3—1629) согласно ПС значатся *Грикурашвили* (*Мествиришвили*); в с. Сартичала — *Степанов* (*Гареишвили*); в с. Саниоре — *Мартигурашвили* (он же *Чурчелашвили*); в с. Шакриани — *Оханашвили* (он же *Оркодашвили*); *Саркисашвили* (*Кикуашвили*); в с. Кандаура — *Кузанашвили* (он же *Гамткицулашвили*); в с. Чумлаки — *Демуров* (он же *Менабдишвили*) (254—3—1782, 1603); в с. Ананури (Душетский уезд) — *Степанов* (он же *Мухашвили*).

Вышеприведенные материалы бесспорно свидетельствуют о наличии грузин-григориан; однако указанный факт некоторыми исследователями поставлен под сомнение. Так, П. Мурадян пишет: «Каким-то образом нужно доказать само существование „общности грузин-григориан“. Это понятие было придумано в начале нашего столетия под воздействием определенных настроений в грузинском буржуазном обществе»¹¹. Однако далее в той же работе автор отмечает следующее: «Известно, что бывали случаи, когда армяне-монофизиты переходили в лоно халкедонистов, а грузины становились „армянами“ (т. е. монофизитами)»¹². Следуя своей предвзятой тенденции, П. Мурадян полагает, что засвидетельствованные на территории Восточной Грузии двуязычные грузино-армянские надгробные эпитафии являются доказательством наличия в этих местах двуязычного армянского населения¹³. Однако это не находит подтверждения; этнографические материалы не фиксируют наличия армянского населения в указанных П. Мурадяном селениях, где проживали грузины-григориане, а эпитафии на армянском языке сделаны по инициативе и активном содействии григорианской церкви. Что же касается нынешних жителей этих мест — им чужд армянский язык и владеют они лишь своим родным языком — грузинским. Этнографические материалы свидетельствуют также, что и местное армянское население здесь уже не владеет армянским языком, что доказывают и материалы ПС. Стремление григорианской церкви выдать указанное выше население за армян и, следовательно, расширить свою паству очевидно. На эпитафиях нередки фамилии с армянским окончанием «ян»; или русский «ов» — «ев». Однако те же фамилии по камеральным описаниям, историческим документам и демографическим материалам представлены посредством грузинского суффикса — «швили». Таким образом, если бы экспедиция П. Мурадяна в процессе изучения эпиграфики надгробных памятников привлекла также полевые этнографические материалы, появилась бы возможность убедиться в том, что не только грузины-григориане, но и армяне-григориане своим родным языком считали язык грузинский.

И в заключение следует подчеркнуть, что в Грузии на протяжении всего средневековья наряду с армянским этническим элементом были также грузины исповедовавшие григорианство. Возрастание численности последних особенно ощущимо с середины XIX в. Количественный рост грузин-григориан во многом связан с ускоренным развитием капиталистических товарно-денежных отношений, также с упразднением автокефалии грузинской церкви в 1811 г. В этом отношении можно апеллировать к материалам камеральных описаний различ-

ных периодов XIX в. В них некоторые фамилии первоначально фигурируют как православные грузины, но в дальнейшем их как григориан причисляют к армянам.

Наличие в Грузии грузин григорианского вероисповедания подтверждено на основе проведенных этнографических полевых разысканий Н. Г. Волковой. В населении с. Вардисубани в Квемо Картли (Нижняя Картли) она пишет: «При расспросах выяснилось, что все живущие здесь армянские фамилии по происхождению грузины, переселившиеся около 100 лет тому назад из разных районов Грузии. Так, предками Микаэлянца и Минасянца были грузины Тетрадзе из Диоми, откуда они ушли три поколения тому назад. Предки Маркаровых считаются по происхождению из Гори. Их грузинская фамилия Менабдишили. Интересно, что и сейчас в Вардисубани их фамилию (точнее, атронимию) называют именно Менабдиани, а не Маркаровыми»¹⁴. Первичной фамилией Симонянцев, проживающих в том же селении, была Симонишвили¹⁵.

Переход грузин из православной веры в григорианскую подтверждается документальным материалом. В одном прошении, датированном 1800 г., сказано: «Мой государь, маленькою осиротевшего сына моего крепостного ормилица отдала на воспитание Цицишвилевскому человеку. Повзрослев, о воле той же кормилицы, он стал армянином и женился»¹⁶.

ПС 1886 г., как уже отмечалось, представляют собой ценный источник и для исследования миграционных процессов населения¹⁷. Все случаи перемещения гдельных фамилий отмечались в ПС. Теперь же наше внимание привлекают материалы, свидетельствующие о переселении осетин из нагорья Шида Картли низменности того же региона. Следуя ПС, это переселение осетин в основном начинается с середины XIX в. и особенно интенсифицируется в 60—80-х годах прошлого столетия. Это наиболее отчетливо прослеживается в налоговых документах. В ПС даны точные сведения — из какого горного селения в какое авинное село переселились осетинские семьи. Знаменательно, что временно мигрировавшие семьи обратно обычно не возвращались и обретали постоянное место жительства. Приведем несколько примеров. Согласно ПС, в селении ани нынешнего Карельского р-на проживало десять дымов осетинского происхождения. По тем же данным все они были мигрантами с верховьев р. Лиахви, из них две переселились «15 лет тому назад» (т. е. в 1871 г.), остальные «11 лет тому назад» (т. е. в 1875 г.), «12 лет тому назад» (т. е. в 1874 г.), «10 лет тому назад» (т. е. в 1876 г.), «8 лет тому назад» (т. е. в 1878 г.) и т. д. (254—3—1655).

Из с. Кошки (ущелье р. Большой Лиахви, ныне Джавский р-н), в котором жило 169 дымов, в разные равнинные села мигрировали 112 семей (254—3—81). Из с. Зада (ныне Цхинвальский р-н) на Картлийскую равнину спустились 45 дымов (254—3—1674). Из 46 дымов с. Дамцвара ушли 20 семей. Знаменательно, что осетины равнинной и горной частей Шида Картли упомянуты в статусе хизан. Исследователям этнической истории и миграционных процессов безынтересно, что по материалам 1886 г. в Цхинвали — центре современной го-Осетинской авт. обл., а также в одном из районных центров — Ахалгори, осетинского населения не зафиксировано (254—3—1717. С. 1—40; 254—3—90. С. 1—64).

Не лишены интереса и некоторые другие материалы ПС 1886 г. Следует отметить, что почти все осетины Грузии имели фамилии с окончанием на «шили», однако фамилии осетин ущелья Трусо оканчивались суффиксом «ов» («ев»). Ущелья Трусо содержат также и другие материалы для наблюдения за развитием этнических процессов. Так, жители с. Алмасиани (Базалиани) гашвили причислены к осетинам, однако их «язык домашний» — грузинский. Сведениям ПС двуязычным (грузино-осетинским) является население Караткави, аналогичное явление наблюдается в с. Кетриси. «Языком домашним» для жителей с. Мна записан грузинский. Что же касается населения Орокана (Гудиевы, Бибиловы, Арджиновы, Бидаговы, Загаловы, Какаевы), первоначально в графе «народность» у них было проставлено «осетины».

затем запись стерта и тем же почерком изменена на «грузины». В графе «домашний» язык зафиксированы «грузинский» и «осетинский» (254—3—1816). Двуязычными являются также жители селений Сиврата, Реса, Суатиси, Тене, Цицолды, Шевардени. У жителей с. Толгоми (Питаровы, Такаевы) в графе «домашний» язык записан грузинский.

По сведениям ПС хорошо прослеживается процесс переселения в Шида Карти имеретинского населения. Начавшись в XVII—XVIII вв., этот процесс усилился к середине XIX в. В 80—90-х годах XIX в. и в начале 900-х годов часть имеретинских мигрантов возвращается на свои исконные места. Для выяснения причин этого следует провести специальное исследование. Однако из материалов ПС совершенно ясно, что группы имеретинских мигрантов обычно поддерживали связи с Имерети (чаще мигрировала часть семьи).

ПС являются картину интенсивной миграции населения из Рача-Лечхуми в Восточную Грузию, особенно в Тбилиси, в его окрестности и близлежащие населенные пункты. В этих местах мигранты зафиксированы как временные обитатели. В примечаниях же сказано, что они оставались здесь навсегда. Первоначальной причиной миграции были поиски временной работы в Восточной Грузии.

Не менее интересны материалы Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Тифлисской губ. При изучении фамилии грузинских католиков этого региона просматриваются три типа оформления фамилий: а) с грузинским корнем, б) с армянским корнем, в) с турецким корнем. В основном такие фамилии оканчиваются на суффиксы «ов» («ев»); все записаны грузинами; по вероисповеданию — армяно-католики, язык «домашний» — грузинский. Можно перечислить следующие фамилии с грузинским корнем: *Небиев*, *Датев*, *Гокиев*, *Бетанов*, *Беридзе*, *Пиралов*, *Меписов*, *Пейкаров*, *Харисчаров*, *Хуцианов*, *Месарков*. Фамилии с негрузинскими корнями: *Кеворков*, *Назар*, *Ходжеванов*, *Акамов*, *Сехпосов*, *Хитаров*. Как было оговорено нами выше, арменизация фамилий грузинских католиков объясняется их принадлежностью не к римско-католической, а к армяно-католической епархии, которая, естественно, руководствовалась армянским типиком¹⁸. Среди грузин-католиков сперва распространялись армянские личные имена, ставшие впоследствии корневой основой распространения арменизированных фамилий. Поэтому эти фамилии являются вторичными. Таким образом, у арменизированного населения имелись первичные грузинские фамилии. Например, первичной коренной фамилией одной ветви *Хитаршвили* была *Тамарашвили*, у другой — *Нанобашвили*¹⁹. По сведениям ПС, кроме г. Ахалцихе, грузинское население армяно-католического вероисповедания встречалось в селениях Арали, Вале, Уде, Варгави, Хизабавра (последние два входили в Ахалкалакский уезд). В с. Арали жили и грузины-католики: *Априамов*, *Пейкаров*, *Чагиев*, *Таталов*, *Чилигаров*²⁰, *Татеозов*, *Качкачов*, *Мартирозов*, *Томашвили*, *Грикорашвили*, *Нидирадзе*, *Петрешвили*, *Тагешвили*. В Вале жили православные грузины, а также грузины-католики *Гозалов*, *Захаров*, *Арутинашвили*, *Гиголашвили*, *Наскиба Мелконашвили*, *Атенов*, *Читошвили*, *Габелашивили*, *Джапашвили*, *Малвена Саршанов*, *Давыдов*, *Габриелов*, *Никошвили*, *Бечитадзе*. Фамилии грузин-католиков с. Уде: *Мамулов*, *Петроев*, *Майсурев*, *Казаров* (он же *Гзиришвили*), *Гогилов*, *Пацхов*, *Погосов*, *Балахов*, *Оболов*, *Мамасахлисов*, *Кулиджанов*, *Кежеров*, *Вартанов* (он же *Абуладзе*), *Багдоев* (он же *Абуладзе*), *Лаги Зазаев*, *Абуладзе*, *Антонашвили*, *Парунашвили*, *Чилашвили*.

Согласно ПС, в 1886 г. в с. Варгави родным языком грузин-католиков был грузинский, однако по этническому показателю они причислены к армянам (Лазаров, Датаев, Тарханов, Шешаберидзе, Тамазов, Давлашеридзе; только к фамилии этого последнего приписано «грузин»).

По официально опубликованным статистическим материалам населения Хизабавра (137 дымов, 1274 душ) признано армянским²¹, однако согласно материалам ПС жители Хизабавры — грузины-католики. Как видим, официальная

иально опубликованный документ дает иную картину, и это не исключение. В этом плане небезынтересны сведения Ж. Ф. Гамбы (путешествовал в 1820—1824 гг.). Касаясь Земо (Верхней) Картли, в частности Ахалцихской обл., пишет: «Город Ахиса, как его именуют турки, по-грузински Ахалцихе, е. новая крепость, является столицей турецкой Грузии... Население этого рода составляет 40 тысяч человек. Большинство из них турки, количество грузин, армян и евреев небольшое. Они живут в самом городе или же окрестных селениях. Каждая народность имеет свою церковь и синагогу, имеют своих священников и раввинов. В Ахалцихе живут пятьсот католических мей и столько же разбросаны в разных селениях, в частности: в Ивлита, артури, Вале, Арали, Уде, Абастумани, Артаани, Вели, Артануджи, Бари, утвани, Хертвиси, Ахалкалаки и Хизабавре. В Ахалцихе католики имеют две церкви, которые обслуживаются двумя священниками; богослужение происходит на армянском языке... В этой провинции господствует турецкий язык, нако многие говорят и на грузинском языке»²².

В XIX в. Ахалцихский уезд в основном был заселен мусульманами (по происхождению главным образом грузины). ПС дают нам возможность определить, в каких селах жили грузины. В графе «народность» их записывали грузинами, но по вероисповеданию они были мусульманами-суннитами. Что же касается родного языка, то таковым записывался турецкий или же два — турецкий и грузинский. Иногда в ПС обозначены грузинские фамилии грузин-мусульман. В 1886 г. в Ахалцихском уезде население 16 деревень было двуязычным. этих селениях зафиксированы следующие грузинские фамилии: *Чхокадзе, Гадзе, Цхададзе, Чувадзе, Цхвададзе, Мамукашвили, Базадзе, Зетиашвили*²³. По тем же данным омусульманившееся грузинское население с «домашним» турецким языком жило в 51 селе Ахалцихского уезда (Месхети).

Согласно тем же сведениям, несмотря на то, что жители некоторых селений полностью зафиксированы как турки (народность, язык, вероисповедание), которые из них являются грузинами (в селениях Камза, Мхе, Диши Хопси). Татара Смада мы вычитали две грузинские фамилии (*Турманидзе, Абразадзе*). Лишь случайно приписанные эти грузинские фамилии указывают, что население этой деревни раньше было грузинским. Среди грузино-мусульманского населения Месхети есть фамилии явно грузинского происхождения: *Здигридзе, Дунукадзе, Цулукидзе, Голотидзе, Апакидзе, Дедуладзе, Карашвили, Чахошвили, Гваридзе, Макаридзе, Пашидзе, Садицадзе, Агашвили, Садунадзе, Кикнадзе, Мосидзе, Джавахадзе, Двалишвили, Кипиани*. фамилии высшего привилегированного сословия — Эристов, Мухранский, Петров, Авалов, Гиоргцминадзе, Амилахвари, Лордкипанидзе, Вачнадзе, *Шкидзе*.

В срезе исследования эволюции этнических процессов интересны записи ПС отношении населения деревни Клде: «Раджаб Бидзин-оглы Татидзе» Халил Бидзин-оглы Татидзе». Данный материал свидетельствует, что среди грузино-мусульман все еще бытоваала традиция употребления грузинских личных и. Видимо, процесс исламизации в Клде имел не столь древние корни. К прищу сошлемся на замечание Н. Я. Марра: «Сейчас за ручьем Гигадзиси в селе Дасабоме живет Мамуд Ахмед-оглы Джарбидзе, грузин-мусульмин, который утверждает, что дед его был священником при церкви»²⁴. Здесь следует отметить, что в «Пространном реестре Гюргистанского вилайета», составленном в 1595 г. турецкими властями в фискальных целях, имена и отчества глав семей записаны в их грузино-христианской транскрипции, турецкие имена встречаются лишь изредка²⁵.

По материалам ПС просматривается продолжение процесса переселения грузино-мусульман в Турцию и заселение этих территорий покинувшими Турцию армянами. Полностью переселилось в Турцию население с. Колатхеви (1843—1844). В 80-х годах XIX в. из селений Уде и Уравели в Турцию мигровали 37 дымов (254—3—1852).

В Ахалкалакском уезде фиксируются случаи арменизации грузинского населения. Например, среди проживавших в с. Турцхи армян-католиков встречаются фамилии с явно грузинскими корнями: *Хуциев, Илиадзе, Окроев* и др., а в ПС эти фамилии по национальности и языку отнесены к армянам (254—3—1892. С. 1—49).

По официально опубликованным данным, число грузин в Ахалцихском уезде составляло 20,5 тыс. человек²⁶, тогда как по первичным материалам ПС в 1886 г. их численность достигала 24 тыс. человек. Проверенные статистические данные свидетельствуют о большой доле грузинского населения в относительно ранний период, так как часть к этому времени эмигрировала в Турцию и не была учтена в переписи. В процентном отношении православные грузины составляли 19,3% всего населения; двуязычные грузины-мусульмане — 19,4%; тюркоязычные грузины-мусульмане — 43,2%, грузины-католики — 18,1%.

В 1886 г. в Закатальском округе (Саингило, т. е. часть исторической Эрети) жили православные, также омусульманившиеся грузины. В графе «народность» этим последним отведено наименование местной этнографической группы «ингило», язык же «домашний» — у них грузинский. В ПС приведены названия грузин-православных, чего нельзя сказать о грузинах-мусульманах.

Таким образом, в период позднего средневековья по религиозному признаку в Грузии помимо грузин-православных сложились группы грузин, иных по конфессиональному признаку — мусульмане, католики, григориане, что, естественно, отразилось и в ПС 1886 г. И народ, и официальные власти считали, что эти конфессиональные группы постепенно отмежевывались от родного им грузинского этноса. В этом плане следует вспомнить решающую роль религиозного фактора как в этнообъединительных, так и разъединительных процессах.

Особо следует проанализировать некоторые данные ПС, касающиеся Тионетского уезда. Эти данные показывают поразительную стабильность традиционной антропонимии грузинских горцев, переселившихся в Эрцо-Тианети. Личные имена, как известно, представляют весьма значительный интерес для этнографических исследований²⁷. По ПС 1886 г. в Хевсурети и среди мигрантов хевсур, за редким исключением (*Гиорги, Иванэ*), канонизированные христианские имена не встречаются. В указанном историческом регионе Грузии получили широкое хождение имена древнегрузинские (встречаются также имена соседних вайнахов — чеченцев и ингушей). Для большей наглядности назовем мужские имена: *Ахала, Бабуа, Бичури, Беко, Бачиа, Гага Гамахела, Гела, Венхвна, Иа, Имеда, Курдгела, Мамука, Миндия, Надира Ушиша, Умцруа, Пшавела, Шишиа, Шуа, Дзаглика, Цика, Цискара, Чрела Хатула, Джокола, Джарца*; женские имена — *Бердеда, Буба, Дедикала, Кмаря Мзекала, Мтиура, Мзия, Минда, Натиа, Нана, Самдзимара, Калтата, Шукния* и др.

В Пшави по ПС открывается несколько иная картина. У мужчин здесь нередко наличествует несколько имен. Одно христианское, другое местное (старогрузинское). Нехристианские имена приписаны в скобках, однако в обиходе употреблялись именно последние.

В Тионетский уезд входила определенная часть территории соседней Чечено-Ингушетии. Согласно ПС, в таких случаях вайнахи занесены по личным и фамильным именам, что является редким исключением для мусульманского мира. Нужно полагать, что у этих вайнахов фамильные наименования существовали еще до принятия ими мусульманства. Распространенными среди чеченцев фамильными именами являлись: *Албакаури, Ашагаури, Барчаули, Балургаули, Бакашаури, Гадумсаури, Дадигаури, Дзантаури, Заинтаури, Карсамаури, Мухаури, Хашаури*. Таким образом, окончание «ур», типичное для горцев-грузин и вайнахов, возможно, свидетельствует об их древнейших этнокультурных связях.

Таковы лишь некоторые историко-этнографические вопросы, которые просматриваются в ПС 1886 г. Не менее ценные материалы, содержащиеся

в камеральных описаниях XIX в. Сопоставительный анализ ПС и камеральных данных дает благодатную возможность для изучения многих историко-этнографических проблем, отражающих значительные вехи быта и культуры Грузии прошлого столетия.

Примечания

- ¹ Хранится в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (далее ЦГИА ГССР).
- ² Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. (Далее — Свод).
- ³ Хаханов А. О грузинах-григорианах // Весь Кавказ. 1903. № 1. С. 72; Майсурадзе Г. Я. Взаимоотношения грузинского и армянского народов в XIII—XVIII вв. Тбилиси, 1982. С. 302—322 (на груз. яз.).
- ⁴ Ломсадзе Ш. Католицизм в Грузии // Грузинская Советская Энциклопедия. Т. V. Тбилиси, 1980. С. 319.
- ⁵ ЦГИА ГССР. Ф. № 254. Оп. 3. Д. № 1650. Далее в тексте номер фонда — опись — номер дела (254—3—1650).
- ⁶ Иоселиани П. Города, существовавшие и существующие в Грузии, Тифлис, 1850. С. 27.
- ⁷ Об арменизации Сандадзе см. Бердзенишвили Н. // Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1964. Т. I. С. 220 (на груз. яз.).
- ⁸ Топчишвили Р. А. Некоторые этноисторические вопросы населения Ксанского ущелья (XVIII—XX вв.) // Матне (Серия истории, археологии, этнографии и искусства). 1987. № 4 (на груз. яз.).
- ⁹ Тбетский синодик / Текст подготовила к изданию, исследованием и указателями снабдила Г. П. Енукидзе. Тбилиси, 1986. С. 37, 42, 164 (на груз. яз.).
- ¹⁰ О григорианах Шида Картли см. Джалаабадзе Г. В. Этнические процессы в Шида Картли // Шида Картли (Материалы для этнографического изучения). Тбилиси, 1987. С. 16—17 (на груз. яз.).
- ¹¹ Мурядян П. М. Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети). Ереван, 1985. С. 90.
- ¹² Там же. С. 125.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 16—18.
- ¹⁵ Джалаабадзе Г. В. Указ. раб. С. 17.
- ¹⁶ Памятники грузинского права // Изд. Долидзе И. С. Тбилиси, 1985. Т. VIII. С. 630 (на груз. яз.).
- ¹⁷ Топчишвили Р. А. Миграция горцев Восточной Грузии в XVII—XX вв. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- ¹⁸ Ломсадзе Ш. В. Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- ¹⁹ Майсурадзе И. Л. Грузинские фамильные имена (Материалы). Тбилиси, 1981. С. 230 (на груз. яз.).
- ²⁰ Первоначальной фамилией Чилингарова было Вардидзе («чилингар» — по-турецки лесарь); Каухишвили — Дардаганидзе (по-турецки «каухч» — шапочник); Пармаксизашвили — Анадзе (по-турецки «пармаксиз» — беспалый). См. Майсурадзе И. Указ. раб. С. 131, 184, 200.
- ²¹ Свод.
- ²² Гамба Ж. Р. Путешествие в Южную Россию, в частности в Закавказские провинции, совершенное в 1820—1824 гг. Т. I. / Пер. с французского на грузинский с комментариями I. Мгалоблишвили. Тбилиси, 1987. С. 264—266.
- ²³ В этнографическом отношении схожую ситуацию в Юго-Западной Грузии зафиксировал I. Я. Марр: «В Дабавири (селение на территории современной Турции. — Р. Т.) имеются фамилии опадзе и Халадзе. Местные по грузинской фамилии себя не называют. Только когда спросите, они сообщают свою грузинскую фамилию» (Марр Н. Я. Дневник поездки в Шавшетию и Кларджею. Сиб., 1911. С. 5; см. также с. 25, 26, 31—33, 36, 45). О селении Хандзта Марр пишет: «Грузинская речь здесь домашняя» (С. 32).
- ²⁴ Марр Н. Я. Указ. раб. С. 33.
- ²⁵ Пространный реестр Гюрджистанского вилайета / Изд., перев., исследования и комментарии С. Джкикиа. Кн. II. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- ²⁶ Свод.
- ²⁷ См. Личные имена (Проблемы антропонимики). М., 1970; Этнография имен. М., 1971; История личных имен у народов мира. М., 1986.

ЭТНОНИМ ГУДЫ НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ: ПОИСКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Среди разнообразных этнических наименований белорусско-литовского пограничья внимание исследователей привлекает этноним *гуды*, который употребляется литовцами для обозначения соседнего белорусского населения (от литовского *gudas* — белорус, *gúdai* — белорусы). В районах, где взаимодействуют различные этносы, названия народов очень часто отражаются в топонимии. Не является исключением и этноним *гуды*, от которого лексико-семантическим способом образовано пять географических названий на территории Белоруссии: Гуды — с. Воложинского р-на, Гуды — село Лидского р-на Гродненской обл., застенок, имение, фольварк (далее — с., з., ф.) бывшего Лидского уезда. В названиях деревни, поселка, железнодорожной станции, хутора фольварка, застенка Гудогай Островецкого р-на Гродненской обл. первая часть словосложения представляет собой этнонимическую основу *гуд*¹. Ряд топонимов образовался в результате расширения этноосновы *гуд* — различными формантами: Гудёвщина — село Молодечненского р-на Минской обл., Гудовщина — с. Ошмянского р-на Гродненской обл.², Гудишки — с. Щучинского р-на, Гудышки — с. Ивьевского р-на Гродненской обл., Гудово — с. Верхнедвинского р-на Витебской обл. и фольварк бывш. Лепельского уезда Витебской губ., Гудово, Новое Гудово, Земянское Гудово — села Дубровенского р-на Витебской обл.

В топонимах с суффиксом *-ово* нельзя отрицать возможность опосредованной связи с этнонимической основой *гуд* — (через антропонимы). Антропонимы, обозначающие имя основателя села или самую распространенную в соответствующем населенном пункте фамилию, возникшую от этнонаима *гуды*, лежат, как можно судить, в основе следующих географических названий: Гудалы — с. Островецкого р-на, Гудаловка — хутор Ошмянского р-на, Гудёли — с. Вороновского и хутор Островецкого р-на Гродненской обл., Гудёли — с. Столбцовского р-на Минской обл., Гудёвичи — с. Червенского р-на Минской обл., Гудевичи — с. Мостовского р-на Гродненской обл., Гудёники — с. Островецкого р-на Гродненская обл. (ср. белорусские фамилии Гудаль, Гудзель, Гудович, Гудзень, Гудзеня)³; Гуденяты — села Ошмянского и Ивьевского районов Гродненской обл.⁴.

С антропонимами этнонимического происхождения связаны также следующие географические названия, в которых очевидно наличие соответствующего литовского топонимического форманта: Гудинишки — с. Вороновского р-на Гродненской обл.; Гудёлишки — с. Поставского р-на Витебской обл., Гудалишки — хутор Островецкого р-на Гродненской обл. (ср. литовские и белорусские антропонимы Гудзень, Гуделис, Гудялис, Гудель, Гудаль)⁵.

Тесная связь антропонимических и этнонимических основ в топонимах рассматриваемого типа объясняется тем, что признак по этнической принадлежности к той или иной группе населения отражается как через личное имя, так и через групповое наименование. В одном каком-либо населенном пункте этот признак мог проявляться и в названии всех жителей, и в фамилиях конкретных лиц.

Этноним *гуды* в географических названиях Белоруссии, как видим, распространен в северо-западной части республики (Верхнедвинский р-н Витебской обл.), почти на всем протяжении белорусско-литовского пограничья (Поставский р-н Витебской обл., Островецкий, Ошмянский, Вороновский, Лидский районы Гродненской обл.), в некоторых из тех районов, где историко-этнографические материалы отмечают наличие в прошлом более или менее значительных анклавов литовского населения (Молодечненский, Воложинский, Столбцов-

ский районы Минской обл., Ивьевский, Шучинский, Мостовский р-ны Гродненской обл.)⁶, а также в Лепельском и Дубровенском районах Витебской обл., в отдалении от белорусско-литовского пограничья, но тем не менее в зоне географических названий, производных от этнографических основ *литв-*, *литов-* (*литвины*, *литовцы*)⁷.

Некоторое количество названий, связанных с этнонимом *гуды*, отмечается на территории Литовской ССР, вблизи белорусского пограничья⁸.

Исследователи, занимавшиеся рассмотрением этнонаима *гуды*, отмечали, что он употребляется не только для обозначения белорусов литовским населением в контактной зоне на белорусско-литовском пограничье. По свидетельству польского этнографа Й. Сембжицкого, «литвин прусский называет жителей околиц, на юг от него лежащих, именем *gùdai*, не обращая внимания на то, являются ли они поляками, литвинами или белорусами»⁹. Как указывает А. Брюкнер, «литвины зовут своих соседей с востока гудами, причем наблюдается интересная закономерность: прусский литвин гудами называет жмудинов (жемайтов.— *A. P.*), а жмудины гудами называют белорусов, т. е. каждый из этих народов использует этноним гуды для обозначения своих восточных соседей»¹⁰. Белорусский этнограф М. Я. Гринблат писал о том, что литовцы, живущие по левому берегу Немана в районе Друскининкай, называют гудами своих соплеменников—литовцев с правобережья Немана, а белорусы Поставского р-на Витебской обл. называют соседнюю с запада территорию *Гадуцьешчыныай*¹¹. Литовское название *gudas* в значении «польский литовец, белорус» отмечал также Ю. Ю. Трусман¹².

Таким образом, этноним *гуды* не имеет точной этнической соотнесенности. Он является как бы «блуждающим» этнонимом, однако непостоянство его содержания (литовцы, поляки, белорусы) сочетается с интересной географической приуроченностью, в которой проявляются, на наш взгляд, определенные закономерности. Следует обратить внимание на то, что данный этноним функционирует в строго очерченном ареале: белорусско-литовское пограничье, бывшая прусская этническая территория (Калининградская обл. и северная часть мазовецких земель Польши). Направление локализации этнонаима преимущественно восточное и юго-восточное (от Калининградской обл. и Мазовии по направлению к западной части Литвы — Жемайтии и далее на юго-восток в Аукштатию и к белорусско-литовскому пограничью).

Рассмотрение этнонаима *гуды* в историко-этнографической и лингвистической литературе сводилось преимущественно к попыткам найти более или менее приемлемое объяснение этого наименования. При этом меньше всего внимания уделялось вопросу о том, каковые те исторические предпосылки, которые обусловили появление литовского этнонаима *gudai* и изменение его реального содержания.

Некоторые польские исследователи возводили этноним *гуды* к старолитовскому и старопрусско-литовскому названию *Gudwa*, которое в свою очередь связано с формой *Žudwa* (искаженное *Sudwa*, *Sudovia*)¹³. Этноним *sudwa* — судавы, как известно, являлся обозначением ятвягов. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что ареал функционирования этнонаима *гуды* в общих чертах совпадает с территорией ятвягов в тех ее координатах, которые намечают А. Каминьский и Е. Налепа¹⁴.

А. Брюкнер объяснял этноним *гуды* в связи с лит. *gudas*, *-jis*, прусск. *gudde* — «лесной, лес», т. е. букв. «люди, живущие в лесах»¹⁵. При таком толковании этноним *гуды* типологически сопоставим со старопольским названием ятвягов — *Polléxiani*, которое, по мнению ряда ученых, интерпретируется как *Polesi-žpie* — «жители лесов, лесистой местности»¹⁶.

Типологическое сходство этнонимов при таком объяснении примечательно постольку, поскольку одинаковые по семантике и структуре этнические имена возникают в относительно замкнутых ареалах, при сходных географических условиях и одинаковых хозяйствственно-культурных типах¹⁷.

Существует и третья точка зрения, согласно которой этноним *гуды* связывается с этнонимом *готы*¹⁸, отражая при этом далекую эпоху владычества готов над рядом племен в ареале, включающем нынешнюю Калининградскую обл., Южную Литву, Северную Мазовию и белорусско-литовское пограничье. Именно в этом ареале готы в ходе своего движения из Скандинавии в Северное Причерноморье сделали длительную остановку. До конца II в. н. э. земли готов распространялись на устье Вислы, Восточную Пруссию и Северную Польшу, доходя на юге до низовьев Западного Буга¹⁹. Время формирования готов, как соответствующей этноязыковой общности от момента появления их в Повисленье и до последующего движения в юго-восточном направлении было очень длительным, о чем свидетельствуют сообщения готского историка Иордана, согласно которым за этот период у готов сменилось «пять правителей и «выросло великое множество люда»²⁰. Готы оставили о себе память среди местного населения, подчинив его и дав ему название. Об этом можно судить хотя бы по тому, что именно во II в. н. э. в античных письменных источниках упоминается этноним *судины* (*soudinoi* Птолемея). Птолемей явился первым писателем, который ясно засвидетельствовал совершившийся переход готов через Вислу.²¹, т. е. начало их движения по Восточной Европе в юго-восточном направлении, когда, по всей вероятности, в языке готов уже существовали и были употребительными этнические наименования окружавших их народов. Во всяком случае, этноним *судины* (*судавы, судвы*) этимологизируется в литературе при сопоставлении со шведск. *sudda*, норв. *sudda*, нижненем. *sudde*ln — «пачкать, мафать», средне-нижненем. *sudde* — «лужа, болото», исл. *suddi* — «влажность» т. е. от корня *sud-*, который в различных германских языках выступает также в глаголах со значением «идти» (о мелком дожде), «плескаться (в воде)»²².

Потомки тех племен, которые были названы готовами *soudinoi*, переосмыслили этноним *готы*, и именем *гуды*, которое зафиксировалось в форме лит. *gūdal*, стали называть каждую группу населения, которая разговаривает на ином диалекте, причем элемент *gud-* в таком случае очень часто встречается в обозначениях с пейоративной окраской²³.

Здесь мы сталкиваемся с одной из особенностей древних этнических имен, заключающейся в том, что первоначальное этническое содержание имени становится неактуальным, забывается, а на первый план выдвигается отэтнонимическое значение, которое закрепляется в сознании носителей этнонима по отношению к тем народам, с которыми данная этническая группа находится в непосредственном соседстве и воспринимает их как «не своих, не наших» из-за особенностей языка, вероисповедания, культуры. Ср. русс. *диал. латыш* — «нे-разборчиво, непонятно говорящий», *чудь* — «непонятно говорящие люди»²⁴.

При переосмыслении этнонима следует ожидать и определенного фонетического переоформления имени, которое может быть причиной сознательного или неосознанного сопоставления его по звучанию с каким-нибудь существующим в языке апеллятивом. Возможно, что изменение этнонима *готы* в *гуды* было произведено при воздействии апеллятива *gudas-jis* — «лесной», что и было подменено исследователями, занимавшимися происхождением этнонима *гуды*.

Таким образом, фиксируемый на белорусско-литовском пограничье и в северо-западных районах этноним *гуды* для обозначения «белорусов, поляков, литовцев» исторически, на наш взгляд, восходит к этнониму *готы*. Изменение содержания названия *гуды* свидетельствует о том, что данное имя уже давно утратило собственно этнонимическое значение, переосмыслилось и стало употребляться главным образом в речи литовцев для обозначения соседнего населения, отличающегося от них в этноязыковом отношении. Функционирование этнонаима *гуды* в ареале от белорусско-литовского пограничья до Калининградской обл. СССР и северо-востока Польши и преимущественное направление локализации этнонаима в юго-восточном направлении объясняется движением готов из Повисленья на юго-восток и их длительной остановкой в этом регионе. Балтийские племена в ареале от Повисленья до Понеманья испытали сильное и

продолжительное воздействие со стороны военнодружинных группировок готов. Этим и объясняется тот факт, что именно в литовском языке сохранилась форма *gūdai* как своеобразная «консервация» этнонима *готы*.

Примечания

¹ В качестве источников фактического материала использованы: *Рапановіч Я. Н. Слоўнік назу́й населеных пунктаў Віцебскай вобласці*. Мінск, 1977; *его же. Слоўнік назу́й населеных пунктаў родненскай вобласці*. Мінск, 1982; *его же. Слоўнік назу́й населеных пунктаў Мінскай вобласці*. М., 1981; *Сапунов А. П. Список населенных мест Витебской губернии*. Витебск, 1906; *Гошкевич И. И. Виленская губерния. Полный список населенных мест*. Вильна, 1905.

² Формант *-овиціна* указывает на всю местность, характеризующуюся соответствующим признаком, отмеченным в основе.

³ Антропонимы приводятся по кн.: *Гринблат М. Я. Белорусы // Очерки происхождения и этнической истории*. Минск, 1968. С. 163.

⁴ Литовский топонимический формант-*ята* (в белорусской языковой среде *-яты*), как и суффикс *ишки* обозначает коллектив людей по имени родоначальника или какого-либо другого лица, названного в основе (см.: *Гринблат М. Я. Указ. раб. С. 146—147; Бірыла М. В., Ванагас А. П. Літо-скія элементы у беларускай аманастыцы*. Мінск, 1968. С. 12).

⁵ Антропонимы приводятся по кн.: *Бірыла М. В., Ванагас А. П. Указ. раб. С. 19, 75.*

⁶ По мнениюпольского историка Г. Ловмянского, балто-славянская этническая граница на ануне образования Киевского государства проходила по линии Слоним — Волковыск — Гродно — Ёвогрудок — Минск — Заславль — Логойск. К IX—XI вв. эта граница постепенно отодвинулась а запад и проходила по линии Гродно — Лида — Ивье — Вилейка — Мядель — Браслав (см. *ośmianski H. Początki Polski. Warszawa, 1967. T. III. S. 86; T. IV. S. 17.*).

К первой половине XIX в. территория распространения литовской речи (с неизбывательным ее реобладанием) в юго-восточной части литовского языкового континуума ограничивалась линией, оторую условно можно провести от Друи (на Западной Двине), восточнее Браслава, через Погавы, несколько восточнее Мяделя, на Сморгонь, далее по р. Березина на юг до Немана, затем на апад южнее Ивье, несколько южнее Лиды, затем на юг и юго-восток до Немана и за Неман до Дятова, далее на северо-запад южнее Желудка и Щучина, приблизительно через Скидель, севернее родно на Сопоцкин и Сейны. За этой линией литовский язык в виде «островов» употреблялся в илайском, Ошмянском и Новогрудском уездах (см. *Видугирис А. Ю., Климчук Ф. Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом*. М., 1978. С. 20—21).

⁷ В Дубровенском р-не фиксируется с. Литвиново, а в бывш. Лепельском уезде — деревни итвіново и Літвякі. Аналогичные названия имеются также в соседних Сенненском и Оршанском районах Витебской обл. Согласно имеющимся источникам, на территории бывшего Сенненского уезда достаточно компактная группа литовцев проживала с XIV в., а в XVI в. это население было втянуто в процесс ассимиляции (см.: *Этнографія беларусаў*. Мінск, 1985. С. 92—93).

⁸ В кн. *Гошкевич И. И. Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении*. (Вильна, 1905) указываются следующие географические извания с корнем *гуд-* непосредственно вблизи белорусско-литовского пограничья: а) топонимы нонимического происхождения: Гудышки — д. Свентянского у-да, Годишки — з. Виленского у-да, Гудяны — д. Трокского у-да, Гудзи — з. Трокского у-да; б) топонимы антропонимического происхождения: Гудёлишки — д., з. Свентянского у-да, Годутишки — мест., д. Свентянского у-да, Гудишки — ф., з. Свентянского у-да, Гудёлишки — ф. Виленского у-да, Гудёники — д. Виленского у-да, Гуденишки — з. Виленского у-да, Гудейки — д. Виленского у-да, Гудёльки — з. Виленского у-да, Гудáнишки — з. Виленского у-да — З, Гудёлки — д., ф., з. Виленского у-да, Гудáлувка — Трокского у-да, Гудакеме — д. Трокского у-да, Гудаш — ф. Трокского у-да, Гудакбáльня — Трокского у-да, Гудёлки — д. Трокского у-да, а также многочисленные топонимы в форме Гудели (есть названий в Свентянском и Виленском у-дах), которые можно рассматривать и как непосредственные этнонимические производные с суффиксом *-ели* от этнонима *гуды* (другое возможное решение — от антропонима *Гудель*, *Гудели*). Некоторые из приведенных названий рассматривает Охманьский (см.: *Охманьский Е. Иноязычные поселения в Литве XIII—XIV вв. в свете этнографических местных названий // Балто-славянские исследования*. 1980. М., 1981. С. 115).

⁹ *Sembrzycki J. Ziemie północne i zachodnie kraju żułdzńskiego i ich granice // Wiśla*. 1891. V. № 4. S. 852.

¹⁰ *Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne*. Olsztyn, 1984. 17.

¹¹ *Гринблат М. Я. Указ. раб. С. 162.*

¹² *Трусман Ю. Ю. Этимология местных названий Витебской губернии*. Ревель, 1987. С. 82.

¹³ См., например, *Kamiński A. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne*. dz., 1953. S. 31—32.

¹⁴ *Kamiński A. Jaćwież. Mapa 2; Nalepa J. Jaćwieżowie. Nazwa i lokalizacja*. Białystok, 1964.

⁴¹ ¹⁵ *Brückner A. Op. cit. S. 197.*

¹⁶ Kamiński A. Jaćwież. S. 19—22.

¹⁷ См. Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. М., 1970. С. 47.

¹⁸ См. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь, М., 1979. С. 323—329; Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонаимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Киев, 1980. С. 18—19.

¹⁹ Браун Ф. Рыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до середины V века. Первый период: готы на Висле // Сборник отделения русского языка и словесности Имп. акад. наук. Т. 64. № 12. СПб., 1899. С. 25, 29, 335.

²⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 26.

²¹ Браун Ф. Указ. раб. С. 331.

²² См. Непокупный А. П. Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 112.

²³ Лит. *gūdai* имеет значения, инвариантом которых является «тот, кто не владеет нашей обычной речью» (см. Иванов В. В., Топоров В. Н. Указ. раб. С. 18—19).

²⁴ Белорусова О. М. К типологии от этнонимических наименований в appellативной лексике // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 111—113; Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. С. 194—202.

С. В. Рябчиков

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТАРОРАПАНИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Евангелие от Иоанна. VIII. 32

I. Интерпретация топонима острова Пасхи. Западногерманский ученый Т. Бартель рассматривает составленный им каталог рапануйских топонимов в качестве важного подспорья в дешифровке надписей на знаменитых дощечках «кохах ронго-ронго»¹.

Учитывая то, что целый ряд каменных площадок *аху* острова Пасхи, на которых размещались каменные изваяния, изображавшие богов или обожествленных предков², содержит в своих названиях имена божеств, автор предпринял попытку разыскать такие имена в каталоге. Этот поиск необходим, поскольку тексты на дощечках содержат религиозные записи³, и в них могут быть представлены обнаруженные имена богов.

Сопоставляя списки божеств⁴ и топонимы из каталога, легко найти такие имена, как (*Ahu*) *hiva kara rere*, (*Ahu*) *manu mea*, (*Ahu*) *moko piki*, (*Ahu*) *tangaroa hiro*, (*Ahu*) *urauranga te mahina*. Некоторые другие названия *аху* требуют тщательного анализа. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет выяснение происхождения топонима (*Ahu*) *hihina tangi kotea*⁵. Слово *hihima* — не полное удвоение (одна из форм полинезийского словаобразования) имени общеполинезийской богини луны *Hina*. Остальные слова имени — *tangi* — «кричать» и *kotea* — маорийское «бледный», как кажется сначала, не связаны с именем богини. Исследовав рапануйский фольклор, удалось установить: по своей структуре имя *Hina Tangi Kotea* близко к другому имени богини *Hina*⁶ — (*ko*) *Nuahine Arangi Kotekote* (Старица Бледного Неба); форма *kotekote* действительно соответствует форме *kotea*, а замена *tangi* / *rangi* объяснима:ср. рапануйское *matangi* — «облако»⁷, *rangi* — «небо, облако», а также *tangi*, *rangi* — «кричать».

Таким образом, мы восстановили древнюю форму имени богини *Hina* — *Hina Rangi Kote(a)*. Это имя содержится также в другом рапануйском фольклорном тексте⁸ в форме *Mahine a Rangi. Kotekote*, здесь богиня *Hina*, как и в других полинезийских мифах⁹, мать знаменитого героя полинезийцев, полубога *Maui-tikitiki*. Слова *Nuahine* и *Mahine* в вариантах имени богини луны *Hina* являются поздними наслоениями¹⁰.

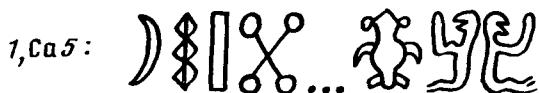

Рис. 1

Рис. 2

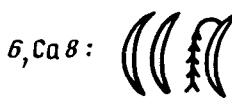

Рис. 3

Рис. 1—3. Отрывки текстов на дощечках «кохау ронго-ронго»

Исходя из полученных данных, можно предположить, что имя богини *Hina* представлено в текстах на дощечках типа «Сотворение мира» или записях о полубоге *Maui-tikitiki*.

Такие тексты были найдены. Имя богини *Hina* записано знаками 2, 3, 61¹¹; на рис. 1 (отрывок 1) представлено имя 21 17 3 21—17 = *Kote Hina Kote* (a) — «Бледная Луна»¹², а на рис. 1 (отрывок 2) — имя 65 21—17 = *Rangi Kote* (a). Имя богини *Hina* часто записано вместе с именами бога *Tiki* (знак 1); имя *Maui* записано знаками 49 или 49—1 = *Maui-tiki(tiki)*. *

II. Альтернативная интерпретация календаря на дощечке МАМАРИ. Т. Баргель выделил календарную запись (*Ca 6* — *Ca 9*) на дощечке Мамари¹³. Ниже представлены новые толкования некоторых названий ночей лунного месяца и показано, что границы календарной записи шире, чем предполагалось до сих пор.

Отрывок 1 (см. рис. 2) содержит два интересных сегмента. Первый из них (блок 4—40) представлен также в качестве удвоенного блока (одна из форм полинезийского словообразования) 4—40—4—40 в списке рыб (отрывок 2, Малая Чилийская дощечка). Второй сегмент повторен в календаре (см. рис. 3, отрывок 3). В первом случае блок 4—40 имеет определитель — знак 3 = *marata*

* Часть I данного сообщения опубликована. См. Рябчиков С. В. Интерпретация топонима острова Пасхи // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. В., 1988. Bd. 41. № 6. S. 807—808.

(*hina*)¹⁴ — «ночь лунного месяца» и вводится артиклем 17 = *te*. Читаем 4—40 как *Tireo* (*Tueo*) — название первой ночи рапануйского¹⁵ и второй ночи маорийского¹⁶ календаря. Аналогично, 4—40 в качестве названия рыбы читаем *ature* (ср. также маорийское *ature(re)*, *atre(re)*). Мы можем даже восстановить старые формы названий ночи и рыбы соответственно: *tireo* (*tureo*) и *atre* (*ature*). Мы учли здесь законы чередования звуков полинезийских языков¹⁷.

Отрывок 3 (рис. 2) записан на дощечке Мамари после выделенного Бартелем календарного списка. Достаточно чтения двух знаков: 69 = *Moko* (Ящерица)¹⁸ и 3 = *marama* (ночь лунного календаря) чтобы понять: здесь говорится о ночи *Hiro*, второй в рапануйском и первой в маорийском календаре. Всю запись нам удалось прочитать следующим образом: «*Hunga Moko (marama) tai*», т. е. «Прячется первая ночь *Hiro*».

На рис. 3 мы выбрали восемь сегментов с названиями ночей лунного месяца из календарной записи. Т. Бартель полагает, что вторая и пятая группы лунных символов 3 — так называемые серии «*Kokore*»; он также читает знак 25а, который легко опознаем, в качестве названия ночи *Hua*.

Теперь мы предлагаем интерпретацию названий ночей из других сегментов. Так, отрывок 1 содержит названия ночей *Ata* (знак 4) и *Ari* (знак 24) — третьей и четвертой ночей лунного календаря. Следующей ночью после *Hua* является *Atua*, поэтому полагаем, что иероглиф 14 = *hau* (в сочетании со знаком 3 = *marama*, *hina*) передает локальное имя *Haua* богини луны *Hina*¹⁹ (ср. *atua* — «богиня»).

Четвертая ночь после второй серии «*Kokore*» — знак 44, изображающий птицу фрегат. Это символ бога *Tiki*²⁰, воплощающего созидающую энергию бога *Tane* в маорийском фольклоре²¹. Здесь знак 44 — название ночи *Tane* из старого рапануйского календаря²².

Можно предположить, что блок 68—6—6 (с «черепахой», см. отрывок 8, рис. 3), зарегистрированный и ранее (см. отрывок 1, рис. 2), — название месяца «Черепаха», ср. название маорийского месяца *Hongonui*. Последнее слово отрывка 8 указывает на окончание месяца: блок 49—28 = *taunga*, ср. рапануйское *taunga* — «достаточно, это все, наконец», *toi* — «достаточно».

В заключение следует отметить, что можно подвергнуть критике или сомнению чтения отдельных знаков. Однако важно другое — пересмотрены границы календарного списка, предложенные Т. Бартелем. Ведь используя записанные исследователями календари и взяв за точки отсчета характерные признаки списка на дощечке Мамари — знак 25а — ночь *Hua* и серии «*Kokore*», мы обнаруживаем, что ночи 4 и 24 — третья и четвертая ночи календаря на дощечке! Это и привело к поиску недостающих звеньев.

Автор выражает благодарность профессору Р. Грину (R. Green) за любезно предоставленные материалы по рапануйскому языку; доктору Дж. Гаю (J. Guy) за методические советы по подготовке к печати публикаций.

Примечания

¹ Barthel Th. S. Easter Island Place-Names // Journal de la Société des Océanistes. 1962. T. 18. № 18. P. 102.

² *Te Rangi Hiroa* (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959. С. 186. В более поздний период *ahu* стали использоваться как кладбища (с. 187), ср. названия *ahu*: *Ahu avanga vai porotu* (ср. *avanga* — «могила»), *Ahu puoko* (ср. *puoko* — «череп»).

³ *Imbelloni J.* Las «Tabletas Parlantes» de Pascua, monumentos de un sistema grafico indo-oceanico // Runa. 1951. V. IV. Rt. 1—2. P. 135—136.

⁴ См., например, *Métraux A.* Ethnology of Easter Island // Bernice R. Bishop Museum. Honolulu, 1940. BuII. 160. P. 318.

⁵ Barthel Th. S. Op. cit. P. 103. Ср. вариант топонима (р. 105): *Hine tangi ko otea*.

⁶ Мифы, предания и легенды острова Пасхи / Под ред. Федоровой И. К. М., 1978. С. 336. Примечание 9. Здесь богиня *Hina* — творение верховного бога рапануйцев Макемаке (локальное имя богов *Tane* или *Tiki*).

⁷ Префикс *ta* = (в слове *matangi*) является продуктивным словообразующим префиксом ра-

- ануйского языка: *Федорова И. К.* Некоторые черты развития рапануйского языка (на материале ольклорных текстов) // О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1978. С. 52.
- ⁸ *Barthell Th. S. Maui auf Osterinsel // Anthropos.* 1974. В. 69. № 5/6. S. 706. Примечание 4.
- ⁹ *Ibid.* S. 708.
- ¹⁰ Ср. рапануйское *hahine*, (*tama*) *ahine* — «женщина», маорийское *hina* — «луна», старорап. *ia* — «мать», рап. *huahine* — «старуха», туамотуанское *mohine* — «женщина», рап. *mahina* — «луна».
- ¹¹ Классификация и чтения знаков даны по изданию: *Bjabchikov S. V. Progress Report on Decipherment of the Easter Island Writing System // Journal of the Polynesian Society.* 1987. № 96. № 3. Р. 362—363.
- ¹² Одно из имен богини *Hina* — олицетворение луны в светлые фазы — *Hina Keha* («Бледная луна»): *Andersen J. C. Myths and Legends of the Polynesians.* Rutland; Vermont; Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1969. Р. 234.
- ¹³ *Barthel Th. S Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift.* Hamburg: Cram, de Gruyter. 1958. S. 243—244.
- ¹⁴ Ср. рапануйское *marama* — «серп луны, ночь лунного месяца», маорийское *hina* — «луна».
- ¹⁵ *Métraux A. Op. cit.* Р. 50.
- ¹⁶ *Tregear E. The Maori-Polynesian Comparative Dictionary.* Wellington. Lyon and Blair, 1891. 666.
- ¹⁷ *Ibid.* Р. XIV—XXIV.
- ¹⁸ Бог *Hiro* имел эпитет *Moko* (Ящерица), ср. рапануйский топоним *Hiro-Moko*: *Федорова И. К.* Рибуты власти и культовые предметы острова Пасхи в свете мифологии и этнографии // Пути разования Австралии и Океании. М., 1981. С. 278.
- ¹⁹ Считаем, что *Naia* — местное имя богини *Hina*, так как имя *Naia* упоминается только в именем бога *Макемаке* (= *Tane* или *Tiki*), а известно, что богиня *Hina* — жена бога *Tane* (*Tiki*) *Ранги Хироа.* Указ. раб. С. 211, 163.
- ²⁰ *Rjabchikov S. V. Op. cit.* Р. 364, 365.
- ²¹ *Te Rangi Hira.* Указ. раб. С. 211.
- ²² *Green R. C. Subgrouping of the Rapanui Language of Easter Island in Polynesian and Its Implications for East Polynesian Prehistory // Working Papers in Anthropology, Archaeology, Linguistics and Maori Studies.* Univ. of Auckland. Dept. of Anthropology. 1985. № 68. Р. 15.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ
ПО ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ЭТНОГРАФИИ
члена-корреспондента АН СССР
КИРИЛЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИСТОВА
1979—1989 гг.

(к 70-летию со дня рождения)*

- К проблеме свадебных притчаний // Етнографски и фолклористични изследования. София, 1979. С. 276—281.
- Важнейшие особенности этнической истории восточных славян // Этническая история славян и этно-культурные связи народов Центральной и Восточной Европы (Тез. докл. межреспубликанской конференции). Чернигов, 1979. С. 107—114 (в соавт. с Рабиновичем М. Г.).
- Čiščevov V. I. // Enzyklopädie des Märchens. B. 3. Lief 1. B.; N. Y., 1979. S. 29—31.
- Полевая работа фольклориста в условиях урбанизированного общества // Congressus Quintus Internationalis Finno-Ugristarum. Turku, 20—27. VIII. 1980. Pars II (Summa dissertationum). Turku, 1980. P. 261.
- Daškevič N. P. // Enzyklopädie des Märchens. B. 3. Lief 2/3. B.; N. Y., 1980. S. 344—347.
- Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. 256 с.
- Вариативность как проблема теории фольклора // Interetnické vstáhy vo folklóre Karpatskej oblasti. Bratislavá, 1980. S. 21—34.
- Dr. Egna Pomeranzova (1899—1980) // Newsletter. 1980. № 4. P. 15—16.
- Славяно-финноугорские связи по данным семейно-обрядового фольклора // Крат. содержание докл. сессии Ин-та этнографии АН СССР, посвященной 100-летию создания первого акад. этногр.-антропол. центра. Л., 1980. С. 17—18.
- Важнейшие особенности этнической истории восточных славян // Всесоюзная сессия по итогам полевых этногр. и антропол. исследований. 1978—1979. Тез. докл. Уфа, 1980. С. 77—79. (в соавт. с Рабиновичем М. Г.).
- Folklore and Culture of the Ethnos // Folklorismus Bulletin. Budapest, 1980. P. 2—11.
- Этнические, региональные и местные традиции. Некоторые вопросы теории и перспективы // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 3—5.
- Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // СЭ. 1981. № 1. С. 24—27 (в соавт. со Станюкович Т. В.).
- Традиции, «традиционные общества» и проблема варьирования // СЭ. 1981. № 2. С. 105—107.
- Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 г. // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 207—218 (в соавт. с Лобановым М. А.).
- И. А. Федосова. Избранное. Петрозаводск, 1981. 303 с. (в соавт. с Чистовой Б. Е.).
- В Международный финно-угорский конгресс в Турку 20—27 авг. 1980 г. // СЭ. 1981. № 5. С. 168—173 (в соавт. со Шлыгиной Н. В.).
- Pohjoisenääläiset häät // Pohjolan häät. Helsinki, 1981. P. 111—134.
- Ethnographische Studium der gegenwärtigen geistigen Kultur in theoretisch-informatorischen Aspect // Ethnologia Slavica. 1981. T. X—XI. S. 29—41.

* Библиографию работ К. В. Чистова за 1939—1979 гг. см. «Советская этнография» (далее СЭ). 1980. № 1. С. 186—189.

- Я. Пропп: легенды и факты // СЭ. 1981. № 6. С. 52—64.
traditions and Variability // Problems of the European Ethnography and Folklore (Summaries by the Congress Participants). M., 1982. P. 27—29.
- евернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 52—69.
- robleme der Informationspoetik des Folkloretextes // Scandinavian Yearbook of Folklore. 1980. Vol. 36. Uppsala, 1982. P. 65—76.
- причтания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. M., 1982. С. 101—114.
- ариативность // СЭ. 1983. № 2. С. 14—22.
- ариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Докл. сов. делегации / IX Междунар. съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.) M., 1983. С. 143—169.
- з истории советской этнографии 30—80-х годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // СЭ. 1983. № 3. С. 3—18.
- дена Дружбы народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет // СЭ. 1983. № 4. С. 20—37 (в соавт. с Бромлем Ю. В.).
- трудничество этнографов-славистов (Международный трехтомник «Этнография славянских народов») // Славяноведение и балканстика в зарубежных странах. M., 1983. С. 7—16.
- нография славянских народов // Общественные науки. 1983. № 5. С. 200—204.
- каве монографічне дослідження. Рец. на кн.: Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1982 // СЭ. 1983. № 4. С. 73—76.
- оретико-информационный аспект этнографического изучения современной духовной культуры // Советская культура. История и современность. M., 1983. С. 418—428.
- сская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984. 528 с. (в соавт. с Чистовой Б. Е.).
- lklore, «folklorismo» e cultura do etnos // O desenvolvimento etno-cultural dos países Africanos. M., 1984. P. 122—142.
- тех пор, пока мы говорим // Знание — сила. 1984. № 10. С. 36—39.
- gyomány és variabilitás // Ethnographia XCV. 1984. № 3. S. 374—382.
- Я. Пропп — исследователь сказки // Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 3—22.
- жнейшие особенности этнической истории восточных славян // Ethnologia Slavica. 1984. Т. 12—13. S. 129—138. (в соавт. с Рабиновичем М. Г.).
- s Problem des Volksliedersängers und Märchenerzählers in der russischen Folkloristik des XIX—XX Jahrhunderts // Papers III. The 8th Congress for the International Society for Folk Narrative Research. Bergen, June 12th—17th 1984. Bergen, 1985. P. 195—210.
- кт письменный — текст устный // Проблемы изучения культурного наследия. M., 1985. С. 337—342.
- временные проблемы изучения причитаний восточных славян // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». Тез. докл. M., 1985. С. 129.
- льклористическая деятельность В. Штейница // VI Международный конгресс финноугроведов. Сыктывкар. 24—30. VII. 1985. Тезисы. Т. 3. Сыктывкар, 1985. С. 85.
- е раз к вопросу о двух концепциях «этноса» (по поводу статьи К. П. Иванова) // Изв. ВГО. Январь — февраль. Т. 118. Вып. 1. 1986. С. 29—37 (в соавт. с Машбицем Я. Г.).
- П. Бельский — переводчик «Калевала» // «Калевала» — памятник мировой культуры. Материалы научн. конф., посвященной 150-летию первого издания карело-финского эпоса. 30—31 января 1985 г. Петрозаводск, 1986. С. 132—139.
- родные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. 304 с.
- юха (этюд) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики. Л., 1986. С. 125—134.
- Ja. Propp: Legend and Fact // International Folklore Review. 1986. № 4. P. 8—17.
- И. Ленин и проблема периодизации русского фольклора // СЭ. 1986. № 3. С. 13—24.
- М. Гин // Жанр и композиция литературных произведений. Петрозаводск, 1986. С. 3—6.
- nsatieteellinen tutkimus neuvostoliitossa ja kansatieteelliset museot // Kansatiede neljässä maassa. Helsinki, 1986: S. 83—86.

- Tradícia vo svetle folkloristickej teórie // Slovenský národopis. 1986. № 1/2. S. 78—83.
- О разработке комплексной программы: «Этническая (этносоциальная) история славянских народов» // Всесоюзная сессия по итогам полевых этногр. и антропол. исследований 1984—1985 гг. Тез. докл. Йошкар-Ола, 1986. С. 270—271 (в соавт. с Мыльниковым А. С.).
- Die wichtigsten Riten und Bräucheforschungen aus dem europäischen Teil der UdSSR seit 1970 // Third Congress SIEF. April 8—12. 1987. Zurich. Switzerland; Lund, 1987. P. 83—86.
- Статьи: Историческая школа. Легенда. Народное поэтическое творчество. Причтания. Русский фольклор. Свадебная поэзия. Сказ. Устный народный рассказ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 139, 177, 234—235, 305, 366—367; 371, 382, 459.
- Towards a Life-Cycle Rites Classification // Soviet Papers for SIEF Third Congress «The life cycle» (Zurich). М., 1987. P. 15—21.
- Великий Октябрь и советская этнография // СЭ. 1987. № 5. С. 3—16 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.).
- Наши предшественники и история этнографии // СЭ. 1987. № 6. С. 57—59.
- Заметки по текстологии русской обрядовой песни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 329—334 (в соавт. с Чистовой Б. Е.).
- Проблема периодизации фольклора и ленинская концепция истории русского крестьянства // Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 67—96.
- Фольклор как явление культуры: терминологические заметки // Советская культура. 70 лет развития. К 80-летию академика М. П. Кима. М., 1987. С. 345—348.
- Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 326—340.
- Проблема исполнителя в русской фольклористике XIX—XX вв. // Второй международен конгрес по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986. Доклади. Т. 15. Фолклор. София, 1988. С. 21—31.
- Неопубликованная речь академика В. Ф. Миллера 3 января 1896 г. // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 448—451.
- Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. 335 с.
- Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. 557 с. Общая редакция, авторство: с. 5—18, 396—416, 505—510 (в соавт. с Рабиновичем М. Г.), с. 511—528 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.), с. 554.
- Советско-финский симпозиум по социально-экономическим проблемам // СЭ. 1988. № 6. С. 153—155.
- Нужна научная концепция развития советской культуры // Вопр. истории. 1988. № 11. С. 45—52.
- Русские // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 381—389.
- Славяне // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 408—410 (в соавт. с Мыльниковым А. С.).
- М. К. Азадовский и фольклористика (К 100-летию со дня рождения) // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 16. Вып. 3. С. 36—40.
- Круглый стол «Север — памятник русской культуры» // Знание — сила. 1989. № 1. С. 2—9 (при участии Лихачева Д. С. и Янина В. Л.).
- М. К. Азадовский и проблема исполнителя в русской фольклористике XIX—XX вв. // СЭ. 1989. № 2. С. 71—81.
- Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1989. 495 с. Текстологическая подготовка, авторство: вступит. статья «Калевала» (с. 7—21).
- Национальные проблемы в Ленинграде и Ленинградской области // СЭ. 1989. № 3. С. 3—12.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ
ПО ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ЭТНОГРАФИИ**
доктора филологических наук
БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ПУТИЛОВА
Конец 1978—1988 г.

(к 70-летию со дня рождения)*

- Итоги и перспективы сравнительного изучения южнославянского героического эпоса // Рад XVI-ог Конгреса Савеза удружен, а фолклориста Југославије на Игалу 1969. године. Цетине. 1978. С. 255—260.
- Итмы и музыка островов Океании (по следам Н. Н. Миклухо-Маклая). Буклек к серии из трех грам- пластионок. Л., 1978. 7 с.
- М. Жирмунский — теоретик сравнительного литературоведения // Жирмунский В. М. Срав- нительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 11—17.
- Лесто фольклора в комплексных славянских и балканских исследованиях // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы ис- следований. М., 1979. С. 151—157.
- Проспект международного коллективного труда «Разбойниччи — збоянници — гайдуцкие песни славянско-карпатско-балканского региона конца XVI — начала XIX века (типология песенного творчества и типология народной истории и народного быта)» // Сагратобалканіка. Bratislava, 1979. № 1/2. С. 7—13. То же на нем. яз. // Там же. С. 14—21.
- ontemporary Music of the Maclay Coast // The Performing Arts. Music and Dance. The Hague; Paris; New York, 1979. Р. 159—165.
- ступит. статья и примечания // Героический эпос народов СССР / Сост. Плотникова Л. А. Л., 1979. С. 3—32, 716—749.
- емледельческий труд — обряды, мифология, фольклор (по материалам Новой Гвинеи) // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980. С. 158—177.
- иф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980. 383 с.
- оля одного портрета (на укр. яз.) // Народна творчість та етнографія. 1980. № 1. С. 47—50.
- енин и фольклористика // СЭ. 1980. № 3. С. 8—16.
- процессе жанрообразования в фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики: Сб. статей и материалов. Л., 1980. С. 197—199.
- о следам музыкально-этнографических работ Н. Н. Миклухо-Маклая // Музыка народов Азии и Африки: М., 1980. Вып. 3. С. 296—331.
- тв. ред. кн.: Песни над Доном. Составитель Рокачев-Вешенский И. Я. Ростов н/Д., 1980. Авторство: Душа народа (с. 4—16).
- звец и эпос (о некоторых аспектах современного изучения проблемы) // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов (Материалы Всесоюз. научн. конф. Элиста, 17—19 мая 1978 г.). М., 1980. С. 23—27.
- ольклорна спадщина слов'ян: теоретичні аспекти і методи вивчення // Народна творчість та етно- графія. 1980. № 5. С. 11—16.
- николай Николаевич Миклухо-Маклай: Страницы биографии. М., 1981. 214 с.
- едисловие // Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981. С. 5—22.
- etodologické a teoretické aspekty štúdia zbojníckeho a hajdúckeho folklóru // Slovenský Národopis. 1981. № 2-3. S. 207—213.
- ospect pracy kolektywu międzynarodowego: pieśni zbójnickie i hajduckie na słowiańskich obszarach terytorium Karpacko-Bałkańskiego z końca XVI oż do początku XIX wieku // Etnografia Polska. 1981. T. XXV. Z. 2. S. 103—108.
- ntemporary Folklore and Forms of its Existence: Generally Theoretical Aspects of the Problem // Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries by the Congress Participants. М., 1982. Р. 258—261.

* В список не вошли рецензии, доклады, краткие заметки, а также книги, вышедшие подедакцией Б. Н. Путилова (более двадцати). Список основных работ до конца 1978 г. см. СЭ. 75. № 5. С. 184—187. Полный список работ за 1940—1987 гг. см. Борис Николаевич Путилов. Биография (1940—1987) / Отв. ред. проф. Шастина Е. И. Иркутск, 1987. 50 с.

Героический эпос черногорцев. Л., 1982. 240 с.

Nikolai Miklouho-Maklay. Traveller, Scientest, and Humanist. М., 1982. 240 р.

Составление кн.: Человек с Луны: Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклай. М., 1982. 336 с.
Подгот. текстов; авторство: послесловие (с. 303—317).

История эпическая, история реальная // Фольклор и история. София, 1982. С. 14—19.

Встречи с песней в Океании // Океан и человек. Владивосток, 1982. С. 62—76.

Фольклорное наследие славян: теоретические аспекты и методы изучения // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст / Материалы Международной конф. ЮНЕСКО. Киев, 1982. С. 145—148.

Меланезийская мифология // Миры народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1982. С. 132—134.

Папуасская мифология // Там же. С. 283—285.

В Бонгу звучат окамы // Глазами этнографов. М., 1982. С. 200—221.

Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / IX Международный съезд славистов. (Киев, сентябрь 1983 г.). Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 170—184.

К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 7—13.

К изучению типологии поздних форм народного эпоса // Литературознание и фольклористика. В честь на 70-годишината на академик Петър Динеков. София, 1983. С. 343—347.

Составление кн.: Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Л., 1984. 440 с. Подгот. текста; авторство: вступит. статья, предисловия к разделам и комментарии.

Поздний героический эпос на Балканах: проблемы типологии и истории // Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 415—424.

Он выбрал Новую Гвинею // Хочу все знать: Научно-художественный сборник. Л., 1984. С. 183—191.

Героический эпос как компонент черногорского самосознания // У истоков формирования национальной и Юго-Восточной Европе: Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 95—101.

Актуальные проблемы сравнительно-исторического изучения песен (основные положения) // Народное песенное наследие и современность. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Кришьяниса Барона. 30—31 октября 1984 г. Рига, 1984. С. 15—25.

Предисловие // Антонов В. В. Югославия. Рекомендательный библиографический справочник. М., 1984. С. 5—8.

Своды как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 346—352.

Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985. 280 с.

Сказки и мифы народов Австралии и Океании. Составление и примечания // Сказки народов мира. Тысяча и одна ночь. М., 1985. С. 571—616 (тексты); 720—726 (примеч.).

Юначки эпос Црногорца. Титоград, 1985. 233 с.

Составление кн.: Былины. Л., 1986. 552 с. Подгот. текста; авторство: вступит. статья и примечания.

Човек от Луната. Дневники, статьи, письма на Н. Н. Миклухо-Маклай. София, 1986. 340 с.

Устойчивость и вариантность в българския героичен епос // Български фолклор. 1986. Кн. 4. С. 9—16.

Фольклорный процесс и этническая история Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 15—22.

Эпос // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 429—438.

Предисловие // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 7—9.

Musical Instruments // Matka Oseaniaan. Journey to Oceania. 24.1.—22.3. 1987. Museum of Applied Arts. Helsinki, 1987. Р. 62—69.

Героический эпос и действительность. Л., 1988. 225 с.

Проблемы героико-исторического эпоса народов Кавказа в общем контексте современного эпоса // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 30—44.

Пути реконструкции архаических форм славянского героического эпоса // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 301—314.

«О Вуке Караджиче. О черногорской фольклористике» // Слов'янська фольклористика. Народознавство. Матеріали. Київ, 1988. С. 55—59, 63—64.

ГОДИЧНАЯ СЕССИЯ СЕКЦИИ СОЦИОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ АН СССР «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ»

Если попытаться назвать наиболее популярные в 1989 г. темы в этнографии, этносоциологии смежных общественных дисциплинах, то первыми среди них, вероятно, окажутся два понятия: «межнациональные конфликты» и «национальная политика». Первая тема для нашей науки гала «открытой» только в 1989 г., причем сначала в жанре общественных дискуссий и публистики. Вторая тема, напротив, известна давно (вспомним сакральные заголовки многочисленных книг и диссертаций типа «Национальная политика Советского государства в ...» или «Национальная политика и ...»), но на глазах претерпела разительную эволюцию. Буквально за один год из первых сугубо официальной и даже откровенно официозной она превратилась в предмет профессионального научного анализа и открытого, остро критического обсуждения.

Взрыв внимания в этнографии к обеим темам отражает не только волнующее развитие событий в разных частях многонациональной страны. Налицо очевидная общественная потребность, когда в равной мере необходимо знать, объяснить и предсказать состояние национальных отношений, причем на самых разных уровнях. Никогда еще этнография не была в таком фокусе общественного внимания, и никогда прежде мы не пытались давать ответы при таком дефиците времени информации.

Когда в сентябре 1988 г. в рамках Советской социологической ассоциации АН СССР была организована новая междисциплинарная секция социологии национально-политических отношений (тогда такое название многим показалось странным), с самого начала мы поставили целью стимулирование «информационного бума», развертывание открытых профессиональных обсуждений межнациональных проблем в СССР*. Одним из элементов объявленной программы было проведение ежегодной конференции по различным аспектам национальной политики и национальных отношений. Такую конференцию в виде первой годичной сессии «Национальная политика: современное состояние и новые подходы» секция провела в Москве 24—25 мая 1989 г.

Два полных дня заседаний — с 23 докладами, многочисленными вопросами и выступлениями — брали до 120—150 слушателей. У сессии не было многих привычных элементов: «установочных» докладов, почетного президиума, итоговой резолюции. Зато было вдоволь острых вопросов, открытых конфронтаций, призывов к соблюдению научной корректности и общего стремления к конструктивному диалогу. Словом всего, что формирует сейчас нашу новую научную и политическую культуру.

Эти два дня сессии были разбиты на шесть тематических заседаний. В первом из них в итоге оказалось два докладчика: Г. Я. Гусейнов (Москва) — «Этнология Космополиса» и Р. Дашевич (Львов) «Украинизация: причины, последствия, опыт». Ими были с самого начала как бы обозначены два основных мотива обсуждения: принцип нравственной ответственности ученых-обществоведов и, в целом национальной интеллигенции в ситуации этнической напряженности; и необходимость критического сравнительно-исторического анализа любых предлагаемых делей национальной политики, в данном случае — на примере программы «коренизации» (украинизации) на Украине в 1920-х — начале 1930-х годов.

Основной частью первого дня сессии стало тематическое заседание «Национальная политика: ят решения конфликтов» с шестью докладами. Мыслилось оно как обсуждение программ иvariantов решения конкретных межнациональных конфликтных ситуаций. Лишь два доклада в иной мере соответствовали этой теме: теоретический анализ Э. А. Пана (Москва) «Конфликт национальный как конфликт теоретических концепций» и выступление И. И. Крупника

* См.: Крупник И. И. Многонациональное общество // СЭ. 1989. № 1. с. 54.

(Москва) «Многонациональная Абхазия: опыт этнополитической модели», где предлагался новый федеративный вариант решения тупиковой ситуации в Абхазии. А. Л. Грюнберг (Ленинград) в совместном докладе с И. М. Стеблин-Каменским «Социолингвистические проблемы Горного Бадахшана» рассказал о положении языков малых народностей в Горно-Бадахшанской автономной области и тревожащем специалистов отношении местной официальной печати к языкам и судьбе этих народностей. Еще три доклада прямо или косвенно касались современной межнациональной обстановки в Грузии и Абхазии. Ю. Г. Аргун (Сухуми) представил основные положения программы Народного фронта Абхазии, изложенные в известном Лыхненском обращении 18 марта 1989 г. В докладах Б. Н. Кутеля (Тбилиси) «Формирование социальной справедливости и национальная политика в Грузии» и Т. В. Кинакадзе (Тбилиси) «Этносоциологические проблемы развития Грузии» подчеркивалось, что любая оценка межнациональных отношений в Грузии, включая и внутриреспубликанские автономии, должна исходить из объективных показателей доступа к образованию, возможностей профессионального и социального роста, распределения власти, категорий исторической и социальной справедливости для живущих здесь народов.

Третье тематическое заседание первого дня сессии — «Малые народы и государство: проблемы взаимодействия», было целиком посвящено судьбе народов Сибири и Севера. В. И. Васильев (Москва) в докладе «Проблемы национального развития народностей Севера, не имеющих автономий» предложил программу восстановления национальных сельских советов для селькупов, живущих на севере Томской области. Н. Б. Вахтин (Ленинград) прислал доклад «Особенности языковой ситуации и национально-языковой политики на Крайнем Севере» с развернутой программой социологического исследования современной языковой ситуации, поддержания языков малых народов, начатой Ленинградским отделением Института языкоznания АН СССР.

Второй день сессии открылся тематическим заседанием «Народы без автономии», включавшим пять докладов. В. Э. Шемядин (Москва) и дополнивший его И. А. Зататов (Симферополь) рассказали о состоянии проблемы крымских татар и положении в Крыму на конец мая 1989 г. Г. Г. Вормсбехер (Москва) в докладе «Как мы представляем восстановление немецкой автономии на Волге» изложил позицию Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» и основные пункты его программы создания Немецкой автономной республики*. Своеобразным продолжением этой темы стал доклад С. В. Соколовского (Новокузнецк) «Эмиграция меннонитов: мотивы и причины», где было показано, как игнорирование, а порой и нарушение прав национальных и религиозных меньшинств ведет к нарастанию эмиграции. Всеобщий интерес вызвал доклад М. А. Членова (Москва) «„Пятый пункт“: еврейский узел национальных проблем» — первая в нашей науке профессиональная попытка осветить основные компоненты этнокультурной ситуации советских евреев, включая национальное возрождение, эмиграцию и антисемитизм. С докладом о турках-месхетинах выступил представитель турецкого национального движения А. Хуршут (Москва), который за десять дней до начала кровавых юноньских событий в Фергане предупреждал о резком обострении обстановки в Узбекистане и угрозе наступающих межнациональных столкновений.

Не менее насыщенным оказалось и следующее тематическое заседание, посвященное национальным движениям. После краткого общего сообщения Н. Г. Чавчавадзе (Тбилиси) «Права наций» пять докладчиков представили конкретную информацию о развитии национальных движений в различных регионах страны. Н. В. Юхнева (Ленинград) в докладе «Национальная ситуация в Ленинграде: факты и проблемы» описала основные национально-культурные группы I течения в городе и лозунги официальных органов в условиях активного национального возрождения. Л. С. Перепелкин и Н. Е. Руденский (Москва) рассказали о работе «Балтийской ассамблеи» — встрече представителей Народных фронтов Эстонии, Латвии и Литвы 13—14 мая 1989 г. в Таллине. В докладе Д. М. Ишакова (Казань) «Татарская нация в современных условиях: проблема национально-культурного возрождения» был сделан обзор Учредительного съезда Татарского общественного центра в поддержку перестройки (ТОЦ) 17—18 февраля 1989 г. и анализ принятых на нем документов. Огромный эмоциональный отклик у аудитории вызвал доклад С. А. Ганушкиной (Москва) «Взгляд из Баку на события 1988 г. в Азербайджане и Армении», где были изложены малоизвестные подробности событий в Баку в октябре — декабре 1988 г., позиция и условия становления Народного фронта Азербайджана. Завершила это заседание Л. Д. Дашкевич-Шереметева (Львов), давшая в своем докладе «Национальная платформа украинских неформальных объединений» очень емкий и содержательный анализ позиций четырех ведущих неформальных движений (Народного движения Украины за перестройку — «Рух», Украинского хельсинкского сообщества, Украинской народно-демократической лиги, Украинского христианско-демократического фронта) по вопросам национальной политики; государственности, экономическому и языковому суверенитету; отношения к национальным меньшинствам и т. д.

Завершением сессии стало заключительное заседание «Общие проблемы национальной политики» с тремя докладами. Э. А. Чамоков (Москва) в докладе «Проблемы создания списка народов СССР» предложила использовать для такой задачи приемы специальной науки — когнитологии. В. Г. Садур (Москва) — «Символическая функция языка и межнациональные отношения» раскрыл формы влияния языка и особенностей языкового поведения на межнациональные отношения. Б. Х. Хасанов (Алма-Ата) в докладе «Учет интернациональных и национально-специфических интересов при определении статуса языков» назвал общий переход к двуязычию наиболее перспективной формой решения многих межнациональных проблем. Краткий итог работы сессии подвел в заключение ее председатель И. И. Крупник.

* См. доклад Г. Г. Вормсбехера, опубликованный в этом номере журнала.

Как можно оценить результаты двухдневных обсуждений? Помимо очень важного обмена информацией, нового опыта профессиональных контактов и диалога, в нашем распоряжении объемистая рукопись из почти двух десятков докладов-статьй, готовых к печати. Все они написаны на основе оригинальных источников, включая документы национальных движений и личные впечатления авторов, многие из которых сами являются участниками таких движений. Этот опыт исключительно ценен; еще ценнее было бы собрать его под одной обложкой. Всем известно, сколь династична сейчас общественно-политическая ситуация в стране, особенно в сфере межнациональных отношений. Поэтому выход подобной книги стал бы заметным шагом в нашем понимании национальной ситуации, отражая уровень профессиональной компетентности этнографов и социологов к 1989 г.

Мы должны спешить, потому что время и обстановка меняются слишком быстро. Трагические события в Ферганской долине и в Абхазии уже отменили предлагавшиеся на сессии планы ационально-политического решения судьбы турок-месхетинцев, федеративного устройства Абхазской АССР. Мы должны спешить, потому что невыслушанное мнение ученых, не использованные вовремя рекомендации — это еще один упущеный шанс избежать бессмысленных конфронтаций и новых трагедий.

И. И. Крупник

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ «СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА» В ПАРИЖЕ

Коллоквиум состоялся в Париже 16—18 марта 1989 г. Его организатором был Центр изучения СССР, Восточной Европы и тюркских регионов Высшей школы общественных наук Франции при действии Национального центра социологических исследований. В коллоквиуме помимо французских и советских ученых приняли участие видные специалисты из Великобритании, США, Канады, ЮАР, Израиля, Турции.

Открыл коллоквиум президент Высшей школы общественных наук М. Оже. В течение трех дней заседаний было заслушано 32 доклада, которые тематически группировались следующим образом: 1. **История науки** — М. Ферро (Франция) «От единства наук о человеке и обществе к их дифференциации»; В. Берелович (Франция) «К истокам русской этнографии: географическое единство 40—50-х годов XIX в.»; Э. Вярв (СССР) «Комплектование музейных коллекций при помощи корреспондентов»; И. Сорлен (Франция) «К истокам исторической типологии фольклора: Марр, институт генетической лингвистики и молодой Пропп»; К. В. Чистов (СССР) «Изучение традиционного общества русских в советской этнографии». 2. **Концептуальный аппарат** — В. Бромлей и А. И. Першиц (СССР) «Спонтанное и стимулированное развитие традиционных обществ в свете теории общественно-экономических формаций»; Э. Геллер (Великобритания) «Западные и марксистские точки зрения на типологию общества»; Ю. И. Семенов (СССР) «Основные типы традиционных обществ и особенности их развития»; Т. Драгадзе (Великобритания) «Перспективы понимания этничности»; В. И. Плоткин (США) «Дуальное мышление, тотализирующая идеология и советская этнография»; Б. П. Шишлова (Франция) «Советская антропология в период перестройки»; В. Р. Кабо (СССР) «К истории изучения социальной структуры традиционных обществ в советской этнографии». 3. **Практика антропологии и роль этнографа** — Ж. Кюзанье (Франция) «Генезис этнических различий: от понятия к эмпирическим явлениям»; П. Скальник (ЮАР) «Роль теории этноса в советской этнографии и в советской политике в "национальном вопросе"»; А. М. Хазанов (Израиль) «Этническая ситуация в Советском Союзе: как она отражается в советской антропологии»; Ф. Лонгемарк (Франция) «Этнографическая практика в СССР и функции этнографа на примере Дагестана»; Н. Н. Садомская (США) «Новые обряды в советской антропологии». 4. **Региональные исследования**.

Север и Сибирь — В. И. Васильев (СССР) «Традиционные общества Северо-Западной Сибири в советской антропологии (этнографии)»; И. И. Крупник (СССР) «Малые народы веро-востока СССР: проблемы этнокультурной модернизации»; П. Витебский (Великобритания) «Современное положение эвенков в Северной Якутии»; Ж. Карапо (Франция) «Нация универсальность: якуты сегодня»; Л. С. Блэк (США) «Советский вклад в этнографию яккы».

Центральная Азия, Кавказ и Украина — Г. Е. Марков (СССР) «Традиционные общества Средней Азии»; Ш. Лемерсье-Келькеже (Франция) «Этнолингвистическая проблема и советская политика в Дагестане»; Н. Дадвик (США) «Случай с кавказскими банцами: этническая история и этническая политика»; Ф. Мамедова (СССР) «Кавказский банский, "этнос"»; К. Мурадян (Франция) «Обзор армянской этнографии „Азагракан հանձե՝ 895—1916»»; В. Регионы, расположенные за пределами СССР — О. Руа (Франция) «Понятие традиционного общества и политика умиротворения: Афганистан 1980—1988»; М. В. Крюков (ССР) «Традиционная социальная организация горных мон-хмлеров Вьетнама вчера и сегодня»; Ю. А. Ртемова (СССР) «Традиционное общество аборигенов Австралии в советской антропологии»; Ж. Прэнье (Франция) «Советское видение эфиопской революции».

Коллоквиум явился заметным событием научной жизни. На нем состоялось открытое обсуждение в международной аудитории путей развития и современных проблем советской этнографии. Специфическую направленность придало этой встрече участие в ней ряда исследователей, сформировавшихся в рамках советской науки и внесших ощутимый вклад в ее развитие, но затем вошло в судеб продолживших свою научную деятельность за рубежом: В. И. Плоткина, Н. Н. Садомской, П. Скальника (уроженца Чехословакии, проходившего стажировку в СССР), А. М. Хазанова, Б. П. Шишко, а также Л. Блэк, русской по происхождению и хорошо знающей советскую этнографию. Их суждения, в которых они стремились свести воедино и «взгляд изнутри», и «взгляд со стороны», представляют для нас немалый интерес. Ни советские, ни зарубежные ученые не обходили вниманием острые, наболевшие вопросы, и обсуждение не было ни легким, ни гладким. Не всегда было оно и вполне беспристрастным. Поэтому представляется важным как можно более точно и объективно осветить развернувшиеся на нем дискуссии, воздерживаясь от окончательных суждений, чтобы читатели могли делать собственные выводы. В то же время, исходя из главной проблематики и принципов построения докладов, целесообразно подчинить изложение содержания работы коллоквиума несколько иной логике, чем та, по которой составлена программа заседаний.

Так, доклады К. В. Чистова и В. И. Васильева, хотя и были связаны с разными этническими образованиями и регионами, одинаково имели преимущественно историографический характер и отражали главные тенденции в истории развития исследовательских интересов советских этнографов. К. В. Чистов показал, что начавшийся в конце 1920-х годов ускоренный процесс урбанизации и ломки архаических традиций в русской деревне поставил этнографическое изучение русских перед необходимостью пересмотра целей, предмета, структуры исследований. После длительного периода дискуссий и поисков во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов сложилась ситуация, для которой характерно сочетание исторической этнографии и этнографии современности: изучение этногенеза, этнической и этнокультурной истории восточных славян и русских велось и ведется параллельно с этнографическим изучением современного города и села, изучение архаических форм социальной организации духовной культуры и быта — параллельно с изучением функционирования этнических традиций в современности, а также путей модернизации фольклора и народного искусства и т. д. Кроме того, в докладе были отражены исследовательские и издательские планы на будущее.

В. И. Васильев показал, что изучение коренного населения Северо-Западной Сибири, базирующееся на комплексном использовании материалов полевой этнографии, археологии, физической антропологии, лингвогеографии, велось по трем основным направлениям: этногенез и этническая история, социальная структура и социальная история, культурогенез и формирование художественно-культурных типов. Вместе с тем он стремился отразить и практическое, прикладное значение полевой работы советских этнографов.

Доклад Г. Е. Маркова, напротив, был сконцентрирован не на историографии, а непосредственно на освещении основных этносоциальных и этнокультурных процессов, происходивших в Средней Азии в советское время, а также на проблеме трансформации и сохранности этнических традиций в этом регионе. И вопросы по докладу были связаны главным образом с конкретными событиями политической, социальной и этнической истории народов Средней Азии. Исключением был только один из вопросов, вошедший в русло обсуждения роли оценочных категорий в этнографии (о чем речь пойдет ниже).

В ином ключе построил свой доклад И. И. Крупин. В центре его внимания были существенные расхождения в научных традициях советской и западных школ, рассмотренные на примере изучения малых арктических народов, в первую очередь их современного состояния. Такая направленность сблизила этот доклад с рядом докладов, отнесенных в общетеоретический раздел. Особое внимание докладчик уделил отсутствию в советской традиции двух тем, фундаментальных для западной школы изучения аккультурации: анализа разных половозрастных и социальных слоев аборигенных обществ и степени их участия в процессе модернизации; и исследования широкой сферы стресса, агрессии и конфликта, возникающей при взаимодействии аборигенной и интродуцированной внешней культуры. В советской традиции научного описания современное северное общество представляло единым, бесстрессовым и бесконфликтным. Это, а также значительные различия в терминологии и категориальном аппарате делали вплоть до самого последнего времени советские и западные публикации, полевые материалы трудно сопоставимыми. Положение стало меняться с середины 80-х годов. Но процесс сближения только начался, и в советской школе изучения модернизации у народов Севера отчетливо различаются традиционные, хорошо разработанные темы, только зарождающиеся новые направления и «пустые клетки» на месте многих фундаментальных для западной антропологии исследований.

В некоторых пунктах близким к этому выступлению был доклад Л. Блэк, признавшей существенность вклада русских этнографов в изучение коренного населения Аляски, а также плодотворность развивающегося в последние годы советско-американского сотрудничества в изучении малых арктических народов, но вместе с тем выразившей сожаление по поводу целого ряда обстоятельств, осложняющих это сотрудничество. Среди них назовем непонятность для современных американских исследователей значительной части общих концептуальных категорий, которыми оперируют советские этнографы и которые в основе своей восходят к эволюционизму XIX в. и давно вышли из употребления в западной литературе; отсутствие в советской этнографии ряда субdisciplinum, давно разрабатывающихся в американской, в частности микрэтиноистории (подробного, вплоть до изучения индивидуальных биографий) исследования судеб отдельных мелких локальных групп; почти полное отсутствие в советской сибиреведческой литературе анализа и даже просто научных описаний систем терминов родства, отвечающих по качеству требованиям современной антропологии. С особым огорчением говорила Л. Блэк об отсутствии публикаций и недоступности для иност-

ранных ученых архивных материалов, в частности старинных русских картографических источников Аляске, чрезвычайно необходимых не только антропологам, но и другим специалистам.

К историографическому разделу тяготел и доклад В. Р. Кабо, который подверг критическому разбору некоторые имевшиеся или еще имеющиеся в советской этнографии общетеоретические представления о стадиальной атрибуции и об этапах эволюции социальной структуры традиционных обществ, именуемых первобытными. Он стремился показать, что ряд современных публикаций, в частности второй том трехтомной коллективной монографии Института этнографии АН СССР «История первобытного общества», особенно его глава «Возникновение первобытной родовой общины», в основных своих положениях мало чем отличаются от теоретических построений 1930-х — начала 1950-х годов. Концептуальные решения остались на том же уровне, изменилась и модернизировалась преимущественно терминология. С некоторыми корректировками воспроизвивается догматическая схема, согласно которой человечество якобы прошло через универсальные стадии «первобытного стада» и промискуитета, затем группового брака, матриархата и патриархата. Правда, теперь два последних термина заменены терминами «эпоха материнского рода» и «эпоха отцовского рода». Для обоснования этой схемы по-прежнему широко используется так называемый метод пережитков, когда отдельные обычаи современных народов, живущих в различных частях земного шара и достигших разных ступеней социальной эволюции, проецируются в глубокое прошлое, в эпоху неандертальцев или даже архантропов. Незыблемым остается представление об универсальности родовой организации, и род, как и двадцать и тридцать лет назад, отождествляется с общиной. А все этнографические факты, которые не укладываются в эту схему, приписываются действию каких-то чуждых, деформирующих сил. Схема эта преподается и студентам во всех вузах страны. В качестве примера был упомянут учебник «Докапиталистические способы производства и их современные формы», изданный Московским университетом в 1986 г. (автор Ю. М. Рачинский) и рекомендованный для преподавателей высшей школы, научных работников, аспирантов и студентов. В нем, в частности, сохранена концепция матриархата в той трактовке, что существовала во времена сталинизма.

Вместе с тем в докладе были отмечены и некоторые сдвиги в изучении истории первобытного общества: новые подходы к проблеме первобытного колlettivизма (исследование первобытной социальной неоднородности), более глубокий анализ общественного сознания первобытной эпохи, обращение к проблемам экологии и т. п.

В одном из комментариев по докладу выражалось удовлетворение, что советские ученые перестали быть монолитным единством и выступают как представители различных позиций. А в ругом — А. И. Першица — отмечалось, что хотя плюрализм мнений среди ученых — явление безусловно положительное, он должен сочетаться с корректностью и точностью при характеристике итогов в науке, в докладе же это требование оказалось нарушенным. Вызванные из контекста цитаты из второго тома трехтомника «История первобытного общества» и учебник для экономистов, написанный неспециалистами, не могут отражать положения в современной этнографии в целом. Есть всесоюзный учебник «История первобытного общества», написанный специалистами, в котором однозначно говорится, что многие прежние понятия, в частности «матриархат», давно устарели. Недопустимо отождествлять матриархат с материнским родом, патриархат — отцовским. Необъективно говорить о современном состоянии изучения истории первобытного общества, не упоминая этого учебника, да и целого ряда других публикаций. На это В. Р. Кабо оразмил, что основной задачей доклада было показать, что в целом концептуальная схема и методологический аппарат истории первобытного общества остаются прежними. Примеры же из учебника для экономистов были приведены потому, что студентов-экономистов тысячи, а этнографов значительно меньше. Такие учебники, использующиеся широкими категориями учащихся, создают ситуацию, препятствующую проникновению новых идей.

В некоторых пунктах теме этой дискуссии приближался доклад О. Ю. Артемовой. Она стремилась показать, что история изучения традиционного общества аборигенов Австралии отражает некоторые весьма существенные тенденции развития в советской этнографии общей теории эволюции ранних форм социальных отношений. Особое внимание было удалено короткому, но очень плодотворному периоду второй половины 20-х и самого начала 30-х годов, отмеченному входом ряда выдающихся исследований, которые создавались с учетом всех новейших достижений западной науки. Последствия наступившего в 1930-е годы регресса в области теоретической мысли и разрыва с западной наукой с трудом преодолевались в 60—70-е годы и дают о себе знать до сих пор. Несмотря на отказ от догматизма прежних лет сохраняется все же определенная согласованность между общими, теоретическими установками и этнографическими, в том числе австралийскими, фактами. В пример было приведено представление о роде как об универсальном инообразном институте первобытности, которое плохо сочетается с многообразием разнофункциональных родственных объединений и австралийцев, и других традиционных обществ. Отвечая на звонкий в связи с этим вопрос В. Плоткина, можно ли ожидать, что советская этнография покажется от «идеологически заряженного» понятия род, докладчица назвала две возможности: либо углубление содержания этого понятия, либо замена представления о стадиальной универсальности рода представлением о родстве как об универсальном стадиальном принципе, структурирующем различные по форме и по функциям корпоративные группировки. Именно такое решение предпринято по африканским работам ленинградских исследователей Н. А. Гиренко и А. Попова и кажется ей самой предпочтительным.

В открывшем концептуальный раздел коллоквиума докладе Ю. В. Бромлея и А. И. Першица, представленном А. И. Першицем, отмечалось, что отказ от вульгаризированного представления, будто чуть ли не каждое общество в своем спонтанном развитии проходит все формационные стадии, имеет большое значение для понимания развития традиционных обществ. Отставшие

общества, получая стимулы извне, как бы подтягиваются к тем, которые опередили их в своем историческом развитии. Отсюда два основных пути исторического развития традиционных обществ — преимущественно спонтанное и преимущественно стимулированное. Первый путь неизбежно вел к исторической отсталости или даже в «исторический тупик», а второй путь, при котором подчас происходил недостаточно подготовленный их прежней эволюцией «прыжок» традиционных обществ через одну-две формационные ступени, чреват далеко не однозначными результатами.

Этот доклад вызвал оживленную дискуссию, показавшую некоторые принципиальные расхождения во взглядах. В частности, К. Теди и Б. Шишло (Франция) указали на то, что процессы, названные в докладе стимулированным развитием, были тесно сопряжены с жестоким колониальным притеснением малых народов со стороны индустриальных держав, и поэтому такое развитие вряд ли можно считать прогрессом. Б. Шишло отметил также, что концепция, выдвинутая в докладе, ставит под сомнение то изложение советской истории, которое давалось раньше. Высказывались также возражения против употребления термина «традиционные общества» какозвучного термину «примитивные общества», т. е. имеющего оценочное звучание, а кроме того, не слишком ясного и адекватного, ведь и в современных индустриальных обществах велика сила традиций. А. И. Першиц, отвечая оппонентам, подчеркнул, что авторы доклада отнюдь не пытались обойти, а, напротив, акцентировали тот факт, что за прогресс, за приобщение к цивилизации многие народы заплатили дорогой ценой и исторический процесс в целом всегда был кровавым процессом. Что же касается нашей недавней истории, то многое теперь в ней переоценивается, в значительной своей части она будет писаться заново. Он также выразил несогласие с критикой термина «традиционные общества», считая, что поскольку все докапиталистические общества действительно отличались большей приверженностью традициям, чем индустриальные, поскольку этот термин и достаточно точен, и ни для кого не обиден.

Ю. И. Семенов в своем докладе тоже уделил значительное внимание понятию «традиционные общества», под которым он объединил все докапиталистические общества, включающие общества первобытные, предклассовые, полигарные (основанные на азиатском способе производства), рабовладельческие и феодальные. Традиционные общества полигарного и рабовладельческого типа, по мысли докладчика, характеризуются такими способами развития производительных сил, которые неизбежно заводят в тупик. Все дожившие до сравнительно недавнего времени традиционные общества — первобытные, полигарные и феодальные — были стагнирующими.

Дискуссия по этому докладу в основном была связана с теми же разногласиями, которые обнаружились в предыдущей дискуссии и к которым участники коллоквиума возвращались неоднократно. В частности, была поставлена под сомнение научная корректность таких понятий, как «исторический тупик» или «тупиковый путь развития».

Различия между советским и западным пониманием хода и сущности исторического процесса был посвящен доклад Э. Геллнера. Суть его заключалась в следующем. Советская — марксистская — модель социального развития исходит из прямолинейного движения от низших к высшим стадиям, в котором человечество проходит пять формационных ступеней. Большинство западных исследователей опираются на совсем иную модель, восходящую к теории Макса Вебера. Существуют три типа обществ — доземледельческие, доиндустриальные и индустриальные. Превращение обществ одного типа в общества другого типа происходит не вследствие закономерного развития, как думают марксисты, а в результате «случайных прорывов», и поэтому нет никакого единого пути развития и единого его конечного результата. В рамках этой концепции нет места такому понятию, как «спонтанное развитие». И если в глазах советских исследователей все первобытные общества весьма схожи, то в глазах западных исследователей все, скажем, доиндустриальные общества очень различны.

В дискуссии по докладу Э. Геллнера Г. Е. Марков выразил несогласие с противопоставлением марксизма западной науке. Марксизм возник на Западе, существует там и теперь. Нужно противопоставлять марксизм творческий марксизму догматическому. В. Плоткин отметил, что в трудах Маркса нет обоснования пятичленной формационной модели. Она сложилась на русской почве, где марксизм приобрел теологический мессианский налёт — веру в конечное торжество справедливого социального устройства. По замечанию К. Теди, разница между советской и Западной точками зрения в том, что одна оптимистична, а другая пессимистична. Первая не учитывает всей сложности и всего многообразия действительности, но зато оставляет за человеком возможность выбора своего пути в будущее, вторая учитывает сложный комплекс факторов, но не оставляет возможности выбора. В ответ Э. Геллнер возразил, что западная модель не пессимистична, а нейтральна.

Содержание некоторых докладов зарубежных коллег выходило за пределы темы коллоквиума, так как они пытались не только охарактеризовать изучение традиционных обществ в советской этнографии, но и определить специфику нашей науки, понять ее отличия от западной антропологии, выделить моменты, сближающие и разобщдающие, мешающие взаимопониманию и налаживанию плодотворных контактов. А один из докладчиков, В. И. Плоткин, стремился подойти к делу еще шире и рассмотреть под этим углом зрения не только этнографическую науку, но и русскую и советскую интеллектуальную традицию в целом. По его мысли, концептуальные различия между советской и западной антропологией гораздо глубже, чем различия между марксистским и немарксистским мировоззрением. Различия эти коренятся в принципиально отличных традициях мышления, которые в свою очередь обусловлены глубоко различными путями социального развития. Для русской интеллектуальной традиции издавна характерен крайний дуализм, полярность культурных ценностей, а также слияние гуманитарного знания и идеологии, которая не признает ни этически нейтрального поведения, ни этически нейтральных событий социальной жизни и которая всегда была пронизана духом эсхатологии и мессианства. Такая интеллектуальная традиция, в которой нет места для этически нейтральной зоны (а именно в этой зоне обычно накапливается потенциал

для позитивного развития) и в которой изменения сплошь и рядом принимают форму смены полярности культурных ценностей (то, что раньше считалось положительным, начинает расцениваться как отрицательное и наоборот), представляет весьма благоприятную основу для складывания ортодоксий. Лучший пример — метаморфозы, произошедшие с марксизмом на русской почве: превращение его в сталинскую ортодоксию, которая на целых 20 лет полностью задавила свою потенциальную соперницу — теоретическую этнографию. Но даже и после преодоления сталинского догматизма, даже и с началом перестройки, даже и наиболее критически мыслящие советские ученые не анализировали влияние традиции мышления на формирование современных научных теорий. Только антропологам по силам провести такую работу, а затем и нарушить привычную практику соединения теорий с идеологией и создания ортодоксальных доктрин с научным, политическим и этическим содержанием одновременно. Без критической самооценки со стороны советских исследователей и без ломки охарактеризованной традиции диалог между советской и западной наукой останется лишь на нынешнем поверхностном уровне.

За этим докладом последовало немало скептических вопросов и критических откликов. Так, Р. Шатцман (Франция) и Л. Блэк настаивали на том, что русская интеллектуальная культура не более, а может быть, даже менее дуалистична, чем западная. Например, сказала Л. Блэк, для русской религиозной мысли, в отличие от западной, не характерно резкое противопоставление души и тела. Вместе с тем она признала большую роль эсхатологии и мессианства в развитии русской мысли и возможное влияние этой традиции на русский марксизм. А. Берелович (Франция) заметил, что дуализм — мышление оппозициями, который в пору увлечения структурализмом анализировался О. М. Лотманом и Б. А. Успенским в известной и не раз цитированной докладчиком статье в русской культуре, это нечто совсем иное, чем дуализм, о котором шла речь в докладе. Дуализм в структуралистском понимании универсален. Да и вообще попытки определить сущность русской мысли — это как раз в духе той интеллигентской традиции, от которой нужно избавляться и которую не нужно повторять. К. В. Чистов выразил полное согласие с последним высказыванием. В нашей стране, добавил он, интеллектуальная жизнь развивается так интенсивно, что каждое слово, сказанное сегодня о вчерашнем дне, может быть устаревшим. Чтобы сближение между советскими и западными антропологами развивалось естественным путем, нужно отаться от привычки смотреть друг на друга в телескоп и через железный занавес. Тогда не будет противопоставлений типа Восток — Запад. Сомнительно, чтобы западная этнология была единой. Зачем создавать недифференцированный имидж, он не годится ни для зарубежных, ни для советских ученых. И нужно помнить, что научная традиция у нас не прерывалась даже в самые жестокие времена и наряду с пуританскими были честные ученые, которые делали все, что могли, чтобы наука не угасла. Еще большие возражения вызывает противопоставление Востока и Запада, когда оно распространяется на всю русскую историю. Разговоры о «загадочной русской душе» совершенно бесплодны — чтобы понимать друг друга, нужно признать русскую культуру европейской, в противном случае Голстай, Достоевский, русские модернисты не могли бы оказать столь большого влияния на развитие европейского искусства. Мы должны, как говорил М. С. Горбачев, создавать новый стереотип: все мы живем в одном Доме.

В поддержку В. Плоткина высказался Б. Шишло. По его словам, в выступлении К. В. Чистова проявилось совсем иное понимание дуализма, чем у докладчика. Как в свое время Пропп истолковал примененное Леви-Страссом к его научному методу определение «формализм» в сугубо отрицательном смысле, хотя для Леви-Страсса оно звучало нейтрально, так и К. В. Чистов счел, что «дуализм» в применении к русской культурной традиции звучит уничижительно, и тем самым подтвердил главную мысль В. Плоткина: единства и должного взаимопонимания между Востоком и Западом нет, его нужно создавать. Есть реальная проблема, и не следует закрывать на нее глаза. В своем собственном докладе Б. Шишл о говорил о консерватизме советской этнографии, который сохраняется и в эпоху перестройки, когда радикальные перемены сделали неизвестными многие области советской культуры и даже такие науки, как история и социология. Правда, признал докладчик, два события — беспрецедентная критическая статья М. В. Крюкова в журнале «Советская этнография» (№ 1 за 1988 г.) и молодежный номер журнала (№ 5 за 1988 г.) — свидетельствуют о том, что и этнография начала менять свое лицо. Две главные беды этой науки в Советском Союзе он видит в описательном характере дисциплины (он отражается даже в названии — «этнография», возобладавшем в 1920-е годы над термином «этнология») и в добровольном отказе обрести независимость от истории, вследствие чего чрезвычайно по сравнению с западной антропологией сужено поле ее исследований. Плохую службу сослужило советской этнографии и представление о том, что наличие единой «советской этнографической школы» составляет ее силу перед «разнобоям, царящим на Западе». Признание того, что в сложной и внутренне противоречивой системе, какой является человечество, заложены различные, в том числе и немарксистские, способы познания, было бы проявлением подлинной перестройки в советской этнографии. В заключение было высказано пожелание, чтобы советская этнография как можно скорее стала советской антропологией с подобающим ей широким полем исследований и высоким общественным статусом, при котором антропологи будут признаны необходимыми экспертизами в разнообразных наукоцентрических вопросах социально-политической жизни, будут, как на Западе, входить в правительственные органы, направлять деятельность специальных правительенных комиссий подобно тому, как во Франции в 1989 г. антрополог-африкалист Франсуаза Эртье-Оже возглавила сформированный правительством Национальный совет по СПИДу.

Неоднократно, как уже говорилось, поднималась в ходе коллоквиума проблема соотношения этнологии и антропологии. По убеждению большинства западных исследователей, о чем говорили Л. Блэк, Э. Геллер, В. И. Плоткин, Т. Драгадзе, Н. Н. Садомская, введение этических оценок, в частности деление традиций на положительные и отрицательные, противопоказано научному

анализу. Иначе невозможно отделить науку от идеологии, которая сковывает исследователя и делает неизбежными некорректные этноцентристические суждения. Советская антропология, по мнению названных ученых, остро нуждается в выработке «ненормативного языка». Постоянно встречающиеся в советской научной литературе термины типа «достижения», «расцвет», «упадок» и т. п. чрезвычайно затрудняют взаимопонимание между советскими и западными учеными. Антропологии необходимо иметь объективные научные категории и оперировать исключительно ими. По убеждению ряда советских этнографов (оно отстаивалось Г. Е. Марковым и А. И. Першицем), выработка аксиологических подходов к этническим традициям (с точки зрения их непосредственной пользы или вреда для людей, с общечеловеческой точки зрения, с точки зрения формационной теории исторического процесса и прогресса морали) — необходимая и органическая часть антропологии.

Подробно обсуждалась на коллоквиуме советская теория этноса. Т. Драгадзе в своем докладе, в частности, отметила, что хотя советская академическая теория этноса до недавнего времени носила по преимуществу холастиический характер и завуалированными средствами подстраивалась под государственную национальную политику, она все же способствовала прогрессу теоретической мысли. Само понятие «этнос» имеет внеклассовый характер, плохо сочетается с негибкой и сковывающей научный поиск пятичленной формационной схемой исторического процесса, а потому как бы исподволь эту схему расшатывает и уж по крайней мере позволяет преодолевать ее тормозящее действие. Один из главных изъянов советских теоретических работ по этносу докладчика видит в том, что в отличие от британских они вплоть до самых последних лет почти не рассматривали проблемы национализма и межнациональных конфликтов. Сейчас эти проблемы стали достоянием гласности, правда, чаще они поднимаются неспециалистами, но и академическая этнография начинает их обсуждение. Перемены последних лет позволяют надеяться, что может быть создана почва для сближения британской и советской моделей этничности и для плодотворного диалога.

Ж. Кюзанье сосредоточил внимание на существенных несоответствиях теоретических представлений об этносе и этнических процессах эмпирическим данным, собранным в 1976—1981 гг. в ходе широких сравнительных обследований, которые были организованы Венским центром под названием «Основные направления и тенденции культурного развития в современных обществах. Взаимодействие национальных культур» и в которых наряду с учеными из СССР принимали участие специалисты из Греции, Италии, Польши, Румынии и Франции.

В русле этой тематики вился и доклад М. В. Крюкова, основанный на наблюдениях, полученных в ходе советско-вьетнамских исследований среди горных мон-кхмеров Южного Вьетнама. Нарисованная им картина — социальная структура, хозяйственная жизнь, языковая ситуация, система родственных отношений и их терминологическое оформление, характер группового самосознания и самонидентификации индивида — также показала, как тесны рамки господствовавших до последнего времени в нашей науке общетеоретических представлений о типах этнических общностей и иерархии и самом понятии этноса. Картина эта во многих своих чертах вписывается в концепцию «этнической непрерывности», которая в ходе обсуждения доклада была признана рядом выступавших (Л. Блэк, Б. Шишло, П. Витебский) весьма плодотворной и достаточно адекватно определяющей не только ситуацию в горных областях Южного Вьетнама, но и в немалом числе других регионов, в частности сибирских. Поддержку получила также мысль докладчика о том, что явление «этнической непрерывности» теснейшим образом связано с распространением определенных типов систем родства, в терминологии которых феномен «непрерывности» или «переходности» между отдельными этническими образованиями прослеживается особенно наглядно.

На стыке обсуждения теории этноса, проблем статуса и роли советских этнографов в политической, социальной и культурной жизни страны были доклады П. Скальника и А. Хазаева, отличавшиеся сугубо критической направленностью. По мнению первого, теория этноса, предложенная и развивающаяся Ю. В. Бромлеем в конце 60-х и в 70-е годы, опирается на некоторые положения, выдвинутые выдающимся русским этнологом С. М. Широкогоровым, и вместе с тем на сталинскую теорию наций, включая также отдельные элементы популярных тогда биологических и психологических концепций. Далекая от действительности, она имела главной своей целью поднять статус этнографической науки и ее руководителя в глазах партии и правительства и полностью оставляла все решения по национальному вопросу в сфере компетенции политиков. Такая теория вполне устраивала правительственные круги, а советская этнография в целом продолжала оставаться подсобной дисциплиной и служить злободневным пропагандистским целям, к примеру — поставлять аргументы в пользу политической доктрины об образовании суперэтнической общности «советский народ». В результате, занимаясь вместо углубленных исследований национальных процессов балансированием между наукой, политикой и идеологией, советская этнография оказалась совершенно неподготовленной, когда в стране со всей остротой встали труднейшие проблемы национальных отношений.

Выступая в дискуссии по этому докладу, Т. Драгадзе внесла ряд существенных поправок. Она в частности, заметила, что Ю. В. Бромлей в 60-е годы не был ни первым, ни единственным, кто занимался созданием теории этноса. Еще до него о понятии этноса и этнических процессах писали С. А. Токарев, В. И. Козлов и др. исследователи. Отсюда видно, что разработка такой теории на заре в самой этнографической науке, а отнюдь не диктовалась исключительно конъюнктурными соображениями. Да и теория Бромлея не навязывалась советской этнографии в качестве официального общеобязательного кредо. Тогда велись широкие дискуссии. М. В. Крюков также выразил несогласие с тем, что созданная в конце 60-х — в 70-е годы теория этноса это лишь попытка приспособить науку для нужд официальной идеологии. Ведь сам докладчик говорил, что на нее повлияли идеи Широкогорова. Главная беда в том, что разрабатывавшейся им направление было прервано надолго в нашей науке и восстанавливалось в послевоенное время с большими муками. Элементы сталинизма

а, конечно, есть в современной теории этноса, есть и политические плевелы, но нужно уметь видеть сугубо научную основу.

Вслед за П. Скальником А. М. Хазанов стремился продемонстрировать, что, несмотря на провозглашение в Советском Союзе этнографии наукой об «этносе» и на уделение в течение многих лет особого внимания изучению современных этнических процессов, советские этнографы не смогли лаконично описать и оценить этническую ситуацию в стране. Скорее это их беда, чем их вина, но нельзя не сознавать, что хотя официальная концепция этнических отношений в СССР исходила не из этнографических, а из политических кругов, многие этнографы отдавали немало времени и усилий обоснованию, а факты, ей противоречие, отражались в этнографической печати лишь изредка и бычно эзоповым языком. Даже сейчас, в период гласности, считает докладчик, этническая ситуация в СССР гораздо смелее обсуждается общественностью, чем большинством специалистов. Не зря ли такое положение с нежеланием некоторых представителей «советского этнографического таблишмента» признать старые грехи и новые реальности, спрашивает он и в заключение признает, что в самое последнее время наметились определенные сдвиги к лучшему, о чем свидетельствуют выступления ряда молодых ученых, которые не боятся поднимать и наиболее острые в политическом отношении вопросы.

В унисон с высказываниями о том, что основная беда советской этнографии — ее низкий академический статус и подчиненность государственной идеологии, делавшие вплоть до недавнего времени невозможными ни углубленное изучение наиболее сложных конфликтных сторон жизни народов СССР, ни влияние ученых на национальную политику властей в целях предупреждения и прекращения ее отрицательных последствий, — прозвучал доклад П. Витебского. В нем были представлены результаты недавних полевых наблюдений автора у эвенков Якутии. Целый ряд чрезвычайно трудных проблем их современного социально-экономического положения, и в частности упадок оленеводческого хозяйства, он связал с состоянием глубокой психологической неудовлетворенности людей, наступившей вследствие резкого нарушения их традиционной социальной структуры и, главное, семейной жизни.

Несколько участников коллоквиума, в частности Т. Драгадзе, указывали на необходимость дифференцированно оценивать работу советских исследователей и в прошлом и в настоящем, принимать во внимание, что советские этнографы очень различаются и по своим личностным качествам, и по ведениям, и по творческим установкам.

Н. Садомская с большой теплотой и знанием дела говорила о целой плеяде советских этнографов — в их числе были названы Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Б. Х. Кармышева, В. Смоляк и др., — которые посвятили себя многолетнему и порой очень самоотверженному труду изучению быстро исчезающих старинных традиций различных народов СССР. Эти люди спешили сделать то, что последующим поколениям будет уже недоступно. Они с уважением относились к языку культуры изучаемых народов и испытывали сожаления о том, что эта культура уходит, оставляя за собой пустоту. Иначе оценивает Садомская ту работу советских этнографов, которая явилась откликом на призыв властей к изживанию так называемых вредных обычаев и обрядов замене их новым ритуализмом, отвечающим запросам социалистического строительства. Созданную по такому «политическому заказу» сугубо искусственную, лишенную подлинной функциональности и плохо приживающуюся, несмотря на пропагандирование и финансирование, обрядность, кладчика противопоставила спонтанному и безусловно функциональному ритуализму новых формальных объединений подростков и молодых людей, не поддерживаемых ни властями, ни даже бственными родителями. В докладе использовались материалы высоко оцененной и многими друзьями зарубежными участниками коллоквиума статьи Т. Б. Щепанской «Процессы ритуализации молодежной субкультуре» (СЭ. 1988. № 5).

В ходе одной из дискуссий Т. Драгадзе привлекла внимание к тому, что этнографическая ука в СССР представлена не только московской и ленинградской частями Института этнографии и ЦИАС, деятельность которых обсуждается на коллоквиуме преимущественно, а и многочисленными этнографами, работающими в провинции. И их отношения с властями складываются куда более драматично, они испытывают гораздо более сильный контроль и давление.

Этнографам, работающим в периферийных научных учреждениях, было уделено значительное внимание в докладе Ф. Лонге-Марса, имеющей опыт экспедиционной работы в Дагестане. Она, в частности, рассказывала о том, как проводятся полевые исследования, подчеркнув, что в отличие от западных антропологов советские очень часто едут в поле на гораздо более короткие сроки и не одному или по-двойке, а целями экспедиционными отрядами, располагаясь обособленно от местных жителей. И в том и в другом она видит существенные минусы, в частности невозможность «включенного наблюдения», дающего столь богатые результаты. Во многих случаях этнографы, работая в по-помимо исследовательских задач выполняют еще и функции политico-идеологические, пропагандистские — «играют роль как бы приводного ремня власти», ведя среди местных жителей работу информационно-пропагандистского характера. В условиях политики перестройки многое в советской этнографии станет меняться, очевидно, изменятся и методы полевой работы, и понятийно-терминологический аппарат, и статус этнографа. Нарастающая напряженность в национальном вопросе дает все больше и больше втягивать этнографов в орбиту политических проблем. А это связано с рюмной ответственностью. Если интересы государства и собственного народа вступят в конфликт, то сторону примут этнографы? Последние публикации, заключает докладчик, показывают, что СССР есть специалисты, способные подойти к подобным проблемам объективно, смотреть реальности в глаза и отстаивать свои убеждения.

Несколько наших иностранных коллег говорили о политической и идеологической тенденции, которую порой обнаруживают в СССР и исследования по таким, казалось бы, далеким от кущей жизни темам, как этногенез или древняя этническая история. Ж. Кастро, например,

стремился показать, что якутские этнографы, восстанавливая генезис своего народа, пытаются истолковывать свидетельства источников в пользу именно таких гипотез, которые им представляются наилучшим образом отвечающими потребностям современного национально-культурного развития якутов, способствующими повышению их национального статуса, их «этническому самоутверждению».

Н. Дадик, проведшая 9 месяцев в Армении и заставшая начало событий в Нагорном Карабахе, говорила о том, как азербайджанские и армянские историки и этнографы, занимаясь проблемами древней этнической истории Закавказья, порой пытаются находить аргументы, подкрепляющие позиции своих наций в современном национально-территориальном конфликте, подчас работая на весьма низком профессиональном уровне и иногда даже допуская фальсификации или «этногенетическое мифотворчество». В качестве примера были проанализированы споры об этническом составе Кавказской Албании I—VIII вв.

Сразу же за этим выступлением следовал доклад Ф. Мамедова, отстаивавший мнение, что в Кавказской Албании I—VIII вв. при этнической пестроте имелся один доминирующий этнос — албанцы, впоследствии дезэтанизированный. В докладе критиковалась точка зрения, согласно которой особого албанского этноса не существовало, а албанами в древних источниках именовалось доминирующее армянское население.

Дискуссия по этим докладам развивалась в двух направлениях: во-первых, обсуждались глубоко специальные исторические вопросы, во-вторых, в частности К. В. Чистовым, говорилось о моральной ответственности этнографов и историков перед своим и другими народами, о недопустимости их участия в создании «этнических мифологий» националистического толка и о недопустимости привлечения «исторических» аргументов для оправдания современных территориальных притязаний или разрешения современных межнациональных конфликтов. Выступая в этой дискуссии, И. И. Крупник отметил, что резкое возрастание социальной значимости споров по поводу, казалось бы, чисто академических проблем этногенеза и этнической истории характерно не только для ситуации с Кавказской Албанией. Борьба за «албанское наследство», кстати, ведется не только между армянскими и азербайджанскими, но и между грузинскими и азербайджанскими учеными. Неожиданную современную политическую подоплеку получают и споры об этногенезе абхазов между абхазскими и грузинскими историками, проблема «булгарского наследия» в Поволжье. Вспомним также идею об «исконности» или «автохтонности» славянского населения в Крыму и «пришлости» крымских татар, которая имела чисто политическую основу. Особенность ситуации с Кавказской Албанией в том, что она оказалась в эпицентре вполне реального этнического конфликта. Слова «Арцах» и «Карабах» стали лозунгами многочисленных демонстраций, массовых политических движений. Дискуссии об этногенезе превратились в повод для национального возбуждения. Такое произошло впервые в истории советской науки, и ученые оказались к этому совершенно не готовыми. Поэтому опыт и анализ аналогичных зарубежных прецедентов имеет для нас огромное значение.

Не имея возможности остановиться на каждом прозвучавшем на коллоквиуме выступлении, упомянем еще одно, занявшее совсем особое место. Это доклад О. Руа, который по ряду косвенных данных пришел к выводу, что хотя во время войны в Афганистане академическая этнография не привлекалась для содействия советской армии, характер проведения ряда военных операций 1983—1984 гг. свидетельствует о наличии в ее командном составе или скорее в числе служивших в Афганистане сотрудников Комитета госбезопасности людей с высокой этнологической квалификацией, причем опиравшихся в своих рекомендациях не на советскую марксистскую этнографию а на современные теоретические модели западной антропологии.

В заключительной дискуссии, подводившей итоги работы коллоквиума, выступали П. Скальник А. М. Хазанов, Т. Драгадзе, Э. Геллер, К. В. Чистов, А. И. Першиц, М. В. Крюков, М. Пийо и др.

В качестве одного из центральных в этой дискуссии вновь был поднят вопрос о моральной ответственности советских этнографов перед изучаемыми народами. Выступая по этому поводу А. И. Першиц подчеркнул, что хотя советские этнографы действительно не сыграли надлежащей роли в выработке национальной политики, было бы неверно не видеть, как быстро возрастает эта роль теперь, в ходе перестройки. В Институте этнографии создан центр по изучению национальных проблем, в журнале «Советская этнография» все активнее обсуждаются национальные проблемы и их решения, этнографы начали включаться в состав правительенных комиссий и т. д. Это замечание было поддержано и развито К. В. Чистовым. Он сказал о том, что редкие номера журнала «Советская этнография» в настоящее время обходятся без дискуссий по межнациональным отношениям, и ведутся они серьезно и откровенно. Очень много делается Институтом этнографии в порядке подготовки к Пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу. Да и в прежние времена этнографы не молчали и не бездействовали. Они писали многочисленные докладные записки по сложным национальным проблемам, в которых содержались конкретные рекомендации, и предупреждения о возможных конфликтах, не их вина, что предупреждения и рекомендации эти не принимались в внимание.

И. И. Крупник говорил о необходимости иметь в виду ряд обстоятельств, названных им оппозициями, без учета которых нельзя составить адекватное представление о положении в советской этнографии. Во-первых, научное исследование не спешит за текущей динамикой событий. Во-вторых, существует оппозиция между тем, что он назвал «воздухом науки», и официальными публикациями. И наконец, в-третьих, оппозиция между разворачиванием проектов исследований и обнародованием их результатов. К тому времени, когда результаты исследований доходят до печати, они уже перестают отражать реальную ситуацию. Если все это не принимать во внимание, несоответствия будут чрезмерными.

В заключающем выступлении М. Пийо, президент Французской антропологической ассоциации, высказал большое удовлетворение содержанием этой международной встречи и сказал, что размышления о путях развития советской антропологии, которыми поделились друг с другом ее участники, чрезвычайно его заинтересовали. Вместе с тем, отметил он, проблемы и трудности, с которыми сталкиваются советские исследователи, не представляются ему ни уникальными, ни специфически советскими. С такими проблемами и трудностями приходится иметь дело антропологам во всем мире. В каждой стране, и в том числе во Франции, есть вопросы, тесно связанные с государственной политикой и идеологией, есть темы, о которых трудно писать непредвзято и говорить открыто. Во Франции — такова проблема французского национального самосознания. Чтобы начинаться преодолевать такие трудности, антропологи должны включить самих себя в поле своих исследований, и проведенный коллоквиум явился одним из шагов в этом направлении.

Заканчивая отчет об этой встрече, вместо обобщающего заключения приведу слова из выступления М. В. Крюкова, которые, как представляется, в сложившейся ситуации были найдены очень удачно: «Цель проведенного коллоквиума — способствовать поискам взаимодоступного языка и близению позиций советских и зарубежных антропологов, и это сильно отличает данную встречу от многих прежних, в которых участники нередко стремились к углублению конфронтации и считали своим долгом во что бы то ни стало опровергать любую критику. Поэтому хотя со многим услышанным трудно согласиться и многое показалось нам не вполне справедливым, в современных условияхажнее прежде всего думать о том, с чем все-таки мы можем согласиться, а уж потом не спеша обстоятельно начать разбираться в том, что нам не близко».

Следует также выразить признательность всем организаторам коллоквиума и в особенности члену секретариата коллоквиума доктору В. Береловичу, на долю которого выпала значительная часть организационных забот.

О. Ю. Артемова

XIX НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В мае 1988 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании. В работе конференции приняли участие востроведы и океанисты Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Владивостока, Курска, Новосибирска, Запорожья и других городов. С докладами выступили представители различных научныхdisciplines: экономисты, политологи, историки, этнографы, археологи, литературоведы, лингвисты. Началу конференции как всегда были опубликованы расширенные (до 0,4 п. л.) тезисы докладов.*

Председатель конференции К. В. Малаховский (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в своем вступительном слове подчеркнул, что события, происходящие ныне в Австралии и Океании, привлекают к себе все более пристальное внимание мировой общественности. Раздаются голоса в частности, в Японии) о том, что наступает «тихоокеанская эра», которая заменит «эру стран Тихоокеанского океана». В Австралии, Новой Зеландии и других странах происходят ныне важные экономические и политические процессы. В молодых государствах Океании развертывается борьба против неоколониализма. На островах и архипелагах, еще не добившихся политической независимости, вспыхивают восстания против колониального гнета. Тихий океан перестал быть тихим. Происходящие там бурные события требуют глубокого изучения и правильной оценки.

Значительная часть докладов на конференции была посвящена проблемам экономики, политики истории стран Тихоокеанского региона. Проблемы экономики освещались в докладах В. Я. Арахова (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Австралия и АСЕАН: экономические отношения в первой половине 80-х годов»; М. М. Солодкина (Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва) — «200 лет развития капитализма в Австралии (опыт и уроки развития)», М. А. Маловской (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные тенденции развития экономики Австралии»; К. Ю. Липовский (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Некоторые проблемы морского торгового судоходства в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1-е годы».

Современные политические проблемы независимых государств Океании были проанализированы в докладах О. В. Жаровой (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Основные этапы формирования партийно-политической системы Австралии» и А. В. Торкунова (Ин-т международных отношений, Москва) — «Новые тенденции в развитии обстановки в странах Океании и в их внешнеполитических связях».

* Девятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. Тез. докл. Часть I, стр. 3—124; Часть II, стр. 125—302. М., 1988. В настоящем сообщении упоминаются только те доклады, которые были прочитаны на конференции.

Некоторые проблемы истории Австралии и Океании рассмотрели Г. И. Каневская (Дальневосточный ин-т, Владивосток) — «Роль межколониальных конференций 60—70-х годов XIX в. в развитии федеративного движения в Австралии»; А. Н. Перевин (Высшая школа профдвижения, Москва) — «Профсоюзы Австралии и антирабочее законодательство М. Фрейзера»; А. И. Сачеко (Запорожский гос. ун-т) — «Большевики и российская трудовая эмиграция в Австралии (1907—1917 гг.)».

О ценных этнографических материалах, собранных русскими мореплавателями в Австралии и Океании в XIX в., говорили А. Я. Массов и Е. В. Говор. А. Я. Массов (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) в докладе «Плавание русского корвета „Рында“ в Австралии на празднование столетия английских колоний на континенте», построенном в основном на неопубликованных архивных материалах, не ограничился тем, что привел сведения о праздновании в Австралии столетнего юбилея, но рассказал также о пребывании «Рынды» в Порт-Морсби (Новая Гвинея), на островах Фиджи и Самоа, на острове Уалан (Каролинский архипелаг). Участники плавания, отметил он, приводят в своих описаниях сведения, представляющие большой интерес для историков и этнографов. Е. В. Говор (Географическое об-во СССР, Москва) в докладе «Русские моряки и путешественники на Соломоновых островах во второй половине XIX века» привлекла внимание к малоизвестным источникам по этнографии меланезийцев Соломоновых островов — наблюдениям участников плаваний на шлюпке «Аполлон» (1822 г.), на корвете «Боярин» (1870 г.), на крейсере «Крейсер» (1894 г.). Эти наблюдения, опубликованные в трудно доступных ныне изданиях, цепны тем, что дают представление о культуре меланезийцев Соломоновых островов на самых первых этапах европейской колонизации, т. е. почти не затронутой внешними влияниями.

С докладами по проблемам литературоведения и лингвистики выступили: Л. А. Шевалдин (Воронежский ун-т) — «О сборнике рассказов Л. Робинсона „Дядюшка Жираф“», Е. Ю. Емельянова (Новосибирский ун-т) — «Роман Патрика Уайта „Фосс“. Опыт анализа»; В. В. Ощепкова (Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской) — «Слова-реалии австралийцы как образные наименования». Доклад В. В. Ощепковой можно отнести, скорее, к разряду этнолингвистических, в нем речь шла о словах и фразах, тесно связанных со специфической природной средой Австралии и особенностями в образе жизни ее обитателей, в том числе аборигенов. В Австралии «июнь — середина зимы» (это выражение приобрело характер пословицы). Для австралийцев «Дальний Восток» — это то, что для европейца «Ближний Восток»; «динго» — в переносном значении «предатель»; «бэндикут» — в переносном значении «враг» (опустошает сады и огороды); «акация» — в переносном значении «хижина» (первые европейские поселенцы в Австралии строили хижины из прутьев акации). Изображения акации, эвкалипта и кенгуру входят в герб Австралии и символизируют страну в целом. «Булламаканка» — название деревни, упоминающейся в мифах аборигенов, употребляется в смысле «очень далеко». К сожалению, отметила В. В. Ощепкова, такие значения слов и выражений обычно не упоминаются в словарях.

В ходе ежегодных конференций по изучению Австралии и Океании и тесных контактов между этнографами и литератороведами постепенно формируется новая отрасль научных знаний — этнолитературоведение. Среди аборигенов Австралии и коренных океанийцев (папуасов, меланезийцев, полинезийцев, микронезийцев) появились свои писатели и поэты, уделяющие в художественных произведениях значительное внимание тому, что составляет предмет этнографической науки. Их произведения, помимо своих художественных достоинств, имеют еще одно — они могут быть использованы в качестве этнографического источника. На конференции были сделаны два этнолитературоведческих доклада. А. С. Петровская (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Новейшая маорийская проза (принципы жизнеустройства и межэтнические отношения)» рассказала о четырех романах писателей-маори: «Матриарх» (1986 г., автор — Вити Ихимаэра «Мутувенца» и «Потики» (1978 г. и 1986 г., автор — Патриция Грейс), «Продолжатели рода» (1984 г., автор — Кери Хьюм). Центральная проблема для авторов этих романов — сохранение лучших черт маорийской культуры, таких как коллективизм, взаимная помощь, связь с родиной землей. Вити Ихимаэра, писатель и музыкант, называет части своего романа актами; он стремится собрать все, что уцелело в памяти народа, как «скрепки разбитой флейты», и воскресить «мелодику старины. Писатели-маори пишут на английском языке, но они стоят на родной почве и верны маорийским традициям.

Еще ближе к этнографии доклад О. В. Зернекой (Ин-т социальных проблем зарубежных стран АН УССР, Киев) «Мир детства в литературе маори» (подразумевается художественная литература). Тема детства занимает большое и важное место в творчестве маорийских писателей. Для них это тема связи старшего и младшего поколений (в первую очередь дедушек — бабушек и внуков — внучек). Об этом идет речь в романе «Ванау» (1974 г., автор — Вити Ихимаэра; русский перевод — 1979 г.), в рассказах того же писателя «Кит», «Танги», «За соседским забором»; в рассказах Рики Эрики «Сущий дьяволенок», «Запретное дерево»; в рассказе Патриции Грейс «Пара» и ряда других. Писатели-маори, говоря о детстве, ставят важные социальные и культурные проблемы — передача стариками культурного наследия «маоританга» юным; дружба между маори и паках и др.

Два доклада были посвящены проблемам археологии. П. И. Борисковский (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград) в докладе «Древний каменный век Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи» отметил, что согласно новейшим радиоуглеродным данным заселение Австралии и Новой Гвинеи (в плейстоцене они представляли единный массив суши) началось 50—40 тыс. лет назад. Переселенцы из Индонезии и Индокитая принесли с собой макролитическую культуру. 5—6 тыс. лет назад эту культуру сменила микролитическая культура. Докладчик охарактеризовал различные локальные варианты древних культур (карта, каперти, гамбир, маунт-моффат, эннепелли), ряд отдельных памятников. Заселение Тасмании началось, добавил он, около 23 тыс. лет назад. Здесь

древняя макролитическая культура не была сменена микролитической и существовала до XIX в. Докладчик указал далее на специфику палеолита Австралии — каменные орудия употреблялись почти исключительно для обработки дерева и изготовления деревянных орудий. Основу всей материальной культурыaborигенов составляли изделия из дерева.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Археологическое изучение Тимора» сообщила, что возраст ранних стоянок на Тиморе — 14 тыс. лет. Примерно 5 тыс. лет назад на острове появляются земледелие, домашние животные, керамика. По мнению Е. С. Соболевой, это дает основание полагать, что на Тимор прибыла новая группа переселенцев. Археологи, изучающие памятники Тимора, полагают (и надеются это доказать), что смена макролитической традиции микролитической имела место сначала в Восточной Индонезии, а потом уже в Австралии.

Совсеменно этнографии было посвящено 11 докладов. Два из них носили историографический характер. Н. А. Бутиков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай как общественный деятель» подчеркнул идейную связь Н. Н. Миклухо-Маклая с Н. Г. Чернышевским, с его теорией общинного социализма. Такой социализм Миклухо-Маклай планировал построить на Новой Гвинее на основе папуасской общинны. Он намерен был поселиться там всегда, создать независимое государство (Папуасский Союз) и провести там, как пишет австралийская исследовательница Э. Вебстер, «социалистический эксперимент». Миклухо-Маклай не удалось достичь своей цели. Но в конечном итоге дело, за которое он боролся, не жалея сил, времени и здоровья, восторжествовало: в 1975 г. на карте мира появилось политически независимое государство — Папуа Новая Гвинея.

О. Ю. Артемова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Из истории отечественной этнографии: австралиоведческие исследования А. Н. Максимова» отметила, что этот ученый, несший немалый вклад в науку, вскоре после своей смерти оказался почти забытым. Между тем еще в 1913 г. он показал, что главной социальной ячейкойaborигенов Австралии являлась община, а не род. Еще в 1909 г. он установил, что ни брачные классы, ни системы родстваaborигенов не свидетельствуют о существовании у них группового брака. До сих пор сохраняет свое значение последние работы А. Н. Максимова «Материнское право в Австралии» (1930 г.). Его взглядышли разрез с господствовавшими в то время в советской этнографии концепциями. Он был отстранен от преподавания в Московском университете и последние годы жизни вел библиографическую работу в Библиотеке им. В. И. Ленина. Выступая по докладу об А. Н. Максимове, К. В. Малаховский обратил внимание на принципиальность ученого, который предпочел замолчать, но не пожелал присоединяться к общепринятым в то время концепциям.

Доклад В. Р. Кабо (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Шаманизм как форма религии аннепервобытного общества» был посвящен в основном зачаточным формам шаманизма уaborигенов Австралии. Попутно были упомянуты в этой связи семанги и сенои Малакки, кубу Суматры, индаманцы, бушмены, огнеземельцы и другие охотники и собиратели. В. Р. Кабо провел несколько налогий между шаманством в его зачаточных формах свойственных бродячим охотникам и збирателям, и шаманством в его классических формах, свойственных народам Сибири и Центральной Азии. Весьма сходны, в частности, ритуалы посвящения в шаманы, состояния транса, вера в посвящение шаманом страны духов, лечебные функции шамана и т. д. «Сохраняясь в более развитых бщественных структурах, — заключил свой доклад В. Р. Кабо, — шаманизм в основе своей осталась типичным порождением первобытных охотничьих культур».

П. Л. Белков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «К проблеме первобытного этноса (о некоторых параллелях между Австралией и Новой Гвинеей)» обратил внимание на языковое, существующее, по его мнению, между понятием «этническая непрерывность» в Австралии и понятием «австралийское племя». Можно ли выделить обособленные племена в Австралии? «Если концепция „этнической непрерывности“ соответствует действительности, — заявил докладчик, — ответ может быть только один: невозможно». На вопрос, почему исследователи же выделяют в Австралии племена, П. Л. Белков указал, что каждый исследователь ведет счет от себя, и его основное местопребывание обычно является центром выделенного им племени. Такую же картину, добавил П. Л. Белков, выявил Н. А. Бутинов на Новой Гвинее, предложивший термин «контактная этническая общность» вместо термина «племя». В. Р. Кабо, выступая в докладе, возразил докладчику: границы между различными австралийскими языками или диалектами проводили опытные лингвисты, следовательно, языковая обособленность все же существует. «Давайте мы от себя, нужно учитывать, что уaborигенов Австралии были свои критерии языковой близости или дальности, отличные от критериев чисто языковых».

Е. А. Киселева (Пединститут, Курск) в докладе «Этноботаникаaborигенов Австралии» сказала о том, как используютaborигены окружающие их растения для питания, лечения, изготовления временных жилищ, одежды, орудий труда, утвари, музыкальных инструментов, украшений и т. д. Многочисленные факты, приведенные в докладе, позволили ей прийти к выводу том, что «aborигены выделяли в растениях все известные современной ботанике элементы — ежевику, кору, листья, цветы, семена и каждому находили применение».

Н. И. Никонова (Музей антропологии МГУ, Москва) в докладе «Путешествие К. Д. Бальманта в Австралию и Океанию» рассказала о «заморском» путешествии поэта Константина Бальманта, которое продолжалось почти весь 1912 год. По просьбе Д. Н. Анушина, с которым Бальмонт в переписке, он привез интересные этнографические коллекции из Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинеи, Соломоновых островов, Самоа, Фиджи и других стран. «Я понимаю, — писал К. Бальмонт, — почему Миклухо-Маклай, с детства меня пленивший, так влюбился в Папуа и был ими залюблен». Н. И. Никонова кратко характеризовала привезенные К. Бальмонтом австралийские экеанийские этнографические коллекции, хранящиеся ныне в Музее антропологии МГУ.

Л. Г. Степанчук (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Изменения в демографической и социально-профессиональной структуре маорийского населения» указала на постепенный рост численности маори (вопреки некогда имевшему место прогнозам об их «неизбежном» вымирании). Особенно важно то, что постепенно увеличивается доля маори в общей численности жителей страны (с 6% в 1951 г. до 8,8% в 1981 г.). Растет продолжительность жизни маори, хотя она еще меньше, чем у англоновозеландцев: у женщин — на 8,5 лет, у мужчин — на 6 лет. Однако площа земель, оставшихся в распоряжении маори, продолжает сокращаться. Маори уходят в города, и полная ряда разнорабочих. В результате, подчеркнула Л. Г. Степанчук, маори из сельских жителей превратились в горожан и образ их жизни кардинально изменился по сравнению даже с тем, что было до второй мировой войны, когда 80% маори жили в деревнях (сейчас, наоборот, 80% маори живет в городах).

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Некоторые историки этнографические особенности Полинезии» высказал предположение о том, что письменность Полинезии когда-то имела не только на острове Пасхи, но и на других островах и архипелагах, но затем была утрачена. Причину утраты полинезийцами письменности, а также гончарства нужно по мнению К. Ю. Мешкова, видеть в смене власти жрецов (хранителей знаний) властью военных вождей, причем последние, как он полагает, могли не просто забыть письменность, но и намеренно ее уничтожить.

И. К. Федорова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «Церемония избрания тангата ману как социальный институт» подчеркнула загадочный характер ежегодных выборов тангата ману (человека-птицы) на острове Пасхи. Пока неясно, когда совершался этот обряд, какова его социальная функция. По мнению И. К. Федоровой, сначала это было просто религиозно-магическое празднество; лишь примерно с 1780 г. оно превратилось в своеобразный политический акт — избрание верховного правителя острова и военного лидера на предстоящий год. Однако верховным правителем становился не сам тангата ману (это был как бы персонифицированный символ верховного правителя), а вождь того племени, к которому тангата ману принадлежал. В последний раз этот религиозно-спортивный обряд, как его называет И. К. Федорова, был зафиксирован в 1866 г.

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) в докладе «Материалы о культе вождей у полинезийцев в музейной экспозиции» охарактеризовала экспонаты отдела «Религия первобытного общества», наглядно раскрывающие социальную суть культа вождей. В Полинезии в прошлом веке вождь племени воспринимался как живое божество. Культ вождей у полинезийцев отражал усиление реальной власти вождей в обществе. Фотографии экспозиции показывают особые погребальные церемонии, совершившиеся в честь вождя. Экспонированы также символы власти вождя — церемониальные палица (Маркизские острова) и весло (Новая Зеландия). Все, к чему прикасался вождь, становилось его собственностью. Материалы экспозиции иллюстрируют обряд наложения вождем табу на рощу кокосовых пальм. Институт табу использовался вождями для накопления материальных ценностей. Культ вождей в видоизмененной форме сохраняется в Полинезии и в наши дни. В докладе были приведены конкретные факты, свидетельствующие об этом.

В конце каждого заседания участники конференции обменивались мнениями по затронутым в докладах проблемам. Подводя итоги, К. В. Малаховский отметил, что в докладах и дискуссиях был затронут широкий круг вопросов, введены в научный оборот новые факты, сделаны важные выводы. Прозвучало, в частности, мнение о том, что представителем СССР необходимо более активно участвовать в работе комиссий Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, таких как комиссии по рыболовству, энергетике, транспорту, минеральным ресурсам, туризму.

М. С. Бутинова

ВЫСТАВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР НА КУБЕ

С 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. в г. Сантьяго-де-Куба (Республика Куба) экспонировалась выставка «Дети страны Советов», подготовленная Государственным музеем этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Она являлась одним из основных культурных мероприятий, проходивших в это время Дней Ленинграда в Сантьяго-де-Куба — городе-побратиме Ленинграда.

Выставка «Дети страны Советов» — первая советская этнографическая выставка, с которой познакомились жители города.

Она была подготовлена к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне и впервые экспонировалась в 1985 г. в Мраморном зале ГМЭ. В 1986 г. выставка побывала в Камбодже, в октябре 1987 г. во Вьетнаме. В зависимости от конкретных условий и задач экспонирования структура выставки и состав ее экспонатов менялись. Так, в Ленинграде, наряду с другими, выставку включали разделы: «Дети в творчестве советских графиков» (из фондов Союза художников РСФСР), «Дети и война». Объем экспонатов для Камбоджи и Вьетнама был значительно сокращен, но в состав вы-

Рис. 1. Посетители на выставке

авки включен новый раздел — «Народная игрушка и дети». В Сантьяго-де-Куба на выставке был представлен еще один новый большой раздел — «Дети и творчество» и новый фотонллюстративный материал.

При подготовке выставки для экспонирования на Кубе авторы считали своей основной задачей казать роль и значение лучших этнических традиций национальных культур в становлении личности будущего гражданина СССР, а также дать представление зарубежному посетителю о жизни детских детей, их духовном мире.

Был продуман въезд, на какого посетителя должна ориентироваться выставка. Ее материалы ли так подобраны и экспонированы, чтобы заложенную в них информацию легко и заинтересованно воспринимала не только основная масса посетителей без особой профессиональной подготовки, также специалисты и люди, имеющие уже сложившуюся систему знаний и интересов по тематике выставки. При этом принимались во внимание условия жизни, мировоззренческие ориентации, культурные и психологические особенности местного населения.

Справедливо высказывание автора проекта одного из музеев в Мюнхене Э. М. Виммера (ФРГ): «музеи не только сообщают посетителю научную информацию об экспонатах, но и выполняют еще и благородную миссию: они борются с невежеством и проявлением недоверия к незнакомым идеям, а не воспевают — как им приписывают — пыль веков и руины древности»¹. Действительно, посетеля в первую очередь привлекают аттрактивность или ценность экспонируемого материала, который он не осмысливает во всей совокупности его характеристики и значений. И задача музея-реконструктора показать роль экспонатов: в контексте экспозиции, «расшифровать» его, сделать доступным для понимания, заинтересовать и привлечь внимание посетителя даже к зреющим невыигрышным предметам². Начиная с 1970-х годов становится актуальным вопрос о том, как донести информацию до посетителя, убедить его и при этом заинтересовать, эмоционально воздействовать³. Проблема ается и сегодня и учитывалась нами в ходе работы над выставкой.

Таким образом, в зоне внимания авторов постоянно находились: 1) концепция выставки; 2) посетители и их запросы; 3) коммуникационный подход.

Выставка «Дети страны Советов» экспонировалась в центре г. Сантьяго-де-Куба, во Дворце деятелей — красивом здании с внешними и внутренними галереями. Для выставки был представлен 400-метровый колонный зал, в котором несколько десятилетий назад устраивались танцевальные вечера для цветного населения города. Экспозиционное оборудование было предоставлено местными музеями. Изготовленное кустарным способом, оно не вполне соответствовало европейским стандартам. Некоторые затруднения при художественном решении экспозиции создавались из-за наличия в зале сцены, множество дверей, выходящих на наружную галерею здания, и другие архитектурные особенности помещения.

Выставка включала около 500 экспонатов и более 50 цветных фотографий. Тематика и материалы были представлены следующим образом.

Вводный раздел знакомил посетителей с социальными аспектами жизни ребенка в СССР. В связи с произошедшими изменениями в социально-экономических отношениях и культуре семьи уже не удовлетворяет прежней доминирующей функции в воспитании ребенка, становлении его личности, межличностной культурной трансмиссии, хотя ее роль в передаче культурных норм и навыков, особенно в этапе раннего детства, по-прежнему значительна. На первый план все больше выдвигаются среда и институты общественного воспитания: «Социализация детей все больше становится государственным делом, предполагающим четкую организацию, структуру», — причем специалисты отмечают, что в социалистических странах «общий «индекс конституционной заботы о детях значительно выше, чем в капиталистических и развивающихся странах»⁴.

На фотографиях вводного раздела посетители увидели: зимний сад и плавательный бассейн детских садов Сибири, детей латвийских рыбаков во дворе своего коттеджа, маленьких художников детской картинной галереи Грузии, учащихся детской мореходной школы Архангельска и школы лыжников Урала. Фотоматериалы дополняли и иллюстрировали информацию о том, что пред-

Рис. 2. Персонажи сказок народов Севера. Работы учащихся детских художественных студий

принимается в нашей стране по охране материнства и детства, по созданию равных возможностей и условий для развития детей, вне зависимости от их национальности.

Здесь же были представлены учебники на языках малочисленных народов СССР, в том числе еще в недавнем прошлом не имевших письменности, а также детская литература. Красочные издания грузинских, карельских, молдавских сказок, русских былин, якутского и киргизского эпоса постоянно привлекали к себе внимание посетителей. Причем издания сказок народов Амура на русском языке или русских сказок на узбекском давали возможность вести беседу с посетителями о формировании правильного отношения как к родному, так и к русскому языку в нашей многонациональной стране, о сочетании государственных и национальных интересов каждого народа.

Самый значительный по объему раздел был посвящен роли этнической традиции в воспитании детей. Его экспонаты давали представление о сохранившихся культурных стереотипах и национальных традициях как в области семейно-бытовых и трудовых отношений, так и в духовной жизни светских народов, значение которых нельзя недооценивать.

Детская национальная одежда, бытующая еще в Средней Азии и Сибири, отдельные детали и элементы традиционного костюма жителей Кавказского региона, Прибалтики, Поволжья показывали своеобразие культур. Их дополняли предметы материальной культуры, связанные с воспитанием детей: детские войлоки и коврики, музыкальные инструменты, мебель для малышей,— во всех этих предметах прослеживается народная традиция, этническая специфика.

Особый интерес посетителей вызывали колыбели с комплексами принадлежностей, которые пользуются в современном быту ненцев, манси, сельского населения Дагестана, Средней Азии.

Фотографии давали представление о современных национальных праздниках, как об одном из средств передачи культурного наследия и формирования национального самосознания, о традиционных видах народного спорта. Есть фотографии, где дети участвуют в традиционных видах труда и деятельности: маленькие оленеводы Севера, уборка чая грузинскими школьниками, девочки, помогающие бабушке при тандырной выпечке лепешек и др.

Следующий раздел выставки — «Народная игрушка и дети» — продолжал развитие темы этнической традиции в воспитании ребенка. Представленные в нем детские орудия труда и охоты, предметы, созданные для приобщения детей к трудовым занятиям, свидетельствовали о той роли, которую выполняет игрушка в процессе активного творческого освоения ребенком окружающего мира, в частности, предшествующего опыта в области традиционных форм трудовой деятельности.

В этой части экспозиции посетители задерживались подолгу. Здесь были представлены самодельная, так и кустарная традиционная игрушка. Во время экскурсий многие из них демонстрировались в действии. Большой успех у публики имели деревянные механические птицы и традиционные медведи богословских мастеров, яркие расписные украинские тележки с вертушками, кони с возками. Молдавские погремушки из тыквы, узбекские расписные — из кожи, плетеные трещотки украинцев и коми-зырян удивляли разнообразием материалов и своеобразием форм. Особое место среди звуковых игрушек занимали свистульки: забавные птицы и звери из дерева и глины, изготавленные руками лакских, узбекских, латышских, русских и других народных мастеров.

В этом разделе выставки можно было ознакомиться с традиционными для якутов изображениями животных из дерева и бересты — быков, телят, коров, деревянными собаками ульчей и нивхов, а также обширной коллекцией керамической игрушки разных народов.

Кукла — основная игрушка девочек — была представлена образцами, имеющими как архетипический характер (без изображения лица, типа «Ребенок в колыбели» и др.), так и более поздними формами и вариациями, где этническая специфика чаще всего проявляется в традиционности костюмов.

Материалы этого раздела достаточно полно и ярко иллюстрировали роль народной игры в процессе социализации.

Отдельное место в экспозиции занимали материалы, посвященные еще одному элементу традиционной культуры.

Рис. 3. Персонажи народных сказок. Раздел «Дети и творчество»

туры детства» — детскому творчеству. Экспонаты этого раздела выставки были получены из детских художественных студий Молдавии, Дальнего Востока, Дагестана, а также ленинградского Дворца пионеров и школьников. Работы детей объединяло то, что все они были созданы под влиянием народной художественной традиции. Маленькие ленинградки представили много видов традиционной техники народной вышивки. Члены кружка вышивки — частые гости ГМЭ и хорошо знакомы с его коллекциями. Постоянно обращали на себя внимание посетителей, выполненные в технике, аналогичной русской лаковой миниатюре, живописные декоративные пластины, с сюжетами по мотивам русского фольклора, сказок Пушкина.

Мелкая пластика из керамики и расписные игрушки из пластилина свидетельствовали о знакомстве детей с традиционной народной игрушкой. Изделия из меха и бисера, резьба по дереву дальневосточных ребят, ковровые и вязаные изделия маленьких аварцев и табасаранцев дополняли панораму творчества детей разных национальностей.

Восторженную реакцию публики вызывала мягкая игрушка. Трогательные и смешные куклы изображали фольклорные персонажи. Колобок, сестрица Аленушка и братец Иванушка, Сампо-Попаренок, Белый шаман и кикиморы, герой нравоучительной песенки о дедушке, осле и винке сопровождали калейдоскоп ярких, запоминающихся, всегда добрых образов.

Здесь же экспонировалось около 30 рисунков и фотографий, отражающих участие детей в фольклорных музыкальных коллективах, обучение их традиционным видам народного художественного творчества и мастерства.

Заключал выставку фотоматериал, способствующий формированию у советских детей гражданской позиции, чувства патриотизма и интернационализма как неотъемлемых качеств гражданина многонародной советской страны.

Выставка «Дети страны Советов» была рассчитана на восприятие как взрослой, так и детской аудиторией. Во время экскурсии детям пересказывались народные сказки, которые буквально захораживали маленьких кубинцев, особенно при показе многофигурной композиции на сюжет русской сказки «Три медведя», выполненной богоярдскими мастерами.

Во время работы выставки транслировалась музыка разных народов нашей страны. Самым маленьким посетителям предоставлялась возможность познакомиться с устройством и действием расписных коней-качалок, изготовленных литовскими и хохломскими мастерами.

С первого дня работы выставки в городе был объявлен конкурс детского рисунка на тему — «Мой рисунок советскому другу». Организован он был таким образом, что все дети, посетившие выставку, имели возможность рисовать непосредственно на выставке. Все необходимое для этого было предварительно подготовлено в Ленинграде. Маленькие жители Сантьяго-де-Куба с готовностью отклинулись. По завершению работы выставки состоялось торжественное закрытие и подведение итогов художественного конкурса с вручением наград победителям. Все остальные его участники стали владельцами сувениров-игрушек, изготовленных в детских студиях нашей страны, многочисленных книг-раскрасок и предметов, позволяющих составить более полное представление о художественных народных промыслах СССР.

Отзывы о выставке дают возможность сделать вывод, что она свои задачи выполнила. Выставка, познакомившая кубинцев с традициями и своеобразием культуры народов Советского Союза, ровнем социального обеспечения и воспитанием подрастающего поколения, способствовала укреплению дружеских связей советского и кубинского народов.

Н. С. Воробьева

- ¹ Виммер Э. М. Проект музея египетских древностей в Мюнхене: // *Muséum*. 154. 1987. С. 40.
- ² Мартинец В. Экспозиционный сценарист — за и против // *Музей и памятники на культурата* 1988, № 1. С. 12—15.
- ³ Хофман Е. Специфическое средство общения // *Музей и памятники на культурата*. 1988. № 1. С. 21—23.
- ⁴ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 154.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ГРЕЦИИ «МУЗЕЙ И РАЗВИТИЕ»

21—23 октября 1988 г. на о-ве Халки (Греция) состоялась международная конференция «Музей и развитие». Она была организована Международным комитетом этнографических музеев в сотрудничестве с Международным движением за новое музееведение. Организаторами конференции с греческой стороны были: Министерство молодежи, Министерство культуры Греции, Министерство островов Эгейского моря, Министерство сельского хозяйства. В конференции приняли участие представители названных выше греческих министерств, а также специалисты-музееведы из Греции, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, Португалии, СССР, США, Франции, ФРГ.

Основной целью совещания была дальнейшая разработка музееведческой теории, особенно в направлении использования музеев для социальной, экономической и культурной характеристики населения своего региона, развития междисциплинарных связей. По просьбе греческого правительства этнографы, археологи, музееведы занимались также обсуждением проектов экомузеев на островах Эгейского моря: Карпатосе, Касосе и Халки. В соответствии с программой МАБ ЮНЕСКО предполагается широкое использование данных музеев как центров возрождения культурных традиций способных оказать влияние на культурное и социально-экономическое развитие населения островов.

Обсуждению теоретических вопросов предшествовало посещение участниками конференции островов Карпатос, Касос и Халки. Опыт использования экспозиций школьных музеев островов для учебно-воспитательного процесса представляется важным: обучение промыслам и народному искусству, использование фольклорного наследия, встречи детей с пожилыми жителями.

В рамках конференции был проведен международный семинар по *новому музееведению*. Это направление музейной теории и практики тесно связано с опытом экомузеев, оно базируется на принципах сохранения и оптимального развития природной и культурной среды как взаимосвязанных частей единого целого. Многие музеи в настоящее время остаются отделенными от современно социального, экономического, культурного контекста, они не принимают активного участия в развитии общества, которому служат. Новое музееведение ставит своей задачей превратить музеи в организацию, активно содействующую социализации человека и гуманизации личности. Согласно основным положениям этой теории, музей должен быть неразрывно связан с населением своего района, своей общиной, области. Деятельность музея должна быть адресована не к анонимной публике, а к людям в первую очередь своего края, района. Музей и население его округи являются в этом случае активными партнерами. Проблема гуманизации общества, с точки зрения нового музееведения должна решаться музеем на основе комплексного, междисциплинарного подхода при разработке духовных, художественных, производственных, семейных, языковых и других аспектов.

Конференция открылась под председательством секретаря Международного комитета этнографических музеев Х. Летене (Нидерланды). С официальным приветствием к ее участникам обратилась мэр о-ва Халки. Вступительные речи произнесли президент названного комитета Г. Гансльма иер (Бремен, ФРГ), и президент Международного движения за новое музееведение П. Майран (Монреаль, Канада). В работе конференции приняла участие Э. де Портес (Париж, Франция) — помощник генерального секретаря Международного совета музеев.

Г. Гансльма иер отметил в выступлении, что музеи островов являются новой разновидностью экомузеев, выделил особую роль этих музеев в развитии островов. С целью привлечь внимание к малым островам Эгейского моря Юберзееузем (ФРГ) была организована специальная выставка о природе и традиционной культуре населения о-ва Карпатос. Интерпретируя термин «культурная демократия», докладчик сделал акцент на особой миссии, возложенной на музеи развивающихся стран. При этом докладчик выразил сожаление, что деятельность экологической секции ЮНЕСКО пока не координируется с планами экомузеев островов и аргументировал необходимость такой кооперации.

П. Майран определил современное состояние нового музееведения, особенно выделив проблему диалога музея с населением округи, обосновал вопрос о «реанимации культуры» в качестве цели международной и междисциплинарной кооперации для создания *нового музея*.

Пленарное заседание было начато докладом А. Хауншильда (Монреаль, Канада) «Этнографии и развитие», в основу которого легло исследование музеев Канады, США и Мексики. Он этих стран представляет собой, по мнению докладчицы, три различных пути нового музееведения: 1 — *экомузеи* (ecomuseums) во Франции и Канаде (Квебек); 2 — *соседские музеи* (neighbourhood museums) в США; 3 — *интегрированные музеи* (museos integrales) в Мексике.

Идеальный тип нового музея, выделенный А. Хауеншильд, должен отвечать следующими характеристикам: 1 — цели (формирование личности; руководство повседневной жизнью; развитие данного общества); 2 — основные причины (ориентация на посетителя; связь с окружной); 3 — структура и организация (подвижность или малая институционализация; опора на локальные ресурсы; децентрализация; соучастие или кооперация; артельная работа); 4 — подходы (комплексный подход; междисциплинарность; ориентация в сторону предмета, т. е. интересов общины; соединение прошлого с настоящим и будущим; кооперация с локальными организациями); 5 — задачи (коллекция, документация, исследование, консервация и реставрация, коммуникация, обучение, оценка). Докладчица сравнила опыт исследованных ею экомузеев с деятельностью «родноведческих музеев» (Heimatmuseen) ФРГ, некоторых музеев Мали и Индии; выделила структуру нового музея и пришла к следующим выводам.

1. Элементы нового музея, которые значительно отличаются от традиционного музея. Как неизработанные и спорные обсуждаются такие элементы нового музея: руководство повседневной жизнью, социальное развитие, малая институционализация, основной упор на локальные ресурсы, участие и артельная работа.

2. Ориентация на посетителя — основной принцип; децентрализация — структурный элемент; междисциплинарный подход и кооперация с другими организациями показывают проблемы региона.

3. Безусловными элементами нового музея, аналогичными элементам традиционного музея, являются: цель — формирование личности; основной принцип — территориальность; тематически ориентированные подходы и область коммуникации.

По мнению А. Хауеншильд, новое музееведение стремится обрести музей, вовлеченный в процесс развития общества. Однако на практическом уровне может возникнуть множество проблем. Объективно «новый музей» пока является идеей, которую еще предстоит материализовать, а экомузей — успешный опыт на пути к новому музею.

Теоретическому обоснованию создания экомузеев в Греции был посвящен доклад И. Тунаса (С. Фалиро, Греция), в котором отмечалась актуальность теории экомузеев, сформулированной французским музееведом Ж. П. Ривера, опыта экомузеев Франции. Экомузей возник как школа изучения прошлого для будущего. По мнению докладчицы, комплексные исследования по истории, географии, экологии в районе позволяют глубже осмысливать возможности данного района, отдельного поселения, небольшой округи. Один из первых таких музеев Греции предполагается создать в Пелопонесе.

Е. Бланна (Лариса, Греция) выступила с докладом «Музей народного искусства в Ларисе, ерспективы создания музея под открытым небом». Музей скансеновского типа предполагается создать на базе музея народного искусства. Будущий музей задуман как центр возрождения старинных радиций — сельскохозяйственных, ремесленных, а также семейной и общинной обрядности. Предполагается восстановить в музее такие процессы, как сыроварение, обработка кож, работа водяной мельницы. Пятилетний план создания музея предполагает, наряду с созданием экспозиции, формирование исследовательского центра по народной культуре.

Е. - Ф. Стамати (Афины, Греция) сделала доклад о музее в дер. Милиес на горе Пелион. Церковь Милиес находится в 360 км к северу от Афин, ее население около 1100 жителей. Инициатива ом создания локального музея явилась Е. - Ф. Стамати, передавшая затем свой частный музей ародной культуры общине Милиеса. Музеем разработано шесть специальных программ для детей, приобщающих их к ценностям народной культуры. Важное проявление активности музея — мероприятие «Открытая деревня», организуемое в последние субботу и воскресенье июня. В эти два дня се гости Милиеса имеют уникальную возможность зайти в любой дом деревни, видеть работу мастеров народного творчества и домохозяек — это дает возможность посетителям войти в живой контакт мастерами.

В. Тасис (Серрес, Греция) рассказал о создании и деятельности музея под открытым небом в Серрес. Музей был основан в 1979 г. Площадь его экспозиции 6 га. Экспозиция представляет радиционную культуру саракацани — населения «чисто греческого происхождения». Свою деятельность музей в настоящее время связывает с возрождением народных промыслов и ремесел. Особое внимание в этом процессе музей обращает на кооперацию со школой. Над программой по краеведению работают в сотрудничестве географы, этнографы, историки, археологи, биологи, инженеры, чителя.

С. Адамандиаду и Н. Катсикас (Афины, Греция) выступили с докладом «Экоузей: средство для новой концепции холистического развития человека». Авторы, основываясь на иллюсийской доктрине холизма и положениях теории психолога А. Маслова (США) выстроили «пирамиду иерархии потребностей человека», состоящую из пяти пластов: физиологических потребностей (которые лежат в основании), нужды в безопасности, потребности в принадлежности к какой-либо группе, потребности в самоуважении и потребности в самовыражении. Авторы доклада рассматривают музей как «дидактический инструмент» в самом широком смысле, не только содействующий пониманию данных потребностей в процессе самопознания, но также ориентирующий человека в реализации высших потребностей.

Два доклада были посвящены проектам экомузеев на островах Касос и Карпатос. Доклад Контоса (Афины, Греция) назывался «Первый экомузей в Греции (попытка в процессе становления — на Касосе)». По мнению докладчика, критерии экомузеев концентрируются в развитии всеобщей памяти и «самосознания» населения, возможности восстановления различных контактов между человеком и его природным окружением, продуцирования исторических, культурных и социальных ценностей из прошлого в настоящее и будущее. Была предпринята попытка организации первого греческого экомузея — на о-ве Касос, в сотрудничестве греческого Министерства молодежи

и Юберзее музея в Бремене (ФРГ). Предполагается в недалеком будущем начать создание экспозиции сельскохозяйственных орудий труда, выставки редких ныне растений острова, выставки, посвященной морской культуре на Касосе.

Доклад У. Титце (Афины, Греция) «Развитие туризма на острове Карпатос» был посвящен анализу ландшафта, экологической ситуации, древних памятников и современных жилых поселений, сельского хозяйства острова и различных взглядов на туризм, отражающих: а) интересы администрации; б) интересы населения; в) интересы туристов. Докладчица убедительно показала разрушительное влияние современных форм туризма на природную и культурную среду острова.

Созданию локальных музеев на основе археологических памятников были посвящены сообщения Е. Ангелопулу и Е. Методиу (Афины, Греция). Р. Кайледе (Рим, Италия) познакомил участников конференции с опытом Национальной ассоциации музеев Италии.

Об опыте экомузеев Канады рассказал П. Майран (Монреаль, Канада). Коснувшись истории экомузеев и роли теории французского музееведа Ж. П. Ривера, докладчик развил основные идеи нового музееведения, показал его основные направления на современном этапе: исследование экомузеями природных и исторических характеристик своей округи для собственного развития общины, воспитания будущих поколений, возрождение ценностей культуры прошлого для будущего воспитания у населения социальной и политической активности, демократичность в решении проблем; оптимизация отношений с природой. Особое значение при этом придается образовательной программе экомузея как механизму регулирования развития социальной, культурной и природной среды.

О деятельности экомузея в Кондайше рассказал М. Пессоа (Кондайша, Португалия). Идея создания этого музея возникла в 1979 г. Цель создания музея — путем возрождения народных промыслов и ремесел решить проблему занятости населения, развивать сельское и лесное хозяйство, повысить уровень культуры, содействовать развитию туризма. Идея экомузея была поддержана муниципалитетом Кондайши и Пенелы, а также коммуной Арэйлы. Музей заботится об археологических памятниках, содействует развитию народных промыслов, сохранению фольклорного наследия населения округи. Эта деятельность экомузея, объединяющая вокруг него разные группы населения, помогает сотрудничать с администрацией края и специалистами разных профессий и приставивать процесс ухода молодежи из села.

Доклад А. Н. Давыдова (Архангельск, СССР) — «Музейно-этнографическая практик в педагогическом вузе (из опыта АГПИ имени М. В. Ломоносова)» был посвящен проблемам взаимодействия музея и педагогического института в ориентации будущих учителей истории на активную музейно-педагогическую деятельность в сельской школе. Докладчик рассказал об опыте научного обоснования национального парка «Кенозеро» и урбосансона «Старый Архангельск». В докладе была доказана необходимость разработки долговременных комплексных программ сотрудничества педагогических институтов и музеев народной культуры в сохранении и развитии культурной и природного наследия своего края. В рамках данных программ должна быть предусмотрена ориентация учителей литературы, музыки и пения на использование в учебно-воспитательном процессе бытовой песенной культуры и фольклорного наследия, ориентация учителей труда и рисования на проведение уроков, используя материалы местных художественных промыслов, а учителей истории, географии и биологии — на активное участие в создании и деятельности экомузеев и скансенов.

М. Мор (Ломсдален, Норвегия) выступил с докладом «Новое музееведение и развитие — пример Норвегии», в котором выделил принципиальные различия между традиционным (классическим) и новым музеями. Традиционная триада старого (классического) музея *здание + коллекция + посетитель* сменяется в новом музее триадой *территория + наследие + община*. Функции нового музея: «банк данных», «обсерватория» (наблюдательный пункт), «лаборатория», «витрина». Докладчик выделил черты традиционного и нового музеев на примерах музея в Рюкане, Тотенмузея и ряда других норвежских музеев. Особое внимание докладчик обратил на формулировку принципа создания Норвежского сельскохозяйственного музея.

А. Фромм (Талса, США) рассказала об опыте некоторых музеев США, сделав акцент на деятельности Музея еврейского искусства Гершона и Ребекки Фенстер. Музей активно участвует в жизни еврейской общины г. Талса (штат Оклахома, США), организует и проводит календарные и семейные праздники, содействует сохранению национального наследия в духе общинного единства.

В ходе семинара по новому музееведению, кроме уже упоминавшихся в отчете докладчиков, выступили: Т. Эгген (Рёрос, Норвегия), Х. Ойенс де Марез (Амстердам, Нидерланды), А. Пистофидис (Бремен, ФРГ), С. Адамандиаду, Н. Катсикас, М. Занис (Афины, Греция), Р. Статаки-Коумари (Крит, Греция). Обсуждались следующие пять тем:

1. *Общие аспекты нового музееведения.* Наибольший интерес вызвали вопросы взаимоотношений современных методов сельского хозяйства, экомузеев и окружающей среды (А. Хауншильд, А. Пистофидис), проблемы роли экомузеев в развитии «коллективизма», «общинного духа», «общинного сознания» (Х. Лейтен, Х. Ойенс де Марез). Выступавшие отмечали, что экомузей является важным средством идентификации современных людей с их культурными традициями и природным окружением, развивает чувство общинной солидарности, содействует выявлению и реализации возможностей общины.

2. *Музей и туризм.* Выступавшие (Р. Статаки-Коумари и др.) обратили внимание на необходимость «дозированного» туризма на малых островах, а также неотложность поиска новых форм туризма, содействующих развитию островов. Была подчеркнута важная роль музеев в этом процессе.

3. *Музей и технология.* Участники дискуссии пришли к выводу, что развитие островов в условиях индустриального общества повышает роль нового музея (екомузея) в разработке оптимальных технологий, гармонично соотносящихся с природной и культурной средой.

4. *Музей и сельское хозяйство.* Вопросы этой темы уже затрагивались в ходе дискуссии. Здесь они получили свое выражение в поиске форм «экологической агрикультуры», который должен стать экомузей.

5. *Музей и окружающая среда.* В ходе обсуждения данной темы С. Адамантиадо и Н. Катси-с познакомили участников дискуссии с опытом экологического воспитания детей и школьников Греческом национальном парке. А. Н. Давыдов в специальном выступлении высказал ряд теоретических положений об экомузеях и скансенах островов в системе морской культуры. Морское окружение островов, по мнению докладчика, требует разработки проектов нового типа экомузеев, сохранивших и возрождающих традиции парусного судостроения и мореплавания, рыболовства, промыслов и ремесел, связанных с морской культурой, а также использование малых судов и лодок для туризма (индивидуального и малых групп).

На заключительном заседании Г. Гансльмайер и П. Майран подвели итоги дискуссии. Конференция выработала предложения по формированию экомузеев на островах Касос, Карпатос и Халки, определила возможности международной кооперации в разработке теории и практики нового музее-дения.

А. Н. Давыдов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В соответствии с программой пребывания Уфе научного сотрудника Национального музея Хельсинки (Финляндия) Илдико Лехтинен отдел этнографии Института истории, языка и литературы БНЦ УОАН СССР организовал в октябре 1987 г. экспедицию северные районы Башкирской АССР.

Отряд в составе Л. И. Нагаевой (начальник отряда), И. Лехтинен, Ф. Ф. Фатыховой, лиофера Я. М. Янбарисова работал в Калласинском (села Киебак, Сазово, Куразово, Калтасы, Калмаш, Кокуш), Мишкинском (села Чураево, Баймурзино, Большесухоязово, Кебыково, Камеево) и Дюртюлинском (села Ивачево, Маядык, Байгильды, Нижне-Лончарово) районах Башкирской АССР.

Основная цель поездки — оказание содействия И. Лехтинен в изучении традиционного и современного костюма восточных марийцев. Осуществлялся также сбор материала по общественным празднествам (Л. И. Нагаева) и семейным обрядам (Ф. Ф. Фатыхова).

За 14 дней (с 1 по 14 ноября) было обследовано 15 населенных пунктов.

По мнению И. Лехтинен, у марийцев, проживающих в Башкирии, традиционная одежда и национальный язык сохранились лучше, чем в Марийской АССР. Вместе с тем, костюм восточных марий испытал заметное влияние башкирской и татарской одежды. Наряду с традиционными белыми льняными платьями здесь получила широкое распространение одежда из пестряди, а также из конопляной ткани темных тонов, укра-

шенных разноцветными розетками из шерстяной нити. Изменился фасон платья. У восточных марий преобладают отрезные по талии широкие платья, у проживающих в Марийской АССР луговых и горных марий платья — прямые, туникообразные. В настоящее время национальные платья на основной территории расселения марий шьются главным образом в ателье. У восточных марий их умеет шить каждая женщина и на свадьбе здесь до сих пор самый дорогой подарок для родственников — платье и рубаха, сшитые руками невесты. На свадьбу надевают белые платья из домотканины или покупных тканей, на сабантуй идут в разноцветных ярких платьях. На сенокос марийские женщины и теперь выходят в нарядных национальных платьях. Очень популярны вышитые платья.

В Дюртюлинском районе, где марийские села находятся в окружении татарских населенных пунктов, национальная одежда есть почти у каждой женщины, но такого богатства и разнообразия, как в Калласинском и Мишкинском районах, уже нет. Домотканые платья здесь почти исчезли из быта; их шьют теперь из тканей спокойных тонов. Особенно распространены светлые ткани с мелкими цветами (ситец, штапель). Всюду устойчив узор, называемый *луды нер* (утиный нос), которым украшаются женские платья и фартуки.

По словам И. Лехтинен, она хотела получить в Башкирии лишь дополнительные сведения к исследованиям, проводившимся ею в 1981—1983 г. в Марийской АССР.

Но материалы экспедиции оказались настолько неожиданными и интересными, что они могут послужить темой самостоятельного исследования. Данные, полученные И. Лехтинен, во многом дополнили и уточнили материал, собранный в конце XIX века финским языковедом и этнологом А. Хейкелем.

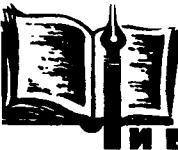
В 1887 г. А. Хейкел посетил ряд деревень восточных мари, две недели он жил в деревне Чураево Мишкинского района. 93-летняя жительница села Алима Кокаева помнит рассказ матери о том, что финский ученый жил в их доме. С ним был художник, который делал зарисовки одежды, утвари, интерьера дома, украшений и др. Сейчас эти рисунки хранятся в национальном музее в Хельсинки.

Восточные марийцы в этнографическом плане представляют большой интерес: благодаря взаимодействию марийского, татарского, башкирского и русского народов у них сложился своеобразный комплекс одежды, отличный от одежды луговых и горных

марийцев. Взаимовлияние прослеживается также в празднично-обрядовой культуре: праздник сабантуя проник к восточным марийцам еще до революции (Мишкинский р-н). Дюрюлинские марийцы справляли и сабантуя, и зинн (*йыйын*). В праздниках *шорык яол* (рождество), *уаряя* (масленица), *кучэ* (пасха), *семык* (троица) причудливые сочетаются русские и марийские праздничные традиций. В них нашли отражение языческие верований как мари, так и русских.

В ходе экспедиции зафиксированы сведения о наиболее значительных старинных праздниках и обрядах. На магнитофонную ленту записаны традиционные свадебные, застольные, уличные и праздничные, а также современные молодежные песни, плясовые наигрыши (2 кассеты). На фотопленку засняты образцы народной одежды как старинной, так и современной, элементы народных танцев.

Л. И. Нагаев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

П. Даркевич. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. М., 1988. 342 с., 108 табл., 42 рис. в тексте.

Довольно мрачным представляется нам иногда средневековье с его грозными рыцарскими муками, подневольным трудом крестьян, тяжелой зависимостью горожан от феодальных сеньоров, гонениями на всякую свободную мысль, засильем церкви, пылающими кострами инквизиции. И нужно помнить, что этой гнетущей тяжестью, постоянным страхом, ожиданиям не то что войны, о и конца света, да еще и после смерти — страшного суда, народ всегда противопоставлял свой злой юмор, стремясь использовать любой просвет в тяжелой действительности для празднеств, селья, насмешек над всякой властью, будь то сельский староста, сюзерен, церковь или даже сам Господь. Без этого невозможно было бы вынести материальный и духовный гнет. Люди грамотные истили не одну духовную литературу, но и литературу светскую, включая Рабле, Серванtesа многих других писателей, обладавших (каждый на свой лад) высоким юмором.

Беседыми и красочными были шумные народные праздники. Об их карнавальном характере, роли смеха, о смеховой культуре средневековья существует в наше время целая литература, новоположником которой справедливо считается М. М. Бахтин¹. Литература эта пополнилась исследованием оригинальным и интересным, показывающим рассматриваемый предмет не только в аспекте литературоведческом, как это делалось до сих пор, сколько в зеркале искусства. Книга П. Даркевича посвящена проблемам светской праздничной жизни средневековья. Автор привлекает широкий круг письменных источников, научных исследований и художественной литературы, основное его внимание обращено на образы средневековых праздников (и шире — на духовно-духовную сторону жизни средневековых сел и городов, на представления современников о разных изненческих проблемах), выраженные в рисунках-миниатюрах и в мелкой пластике-резьбе по юсти, дереву, камню, в произведениях ювелирного искусства. Обращение к «малым формам» изобразительного искусства оказалось весьма плодотворным: на капителях колонн, в резных изображениях и в особенности в иллюстрациях книг бытовые сюжеты, в частности связанные с народными празднествами, оказались представленными обильно и правдиво. Читатель не только получает сведения о различных явлениях средневековой праздничной жизни, но и может увидеть общие рты и особенности этой стороны жизни у разных народов, этническое своеобразие различных вариантов явлений.

В книге рассматривается праздничный мир преимущественно средневековой Западной Европы, также Закавказья, Византии, Европейской России и даже Дальнего Востока (в зависимости от отличия и характера источников). Автор изучает все явления в их развитии, от глубокой древности до полного расцвета, который наступил в некоторых странах даже в XVIII в. В частности, исследован русский лубок, а не только искусство Древней Руси (как сообщается на с. 9). Такая широта и, ли так можно выразиться, нестрогость территориальных и хронологических границ является одним из важных достоинств исследования.

При этом автор стремится не только представить конкретный фактический материал, но и показать сложную символику изображений, столь распространенную в изучаемую им эпоху, что сделано съма точно и остроумно.

Книга состоит из четырех частей, первая из которых — «Жонглеры». Автор понимает этот термин в широком смысле — «забавники», профессиоанлы-развлечатели, что принято на Западе, может несколько удивить нашего читателя, привыкшего к более узкому толкованию термина «онглер» — как обозначения одной из специальностей современных артистов цирка. Средневековый европейский жонглер должен был быть «мастером на все руки» (с. 17) — канатоходцем, ессировщиком самых различных животных, фокусником и даже кукольником, приводящим в действие театр марионеток. Все эти жонглерские профессии охарактеризованы главах, составляющих первую часть. Не ставя себе задачи пересказать содержание книги, отметим лишь, что обе внимание автор сосредоточил на дрессированных животных, в частности на игре медведей

(с. 32—34) и обезьян, хотя не упомянуты и многочисленные большие и малые (дикие и домашние) звери, показывавшиеся жонглерами. Медведь охарактеризован не только как умный, хорошо поддающийся дрессировке зверь, но и как почитаемый «хозяин леса», древний тотем многих племен Евразии, герой разных жанров фольклора (надо сказать, что эта сторона отношения человека к животным никогда не упоминается автором — ср. «Адский пес» — с. 53.) Говоря о «львах людоедах», В. П. Даркевич указывает, что «идея плотоядного льва-Антихриста распространена в искусстве с XII в.». Добавим о себе, что такие изображения символизировали ад в целом как это видно, например, на знаменитых Сигтунских вратах Новгорода. Автор подчеркивает также пародийность представлений дрессированных животных и театра марионеток, посвятив отдельный небольшой раздел и Петрушке.

Заключает первую часть большая глава о жизни жонглеров, причем автор придает большое значение их странствиям, как важному в ту эпоху фактору общения между народами (с. 84).

Пожалуй, наибольший интерес для читателя-историка представляют части вторая и третья — «Народ на площади» и «Карнавал».

Во второй части говорится о массовых игрищах, участниками которых было все население, — уличных танцах, ряженье, календарных праздниках, военных играх. Все, что нужно было для участия в них, умел каждый, специальной подготовки не требовалось. Естественным местом эти действия являлись городская площадь и улицы (разумеется, в городах все действия отличались большей пышностью и людностью, чем в деревне). Еще М. М. Бахтин отмечал, что все разнообразные выступления подобного рода объединяло то, что они были «проникнуты одной и той же атмосферой свободы, откровенности, фамильярности»². Недаром во многих языках слова «уличный», «площадной» употребляются в близком к этому определению смысле. В составляющих вторую часть главах имеются разделы о хороводах, фарандоле, танце с мечами. Последний исследован особенно внимательно. На прекрасном изобразительном материале показано распространение этого танца на Руси в XII—XIV вв. В частности, В. П. Даркевич справедливо определяет один из инициалов новгородского Евангелия XIV в. — букву «Р» — как изображение мужского танца с мечом и чашей (с. 101). Вообще, надо сказать, что буквицы новгородских рукописей XIV в. уже не в первый раз исследователи стараются интерпретировать как изображения сценок городского быта. Ещё В. В. Стасов выстраивал некоторые из них в ряд, единствующий показать какое-то народное действие или празднество³. В целом это не прозвучало убедительно, но книга В. П. Даркевича показывает, что попытки такого рода не бесплодны. Однако если можно согласиться с предложенными им определением буквицы «Р», то определение буквицы «Х» как изображения танцующего ском роха (с. 130, табл. 100, 4, с. 334) вызывает сомнение, так как мужчина на этом изображении стоит в спокойной позе, держа в одной руке рог, из которого пьет, а в другой — кувшин, который собирается поставить: просто льющий горожанин. Так же трудно согласиться с интерпретацией буквицы «Н» как перетягивания жерди (с. 130, табл. 60, 6, с. 294). Два изображенных мужчины одеты в свиты и головные уборы, присвоенные каким-то должностным лицам, и держат в руках отнюдь не жердь, а жезл с фигурным набалдашником (судя по изображению в той же серии городского глашата — «бирача») жезл был также атрибутом некоторых должностей). Поэтому обои совсем не напряженные. В рамках избранной автором тематики можно скорее говорить о том, что они танцуют. Такой парный танец должностных лиц как раз укладывается в систему карнавальных действий.

В том же разделе встречаем и пародийные «смеховые турниры» и игры вроде жмурок и «жучка», о древности которых, может быть, не подозревали, и азартные соревнования животных петушиные и бараньи бои — игры особые, которые следовало бы поставить в ряд скорее с такими как очень древняя игра в кости или более поздняя — карты (о них в книге не говорится, как впрочем и о шахматах, и о разного рода ристаниях, и о бое быков). Среди зимних развлечений автор отмечает катание на коньках. Между тем в средневековых слоях Новгорода (добавим себя — и Москвы) найдены не только костяные коньки, но и деревянные лыжи. Впрочем, автор вправе рассматривать лыжи как средство передвижения, атрибут охотников и воинов и не включая их в описание развлечений, но, например, катанье с гор на салазках — излюбленное украшенное зимних праздников (для этого сооружались деревянные и даже каменные катальные горы) следовало бы осветить лучше (им уделено всего 4 строки на с. 143).

Карнавал В. П. Даркевич рассматривает вслед за М. М. Бахтиным и А. Я. Гуревичем прежде всего в его общественном значении — как «предохранительный клапан механизма социального равновесия» (с. 152), как некий период разрядки, когда устанавливались на короткое время в быт равенство бедных и богатых, своеобразная «иллюзия вседозволенности». Надо всеми можно было шутить и ни на кого не разрешалось сердиться. Главными действующими лицами были здешние шуты, или «дураки», как их еще называли. Автор выявляет их разнообразные функции и использует символы облика (вспомним, что юный А. С. Пушкин просил шутливо друзей «оставить» в «пестрый колпак» в качестве символа независимости и веселья), репертуар, наконец, характеризует организацию шутов с «королем» и «епископом» во главе. Отдельно рассмотрены собственно карнавальные процесии и с их непременным атрибутом — карнавальным кораблем или «кораблем дураков», штурм которого был как бы апофеозом карнавала; сам «корабль» (иногда это были са-связывался с представлением об аде как некоем укрепленном замке Сатаны, и штурм его впоследствии почву для включения в карнавал различных мистерий).

Распространены были также торжественное избрание, величание и свержение короля празднества, связанного с календарным циклом, пародийные похороны (как у русских — сожжение Масленицы). Карнавальные персонажи — «майский король» (с. 123, табл. 58, 2), «король шутов «лорд беспорядка» (с. 163) — имели между собой много общего.

Несколько выходит за рамки, обозначенные в подзаголовке книги, четвертая ее часть — «В мире антиномий». В ней речь идет не о праздничной жизни, но о постоянном противопоставлении скептицизму официальной религии жизнерадостной культуры народа, широко разветвленном трицании не только вмешательства церкви в быт, но и самой церкви и подспудно — даже проповедуемой церковью религии. Это явление уходит своими корнями глубоко в древние народные традиции и принимает порой формы весьма резкие, вплоть до поругания Христа, «черной мессы», ародейства и идолопоклонства. Почти у всех исследуемых автором народов оппозиция добра зла выражается в апологии скоморошества и вообще веселья — в танце, словесном «ерничестве», «запретной» музыке. «Противоречие официальной церковной серьезности и запретно-притягательных „бесовских соблазнов“ карнавального шутовства не исключало их сближения в общей структуре сценарного праздника», — пишет автор в заключение (с. 233). «„Мрачному“ средневековью было в высшей степени свойственно поэтическое восприятие мира» (с. 234).

Здесь В. П. Даркевич отмечает интерес к средневековой культуре, в частности ее тонкое понимание Анатолием Франсом. Этот сюжет хотелось бы несколько развить. Карнавальная культура средневековья сыграла огромную роль в развитии народной культуры в целом. Ее бодрый тон, дорожный юмор, сила и красочность производили живое впечатление не только на современников. Карнавальным формам прибегали не раз и профессионалы-художники, писатели не только эпохи средневековья, но и во времена значительно более поздние, включая XIX и XX вв. Достаточноспомянуть изображение ярмарок, процессий, катаний и других массовых действий или даже простыть в бале Б. М. Кустодиевым. Кроме упомянутого автором Анатоля Франса напрашивается пример описания карнавальной процессии в славном городе Кламси, сделанного Роменом Ролланом уже в начале нашего века. Да и в других местах его замечательного произведения «Кола Брюньон» веркают образы, созданные под влиянием народной культуры средневековья. Стоит вспомнить «Тиля Уленшпигеля» — творение белгийца Де Костера или его многочисленные новеллы. Но если у всех упомянутых писателей (а можно было бы назвать еще множество других у разных народов) это по большей части стилизация — стилизация мастерская, в основе которой глубокое знание родной истории и культуры, и образы эти нас восхищают, но не удивляют, то искреннее вспоминание вызывает, несомненно, навеянный старой карнавальной культурой образ в таком произведении Ч. Диккенса, как «Наш общий друг» (1865 г.). Вспомним одноногого мошенника Гайлеса Вэгга, пытавшегося втереться в доверие к порядочным людям и на короткое время вообразившего себя хозяином положения. Но этот «король на час» был свергнут совершенно так же, как свергали карнавального короля (которого обычно выносили, перекинув через плечо, так, что торчал заголенный зад, и бросали в воду или в грязь). Вэгг тоже в известной степени глумливо-агогичен, вынесен и брошен в фургон для мусора. Влияние народной культуры на профессиональную выступает в этом эпизоде достаточно ясно.

Мы говорили уже о том, что В. П. Даркевич сумел показать народную и вообще праздничную культуру средневековья во всей яркости ее красок, в глубокой и активной ее жизнерадостности. Следует и о том, что главным источником послужил ему изобразительное искусство средневековья. Можно только удивляться, как в такой книге, обильно снабженной иллюстрациями, не оказалось хотя бы нескольких цветных таблиц, которые давали бы представление (пусть приближенное) цветовой щедрости средневековых художников, об эволюции их своеобразной цветовой гаммы. И вообще обращает на себя внимание низкий полиграфический уровень издания. Большинство иллюстраций, в том числе и произведения Босхса и других мастеров того же уровня, получились сечетками, какими-то смазанными. Вынесение в конец книги 108 (!) таблиц теряет всякий смысл, если они не напечатаны на лучшей бумаге. Зачастую трудно различимы детали изображений, которых говорит автор, из-за того, что масштаб рисунка слишком мелок. Жаль, что усилия издательства были направлены как будто бы не на улучшение, а на ухудшение этой прекрасной книги.

Книга В. П. Даркевича чрезвычайно интересна как для специалистов — историков, этнографов, фольклористов и искусствоведов, так и для широких кругов читателей, интересующихся стариной народной культуры в целом. Она открывает для нас большую область жизни наших предков, о которых мало исследованную. При этом занимательно само изложение. Автор ведет за собой читателя, открывая перед ним все новые картины, одна другой увлекательнее. Вынужденный в частной подобно описывать изображения, дающие основной материал для его научных изложений, он делает это с такой четкостью, что серые иллюстрации книги приобретают как бы внутреннее свечение, и те куски, которые могли бы заставить читателя скучать, благодаря легкости изложения, напротив, занимают его. Язык автора отнюдь не стандартен, он смело употребляет неожиданные выражения (например, Бахус — «исполненного роста мужчина бесподобной толщины», с. 126), достигая не только красочности, но и некой внезапности впечатления.

Хочется пожелать автору дальнейших успехов и выразить уверенность, что за его работами будут внимательно следить читатели, заинтересованные «Народной культурой средневековья».

М. Г. Рабинович

¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.

² Бахтин М. Указ раб. С. 166.

³ Стасов В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени / Собрал и исследовал Стасов В. СПб., 1877. Табл. 69.

⁴ См. Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан М., 1964. С. 314—315; его же. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 160, 167—174.

⁵ Диккенс Ч. Наш общий друг / Диккенс Чарлз. Собр. соч. Т. 25. М., 1962. С. 445; см. также рецензируемую книгу. С. 123. Табл. 58, 2.

Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1987. 255 с.

Сборник продолжает серию изданий, подготовленных Научным советом по истории мировой культуры, как, например, «Из истории культуры средних веков и Возрождения» (М., 1976), «Традиция в истории культуры» (М., 1978), «Художественный язык средневековья» (М., 1982). Центральной для сборника является проблема взаимной переводимости различных культурных языков (кодов), причем перевод осмысляется как конфликтный, противоречивый процесс, в ходе которого генерируются новые значения. Под этим углом зрения рассматривается сложный диалог субкультур в рамках единой национальной культуры — взаимодействие культуры «высокой» и народной, христианской и языческой, борьба различных культурных ориентаций.

Сборник открывается статьей Ю. М. Лотмана «Несколько мыслей о типологии культур» в которой теоретически обосновывается возможность существования бесписьменной цивилизации. Роль письменности в ней выполняются мемориальные средства — естественные и культурные символы включенные в ритуалы. Согласно утверждению исследователя, «появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» (с. 8). Интересны мысли автора о том что бесписьменный характер цивилизации подразумевает иную структуру, не только коллективной памяти, но и индивидуального поведения, причем особую роль приобретают ритуалы, гадания и приметы.

В статье А. Я. Гуревича «Ведьма в деревне и перед судом (народная и ученая традиции в понимании магии)» на новом материале развиваются идеи его известной книги «Проблемы средневековой народной культуры» (М., 1981). Автор указывает, что массовую охоту на ведьм можно рассматривать только в контексте социально-психологического климата Европы конца XVI—XVII вв., когда массами населения владели неуверенность и страх, обусловленные экономическим упадком, эпидемиями и разрушительными войнами. Именно в конце средневековья формируется представление о всемогуществе нечистой силы и ее постоянном вмешательстве в жизнь человека. В XVI—XVII вв. принципиально меняется соотношение элитарной и народной культуры: сравнительная терпимость к последней уступает место нетерпимости и преследованиям. В конце средневековья победила новая концепция ведовства: «ведьма — не просто знахарка или колдунья, знающая секреты магии, она — служанка Сатаны, которая вступила с ним в pact и в половы сношения по его наущению и с его помощью губит людей и их имущество» (с. 33). Исключительно интересен наблюдения о том, что «при конструировании идеи шабаша, с хороводами ведьм и ритуальными пиршеством, была использована модель народных обрядов, однако с добавлением поклонения Сатане и свального греха его участников» (там же). Автор вскрывает семиотический механизм ведовских процессов как своеобразного перевода определенных элементов народной культуры на языки демонологии. Исследование А. Я. Гуревича, вскрывающее социально-психологические основы гонения на ведьм в Европе, имеет, насомненно, и более общее значение для осмысливания ведовства как существенного элемента культур традиционного типа.

Статья В. М. Живова и Б. А. Успенского «Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России» продолжает серию исследований, посвященных семиотическому анализу русской культуры, с преимущественным вниманием к соотношению церковной и светской субкультур¹. Сама идея сакрализации монарха хорошо изучена на материале архаических обществ (Фрэзер, Хокар и др.), однако здесь она рассматривается как элемент более поздних политических и общественных движений. В первом разделе «Сакрализация монарха в контексте историко-культурного развития» рассматриваются древнерусские представления о государственной власти, предполагавшие параллелизм царя и Бога, но отнюдь не тождество между ними, и идея сакрализации монарха сформировавшаяся в XV—XVI вв. под влиянием концепции «Москва — третий Рим». При Алексее Михайловиче эта концепция приобретает политический смысл: русский царь стремится вести себя как византийский император, что выразилось, в частности, в присвоении им ряда церковных полномочий и вызвало осуждение как со стороны старообрядцев, так и со стороны патриарха Никона. После переориентации на западные образцы при Петре I сакрализация монарха не только не ослабла, но и, наоборот, резко усилилась: было упразднено патриаршество и царь фактически стал восприниматься как глава церкви.

В разделе втором «Сакрализация монарха как семиотический процесс» рассматривают атрибуты власти, связанные с сакральной семантикой: называние царя «святым», «помазаннико-

или «Христом», «земным Богом», отнесение к нему лингвистических текстов. В связи с перенесением на царя функций патриарха подробно освещается история обряда шествия на осяти, совершившегося в Москве в Вербное Воскресенье. Раздел третий «Гражданский культ монарха в системе барочной культуры» построен в основном на материале одической поэзии и церковной проповеди XVIII в. То, что панегирики ставили царя рядом с Богом, вообще говоря, не свидетельствовало о его сакрализации. Однако культурный контекст позволял истолковывать подобные метафоры буквально, т. е. как язычество и кощунство с точки зрения вероисповедного сознания.

Следует отметить, что исследование В. М. Живова и Б. А. Успенского построено исключительно на историко-филологическом материале. Интересно было бы рассмотреть под таким углом зрения иконографию и нумизматику эпохи Древней Руси, а также вещественные атрибуты царской власти. Возможно, это показало бы, что в какой-то мере сакрализацией были затронуты уже князья домонгольского периода, впрочем, это только гипотеза, нуждающаяся в проверке.

Статья С. М. Толстой посвящена проблеме соотношения христианского и народного календаря у славян, конкретнее — принципов счета и оценки дней недели. По мнению автора, славянский народный календарь является производным от канонического церковного календаря, однако в ряде отношений существенно отклоняется от него. С. М. Толстая отмечает, что в церковном календаре встречаются и недели, начинающиеся с понедельника, и недели, начинающиеся с воскресенья, что объясняет отчасти противоречия в счете дней, зафиксированном в языке и фольклоре. При оценке дней недели использовался не один какой-нибудь принцип, а их совокупность (дни мужские и женские, постные и скоромные, первые и последние, кануны праздников и т. д.). Имеются существенные различия в оценке дней недели в различных традициях внутри славянского мира.

Статья Н. И. Толстого «О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый — левый, мужской — женский*» посвящена проблеме, которая активно разрабатывается в последние десятилетия в связи с разработкой семиотического языка описания культуры. Исследование ведется на материале сербских примет, причем выявляется как набор релевантных оппозиций, так и система отношений между ними.

Сборник завершается обширным исследованием В. Н. Топорова «Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svēt* —». Статья состоит из двух частей: в первой рассматривается происхождение и значение корня *svēt* — в индоевропейских языках, во второй — формирование категории святости в Древней Руси, понятое как преобразование под влиянием христианской традиции тех языковых предпосылок, которые остались от мифопоэтической эпохи. Таким образом, первая часть статьи имеет лингвистический характер, а вторая — скорее литературоведческий, поскольку категория святости исследуется на материале «Сказания о Борисе и Глебе». Согласно реконструкции В. Н. Топорова, архаический элемент *svēt* — выступал среди обозначений жизненной силы, роста, плодородия и имел значение „увеличиваться“, „набухать“. «Эта „святость“ ... как образ предельного изобилия скорее всего и была тем субстратом, на котором сформировалось понятие „духовной“ святости...» (с. 222). Анализ «Сказания о Борисе и Глебе» позволяет наметить основные пути трансформации старой идеи: «суть изменений состоит в тройкой переориентации локуса святости — с природы на человека (и. сверхчеловеческое), с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и неизримое» (с. 226). По мнению автора, с дохристианским субстратом «святости» в «Сказании» и в иконописных изображениях Бориса и Глеба связаны мифопоэтические идеи парности и плодородия. Особое внимание уделяется метафорической структуре «Сказания о Борисе и Глебе». Интересны размышления автора о том типе святости, который воплощен в образах Бориса и Глеба. Хотя не все положения статьи представляются в равной степени доказательными, особенно во второй части, наличие мифопоэтического субстрата «святости», по-видимому, можно считать доказанным.

Оценивая сборник в целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть принципиальное значение его проблематики. Работам по семиотике культуры часто ставят в вину схематизацию, огрубление материала, между тем рецензируемый сборник как раз наглядно демонстрирует, что семиотический аппарат хорошо «работает» при исследовании наиболее сложных проблем, связанных с взаимодействием культур.

А. Л. Топорков

Примечания

¹ Успенский Б. А. I. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—292; 2. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201—235; Живов В. М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX в. // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1981. Вып. 546. С. 56—91; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236—250; Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 54—78; Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204—285.

НАРОДЫ СССР

Этническое развитие народностей Севера в советский период / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1987. 223 с.

Важность изучения национальных процессов у народов СССР связана прежде всего с неоднозначностью этнического и этносоциального развития разных народов и наличием отдельных проблем в межнациональных отношениях. Под этим углом зрения и следует оценить появление рецензируемой книги. Она выполнена коллективом сотрудников сектора этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР и завершает серию работ сектора, посвященных исследованию этнической истории народов Севера и Дальнего Востока с древнейших этапов до наших дней¹. Первая книга этой серии — «Этногенез народов Севера» — явилась серьезным опытом реконструкции общей картины этногенетического развития народов северного региона азиатской и европейской частей нашей страны, вторая — «Этническая история народов Севера» — впервые в нашей науке дала обобщенную характеристику их этнического развития с XVI—XVII вв. до начала XX в.

К рецензируемой работе авторский коллектив шел долго, выпустив в 1960—1980-х годах ряд коллективных и индивидуальных монографий, сборников научных статей, посвященных социалистическим преобразованиям и этническим процессам у народов Севера нашей страны². Цель ее — на основе обобщения опубликованных ранее и новых материалов исследовать особенности развития этнических процессов у малочисленных народов Севера СССР, перешагнувших из эпохи постпервобытно-общинных отношений в социалистическое общество.

Применяемые исследователями методы социально-исторического, сравнительно-генетического и количественного анализа собранных данных позволили достаточно всесторонне изучить этнические процессы и проявления их во всех основных сферах жизни народов Севера. Отметим, что авторы монографии не проводили этносоциологических исследований, что не позволило им в ряде случаев получить количественные оценки развития этнических процессов. Как известно, именно стандартизированные опросы населения, статистическая обработка анкетных материалов позволяют добиваться большей глубины в изучении процессов этнического развития. Как бы оправдывая отсутствие в рецензируемой книге материалов этносоциологических обследований, автор предисловия указывает, что «прямые этнографические наблюдения в силу малочисленности народностей Севера позволяют достоверно охарактеризовать этнические изменения, чего не удается сделать в густонаселенных районах» (с. 8).

Нельзя сказать, что в тексте работы мало количественных характеристик этносов и этнических процессов. И все же, думается, что семь таблиц цифровых данных, помогающих раскрыть динамику этнодемографических процессов у всех исследованных народов, динамику браков и численность семей у отдельных народностей, свидетельствуют о еще не реализованных возможностях в углублении изучения этнических процессов у народов Севера в советский период. Особенно огорчает тот факт, что слабо проанализирована в сравнительном плане динамика межэтнических браков за все годы Советской власти.

Лучшему пониманию этнотERRиториальных процессов могли бы помочь и карты об изменениях в расселении народов Севера. Но их в тексте нет, есть только две схематические карты общего плана на форзацах, показывающие расселение народностей в 1926—1927 гг. и размещение автономных образований в 1979 г. Вторая карта почему-то названа «Расселение народностей Крайнего Севера в 1979 г.», хотя расселение на ней не показано, а указаны лишь границы автономных республик, областей и округов.

В основу рецензируемой работы положены главным образом документальные материалы, многие из которых впервые вводятся в науку. Так, широко использованы данные переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг., документы областных, окружных, районных отделов записей актов гражданского состояния о браках, материалы местных архивов о развитии хозяйства, культуры, о социально-экономических изменениях в жизни изучаемых народов, похозяйственные книги сельсоветов и др. Вторую группу источников составили полевые материалы о многих сторонах хозяйственной, социальной и культурной жизни народностей Севера, собранные авторами в различных регионах Сибири и европейской части страны. Можно сказать, что ценность данной монографии как и предшествующих двух работ, образующих трехтомную серию, и в ее энциклопедичности. Она содержит чрезвычайно важный этнографический, исторический и статистический материал, который может помочь будущим исследователям.

Следует отметить, что проблемные положения и прогнозы относительно развития народов Севера СССР составили единую научную концепцию авторского коллектива. На некоторых из них мы остановимся ниже при анализе отдельных глав монографии.

Книга состоит из «Предисловия», «Вводного очерка», восьми глав и «Заключения». В «Предисловии» основное внимание уделено истории изучения этнических процессов у народов Севера, выделению спорных и нерешенных его вопросов. Автор «Предисловия» И. С. Гурвич обращает внимание на тот факт, что этнический аспект развития народностей Севера привлек к себе внимание ученых лишь в середине 1950-х годов. Именно тогда было высказано мнение о том, что народы Севера, вследствие их малочисленности не формируются в социалистические нации, а развиваются как народности. Оно было направлено фактически против господствовавшей в сталинский период концепции о том, что все народы в условиях социализма развиваются в социалистические нации. Решить это, как нам представляется, можно будет тогда, когда будут выделены какие-то существенные различия между социалистическими нациями и народностями многонационального государства.

Еще один дискуссионный вопрос, затронутый И. С. Гурвичем, — это определение типа этнических общностей у исследуемого населения накануне Октябрьской революции. В настоящее время сотрудниками сектора Севера и Сибири Института этнографии на основе массовых архивных и полевых материалов получены обоснованные выводы о том, что в XVI—XVII вв. предки всех ныне существующих народов представляли собой макроэтнолингвистические общности. В составе Российской империи в XIX в. некоторые из них превратились в народности, а «завершение процесса становления северных народностей относится уже к советскому времени» (с. 6).

Вводный очерк — «К социализму, минуя капитализм», написанный И. С. Гурвичем, посвящен чрезвычайно важной в методологическом плане проблеме — возможности перехода отставших в своем развитии народов к социализму, минуя другие классовые формации. Решение этой научной проблемы связано с изучением советскими учеными вопросов об уровне социального развития народов Севера, об экономических и культурных преобразованиях в этом регионе в советский период. И в наши дни нет-нет да и вспыхнет на какой-нибудь конференции спор о том, были ли на Севере до революции феодальные или даже капиталистические отношения. Исследованиями сначала М. А. Сергеева, а затем коллектива сектора этнографии народов Севера и Сибири Института этнографии АН СССР³ доказано, что в целом народы Севера накануне Октября находились на стадии разложения первобытно-общинных отношений. После вхождения в состав России у них усилилась имущественная дифференциация внутри соседских общин, но «частная собственность на охотничьи угодья, также на олени паства у народов Севера не сложилась» (с. 12). Однако, по нашему мнению, степень влияния феодализма и затем капитализма на развитие этих народов была неодинаковой, система эксплуатации их носила черты господствующей в стране формации, а у ряда народов или у отдельных их групп все же можно проследить черты феодальных и позднее капиталистических отношений. По этой проблеме, видимо, следует продолжать научные дискуссии.

Не останавливаясь на многих аспектах социалистического и национально-государственного строительства на Севере, всесторонне освещенных во вводной главе, хочу поддержать мнение И. С. Гурвича о том, что упразднение Комитета Севера в 1935 г. было преждевременным. Считаю, что и в наше время необходим руководящий орган типа названного комитета, в котором ученыe вместе с представителями Советской власти и административных органов с правом решающего голоса обсуждали бы проблемы дальнейшего развития коренных народов Севера.

Значительный научный интерес представляет и первая глава «Этнические общности и этнические процессы на Крайнем Севере накануне Октября», написанная В. И. Васильевым, З. П. Соколовой и В. А. Туголуковым. В таком обобщенном виде ход развития этнических процессов в этом регионе изложен впервые. Авторы главы раскрыли процессы формирования соседско-территориальных групп и вхождения в них передко представителей разных народностей Севера, показали процессы развития двуязычия, межэтнических брачных связей и этнокультурного взаимовлияния коренных народов между собой и с группами русских, коми, якутов, бурят.

Вторая глава «Национально-государственное строительство, социалистическое переустройство хозяйства, быта и культуры и этнические процессы (1917—1940 гг.)», написанная В. И. Васильевым и В. А. Туголуковым, и третья глава «Социально-экономическое развитие Севера и этнические процессы в этом регионе в 1940—1980-х годах» (авторы В. В. Лебедев и Ю. Б. Симченко) охватывают большой круг вопросов, связанных с политическими, социально-экономическими и этническими процессами на Севере в советский период. Важной представляется попытка периодизации хода этнических процессов. Доказанными следует считать выводы о широком развитии в 1930—1960-х годах этнической консолидации у северных народностей, об усиении в последние десятилетия процессов межэтнической интеграции. Авторы глав сумели показать, что степень консолидированности народностей Севера весьма различна. Главы четвертая «Отражение этнических процессов в хозяйстве и материальной культуре народностей Севера» (З. П. Соколова), пятая «Этноязыковые процессы» (И. С. Гурвич), шестая «Отражение этнических процессов в духовной культуре народностей Севера» (М. Я. Жорницкая и А. В. Смоляк) и седьмая «Семья и этнические процессы» (А. В. Смоляк) посвящены развитию этнических процессов в разных сферах народного быта и современной культуры, а также отражению этих процессов в динамике семьи у народов Севера.

Большое значение, как нам кажется, имеет выделение З. П. Соколовой самодийского, эвенкийско-якутского, чукотско-корякского и приамурско-приморского историко-этнографических регионов, связанных с разными типами хозяйства и особенностями материальной культуры (с. 127—128). Верным представляется вывод И. С. Гурвича о том, что в целом коммуникативные функции национальных языков в общественной жизни сузились (с. 144). М. Я. Жорницкая и А. В. Смоляк высказали положения о затухании локального, макроэтнического самосознания, укреплении самосознания на уровне этносов, возникновении новых элементов, связанных с осознанием общесоветской принадлежности (с. 170).

В главе восьмой «Основные направления этнического развития народностей Севера» (И. С. Гурвич) освещаются общие направления и особенности проявления этнических процессов в разных регионах у разных групп народов Севера на всех этапах истории советского общества. Основные результаты проведенных авторами книги исследований в различных сферах жизни народов Севера в советский период изложены в «Заключении», написанном также И. С. Гурвичем.

Конечно, не все стороны этнических и этносоциальных процессов нашли отражение в монографии. Это связано с выбором основного объекта исследования — этносов и их подразделений (этнических и этнографических групп). Предстоит еще изучить этнические процессы на уровне метаэтнических и историко-этнографических общностей, хотя отдельные попытки в этом плане были предприняты и в данной книге (см. главу четвертую).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что основное внимание авторы монографии уделили прогрессивным изменениям в жизни народов Севера. Но это привело к тому, что современные национальные проблемы, связанные с необходимостью дальнейшего совершенствования межэтнических отношений, удовлетворения национально-культурных запросов, укрепления позиций национальных языков, расширения правовой защиты народов Севера, остались во многом не освещенными. Например, на с. 149 утверждается, что у народностей Севера сложилось динамическое сочетание родных языков и языка межнационального общения, но ничего не говорится о сложности в современной языковой ситуации у этих народов, связанной и с незавершенностью сложения общих языков у ряда этносов, большим числом диалектов и говоров, и со слабой степенью владения национальным языком у отдельных народов и с разной степенью владения русским языком. Недостаточно остро ставится в книге вопросы о необходимости расширения информации об истории и культуре народов Севера, о воспитании уважения к достижениям других народов, о развитии культурного общения и других видов контактов представителей разных национальностей. Ничего не говорится о степени этноцентризма в национальном самосознании изучаемых народов, о проявлениях или отсутствии националистических явлений.

Рассмотренная нами книга, безусловно, вносит большой вклад в освещение многих вопросов этнического развития народов нашей страны в советский период. Она сразу стала заметным явлением в этнографии и исторической науке в целом и, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этнографических и этносоциологических исследований современных этнических процессов у северных народностей.

Н. А. Томилов

Примечания

¹ Этногенез народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1980. 278 с.; Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982. 270 с.

² Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Новая жизнь народов Севера / Отв. ред. Васильев В. И., Гурвич И. С., Симченко Ю. Б. М., 1967; Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С., Долгих Б. О. М., 1970; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1971; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1985, и др.

³ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 116; Общественный строй народов Северной Сибири. М., 1970. С. 433.

К. В. Чистов. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. 335 с.

Причтания И. А. Федосовой, творческая личность народной поэтессы вызывали многочисленные отклики деятелей русской культуры при жизни исполнительницы в специальных статьях и рецензиях и в последующий период в научных исследованиях, из которых важнейшими были монография К. В. Чистова¹ и другие его работы, перечисленные в рецензируемой книге в библиографии «Публикации К. В. Чистова об И. А. Федосовой» (с. 333—334).

Новая монография подводит итоги, дополняет и углубляет многие важные вопросы, связанные с творчеством знаменитой исполнительницы. В ней использованы новые материалы, учтены выводы исследователей жанра при чтаний последних десятилетий. Книга представляет двоякий интерес. Она концентрирует внимание на одной из теоретических проблем фольклористики, связанной с природой изучаемого материала, соотношении коллективного и индивидуального, традиционного и импровизационного начала в фольклоре, в данном случае в жанре при чтаний Федосовой.

Важность этой проблемы подводит итоги, дополняет и углубляет многие важные вопросы, связанные с творчеством знаменитой исполнительницы. В ней использованы новые материалы, учтены выводы исследователей жанра при чтаний последних десятилетий. Книга представляет двоякий интерес. Она концентрирует внимание на одной из теоретических проблем фольклористики, связанной с природой изучаемого материала, соотношении коллективного и индивидуального, традиционного и импровизационного начала в фольклоре, в данном случае в жанре при чтаний Федосовой.

Центральной в новой книге К. В. Чистова является проблема фольклорно-этнографическая: отражение в при чтаниях И. А. Федосовой условий жизни пореформенной Заонежской деревни и социальная психология крестьянства этого периода. Восстановив по всем возможным источникам биографию Федосовой и историю публикации текстов ее плачей, автор привлек обширные сведения по истории Олонецкой губернии, в частности Заонежья, в 1860-е годы. Сопоставление их с при чтаниями И. А. Федосовой (главным образом похоронными и рекрутскими) позволило установить их реальную, иногда даже биографическую основу (произвол мировых посредников, беспристрастие и протест крестьян, жестокость рекрутчины, размышления о причинах народного горя). Все это рассматривается как выражение типических явлений и настроений крестьян пореформенной эпохи. При этом автор подчеркивает, что в при чтаниях отразилась преимущественно первая стадия процесса развития пореформенной деревни. Тем самым вносятся необходимые уточнения в недифференцированную характеристику народного творчества второй половины XIX в. как фольклора

ра капиталистической эпохи, встречающуюся в отдельных работах и в учебных пособиях (с. 123—126).

Анализ плачей Федосовой показывает, как отразились в них формы патриархальной крестьянской «большой» семьи и постепенное ее разложение, усилившееся в 1880-е и последующие годы (с. 198—208). Высокое напряжение социального протesta в сочетании с неразвитостью крестьянского сознания порождало иллюзии. Возникали легендарные мотивы и образы, нередко носившие эпетроспективный характер (в плачах Федосовой это изображение идеальной справедливой жизни древнего Новгорода, далекой родины заонежских крестьян). В рецензируемой книге они рассматриваются в связи с многочисленными народными социально-утопическими легендами о «золотом веке», о чудесной стране Беловодье — «о далеких землях», об «избавителях», ранее исследованными К. В. Чистовым в специальной монографии². Таким образом, мотивы притчаний Федосовой органически связываются с обширным кругом произведений фольклора XIX и предшествующих веков. В книге подчеркнуто общенациональное значение народной поэзии.

В заключительной главе монографии собран большой фактический материал, показывающий, какую роль сыграли притчания знаменитой вопленицы и ее публичные выступления в развитии русской культуры второй половины XIX — начала XX столетия. Впервые материал этот представлен в системе и охарактеризован по периодам. Анализируются отзывы на I том «Притчаний Северного края», появившиеся в 1870-е годы в литературных и общественно-политических журналах, а также в специальных филологических изданиях (отзывы Н. К. Михайловского, Н. Покровского и др., рецензии Л. Н. Майкова, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева — см. библиографию на с. 231). Освещается роль притчаний в художественной литературе: в романе П. И. Мельникова (Андр. Печерского) «В лесах», в поэзии Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», влияние их на творчество М. Достоевского. В 1880-е годы появились отзывы на II и III тома «Притчаний Северного края», или опубликованы записи от Федосовой Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша, а затем записи О. Х. Агненевой-Славянской. Третий период (1894—1896 гг.) соответствовал новому этапу в жизни самой народной поэтессы — времени ее многочисленных публичных выступлений в общественных местах и частных домах, когда «ее личность, не только как исполнителя, но и как импровизатора, выходит на первый план». Именно к этому времени относятся музыкальные записи от знаменитой вопленицы Ю. И. Блока, Н. А. Римского-Корсакова), многочисленные отзывы о ее выступлениях: В. Ф. Милера, А. Е. Грузинского и знаменитый очерк «Вопленица» А. М. Горького. Как известно, в 1918 г. о II томе «Притчаний Северного края» познакомился В. И. Ленин. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, он высоко оценил их как «подлинно народное творчество, такое важное и нужное для здания народной психологии в наши дни»³.

Говоря о значении творчества И. А. Федосовой, отразившего сложный внутренний мир русского крестьянства середины XIX в., автор книги отметил значение ее притчаний для понимания более глубоких пластов национальной культуры народа, его языка. Он назвал несколько важных аспектов, в том числе исследование поэтики притчаний. К числу важных задач дальнейшего изучения относится исследование связи притчаний Федосовой с фольклорной традицией Олонецкой бернии, в которую кроме Заонежья входили соседние с ним Пудожье, Понежье, Присвирье, аргополье. Необходимо включить в орбиту исследования свадебные притчания Федосовой, долгое время находившиеся за пределами изучения как вид наиболее традиционный, определяемый устойчивым обрядовым началом. Не отрица этого, нельзя забывать, что весь комплекс свадебных притчаний отражал динамику и наивысшую степень напряжения чувств невесты в кульминационный момент отчуждения ее от своей семьи и перехода в новую. Он был близок каждой вопленице, выразившей психологическое состояние горюющей в наиболее адекватной и эстетической форме.

Как показывает довольно обширный еще в настоящее время круг олонецких свадебных притчаний, они отличались довольно устойчивой системой художественных образов, воспроизведивших альную обстановку или противоположные ей вымышленные идеальные сцены прощания с девичеством (волей), красования и т. п. Сравнение их с плачами Федосовой позволяет установить родство между ними, с одной стороны, и некоторую художественную самобытность плачей Федосовой — другой.

Заслуживает изучения художественное своеобразие и взаимодействие разных видов плачей И. А. Федосовой (например, образы природы в реальном и символическом плане в свадебных и бытовых притчаниях).

Следует обратить внимание на влияние приемов изображения психологического состояния на следующую местную традицию (см., например, плач А. Ф. Касьяновой «По сыну, замерзшему на лоте»⁴ и др.). Такое изучение значительно расширило бы представление о соотношении традиционного и импровизированного начала в творчестве Федосовой, ее современниц и последовательниц и, может быть, позволило бы проследить процесс формирования отдельных текстов притчаний разного вида.

И. М. Колесницкая

Примечания

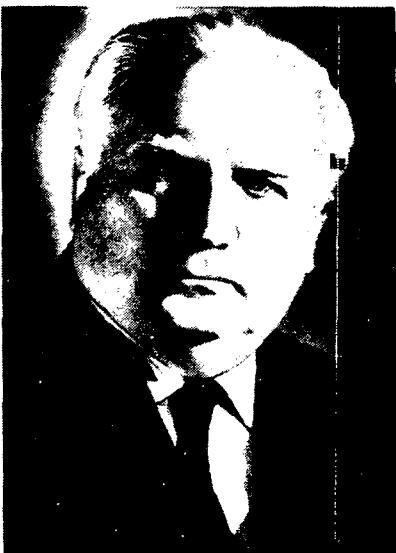
¹ Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 55.

² Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв. М., 1967.

³ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве // Сов. этнография. 1954.

4. С. 118.

⁴ Русская народно-бытовая лирика. Притчания Севера // В записях Базанова В. Г. и Разумо-й А. П. Вступ. статья и комм. Базанова В. Г. М.; Л., 1962. С. 262—264.

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ГАРДАНОВ

31 марта 1989 г. скончался доктор исторических наук, профессор Валентин Константинович Гарданов. Это огромная потеря для отечественной этнографии, советского кавказоведения. Боли от сознания невосполнимой утраты почувствовали коллеги Валентина Константиновича, его сослуживцы, многочисленные ученики.

По сегодняшним представлениям, Валентин Константинович прожил долгую жизнь. Она вместила многое. Как и все люди старшего поколения, В. К. Гарданов был свидетелем великой и трагической эпохи истории нашей родины. Он принадлежал к когорте первых советских историков исследователей и был непосредственным участником важнейших событий, связанных с периодом становления нового этапа развития историко-этнографической науки; близко общался с замечательными людьми, имена которых во многом стали уже легендой. Поэтому уход Валентина Константиновича сопряжен в нашем сознании и с горькой символикой: оборвалась еще одна живая связь — едва ли не последняя — с нашим прошлым, с его ставшими уже теперь действительно далеким страницами.

В. К. Гарданов родился 25 мая 1908 г. в с. Христиановском Терской обл. (ныне г. Дигора Северо-Осетинской АССР). При крещении он был наречен Валентином, но по обычаям одновременно получил другое, осетинское имя — Батраз, которым его звали родные и близкие и которым он будущем часто подписывал свои работы. Семья Гардановых принадлежала к прогрессивному слою осетинской интеллигенции, в котором европейская образованность сочеталась с близостью к народу, к национальным корням культуры. Отец В. К. Гарданова — Константин (Амурхан) Царневи был известным врачом, дядя Михаил — видным просветителем, этнографом, общественным деятелем. В этой атмосфере сформировались гуманитарные наклонности молодого человека, и в 1925 г. после окончания средней школы во Владикавказе (ныне Орджоникидзе), В. К. Гарданов поступает на общественно-экономическое отделение педагогического факультета 2-го МГУ.

Несмотря на свойственные молодому возрасту увлечения, В. К. Гарданов был одним из лучших студентов, поэтому неудивительно, что после окончания вуза (по специальности — история) он был выдвинут академическими и общественными организациями университета на научно-преподавательскую работу. В 1929 г. в Воронеже в местном университете В. К. Гарданов начал вести курс истории СССР. Нехватка квалифицированных кадров, а также неуемная жажда деятельности дали возможность молодому специалисту одновременно возглавить исторический отдел областного краеведческого музея, областной исторический архив, а на общественных началах — работать в комиссии по истории гражданской войны при Испарте обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области. Здесь же, в Воронеже, В. К. Гардановым были написаны и опубликованы первые работы по истории СССР, архивоведению и краеведению.

Через год В. К. Гарданов возвращается в Москву в связи с поступлением в аспирантуру НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР по специальности история народов Кавказа (его руководителями были сначала Н. Я. Марр, а затем А. Г. Иоаннисян). С этого времени Валентин Константинович прочно связал свои научные интересы с кавказоведением, оставив в этой области значительное и весьма ценное творческое наследие.

В 1930-е годы В. К. Гарданов много и интересно работает. Он является сотрудником НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР, где был оставлен после прохождения курса аспирантской подготовки, в разное время заведовал отделом Кавказа Центрального музея народов СССР, работал в Московском отделении ГАИМК. Продолжалась и его преподавательская работа в вузах Москвы (МГУ, ИФЛИ) и ряда других городов, куда его приглашали для чтения лекций,— Иваново, Ярославль, Ашхабад, Нальчик, Киев, Харьков.

В послевоенные годы В. К. Гарданов много сил отдает музееведческой работе. Являясь в 1946—57 гг. сотрудником НИИ музееведения, он активно разрабатывает проблематику, связанную с методическими основами собирательской деятельности музеев, спецификой экспозиции историко-художественных материалов, историей советского музейного строительства.

Уже в эти годы В. К. Гарданов активно сотрудничал с Институтом этнографии: он неоднократно выступал на научных собраниях с докладами и с сообщениями, возглавлял Дагестанскую экспедицию института, изучавшую влияние социалистических преобразований на быт местного населения. 1957 г. В. К. Гарданов перешел на работу в Институт этнографии АН СССР и в 1961 г. стал заведующим сектором народов Кавказа. Отныне он получил возможность сосредоточиться исключительно на изучении истории, культуры и быта народов региона и продолжить свои кавказоведческие исследования, которые были начаты им еще в 1930-е годы.

Тогда первой научной темой этого круга была анализ взглядов классиков марксизма на борьбу народов Кавказа против царизма за независимость в XIX в. С этим докладом, который выступил, к сожалению, неопубликованным, В. К. Гарданов выступил на заседании Ученого совета НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР. Примечательно, что в последние годы жизни у Валентина Константиновича вновь пробудился интерес к событиям Кавказской войны. И неоднократно делился планами о задуманной им работе, посвященной Шамилю, и можно только жалеть, что этим планам не суждено было осуществиться. В далекие же 30-е годы исследование проблемы было прервано, вероятно, потому, что В. К. Гарданов был привлечен к ответственной работе над известным учебником — Краткий курс истории СССР (под редакцией А. В. Шестакова, Москва, 1937—1950), где он был автором разделов, посвященных народам Кавказа.

В дальнейшем кавказоведческие интересы В. К. Гарданова концентрировались вокруг исследования социально-экономической истории региона, общественного строя и быта местных народов, юридического права. В. К. Гарданов внес огромный вклад в изучение горского феодализма — проблемы, ставленной в свое время М. М. Ковалевским, но не нашедшей в последующем удовлетворительного объяснения. Анализ значительного фактологического материала, оригинальные теоретические концепции, высказанные Валентином Константиновичем в таких работах, как «Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале X в.» (Сов. этнография. 1960. № 5) и особенно в фундаментальной монографии «Общественный рой адыгских народов» (XVIII — первая половина XIX в.) (М., 1967), позволили значительно продвинуть наши представления о генезисе и особенностях феодальных отношений у горцев Северного Кавказа. Избрав для анализа адыгский историко-этнографический материал, В. К. Гарданов показал, что экономической основой развития феодальных отношений было оптимальное сочетание земледелия и скотоводства, опровергнув тем самым весьма распространенный до этого взгляд на скотоводство как на второстепенную сферу традиционного хозяйства. После исследований В. К. Гарданова можно считать доказанным существование у горцев феодальной собственности на землю. Его работах дан блестящий анализ социальных функций таких важнейших институтов горского общественного быта, как гостеприимство, куначество и патронат в системе развивавшихся феодальных отношений.

Анализируя патриархально-родовые структуры в горском общественном быту, В. К. Гарданов внес немалый вклад в общеэтнографическую проблематику, в частности в осмысление некоторых просов становления социальной организации человека. В этом ряду могут быть названы такие его работы, как «Адыгские «братства» в XVIII — первой половине XIX в.» (Сов. этнография. 1964. № 2), «Бережитки дуальной организации у адыгов (черкесов) в первой половине XIX в.» (Сов. этнография. 1964. № 3). Много внимания В. К. Гарданов уделял изучению обычая аталачества. Сравни-

тельный анализ его бытования у разных народов мира привел его к выводу о генезисе самого обычая из первобытной общности детей, что вполне убедительно объясняет позднейшую традицию воспитания ребенка вне родительской семьи. Для характеристики широты исследовательского диапазона В. К. Гарданова немаловажен тот факт, что впервые проблема атальчества была им рассмотрена на древнерусском материале в широко известной среди специалистов серии статей («Кормильство» в Древней Руси — Сов. этнография. 1959. № 6; «Дядьки» Древней Руси — Исторические записки. Т. 71. М., 1961, «О «кормилице» и «кормиличице» краткой редакции Русской правды» — Краткие сообщения Ин-та этнографии. Вып. 35. М., 1960).

Исследования В. К. Гарданова всегда опирались на серьезную источниковую базу, в частности на тщательное изучение архивных материалов. Любовь к архивным изысканиям зародилась в нем еще в молодые годы, когда начинающий исследователь практически ежедневно просиживал в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном Государственном военно-историческом архиве и других архивохранилищах по много часов, погружаясь в удивительный мир старинных документов. Вспоминая это время, Валентин Константинович шутливо говорил, что он как бы покидал действительность и попадал в прошлое, ощущая себя современником людей прошлых веков, чувствуя живую сопричастность к их судьбам, тревогам, обидам и радостям, навсегда оказавшимся запечатленными на пожелтевших страницах архивных дел. Но главное, что за казалось бы частными, малозначительными событиями ушедшей жизни опытный исследователь сумел увидеть реальную картину экономических и социальных взаимоотношений в традиционных обществах Северного Кавказа. В. К. Гарданов придавал большое значение публикации архивных документов Им были, в частности, изданы «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.» (Нальчик, 1956), где собраны, снабжены введением и научными комментариями ценнейшие документы, дающие всестороннюю характеристику адыгского общества того периода.

Иную сферу источниковедческих интересов В. К. Гарданова представляет сборник «Адыги балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.» (Нальчик, 1974), в котором он выступил как составитель, редактор переводов, автор введения и комментариев. На протяжении всей своей творческой деятельности В. К. Гарданов испытывал огромный интерес к личности известных адыгских просветителей — Шоре Ногмову и Хан-Гирею. В разное время их сочинения — «История адыгейского народа» (Нальчик, 1958) и «Записки о Черкесии» (Нальчик, 1978) были изданы под редакцией В. К. Гарданова; он же предпослал изданиям жизнеописания авторов и обширные критические обзоры самих сочинений (о Хан-Гирее и его «Записках...» — в соавторстве Г. Х. Мамбетовым).

Возглавляя в течение длительного времени сектор Кавказа Института этнографии АН СССР В. К. Гарданов выступил организатором и руководителем ряда важнейших исследовательских проектов кавказоведения. Так, он принимал самое активное участие в формировании авторского коллектива и работе над двухтомником «Народы Кавказа», вышедшем в серии «Народы мира», осуществляя общее руководство работой над историко-этнографическими атласами региона, координировал крупномасштабные этносоциологические исследования по проблеме соотношения традиционного и нового в современном быту северокавказских народов, осуществлявшиеся в 1970-х годах совместно с этнографами Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Аджарии. В последние годы В. К. Гарданов много сил отдавал многотомному изданию «История народов Северного Кавказа» (т. М., 1986; т. II. М., 1988), как один из авторов и член редколлегии.

Огромен вклад В. К. Гарданова в подготовку этнографических кадров. Можно без преувеличения сказать, что большинство этнографов, работающих ныне в научных центрах Северного Кавказа, — ученики Валентина Константиновича; немало его учеников работает также в Закавказье Москве и Ленинграде. Валентин Константинович никогда не окружал своих аспирантов мелочно-каждодневной опекой, не сковывал их самостоятельности, не навязывал собственного видения проблем. Он любил, когда начинающий исследователь мог обоснованно отстаивать свою точку зрения, но не прощал своим ученикам поверхностности, небрежности, лени, конъюнктурных или иных отступлений от исторической правды. Общение молодых людей с Валентином Константиновичем всегда перерастало в глубокую личную привязанность и дружбу. И бывшие аспиранты Валентина Константиновича, сами уже кандидаты и доктора наук, каждый приезд в Москву стремились к своему учителю, чтобы рассказать о работе, поделиться планами, выслушать совет, оценку, а порой и суровый приговор.

Трудно смириться с мыслью, что В. К. Гарданова больше нет, что мы не увидим его, неслышим по коридору нашего института, не услышим знакомый голос. Для всех, кто знал Валенти-

Константиновича, жизнь стала беднее. Поэтому сейчас с особым чувством вспоминаются минуты бремени с ним, его интересные, неординарные выступления на заседаниях ученых и специализированных советов, методологических семинарах,— Валентин Константинович был одним из немногих, кто мог соединять глубину высказываемых мыслей с блестящей формой публичного выступления. Он был великолепным рассказчиком. Его память в неприкосновенности сохраняла многие подробности иного жизненного пути, мельчайшие детали событий, свидетелем которых довелось быть, остроту печатлений от встреч со многими замечательными людьми.

В последнее время, видимо, предчувствуя приближение последней черты, он особенно часто обращался воспоминаниями к прошедшим дням, ушедшим людям. Горько и обидно, что в вечной пешке и суете не нашлось времени, чтобы записать, запечатлеть, оставить для себя и для потомков эти бесценные сведения. Теперь ушел и Валентин Константинович. Его имя навсегда останется историей нашей науки.

Г. А. Сергеева, Ю. Д. Анчабадзе

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1989 ГОДУ

Навстречу Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений № в СССР	Стр.
Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов	
Бромлей Ю. В. О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции	1 4
Обзор выступлений	1 18
Совместное заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (Сухуми)	
Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР	1 26
Дробижева Л. М. О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях	1 41
Обзор выступлений	1 47
Учредительное заседание секции «Социология национально-политических отношений» Советской социологической ассоциации	
Крупник И. И. Многонациональное общество (Состояние национальных отношений в СССР и задачи науки)	1 51
Обзор выступлений	1 57
Заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов	2 3
Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения	2 24
Ребане К. Я. Изменения национальной структуры, межнациональные отношения и языковая ситуация в Эстонской ССР	2 4
Обзор выступлений	2 18
Дискуссии и обсуждения	
Козлов В. И. Национальный вопрос и пути его решения	1 59
Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР	1 73
Редакционный комментарий к рубрике «Навстречу Пленуму по совершенствованию межнациональных отношений в СССР»	1 89
Национальные процессы сегодня	
Бромлей Ю. В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики	6 3
Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Крюков М. В., Руденский Н. Е. Отклики на статью Тишкова В. А. «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР»	4 49
Вормсбехер Г. Г. Как мы представляем себе восстановление Немецкой АССР	6 29
Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Несколько замечаний по поводу отклика Давыдова А. С. на статью Чешко С. В.	5 35
Давыдов А. С. Не обосновано, зато публицистично	5 15
Козлов В. И. — См.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Крюков М. В., Руденский Н. Е.	4 49

Крупник И. И., Мастюгина Т. М., Носенко Е. Э. Заседание секции социологии национально-политических отношений по проблеме будущего национального устройства Крыма	3	18
Крюков М. В. — См.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Крюков М. В., Руденский Н. Е.	4	49
Крюков М. В. Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории наций)	4	5
Кузнецов А. И., Марков Г. Е., Чешко С. В. Отклики на статью Тишкова В. А. «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР»	3	12
Кузнецов А. И. О соотношении понятий «общество» и «этническая общность»	4	19
Марков Г. Е. — См.: Кузнецов А. И., Марков Г. Е., Чешко С. В.	3	12
Мастюгина Т. М.— См.: Крупник И. И., Мастюгина Т. М., Носенко Е. Э.	3	18
Моногарова Л. Ф. Памирцы — народности или субэтносы таджиков (ответ А. С. Давыдову)	5	28
Носенко Е. Э.— См.: Крупник И. И., Мастюгина Т. М., Носенко Е. Э. 3	3	18
О ситуаций в сфере межнациональных отношений (Заявление ученых-этнографов, принятые на заседании Ученого совета Ин-та этнографии АН СССР 4 мая 1989 г.)	3	172
Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)	4	32
Руденский Н. Е.— См.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Крюков М. В. 4	4	49
Стеблин-Каменский И. М. См.: Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М.	5	81
Таксами Ч. М. Гуманитарные проблемы Севера	6	17
Тишков В. А. О новых подходах к теории и практике межнациональных отношений	5	3
Чешко С. В. См.: Кузнецов А. И., Марков Г. Е., Чешко С. В.	3	12
Чешко С. В. Не публицистично, но и не научно (ответ оппоненту)	5	23
Чистов К. В. Национальные проблемы в Ленинграде и Ленинградской области	3	3
Шкаратан О. И.— См.: Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И.	4	32

Статьи

Арещян Г. Е. К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом)	2	45
✓ Артюх Л. Ф., Космина Т. В. Этнические символы в материальной культуре украинцев	6	46
Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Новый комплекс антропологических признаков в пластической реконструкции	3	48
Бернштам Т. А. Русская народная культура и народная религия	1	100
Бочаров В. В. Этнография и изучение политических традиций общества	3	29
Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Доисламский религиозный синcretism у вайнахов	3	39
Веселовская Е. В.— См.: Балуева Т. С., Веселовская Е. В.	3	48
Дубова Н. Н., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане	5	39
Коротаев А. В., Оболонков А. А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ	2	36
Космина Т. В.— См.: Артюх Л. Ф., Космина Т. В.	6	46
Лебедева Н. М.— См.: Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П.	5	39
Люшкевич Ф. Д. Традиция межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии (к проблеме бытования <i>кальма</i> и других патриархальных обычаяв) . .	4	58
Митюшин А. А. Принципы этнической психологии в трактовке Г. Г. Шпета	6	67
Нерсесов Я. Н. Древнее земледелие Юго-Запада США	4	69
Нитобург Э. Л. «Черно-белые» смешанные браки в США	1	100

Оболонков А. А.—См.: Коротаев А. В., Оболонков А. А.	2	36
Оборотова Е. А.—См.: Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П.	5	39
Орфинский В. П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселения Русского Севера)	1	55
Островский А. Б. Семантика медвежьих онгонов	6	54
Павленко А. П.—См.: Дубова Н. А., Лебедева Н. М., Оборотова Е. А., Павленко А. П.	5	39
Попов В. А. Ашантицы в этнографии и этнография, ашантицев: фатальная несовместимость?	5	64
Соколова З. П. Актуальные проблемы сибиреведения	6	36
Спеваковский А. Б. Древнее погребение на о. Шикотан и проблемы этногенеза айнов	5	50
Из истории науки		
Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К столетию кафедры этнографии в Казанском университете	4	78
Кузьмина Л. П. Из истории русско-американского сотрудничества (Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция)	6	90
Пика А. И. Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на п-ов Ямал (1901—1929 гг.)	6	100
Рахимов Р. Р., И. И. Зарубин (1887—1964)	1	111
Чистов К. В. М. К. Азадовский и проблема исполнителя в русской фольклористике XIX—XX вв.	2	71
Чистов К. В. Научное наследие В. К. Соколовой	5	78
Дискуссии и обсуждения		
Дубова Н. А. Антропологические аспекты урбанизации	6	76
Обсуждение статьи В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа: проблемы перестройки» (Л. П. Лашук — Москва; В. И. Наулико — Киев)	3	60
От редакции	3	60
Этнография в музеях		
Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе	2	82
Сообщения		
Алексеев В. П., Мкртчян Р. А. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-араксской культуры	1	127
Бабенко В. Я. Пища украинского населения Башкирии	2	94
Булатов А. Исторические корни некоторых этнографических сюжетов в Дагестане	4	108
Воронина Р. Ф. Женские головные уборы окских финнов V—VII вв. (по материалам Никитинского могильника)	4	102
Горбунов Б. В. Народные виды спортивной борьбы как элемент традиционной культуры русских (XIX — начало XX в.)	4	90
Иванов В. П., Трофимов А. А. Народное искусство чувашей: современное состояние и проблемы	3	81
Иванова Т. Г. Новые материалы к биографии М. Д. Кривополеновой (к 65-летию со дня смерти сказительницы)	4	84
Куприянов А. И. Календарные праздники в быту русского городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в.	3	70
Лобачева Н. П. Сверстники и семья (К вопросу о древней половозрастной градации общества у народов Средней Азии и Казахстана)	5	83
Мейшвили Н. В.—См.: Чалин В. Г., Мейшвили Н. В.	2	115

Мкртчян Р. А. — См.: Алексеев В. П., Мкртчян Р. А.	1	127
Рогалев А. Ф. Этноним <i>гуды</i> на этнографической карте: поиски исторической мотивации	6	118
Рубцова М. А. Новые данные о Щеголенке	5	113
Рябчиков С. В. Новые данные по старорапануйскому языку	6	122
Садокова А. Р. Жанры японской народной календарно-обрядовой поэзии	3	109
Сажин В. В. Математические методы в советской этнической географии	2	122
Синицын А. Ю. Культ предков и этнические стереотипы поведения бирманцев	3	102
Соколовский С. В. Пространственные детерминанты брачной структуры у алтайских меннонитов	5	95
Гарланов З. К. Лексико-топонимические данные к этногенезу восточноалезгинских народов	4	113
Гопчишили Р. А. Посемейные списки Тифлисской губернии 1886 г. как этнографический источник	6	109
Грофимов А. А. — См.: Иванов В. П. Трофимов А. А.	3	81
Чалян В. Г., Мейшвили Н. В. Демографические характеристики стада приматов как модель аналогичных образований у ранних гоминид	2	115
Шталь И. В. К исторической палеоэтнографии Северо-Кавказского региона: данные нарративных источников и изобразительного искусства	3	90
Чалыев Ч. Аттычная организация у мургабских туркмен в XIX — первой четверти XX в.	5	108
Поиски, факты, гипотезы		
Студенецкая Е. Н. Расследование 120 лет спустя	2	123
Чеснов Я. В. Размышления о народной судьбе абхазов	2	135
Ченнис М. На острове Били-Били (по следам Миклухо-Маклая)	5	117
Наши юбиляры		
Список основных работ доктора исторических наук А. Г. Вийреса (к 70-летию со дня рождения)	2	141
Список основных работ доктора исторических наук Н. В. Кочешкова (к 60-летию со дня рождения)	2	144
Список основных научных трудов доктора филологических наук Е. М. Мелетинского (к 70-летию со дня рождения)	1	144
Список основных работ доктора исторических наук Э. Л. Нитобурга (к 40-летию научной деятельности)	4	124
Список основных трудов по фольклористике д. и. н. М. М. Плисецкого (к 80-летию со дня рождения)	5	123
Список основных трудов по фольклористике и этнографии д. филолог. н. Б. Н. Путилова. Конец 1978—1989 гг. (к 70-летию со дня рождения)	6	129
Список основных трудов д. и. н. Ю. И. Семенова (к 60-летию со дня рождения)	5	125
Список основных трудов по фольклористике и этнографии чл.-корр. АН СССР К. В. Чистова. 1979—1989 гг. (к 70-летию со дня рождения)	6	126
Кроника		
Гер-Саркисянц А. Е. Работа Института этнографии АН СССР в 1988 г.	3	119
Научная жизнь		
Андринов Б. В., Наумова О. Б., Хить Г. Л., Яблонский Л. Т. Всесоюзная научная конференция «Проблема этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана»	4	131
Линчабадзе Ю. Д., Соловьева Л. Т. Всесоюзная научная сессия по итогам антропологических и этнографических исследований 1986—1987 гг.	3	139
Тринин А. Н. — См.: Бабенко В. Я., Ямалов М. Б., Аринин А. Н.	5	144

Артемова О. Ю. Международный коллоквиум «Советская антропология и традиционные общества» в Париже	6	133
Бабенко В. Я., Ямалов М. Б., Аринин А. Н. Научная дискуссия по этнонациональным процессам в Волго-Уральском регионе	5	144
Боронеев А. О., Скворцов Н. Г., Узунова В. Г. Научно-практическая конференция «Межнациональные отношения в условиях перестройки»	5	130
Бочаров В. В. Некоторые итоги работы научно-теоретического семинара «Этнические аспекты власти в современном мире»	3	145
Брицына А. Ю. Совещание собирателей фольклора Украины	4	130
Бутинова М. С. XIX научная конференция по изучению Австралии и Океании	6	141
Велецкая Н. Н., Дмитриева С. И., Мартынова М. Ю. Международные симпозиумы по Балканскому фольклору	5	140
Воробьева Н. С. Выставка Государственного музея этнографии народов СССР на Кубе	6	144
Гожаева В. П., Тимофеева Е. Я. Выставка «Новые этнографические поступления»	4	145
Давыдов А. Н. Международная конференция в Греции «Музей и развитие»	6	148
Джарылгасинова Р. Ш. Международная конференция ученых, изучающих Корею	4	125
Дмитриева С. И. — См.: Велецкая Н. Н., Дмитриева С. И., Мартынова М. Ю.	5	140
Киселева И. Г. Симпозиум «Этнографическая наука и этнокультурные процессы: формы и методы взаимодействия»	4	141
Крупник И. И. Годичная сессия секции социологии национально-политических отношений Советской социологической ассоциации АН СССР «Национальная политика: современное состояние и новые подходы»	6	131
Малькова В. К. Всесоюзная научно-практическая конференция социологов «Пути совершенствования социалистического образа жизни в условиях перестройки и революционного обновления советского общества»	4	131
Мартынова М. Б. — См.: Велецкая Н. Н., Дмитриева С. И., Мартынова М. Б.	5	140
Наумова О. Б. — См.: Андрианов Б. В., Наумова О. Б., Хить Г. Л., Яблонский Л. Т.	4	131
Скворцов Н. Г. — См.: Боронеев А. О., Скворцов Н. Г., Узунова В. Г.	5	130
Соловьева Л. Т. — См.: Анчабадзе Ю. Д., Соловьева Л. Т.	3	139
Степанов В. В. Научно-практическая конференция в МГУ «Проблемы комплексного изучения межнациональных отношений в СССР»	5	135
Тимофеева Е. Я. — См.: Гожева В. П., Тимофеева Е. Я.	4	145
Тишков В. А., Шнирельман В. А. XII Международный конгресс антропологических и этнологических наук	3	127
Топорков А. Л. Симпозиум «Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора»	6	156
Узунова В. Г. — См.: Боронеев А. О., Скворцов Н. Г., Узунова В. Г.	5	130
Фишман О. М. Проблемная выставка «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона ХХ в.»	3	147
Хить Г. Л. — См.: Андрианов Б. В., Наумова О. Б., Хить Г. Л., Яблонский Л. Т.	4	131
Чешко С. В. В Межведомственном научном совете по изучению национальных процессов при Секции общественных наук Президиума АН СССР	5	139
Чистов К. В. К 100-летию со дня рождения М. К. Азадовского	4	148
Шнирельман В. А. — См.: Тишков В. А., Шнирельман В. А.	3	127
Яблонский Л. Т. Всесоюзная школа-семинар «Методология и методика изучения этнической истории»	1	149
Яблонский Л. Т. — См.: Андрианов Б. В., Наумова О. Б., Хить Г. Л., Яблонский Л. Т.	4	131

Ямалов М. Б. — См.: Бабенко В. Я., Ямалов М. Б., Аринин А. Н.	5	144
Коротко об экспедициях	2	137
Коротко об экспедициях	3	151
Коротко об экспедициях	4	152
Коротко об экспедициях	5	147
Коротко об экспедициях	6	151

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Белик А. А. Этологические исследования в этнографии (Англия, ФРГ, США)	3	159
Фанц-Леутская О. Д. Обзор итальянского журнала «Этния»	5	149
Шлыгина Н. В. Финская этнография о крестьянском быте в эпоху капитализма	1	154

Общая этнография

Бутовская М. Л. <i>The Evolution of Human Behavior: Primate Models</i>	4	153
Воронина Т. А. <i>Food in Change. Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day</i>	3	166
Джарылгасинова Р. Ш. В. А. Никонов. Биография фамилий; Никонов В. А. Ищем имя	5	159
Козлов В. И. <i>НТР и Национальные процессы</i>	1	161
Рабинович М. Г. В. П. Даркевич. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв.	6	153
Семенов Ю. И. В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства	4	156
Гопорков А. А. Языки культуры и проблемы переводимости	6	156

Народы СССР

Громыко М. М. Л. Н. Чижикова. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX—XX в.)	4	162
Гузенкова Т. С., Коростелев А. Д., Пименов В. В. Этносоциальные проблемы города	2	152
Колесницкая И. М. К. В. Чистов. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк	6	160
Коростелев А. Д. — См.: Гузенкова Т. С., Коростелев А. Д., Пименов В. В.	2	152
Мгеладзе Н. В. — См.: Шамиладзе В. М., Мгеладзе Н. В.	4	168
Мельц М. Я. М. К. Азадовский Сибирские страницы	2	155
Пилипенко М. Ф. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры	1	164
Пименов В. В. — См.: Гузенкова Т. С., Коростелев А. Д., Пименов В. В.	2	152
Пушкирев Л. Н. Н. И. Миронец. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник	4	165
Пчелинцева Н. Д. Этнографические материалы в серии «Памятники материальной культуры Азербайджана»	2	160
Столярова Г. Р. А. А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР	4	160
Томилов Н. А. С. М. Червонная. Искусство Татарии	1	169
Федорова Е. Г. Источники по этнографии Западной Сибири	5	163
Фирсов Б. М. Т. А. Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — нач. XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры	3	169
Рабинович Н. Д. Д. А. Грачин. Ленинградский каталог	2	158
Томилов Н. А. Этническое развитие народностей Севера в советский период	6	158
Шамиладзе В. М., Мгеладзе Н. В. М. А. Меретуков. Семья и брак у адыгских народов (XIX—70-е годы XX в.)	4	168

Народы Америки

Гуляев В. И., Александренков Э. Г. Археология Кубы

2 161

Народы Зарубежной Европы

Арзаканян М. Ц. В. П. Смирнов. Франция: страна, люди, традиции

4 171

Бокариус С. Э. А. Е. Супрун. Полабский язык

5 165

Народы Океании

Артемова О. Ю. Мифы, предания и сказки Полинезии

2 163

Валентин Константинович Гарданов

6 162

Иосиф Ромуальдович Григулевич

1 171

Лев Евгеньевич Куббель

2 167

Евгения Николаевна Студенецкая

4 175

SUMMARIES

On Some Concepts and Terms Relevant to National Problems

Now that public interest is concentrated upon urgent problems of ethnic relations in the USSR, theoretical implications of these problems including relevant concepts and terms seem to be neglected. The terms «natsiya» and «narodnost» which have long been current in Russian-language studies are often rejected as going back to Stalin's heritage. However, as indicated by the author, the ethnic (rather ethno-social) aspect of the term «natsiya» (nation) appeared in most East European languages (as well as in German) long before Stalin provided his incomplete and lopsided descriptive definition of nation. The author attempts to suggest a definition of «nation» and «nationality» based upon internal communicative and significative links inherent to these communities. Discriminating between ethnic communities designated as «natsiya» and «narodnost» (the latter being essentially agrarian), the author stresses that differentiated system of ethnic terminology is important for studying actual ethnic relations in this country. Besides, the paper throws light at some episodes of developing theoretical foundations of Soviet federation providing examples of those foundations being distorted by Stalin. In conclusion the author puts forward some ideas on radical renovation of federative system in this country.

Yu. V. Bromley

Humanitarian Problems of Soviet North

Studying ethnic traditions among the peoples of the North is important both theoretically and practically. Correct evaluation of these traditions may contribute to preservation of valuable cultural elements opening possibilities for their practical use through combining the old and the new. Assimilating new cultural patterns should not result in loss of folk traditions, practical and ethical values, humanistic traits inherent to the indigenous population.

Modern development of the North is complicated by numerous problems frequently arising from rapid disintegration of ethnic traditions in economic activity, traditional approach to environment, life patterns, spiritual culture, folk arts, ethical norms, child training practices etc. It should be remembered that socialist culture of the Northern peoples can really evolve only if based upon time-honoured elements of their traditional culture. Any attempts to disregard this idea would bring no sound result. The culture of the Northern peoples should be treated with understanding of its unique characteristics. It should be preserved and developed with full regard of folk traditions.

Ch. M. Taxami

What is Our Idea of Restoring the German Autonomous Republic

Responding to enormous public interest in current national processes, the editorial board has decided to publish under this heading both scholarly papers and other materials including statements made by leaders of national movements, documents, evidence on ethnic conflicts etc. allowed if necessary by academic comments. The author of this text presented at a session of the Ethnic Politics Section of the Soviet Sociological Assigns among other Slavic peoples and following association (see I. I. Krupnik's review in this issue) is Co-Chairman of the «Rebirth» — All-Union Society of Soviet Germans.

G. Wormsbecher

Topical Problems of Siberian Studies

The author provides an exhaustive review of ethnographic literature on Siberia of the last three decades, considering major general works as well as contributions to studying ethnogenesis, ethnic history, economic patterns, material and spiritual culture, social relations, family, worldview and art of Siberian peoples in past and present. She points out that both central and local academic institutions abound with qualified students of Siberia. In order to coordinate future research she suggests a joint effort resulting in a book series «Siberian Peoples in the 19th century». It would contribute to summing up special studies already available as well as to developing problems still needing research (numeric strength, settlement patterns, ethnic groups of Siberian peoples of the 19th century, their subsistence types, calendar as cultural phenomenon and historical source, means of transportation etc.).

Z. P. Sokolova

The authors consider an important problem still needing research: ethnic stereotypes and ethnic symbolism in diverse patterns of everyday life — food, dwelling, clothings, rites etc. The paper throws light on territorial links in the system of semantic stereotypes providing comparative data on ethnic signs among other Slavic peoples and following the evolution of ethnic symbolism from utilitarian to significative functions.

L. F. Artiukh, T. V. Kosmina

Semantics of Ursine Ongons

Traditional medicinal amulets («ongons», to use D. K. Zelenin's term) popular among the peoples of Soviet Far East often portray bears. The unique role of bear image in mythology and rituals (including those of the region) leads the author to assume that ursine ongons have a single semantic source. Having studied ethnographic collections from Amur region and Sakhalin in the State Ethnographic Museum of Soviet Peoples, the author provides a classification of ursine ongons by purpose (illness to be prevented or cured) as well as by structural and plastic characteristics. The paper throws light upon ongon semantics and upon innermost religious concepts of bear's role in cosmology. Such mythological images as twin bears, master bear, which are common for many cultures, reveal that the entire system of ursine ongons is oriented to regulating the movement of souls between different worlds. Ethnic peculiarities in the folklore bear image account for variability in ongon plastics and magic pragmatics.

A. B. Ostrovsky

Fundamentals of Ethnic Psychology as Viewed by G. G. Shpet

G. G. Shpet (1879—1940), a prominent Russian philosopher, professor of Moscow University, Vice-President of the Russian Academy of Artistic Sciences, made a major contribution to the advance of psychology. It was on his initiative that in 1920 a Cabinet of Ethnic and Social Psychology was established in Moscow University. Later, in Stalin's time, that academic body was abolished. In 1935 Shpet was arrested and exiled to Eniseisk. Subsequently he was transferred to Tomsk where he worked at his translation of Hegel's „Phenomenology of Spirit“. In 1937 he was arrested in Tomsk and sent to a labour camp to disappear forever.

G. Shpet pioneered profound theoretical research providing basic principles of ethnic psychology. He emphasized objective meaning of ideas realized in history indicating that psychological aspect is revealed in the ideas being realized by empiric individuals. In his words, a nation's mentality manifests itself most visibly in its attitude to the nation's spiritual values. "The spiritual wealth of an individual is the past of the nation he associates himself with". So ethnic identity is determined by cultural-historical rather than biological criteria.

A. A. Mitiushin

Physical Anthropology and Urbanization

The paper provides a brief review of modern literature on human biology in urban environment putting forward the problem of studying physical anthropology of urban dwellers. There are some common changes in the Homo sapiens taking place in any urban environment. In some regions these changes have already been completed while in other areas they proceed nowadays or are forthcoming. City is both a socioeconomic and anthropological system. Human populations comprising this system are in close interaction resulting in rise and fixation of peculiarities in physical type inherent to urban dwellers. Urbanization having started several thousand years ago may be considered as the fifth stage of form-building within the Homo sapiens (in terms of V. P. Alexeev's (1985) conception). This stage is determined by the following facts: 1) blending of various genotypes which no longer occurs at population level but rather at individual level; 2) formation of new functional systems within human organism adapted to man-made urban environment. Anthropological study of urban population should be conducted comprehensively, with due regard for the city's demographic, socioeconomic and spatial structure and characterizing distribution of signs with both simple and complex hereditary basis related to diverse functional systems.

N. A. Dubova

The author considers a remarkable case of cooperation between Russian and American scholars — North Pacific expedition of 1900—1902 organized by the American Museum of Natural History and the Petersburg Academy of Sciences. The paper is based upon unpublished correspondence between Russian explorers V. G. Bogoraz and V. I. Yochelson, M. Jesup, President of American Museum of Natural History, and F. Boas, professor of anthropology in the Columbian University. The correspondence first presented in the paper indicates the major contribution made by Russian scholars to researching traditional cultures of the peoples of the North.

L. P. Kuzmina

**New Materials on the History
of First Soviet Ethnographic Expedition
to the Yamal Peninsula (1928—1929)**

The paper provides hitherto unknown documentary material throwing light upon the tragic death of N. A. Kotovshchikova who led an expedition to North Yamal organized by the Research Section of the North Committee. The author also uses informative field diaries and photo archives left by expedition to Yamal headed by V. P. Yevladov. Cited are two personal letters from I. A. Kotovshchikova to V. P. Yevladov written at the early period of the fieldwork and giving an idea of difficulties experienced when moving to the extreme North of Yamal. Some notes written by I. A. Kotovshchikova in the last days of her life (summer 1989) have been found in V. N. Chernetsov's archives (Tomsk State University).

A. I. Pika

CONTENTS

National Processes Today

Yu. V. Bromley (Moscow). On Some Concepts and Terms Relevant to National Problems.
Ch. M. Taxami (Leningrad). Humanitarian Problems of Soviet North. *G. Wormsbecher* (Moscow). What is Our Idea of Restoring the German Autonomous Republic.

Articles

Z. P. Sokolova (Moscow). Topical Problems of Siberian Studies. *L. F. Artiukh, T. V. Kosmina* (Kiev). Ethnic Symbols in Ukrainian Material Culture. *A. B. Ostrovsky* (Leningrad). Semantics of Ur-sine Ongons. *A. A. Mitiushin* (Moscow). Fundamentals of Ethnic Psychology as Viewed by G. G. Shpet.

Discussions

N. A. Dubova (Moscow). Physical Anthropology and Urbanization.

From the History of Ethnography

L. P. Kuzmina (Moscow). From the History of Russian-American Cooperation (Jesup North Pacific Expedition 1900—1902). *A. I. Pika* (Moscow). New Materials on the History of First Soviet Ethnographic Expedition to the Yamal Peninsula (1928—1929).

Communications

R. A. Topchishvili (Tbilisi). Family Lists of Tiflis Province of 1886 as Ethnographic Source. *A. F. Rogalev* (Gomel). «Gudis» Ethnonym on Geographic Map — Searching for Historical Motives. *S. V. Riabchikov* (Krasnodar). New Data on Old Rapanui Language.

Our Anniversaries

List of Major Works on Folklore and Ethnography by *K. V. Chistov*, Corresponding Member of the Academy of Sciences, 1979—1989 (to His 70th Birthday). List of Major Works on Folklore and Ethnography by *B. N. Putilov*, Doctor of Philological Sciences, Late 1978—1988 (to His 70th Birthday).

Academic Life

I. I. Krupnik (Moscow). Ethnic Politics: Current State and New Approaches (Annual Session of the Ethnic Politics Section of the Soviet Sociological Association). *O. Yu. Artemova* (Moscow). International Colloquy «Soviet Anthropology and Traditional Societies» in Paris. *M. S. Butinova* (Leningrad). 19th Scholarly Conference of Studying Australia and Oceania. *N. S. Vorobyeva* (Leningrad). Exhibition of State Ethnographic Museum of Soviet Peoples on Cuba. *A. N. Davydov* (Arkhangelsk). International Conference in Greece «Museum and Development».

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *M. G. Rabinovich* (Moscow). *V. P. Darkevich*. Medieval Folk Culture. *A. L. Toporkov* (Leningrad). Languages of Culture and Problems of Interpretability. Peoples of the USSR. *N. A. Tomilov* (Omsk). Ethnic Development of Northern Peoples in Soviet Period. *I. M. Kolesnitskaya* (Leningrad). *K. V. Chistov*. Irina Andreevna Fedosova. A Historical-Cultural Essay.

In Memoriam Valentin Konstantinovich Gardanov

Index for 1989

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 11.09.89 Подписано к печати 10.11.89 Формат бумаги 70×100^{1/16} Офсетная печать
Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 43,2 тыс. Уч.-изд. л. 19,4 Бум. л. 5,5 Тираж 2974 экз.

Зак. 3429 Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19; тел. 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru